

КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО
ЧЕРНОМОРСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИШТИНА-ЛЕПОСАВИЧ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ
УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ МЕГХАЛАЙЯ
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
«ШКОЛА МОЛОДОГО ПОЛИТОЛОГА»

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ДИАЛЕКТИКА ЦЕЛЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ»**

**Сборник научных трудов
XII Международного Харакского форума**

(Ялта-Симферополь, 8-10 ноября 2023 г.)

Под общей редакцией Т. А. Сенюшкиной

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2024

УДК 32 (31)

ББК 74.00

П 50

*Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Ответственный редактор:

Т.А. Сеньюшкина, доктор политических наук, профессор.

Научный редактор:

Е.А. Сеньюшкин, кандидат политических наук, доцент.

Рецензенты:

Драган Танчич, доктор политических наук, профессор;

Раджив Кумар, доктор политических наук, профессор;

Миодраг Гордич, доктор политических наук, профессор.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 **Политическое пространство и социальное время: диалектика целей и ценностей.** Сборник научных трудов XLII Международного Харакского форума 8-10 ноября 2023 г., г. Ялта-Симферополь / Под общ. ред. Т.А. Сеньюшкиной; [науч.ред.: Е. А. Сеньюшкин] – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2024. – 384 с.
ISBN 978-5-907819-29-0

В сборнике размещены материалы XLII Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: диалектика целей и ценностей», состоявшегося в г. Ялта и г. Симферополь 8-10 ноября 2023 г. Рассматриваются актуальные проблемы взаимосвязи целей и ценностей в современном политическом пространстве через призму особенностей социального времени.

УДК: 32 (31)

ББК: 74.00

ISBN 978-5-907819-29-0

© Сеньюшкина Т.А., 2024

© ИТ «АРИАЛ»,

макет, оформление, 2024

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ КЕЙС-СТАДИ: «DAILY MAIL»

Стефан Н. Анджелкович

*Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, Сербия,
исследователь-стажер*

E-mail: stefan.andjelkovic0123@gmail.com

***Аннотация.** В данной научной работе проанализированы статьи о мигрантах тиражной ежедневной газеты из Великобритании «Daily Mail» за 2015 год. Исследование, обсуждаемое в тексте, относится к области политической семиологии, то есть касается способа медиапрезентации социальных и политических тем. Проблема исследования, которой посвящена данная статья, касается отношения ежедневных газет Великобритании к прибытию большого количества мигрантов в эту страну после расширения так называемого «миграционного кризиса» и возросшего притока мигрантов и беженцев в Западную Европу. В тексте на примере упомянутой тиражной ежедневной газеты доказывается предположение о том, что проблема миграции, вызванная, прежде всего, конфликтами в Афганистане и Сирии, освещалась в средствах массовой информации Великобритании поверхностно, и поэтому не произошло отхода от привычных предрассудков о мигрантах из стран Восточной Европы и Ближнего Востока.*

***Ключевые слова:** миграционный кризис, общественное мнение, семиологические системы, кодирование и декодирование.*

THE MIGRANT CRISIS IN THE BRITISH MEDIA: CASE STUDY - DAILY MAIL

Stefan N. Andelković

*Institute for Serbian Culture Prishtina-Leposavic,
Junior Researcher*

E-mail: stefan.andjelkovic0123@gmail.com

***Abstract.** In this paper, the articles about migrants of the daily newspaper from Great Britain, the Daily Mail, from 2015 were analyzed. The research about which the text speaks has been situated in the field of political semiology, that is, the way of media presentation of social and political topics. The research problem to which this paper is devoted concerns the attitude of daily newspapers in Great Britain towards the arrival of a large*

number of migrants in this country, after the expansion of the so-called "refugee crisis", and the increased influx of migrants and refugees to Western Europe. In the text, using the example of the mentioned circulation weekly, the assumption is proven that the problem of migration, caused above all by the conflicts in Afghanistan and Syria, was treated in a superficial way in the media in Great Britain, and that therefore there was no departure from the usual prejudices about migrants from the East of Europe and the Middle East.

Key words: *migrant crisis, public opinion, semiological systems, encoding and decoding.*

The migrant crisis, which was intensified by the influx of refugees from Syria in 2014, turned out to be not only a far-reaching problem for the countries of Western Europe, but also a political aporia, the solution of which requires a review and redefinition of the modern neoliberal doctrine, which proclaims the free flow of capital, people, goods and services. National states, and above all members of the European Union, under the huge wave of a large number of migrants, in a certain sense abandoned the policy of deregulation, and implemented measures aimed at preserving national resources; the attitude towards migrants soon led to the abandonment of the concept of multiculturalism. Such a turn required the support of public opinion, whereby the media significantly contributed to the creation of an image of migrants as a danger - to public health, the economy, the employment rate of the national population of European countries, public order and peace.

The research carried out on the reports of the British weekly *Daily Mail* should answer the following question - whether the issue of migrants is problematized in the circulation magazines in the UK, or whether the texts in the printed edition and on the portal of this weekly only convey, in an articulated form, already accepted prejudices about migrants in Britain. The *Daily Mail* magazine was chosen for the answer to this research question, for several reasons: first, it is a magazine aimed at the broad middle class that is dominant in Great Britain; also, the *Daily Mail*, as a family magazine, prefers longer reports, in which social and political topics are elaborately covered with text and photographs. Finally, it is a highly circulated weekly, which is the most popular in Great Britain primarily because of its, at least apparent, party neutrality. The research will focus on the year 2015, as the year preceding the British Brexit, which was particularly marked by the great migrant crisis that shook Europe in those years. The selection of texts will be made according to key words: *migrants, refugees from the Middle East, illegal entry into Great Britain, migrant crisis in Europe*. Great Britain was a great colonial power in the past, so in a certain way, public opinion probably

already had a certain attitude towards "foreigners". Can this attitude be reconstructed by decoding texts in a family weekly? Which codes are visible in the texts and photos about the influx of migrants from the East to Great Britain and other Western European countries?

The problem of this research is situated, therefore, in the field of political semiology, that is, in the way of media presentation of social and political topics. In this sense, it goes back to Roland Barthes' well-founded analysis of the formation of secondary semiological systems of meaning. The analysis of specific media reporting on the "migrant crisis" in the research will be treated starting from theories about the relationship between the media and ideology. This research should contribute to (1) the literature that considers the relationship between media and ideology, i.e. the interaction of the media and public opinion, i.e. (2) to studies on the role of the media in forming the image of emigrants in general, which can be supplemented by a case study related to the migrant crisis from the second decade of the XXI century. (1) The history of media research is important for the approach in order to explain what effects the media produce throughout history, and what their influence is on shaping the behavior of the masses. The history of media research has been clearly marked by three distinct phases in the understanding of media effects [5, p. 118]. In each of them, the dominant theoretical position was formulated in accordance with the prevailing beliefs about the importance of communication in society and primarily concerned the political effects of the mass media. Moreover, the differences between the phases are manifested in the global theoretical view [5, p. 118]. However, although the theoretical and methodological differences were the most significant, they certainly cannot be isolated from the historical and political milieu [9, p. 23]. It is therefore relevant to understand that historical circumstances also influenced each of these three phases.

In the first phase, the most influential theories are about mass society and the behaviorist view of the world, as well as about the world war and the emergence of totalitarian regimes. In this phase, the issue of media influence is at the center of research interest, because it was relevant to understand how the media influence the creation of mass behavior, what type of messages best produce effects and how the values and traditional structures of society change under the influence of the media. At that time, media research was concerned with understanding the great influence of the media, which was difficult to prove empirically [9, p. 27]. Passive audiences and powerful media have strongly encouraged interest in manipulation research in accordance with the normative and visibly ideologized assumptions of the dominant theoretical framework.

In the second phase, the rise of social sciences, mainly social psychology, and the sophistication of research methods (statistics, causation methods, public opinion surveys) influenced communication research based on the Cold War experience and the belief that the media have an integrative role [5, p. 127]. Therefore, in this phase the theory of minimal effects was the primary theory implemented in the research of media. This theory is based on a pluralistic understanding of society and functionalism as its sociological elaboration, and on the linear understanding of communication. According to the above, the influence of the media was mediated by primary groups; selective mechanisms dominate. The theory is based on the argument that the direct effects of the media are limited and modest, because science only quantifies those that are directly measurable. In order to elaborate on them, it is difficult to prove easily measurable and visible effects, and therefore the influence of the media is minimal.

The third, most turbulent phase begins by challenging the absolute primacy of the dominant paradigm of the previous phase. The third, most turbulent phase of media research was characterized by openness to postmodern discourse and various ethno-methodological approaches, as well as a new critique of the post-war idealization of a stable, pluralistic, modern society [5, p. 44]. In this case, the interest in social conflicts and the ideological nature of media production returned to media studies and took the form of cultural theory. Critical studies have contributed to the change of basic theoretical positions. Communication is now seen as the creation of meaning rather than a simple message [5, p. 44]. As a result, hegemony emerged instead of social consensus and audiences became active subjects instead of mere recipients of media messages [9, p. 44].

(2) According to Gramsci's theory of hegemony, the central place for its realization is represented by power relations within society. In order to achieve hegemony, a class needs to overcome economic corporate or partial interests and build a program that combines the interests of other groups [4, p. 353]. In a very interesting book *Solidarity without Borders*, García Agustín and Martin Bak Jørgensen (2016) examine the links between civil society and migrants and explain how the above hegemonic order can be defeated. The book explains that the hegemonic order can only be defeated by an alliance of several social actors, among which, in addition to the unemployed, workers and undocumented individuals are also mentioned. Turkey was taken as an example, where internal migrants (Kurds and Alevis) were marginalized and stigmatized, who then allied with the middle class against the Turkish government. This shows that participation in the solidarity movement means overcoming specificity and thanks to this mutual solidarity of different actors,

common struggle as well as alliances that overcome mutual inequalities that can ultimately result in victory over the hegemonic order [8, p. 2].

This research should contribute to the literature regarding the relationship between the media and the formation of public opinion, that is, research on the influence of the media on the establishment of hegemony in civil society, through a case study. The research of texts in the *Daily Mail* is methodologically grounded in the semiology of Roland Barthes and Umberto Eco, in which the relationship between ideology and the construction (that is, the superstructure) of semiological systems is indicated. Barthes' significant contribution to semiology is found in the final foundation of the point of view that the semiological system does not reside exclusively in language, but is also present in visual representations, in images or photographs [3, p. 97]. Semiotics, the theory of signs, in the work of Roland Barthes includes not only primary linguistic forms, ie immediate meanings, but also the possibilities of their inversion, i.e. ideological semiological systems [6, p. 34].

A certain piece of news, as an already articulated plan of expression, for example information about a certain public protest, in which the demands of the protestants are clearly highlighted, is included in a wider system of meaning, when viewed contextually, whereby the system of meaning includes the primary plans of expression and meaning - and so on, for example, social protests acquire a broader political meaning, that is, they are recognized as moves "from the left" or "from the right" [1, p. 143]. On the other hand, Umberto Eco's understanding of semiotics as an ideology stems from his theory of codes. Decoding some information in the semiotic field implies cultural constructions of codes, that is, rules for decoding and, understanding [7, p. 15]. Research on the aforementioned theoretical basis involves finding codes in texts, ie finding the carrying *messages*, which will be placed in context with the semiological analysis of accompanying photographs.

In this research, the articles in the widely circulated daily newspaper from Great Britain, *Daily Mail*, will be analyzed. These newspaper, published by the *Daily Mail and General Trust*, were not chosen by chance. First of all, it is a daily newspaper aimed at the broad middle class of Great Britain, i.e. the dominant electorate. The research will analyze texts about migrants in the *Daily Mail* during 2015, which includes not only printed, but also electronic editions of this weekly. The above year was chosen not only because then the *Daily Mail* had the most articles on this topic (this year was recorded as the very peak of the migrant crisis in Western Europe), but also because it is a year of re-examination of British foreign policy (relations with the EU), which is inevitably connected with the questioning of the idea of multiculturalism. In accordance with the stated theoretical approach, the

research will include the analysis of texts about migrants and the photographs that accompany the texts (to which semiological analysis and code theory will also be applied).

The research will basically be qualitative, as an analysis of the content of the *Daily Mail*, ie of the texts about population migration from Afghanistan, in the indicated period. Qualitative research will be conducted based on selective coding of the content of the *Daily Mail*, which is relevant to the research problem. Encoding will be based on theoretically established codes about forms of media expression, analysis of first-degree and second-degree semiological systems in journalistic texts, and the relationship between political context and media expression. This implies that, on the basis of Bart's semiology, the accompanying photographs or key sentences of the texts are analyzed by first pointing out the primary meaning system (first-degree semiological system), and then presenting its superstructure in the second-degree meaning system, which suggests a certain conclusion. This conclusion goes beyond the signifier series of the first-degree system of meaning. The research codes, therefore, will be second-degree meanings, which indicate ideological, therefore rationally unmediated, attitudes - which are contained in the analyzed texts and photographs. Second-degree meanings, in the sense of understanding the relationship between encoding and decoding in the semiology of Umberto Eco, represent a medium of understanding regarding communication between the authors of texts and photographs and readers.

Therefore, the content analysis method will be used in the research, which involves first creating a system of analysis categories, and then its classification. Based on the content analysis data, with the help of the causal research method, an attempt will be made to situate the results in a wider social and political context, that is, to point out the cause of the analyzed phenomenon - the manner of reporting on migrant women in the *Daily Mail*. In addition to the above, general methods of induction and deduction will be used in the research.

Literature

1. Bart, Roland. Književnost, mitologija, semiologija. Beograd: Nolit, 1979.
2. Bart, Roland. Mit je govor, u Studije kulture (ur. Jelena Đorđević). Beograd: Službeni glasnik, 2008.
3. Barthes, Roland. Elements of Semiology. New York: Cambridge University Press, 1986.
4. Bates, Thomas. Gramsci and the Theory of Hegemony // Journal of the History of Ideas. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1975. Volume 36. Issue 2. P. 351-366.
5. Couldry, Nick. Theorizing Media as Practice // Social Semiotics. 2004. Volume 14. Issue 2. PP. 115-132.

6. Eco, Umberto. Theory of Semiotics. London: Indiana University Press – Bloomington, 1976.
7. Eco, Umberto. Kultura, informacija, komunikacija. Beograd: Nolit, 1973.
8. García Agustín, Oscar/Bak Jørgensen, Martin. Book Review. Solidarity Without Borders. Gramscian Perspectives on Migration and Civil Society Alliances. London: Pluto Press, 2016. P. 1-3.
9. Jefferson, Pooley/Park, David. The History of Media and Communication Research: Contested Memories. New York: Peter Lang Inc, 2008.

УНИЧТОЖЕНИЕ БИБЛИОТЕК – ПОПЫТКА УНИЧТОЖИТЬ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Арсениевич Оля

*Доктор управленческих наук, профессор,
Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич, Сербия
E-mail: arsenijevicolja@gmail.com*

Михаилович Сена

*Доктор филологических наук,
Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич, Сербия
E-mail: sena.mihailovic@gmail.com*

***Аннотация.** Появились в двадцатом веке, либрицид как политический феномен до сих пор никогда не был предметом серьезного научного анализа. Поэтому цель данной статьи – указать на либрицид сербских книг и библиотек. В статье авторы представляют исторический обзор уничтожения и кражи книг и библиотек во время Первой и Второй мировых войн на территории Республики Сербия.*

***Ключевые слова:** либрицид, сжигание книг, бомбардировки библиотек, кражи книжных коллекций.*

DESTRUCTION OF LIBRARY - ATTEMPT TO DESTROY IDENTITY

Arsenijević Olja

*Institute for Serbian Culture Pristina – Leposavic
E-mail: arsenijevicolja@gmail.com*

Mihailović Sena

*Institute for Serbian Culture Pristina – Leposavic
sena.mihailovic@gmail.com*

***Abstract.** Appearing in the twentieth century, libricide as a political phenomenon has never before been the subject of significant scholarly analysis. Therefore, this paper aims to point out the libricide of Serbian books and libraries. In the paper, the authors provide a historical overview of the destruction and theft of books and libraries during World War I and II on the territory of the Republic of Serbia.*

***Keywords:** libricide, burning of books, bombing of libraries, theft of book collection.*

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы НИО по договору, заключенному с Министерством науки, технологического развития и инноваций РС № 451-03-47/2023-01/200020 от 3 февраля 2023 года.

Введение. Опыт показывает, что культура и культурное наследие играют важную роль в современных вооруженных конфликтах.

То, что мы сейчас называем культурными ценностями¹, с древних времен играло важную роль во время вооруженных конфликтов. Грабеж часто был самой важной целью войны.

Способ ведения войны, связанный с грабежами и похищениями людей, а также уничтожением всего, что принадлежало противнику, утвердился во время римских завоеваний всего известного тогда мира. Во время Первой иудейско-римской войны, проходившей между 66 и 73 годами нашей эры, римские воинские части под командованием будущего императора Тита Флавия разрушили большую часть Иерусалима. Во время завоеваний Наполеона происходило систематическое разграбление произведений искусства завоеванных стран. Даже в недавнее время наши предки стали свидетелями разрушения культурного наследия. Монастырь Монте-Кассино, разрушенный во время Второй мировой войны, является символом уничтожения культурных ценностей во время вооруженного конфликта.

Связь между чрезвычайным положением и уничтожением культурного наследия оккупированной или побежденной страны очень старая. Когда мы говорим о капитуляции по закону, мы имеем в виду разграбление имущества, принадлежащего чужой стране, и военнопленных, что является законной и допустимой наградой для

¹ В Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта используется термин «культурные ценности», поэтому этот термин также используется в данной статье.

солдат победившей стороны. Кроме того, тогда уничтожаются культурные ценности противника в знак презрения и унижения, а также для того, чтобы доказать свою превосходящую ценность. Достаточно упомянуть библиотеку в Александрии, в Египте, которая считалась хранилищем всех знаний своего времени. После многочисленных пожаров она была окончательно разрушена войсками халифа Омара I в 646 году нашей эры.

Культурные ценности часто вывозились из побежденных стран как военные трофеи. Многие египетские обелиски были перевезены в Рим, а четыре бронзовые лошади из Константинополя, привезенные в 1204 году в качестве военной добычи во время Четвертого крестового похода, были выставлены на портале базилики Сан-Марко в Венеции. Нападения такого масштаба не остались ограниченным явлением древности. Например, в XVIII веке мир стал свидетелем многочисленных грабежей, совершаемых войсками Наполеона, а позднее, во время Первой и Второй мировых войн, нацистами. Было подсчитано, что страны, находящиеся под гитлеровской оккупацией, истощили свои собственные культурные ценности на общую сумму 36 миллиардов долларов.

Либрицид на территории Республики Сербия во время Первой и Второй мировых войн. Национальная библиотека Сербии (НБС) – еще один пример разрушения культурного наследия во время войн. Бомбардировка НБС, а также переселение в годы Первой мировой войны привели к значительному ущербу библиотечного фонда, а также инвентаря и каталога. «Самые ценные части фонда — рукописи, старопечатные книги, газеты и журналы — были эвакуированы в Ниш и Косовскую Митровицу, где попали в руки болгарских оккупантов, которые увезли их в Софию» [1]. Хотя часть фонда после войны была возвращена, но утрачены 56 старинных рукописей, часть из которых были на пергаменте XIII века, 3132 книги, 4177 томов журналов, все газеты 1914 и 1915 годов, а также 138 важных писем [1].

Важно отметить, что после Первой мировой войны Национальная библиотека была восстановлена, однако исчезли 56 наиболее ценных сербских средневековых памятников.

Даже небольшие города не были избавлены от оккупационного террора по поводу культурного наследия. Во Вранье во время Первой мировой войны сербский народ подвергся ужасному террору болгарских оккупантов. Насилие над населением осуществлялось в три этапа [2]:

1. Уничтожение интеллигенции и добропорядочных людей (только за первые 6 месяцев было убито более 500 чел.);

2. Уничтожение женщин, которых болгарские оккупанты считали особо опасным врагом, поскольку они учили детей родному языку и воспитывали их в сербском национальном духе;
3. Уничтожение всего, что было синонимом сербского национального существа.

Здесь мы остановимся лишь на третьем этапе, поскольку он значим для темы нашей статьи. А именно, болгарские оккупанты считали, что ключевое значение имеет изменение сознания автохтонного сербского населения во Вранье. Для этого они прибегали к различным вариантам культурного геноцида. Прежде всего, было запрещено использование сербского языка, в связи с чем 3 мая 1916 года по приказу Главного штаба Болгарии была сожжена сербская книга. Как отмечает в своих трудах Йован Хаджи Васильевич, дети во Вранье вытащили свои книги из огня, хотя болгарские солдаты угрожали им силой [3]. Симонович пишет о показаниях Ристы Симоновича Гочобана, бывшего директора архива во Вранье, о терроре болгарских оккупантов: «С приходом болгарского оккупанта было издано постановление об использовании языка, книг, письменных документов, всего на сербском языке, все было строго запрещено. Из-за этого постановления ему пришлось лично нести к костру книги, сожженные перед гимназией во Вранье. Рискаю своей жизнью, он спрятал множество вырванных страниц из газет, журналов и книг под черепицей на крыше семейного дома» [4].

Однако не все книги были сожжены. Болгары отобрали те книги и сочинения, которые считали важными, и вывезли их в Болгарию.

Геноцидные намерения болгарских оккупантов наиболее наглядно можно увидеть из принятого 29 мая 1918 года секретного документа, озаглавленного «Инструкция военной инспекции Моравского края». В нем, среди прочего, говорится: «Чтобы осуществить болгаризацию этой области, необходимо сначала уничтожить все сербское, чтобы на руинах сербизма построить болгаризм» [2].

В начале Второй мировой войны при бомбардировке Белграда 6 апреля 1941 года, как видно из официального немецкого документа, НБС была одной из первых целей. Нацистская Германия бомбила библиотеку зажигательными бомбами, чтобы уничтожить письменные памятники культуры сербского народа и, следовательно, национальную память. После краха нацистской Германии генерал-полковник ВВС Александр Лёр сдался британским войскам, передавшим его властям страны, на территории которой он совершил величайшие военные преступления. Во время показаний, которые он давал офицерам Народно-освободительной армии Югославии в начале мая 1945 года в

городе Купинец под Загребом, Лёр подчеркивал, что Гитлер сам отдал ему приказ разрушить Белград. «В первой атаке мы должны были снести Национальную библиотеку, а уж потом то, что было интересно нам в военном отношении», — заявил по этому поводу Лёр. На вопрос югославских офицеров, почему им следовало снести Национальную библиотеку, он ответил: «Потому что это учреждение на протяжении веков сохраняло культурную самобытность этого народа» [5]. Тогда весь книжный фонд был уничтожен: 500 000 томов, коллекция из 1424 кириллических рукописей и грамот, 1500 единиц картографических и графических коллекций, 4000 наименований журналов, 1800 наименований газет, архив турецких документов о Сербии, переписки важных деятелей культурной и политической истории Сербии и Югославии, опись библиотечного фонда и каталоги Национальной библиотеки Сербии [2].

Изображение 1. Пепелище Национальной библиотеки Сербии на Косанчичевом венце в 1941 году [6].

Библиотека университета «Светозар Маркович» также сильно пострадала во время Второй мировой войны. Немецкие оккупанты захватили более 2000 редких книг.

Прямых попаданий в здание библиотеки не было, но случилось, что в результате взрывов бомб в этом районе были разбиты окна здания, а также были другие незначительные материальные ущербы. Более серьезной проблемой для библиотеки и ее фондов было то, что в апреле 1941 года военнослужащие немецкой армии использовали здание библиотеки для своих нужд. Когда немцы покинули здание, ущерб был

определен (уничтожено 587 книг) и начался необходимый ремонт, о чем было доложено в письменной форме ректору Белградского университета [7]. В октябре 1941 года Университетская библиотека возобновила работу после ремонта здания и ревизии книг [8].

На момент открытия библиотеки в ней насчитывалось около 160 000 различных книг, преимущественно профессиональной литературы.

Культурная политика немецких оккупационных властей и сербских коллаборационистов привела к тому, что литературное производство практически вымерло. Это было не только следствием цензуры и идеологического шантажа, но и почти физического уничтожения типографии и издательского дела в Белграде и остальной Сербии. В первые месяцы оккупации немецкие оккупационные власти поставили сербскую издательскую и полиграфическую деятельность под полный контроль [9].

Есть свидетельства, что сам Шрeтер организовал проверку книжных магазинов Белграда, когда большое количество негодных книг было конфисковано и уничтожено. Следующим этапом жестокого подавления издательского дела в Белграде стало закрытие книжных магазинов и типографий, принадлежавших неарийцам или связанных с организациями, имевшими антинацистскую направленность в довоенный период [9]. Таким образом было закрыто большинство издательств, имевших политический характер и связанных с довоенными политическими партиями. Также, действуя в соответствии с декретом об отчетности о принадлежащей евреям собственности в Сербии, согласно которому все движимое и недвижимое имущество еврейского населения Сербии должно было принадлежать Германскому рейху, члены немецкой оккупационной администрации захватили несколько крупных и влиятельных издательств в Белграде, важнейшей из которых была издательская компания «Геца Кон». В июне 1941 года немецкие власти взяли под свой контроль издательство «Геца Кон», а управляющим (комиссаром) был назначен Адольф Мостбек, который во время оккупации был комиссаром по делам еврейской собственности. Сорок девять наиболее ценных книг из коллекции этого уважаемого книготорговца оказались в Национальной библиотеке в Вене, а то, что осталось от компании, было передано в 1942 году издательству «Югоисток». Геца Кон был убит осенью 1941 г. при недостаточно выясненных обстоятельствах [9].

Патриаршая библиотека пережила одно из самых трагических событий в начале Второй мировой войны. А именно, Сремски-Карловцы (где располагалось главное здание библиотеки). А именно, Сремские Карловцы были переданы Независимому государству

Хорватия (НГХ). Разграбление и уничтожение сербского и еврейского культурного и исторического наследия были основными задачами усташской организации. 22 мая 1941 года Павелич подписал «Законодательное положение о запрете отчуждения и вывоза с территории НДХ памятников старины, искусства, культурно-исторического и природного наследия».

Этим юридическим актом профессор Ткалчич был обязан как управляющий Музеем искусств и ремесел в Загребе забрать все культурно-исторические и художественные предметы из православных церквей и монастырей и привезти их в свое учреждение. Таким образом, фонды Патриаршей библиотеки были переданы университетской библиотеке в Загребе вместе с фондами библиотеки Карловацкой семинарии. Была вывезена богатая научная и профессиональная литература на разных языках (около 20 000 книг) и несколько тысяч старых рукописей в 10 сундуках. Поскольку материал перевозили под дождем и в вагонах, не приспособленных для перевозки книг, ему был нанесен ущерб. При переезде с вокзала в университетскую библиотеку, опять из-за неадекватного транспорта, часть книг сильно пострадала, а часть была утеряна. Рукописи Илариона Рувараца, упакованные в 7 сундуков, поместились в небольшом пространстве, а его книги – вместе со всеми остальными материалами. Никто не мог ими воспользоваться, они были заперты и охранялись [10].

По данным заведующего Патриаршей библиотекой Чирковича, в 1941 году фонд насчитывал 18 522 наименования и 60 020 библиографических единиц. За время войны пропало 1380 книг [10].

Учитывая тот факт, что эти конфискованные фонды не были включены в регулярный фонд Университетской библиотеки они были полностью сохранены и возвращены владельцу.

Заключение. Культурное наследие является частью общества и частью среды, в которой мы живем. Это значительная часть истории и самобытности человечества и свидетель духа разных эпох. Он окружает нас в виде произведений искусства, зданий, рукописей, книг, археологических памятников, а также традиционных ремесел, песен и фильмов. Оно объединяет нас в своем разнообразии и связывает нас с нашим прошлым.

Именно из-за связи с прошлым и сохранения национальной идентичности культурное наследие, особенно литературное и языковое, становится объектом уничтожения во время войн.

Во время Первой и Второй мировых войн оккупанты совершили тяжкие преступления против человечества, а также против идентичности сербского народа на территории Республики Сербия.

Культурная и литературная жизнь претерпела вынужденную трансформацию. Была реализована политика уничтожения культурной, а значит и национальной идентичности сербов. Книги были сожжены, использование сербского языка было запрещено, Национальная библиотека подверглась бомбардировке, книжные фонды были разворованы, а некоторые пропали безвозвратно.

Чтобы подобное никогда не повторилось, в последние годы все больше говорят о важности цифровизации, в том числе оцифровки культурного наследия. Предыдущие два десятилетия стали «эпохой оцифровки», и учреждения культуры вложили значительные средства в оцифровку культурного наследия. Оцифрованы не только тексты и изображения на бумаге, но и аудио- и видеозаписи, киноматериалы, музейные экспонаты, недвижимое культурное наследие и другие произведения культурного наследия. Цифровые технологии изменили способы сбора, распространения и управления информацией. Результаты оцифровки были опубликованы в Интернете, что позволило широкой публике получить доступ к культурному наследию, и в то же время была проделана большая работа по сохранению оригиналов.

Наибольших успехов в оцифровке кириллических рукописей в Сербии добилась Национальная библиотека Сербии (понесшая наибольшие потери во время мировых войн), Библиотека Матицы Сербской и Университетская библиотека «Светозар Маркович».

Несмотря на то, что всего в этих трех библиотеках оцифровано 402 кириллические рукописи, а также самая ценная, старая и значительная кириллическая рукопись XII века — Мирославово Евангелие, остается еще немало кириллических рукописей, ожидающих оцифровки с полной необходимой обработкой.

Святой монастырь Хиландар имеет в своих сокровищницах 507 рукописных грамот средневековых правителей, 1041 уникальную рукописную книгу общим объемом 312 000 страниц, 80 печатных книг XV-XVII веков, 40 тысяч книг с XVII века до наших дней. Все эти сокровища в кириллических рукописях до сих пор недоступны многим исследователям, в связи с тем, что они до сих пор не оцифрованы. Именно поэтому запущена Цифровая сокровищница Хиландара, но, к сожалению, страница с кириллическими рукописными грамотами пуста, точнее, находится в стадии подготовки.

Старые и ценные кириллические рукописи, хранящиеся в сокровищницах монастырей, церковей и учреждений науки и культуры Косово Метохии, до сих пор не оцифрованы, и нет документа, в котором можно было бы прочитать, когда это запланировано. Это остается

обязанностью и императивом, учитывая тот факт, что мы являемся свидетелями уничтожения культурного наследия в Косово и Метохии.

Список литературы

1. Vraneš A. Delnice u razvoju Narodne biblioteke Srbije // Glasnik Narodne biblioteke Srbije. 2012/2013. Narodna biblioteka Srbije. Beograd 2013. № 12 – 13.
2. Đorić M. Teror bugarskih okupatora u vranjskom kraju za vreme prvog svetskog rata // Nacionalni interes. Godina XI. Vol 23. Broj 2/2015. S.181-200.
3. Hadži – Vasiljev J. Bugarska zverstva u Vranju i okolini (1915 – 1918) // Podružnica potomaka ratnika oslobodilačkih ratova Srbije od 1912. do 1918. Vranje. 2003. Godine 4. Oktobar.
4. Simonović T. Rista M. Simonović Gočoban (1908 – 1998). Vranje – večna tema // JU Istorijski arhiv „31. januar“. Vranje. 2023. S. 89.
5. Radisavljević Jočić G. Dejan Ristić: „O odgovornosti za stradanje Narodne biblioteke Srbije“. – URL.: <https://mediasfera.rs/2021/04/05/dejan-risitic-o-odgovornosti-za-stradanje-narodne-biblioteke-srbije/>, posećeno: 26. 9. 2023.
6. <https://www.rts.rs/rts/dijaspora/vesti/3096376/aprilsko-zgariste-srpske-pisane-rci.html>
7. Marković R. Univerzitetska biblioteka u Beogradu: 1921 – 1945. Beograd, 1968. S. 101.
8. Nepoznati autor Univerzitetska biblioteka će uskoro otpočeti da radi sa publikom // Obnova, br. 88, 15. oktobar 1944 : 4. Konvencija o zaštiti kulturnih dobara u slučaju oružanog sukoba koristi termin “kulturno dobro“, zato se i ovde koristi taj termin.
9. Zec D. Izdavaštvo, biblioteke, cenzura i književni život Beograda za vreme nemačke okupacije u Drugom svetskom ratu (1941 – 1944) // Godišnjak za društvenu istoriju. 2016. № 1. S. 96- 98.
10. Idrizović N. Patrijaršijska biblioteka za vreme Drugog svetskog rata i neposredno posle njega // Glasnik Narodne biblioteke Srbije. № 18. Narodna biblioteka Srbije, Beograd, 2016. S. 183 – 206.

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Афонина А. А.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия», студент
E-mail: afonina0603@mail.ru*

***Аннотация.** В данной статье представлен анализ концептуальной модели понятия государства-цивилизации в российском контексте с применением критического дискурс-анализа в качестве методологической основы исследования. В ходе исследования*

было установлено, что властный дискурс оказывает непосредственное влияние на политологический: в этой связи были проанализированы наиболее репрезентативные выступления президента В. В. Путина и их контекст. Полученные данные были экстраполированы на российский политологический дискурс. Кроме того, в статье обозначены контуры проблемного поля российской цивилизации, а также представлен тезис о том, что концепция государства-цивилизации лежит в основе позиционирования России в изменяющейся структуре мирового порядка и по мере своего развития может стать достойным ответом парадигме коллективного Запада.

Ключевые слова: политологический дискурс, цивилизация, цивилизационные трансформации, государство-цивилизация, Россия, мировой порядок, государство, Концепция внешней политики РФ.

THE CONCEPT OF THE STATE-CIVILIZATION IN THE POLITICAL DISCOURSE: THE RUSSIAN DIMENSION

Afonina A. A.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

Institute «Taurida Academy», Student

E-mail: afonina0603@mail.ru

Abstract. *This article presents an analysis of the conceptual model of the concept of state-civilization in the Russian context with the use of critical discourse analysis as a methodological basis for the study. In the course of the study, it was found that the power discourse has a direct impact on the political one: in this regard, the most representative speeches of President Vladimir Putin and their context were analyzed. The data obtained were extrapolated to the Russian political science discourse. In addition, the article outlines the contours of the problem field of Russian civilization, and also presents the thesis that the concept of the state-civilization underlies Russia's positioning in the changing structure of the world order and, as it develops, can become a worthy response to the paradigm of the collective West.*

Keywords: *political discourse, civilization, civilizational transformations, state-civilization, Russia, world order, state, Concept of foreign policy of the Russian Federation.*

Масштабные преобразования и неустойчивость современного мира обостряют вопрос о месте и роли Российской Федерации на мировой политической арене. Содержащееся в новой Концепции

внешней политики РФ 2023 г. положение о «самобытном государстве-цивилизации» [1] создает некое пространство для манёвра, а также альтернативу Западному проекту. Несомненно, российские цивилизационные ориентиры на данном этапе международной турбулентности, когда цивилизационное форматирование осложнено множеством внешних факторов, не до конца сформированы даже на теоретическом уровне, и в этой связи изучение политологического дискурса для выявления текущего состояния общественных установок и мнения становится актуальной задачей в рамках международно-политических исследований.

В контексте данной статьи необходимым является объяснение содержания категорий, включённых в понятийный аппарат дискурса. Понятие государства-цивилизации может быть правильно воспринято и получить объективную трактовку лишь через осмысление сущности обоих образующих его слов.

В этом смысле возникает проблема определения ключевой категории – «цивилизация». По мнению автора, обозначенный термин наиболее широко и разносторонне можно представить следующим образом: «Цивилизация – это актор международных отношений, включающий в себя сложную систему взаимодействия и взаимовлияния культурных, религиозных, исторических, социоэкономических и политических элементов на глобальную политику» [2, с. 202].

В политологическом дискурсе различают русскую, евразийскую (охарактеризована представителями школы евразийцев Н. С. Трубецким, Р. О. Якобсоном, П. Н. Савицким, Н. Н. Алексеевым и др.), славянскую (Н. Я. Данилевский), «восточно-христианскую цивилизацию», «православно-русскую цивилизацию» [3, с. 495], православную цивилизацию (С. Хантингтон), которые по своей сути не являются тождественными. Видится, что обозначенные подходы несколько сужают представления о государстве-цивилизации. Словосочетание «государство-цивилизация» в российском контексте должно учитывать такие факторы, как многоконфессиональность и многонациональность Российской Федерации. Следовательно, связанная с государством цивилизация должна концептуально объединять народы разной этнической и религиозной принадлежности, отсюда наиболее справедливым представляется формулировка «российская цивилизация».

Под термином «государство» традиционно понимают или основной политический институт, или «расположенную на определенной территории единую политическую организацию общества, при которой органы публичной власти обладают

исключительным правом на централизованное управление и на применение средств принуждения» [4, с. 4]. Представляется, что в совокупности с цивилизацией государство стоит рассматривать не столько с точки зрения институционального подхода, сколько с обращением к аксиологическим основам российской цивилизации, которая зиждется на государстве как главной ценности. По мнению Р. И. Соколовой, государство в российской цивилизации занимает более значимую роль, чем в любой другой цивилизации [5]. Это обусловлено рядом факторов: суровые природно-климатические условия, географическое положение России, в виду которого первостепенной становилась задача сохранения жизни народа, суверенитета и национальных интересов и, как следствие, многочисленные вызовы внешнего и внутреннего развития привели к постепенному укреплению российской государственности.

Наконец, определимся с трактовкой понятия «политологический дискурс», в рамках которого находится концепция государства-цивилизации. Представитель школы постмодернизма П. Бурдьё отмечал, что «профессионалы от политики» в «поле политики» воздействуют на общественное сознание, навязывая собственные установки ради выгоды [6, с. 125]. В этом самом «поле политики», рассматриваемом как пространство для борьбы политических агентов за специфические интересы [7], и рождается дискурс как модель определенного ряда высказываний, которая призвана влиять на ценностные установки, убеждения, политическое поведение и внутреннюю репрезентацию политики индивидом. Наибольшее влияние на дискурс в этом смысле оказывают президент России В. В. Путин и его воззрения относительно позиционирования РФ. Далее представлен дискурс-анализ, позволяющий судить о репрезентации влияния властного дискурса на политологический.

Для проведения исследования представляется возможным рассмотрение статистики текстовых данных через призму действий и высказываний политического лидера – в этой связи рамки исследования ограничиваются 2007-2023 гг. Дело в том, что «Мюнхенская речь» В. В. Путина в 2007 г., благодаря жесткой риторике, вызвала резонанс не только за рубежом, но и в российском политологическом пространстве, поскольку впервые на официальном уровне российская цивилизация не отождествлялась с европейской. В упомянутой речи В. В. Путин хоть еще и не называет Россию государством-цивилизацией, однако концептуальные переменные, связанные с активностью РФ в международных делах, ее уникальным историческим путем, независимостью внешней политики, критикой однополярности и

т.д. прямо на это указывают [8] . И только в марте 2023 г. впервые на доктринальном уровне в Концепции внешней политики Российской Федерации был закреплён её статус как государства-цивилизации.

Представленная ниже информационная динамика была составлена на основе 256 российских изданий из цифровой базы данных East View по статьям, содержащим такие ключевые слова, как «государство-цивилизация», «русская цивилизация» или «российская цивилизация».

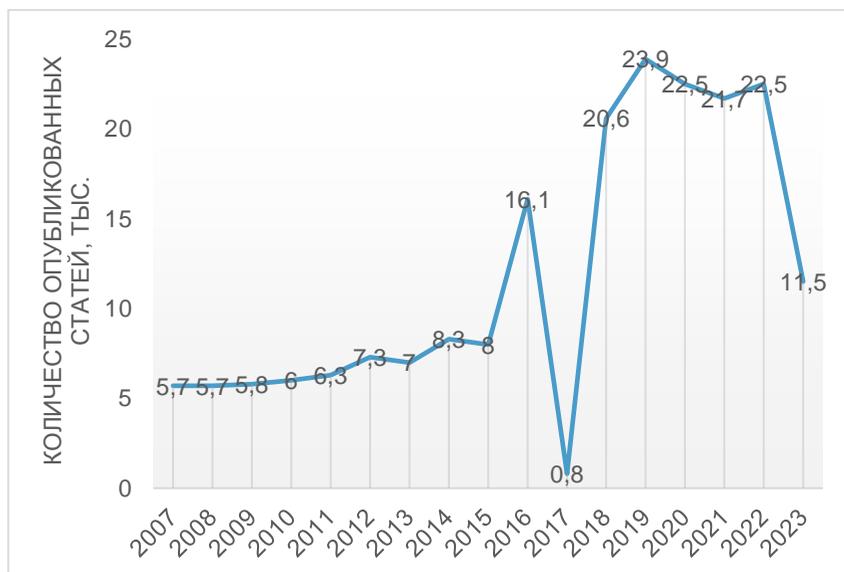

Рис. 1. Информационная динамика по 256 изданиям за период с 01 января 2007 г. по 1 ноября 2023 г. по числу научных публикаций.

В рамках обозначенного исследования особый интерес представляют:

- 2012 г., когда была опубликована статья В. В. Путина «Россия: национальный вопрос», в которой упоминаются черты российской цивилизации, используются тезисы о единстве культурного кода русского народа, скрепляющего нашу уникальную цивилизацию воедино, «историческом государстве» и кризисе европейского «мультикультурного проекта» [9, с. 9];
- 2014 г., ставший поворотным в российской внешней политике с воссоединением Крыма с Россией;

- 2015 г. примечателен резкой сменой риторики (и, как следствие, небольшим снижением востребованности публикаций на эту тему – см. рис. 1), когда в Послании Федеральному Собранию президент использует понятие «цивилизация» для того, чтобы подчеркнуть значение безопасности в свете вполне реальной террористической угрозы колоссального масштаба, исходящей уже не от западной цивилизации, а исламской;
- Преобразование категории в привычное русло во властном дискурсе происходит в 2018-2019 гг., что обуславливает рост числа публикаций на тему российской цивилизации. В обозначенном временном промежутке стоит отметить Послание Президента Российской Федерации от 1 марта с упоминанием «самобытности и единства» [10] государства, выступления В. В. Путина на Всемирном конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом 31 октября 2018 г., и на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 3 октября. Озвученные несколько лет назад тезисы сегодня находят свое отражение в доктринальных документах Российской Федерации.
- 2020 г., когда в одном из интервью В. В. Путин констатировал: «Россия – это не просто страна, это действительно отдельная цивилизация» [11];
- 2022 г., когда произошли важнейшие события для укрепления «Русского мира», поскольку именно этот год ознаменовался вхождением в состав Российской Федерации ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей.

Примечательно, что после смены риторики в 2015 г. уже в 2016 наблюдается резкий подъем исследовательского интереса к данному проблемному полю (хотя во властном дискурсе не было никаких высказываний по интересующему нас вопросу), а затем такой же резкий спад в 2017. Автор может предположить, что этот процесс обусловлен постепенным осмыслением событий прошлых лет, а затем отвлечением общественности на митинги оппозиции в России, скандалы Олимпиады-2014, вывод российских войск из Сирии и т.д.

Отметим, что представленный график не является репрезентативным для 2023 г., поскольку прошло не так много времени для теоретического осмысления и преобразования информации в интеллектуальной среде с момента опубликования обновленной Концепции внешней политики. Кроме того, концептуальное значение имеет и недавнее выступление В. В. Путина на пленарной сессии XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября. Наглядно влияние властного дискурса на интерес общественности

демонстрируют данные, полученные благодаря сервису «Вордстат». Известно, что за последний месяц словосочетание «государство-цивилизация» и связанные с ним запросы были показаны более 48 тысяч раз, что в 2,5 раза больше, чем в сентябре (см. рис. 3 и 4). Исходя из статистики истории поиска по запросу «государство-цивилизация», можно утверждать, что данное направление вызывает большой интерес со стороны общественности, а концепция и её теоретическое развитие представляют пространство политологического дискурса.

Что искали со словом «государство-цивилизация» — 48 086 показов в месяц

Статистика по словам	Показов в месяц ☐
россия государство цивилизация	12 439
российское государство цивилизация	5 826
государство нация +и государство цивилизация	5 616
государство цивилизация +это	4 717
особенности государства цивилизации	3 277
особенности россии +как государства цивилизации	2 161
понятие государство цивилизация	1 972

Рис 2. Число показов по запросу «государство-цивилизация» за октябрь 2023 г.

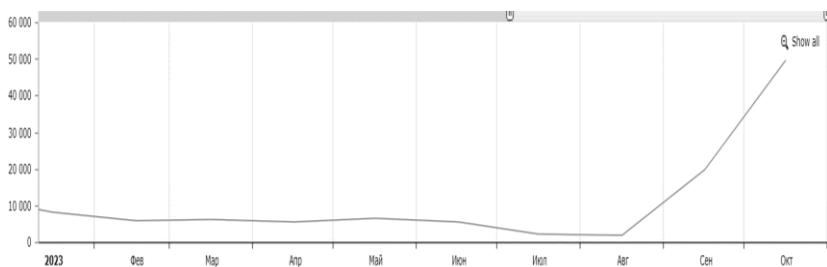

Рис 3. График истории поисковых запросов за с 01.01.2023 по 31.10.2023 (абсолютные значения).

Период	Абсолютное
01.11.2022 - 30.11.2022	9 068
01.12.2022 - 31.12.2022	12 720
01.01.2023 - 31.01.2023	8 225
01.02.2023 - 28.02.2023	5 809
01.03.2023 - 31.03.2023	6 290
01.04.2023 - 30.04.2023	5 665
01.05.2023 - 31.05.2023	6 629
01.06.2023 - 30.06.2023	5 597
01.07.2023 - 31.07.2023	2 178
01.08.2023 - 31.08.2023	1 936
01.09.2023 - 30.09.2023	19 805
01.10.2023 - 31.10.2023	49 781

Рис 4. История поисковых запросов за период с 01.11.2022 по 31.10.2023 (абсолютные значения).

Обозначим контуры проблемы, связанной с понятием государства-цивилизации в российском политологическом дискурсе. Данная проблема представлена в статье кандидата политических наук, доцента факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова К. О. Телина «Не ближний прицел». В целом, в работе обозначено несколько недостатков концепции государства-цивилизации в российском контексте, которые в конечном итоге сводятся к такому феномену, как монотекстуальность. А. С. Панарин характеризовал этот феномен как «подчинение жизни к тексту, пронизывание всех практик единым центральным смыслом» [12, с. 44]. Так вот, угроза нашей цивилизационной концепции зиждется, в первую очередь, на «текстуальности», которая вступает в конфликт с реальностью. В этом смысле Телин указывает на то, что «полёт концептуальной мысли» [13], представленный в Концепции внешней политики РФ 2023 г., несовместим с наличной реальностью и недостаточно наполнен в смысле политическом. Как итог, все вышесказанное нивелирует роль концепции как стратегического ориентира в современных условиях.

В противовес этому в политологическом дискурсе сосуществуют идеалистический подход (например, в работах Р. И. Соколовой, С. В. Перевезенцева), подчёркивающий трансцендентный характер государства-цивилизации, и конструктивистский (С. В. Акопов, В. Э. Багдасарян), в рамках которого выстраивается российская цивилизационная идентичность, обращенная к нашим ценностям,

традициям, культуре, а также основанная на этом модель внешнеполитического позиционирования России. Представляется, что дальнейшее развитие концепции государства-цивилизации и осмысление в политологическом дискурсе цивилизационной парадигмы подготовит основу для создания полноценной альтернативы неолиберальной западной системе.

Список литературы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 01.11.2023).
2. Афонина А. А. Цивилизационный подход к анализу внешнеполитической деятельности России: перспективы и вызовы // Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряженности: Сборник материалов научно-практической конференции Донецкого регионального отделения РАПН (г. Донецк, 12 сентября 2023 г.) / под ред. О. В. Онопко, Е. В. Кузнецовой, Е. В. Рябининой. Д.: Донецкий государственный университет, 2023. С. 198–203.
3. Самарин, Ю. Ф. По поводу мнения «Русского вестника» о занятиях философиею, о народных началах и об отношении их к цивилизации // Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 477-500.
4. Волков С. Ю. Государство как политический институт: Учебно-методическое пособие. НН: Нижегородский госуниверситет, 2014. 40 с.
5. Соколова Р. И. Основные смыслы и стратегия российского государства-цивилизации // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. № 11-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-smysly-i-strategiya-rossiyskogo-gosudarstva-tsvivilizatsii> (дата обращения: 01.11.2023).
6. Бурдые П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр.: Т. А. Анисимова, Ю. В. Маркова, Н. А. Шматко. М., Институт экспериментальной социологии, 2002. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3061/3063> (дата обращения: 01.11.2023).
7. Бурдые П. Социология политики. Пер. с фр.: Н. А.Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 333 с.
8. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10 февраля 2007 г.) // Президент России. Текст: электронный. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 02.11.2023).
9. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Этнодиалоги. 2012. № 1 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-natsionalnyu-vopros-4> (дата обращения: 02.11.2023).
10. О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства: Послание Президента Российской Федерации от

- 01.03.2018 г. // Президент России. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (дата обращения: 02.11.2023).
11. Интервью телеканалу «Россия» (7 октября 2020 г.) // Президент России. – Текст: электронный. - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64171> (дата обращения: 02.11.2023).
12. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2003. 541 с.
13. Телин К.О. Не ближний прицел // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 68–76.

РОЛЬ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Багдасарян С. Н.

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
студент*

Email: bagdasarya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен народной дипломатии и её актуальность в современном мире. Санкт-Петербург является одним из ключевых центров общественной дипломатии в России и одним из наиболее эффективных органов ведения этой деятельности является Санкт-Петербургская ассоциация международного сотрудничества (СПб АМС). С статье также рассмотрены структура и сфера деятельности Ассоциации.

Ключевые слова: народная дипломатия, Санкт-Петербургская ассоциация международного сотрудничества, общество дружбы, культурное сотрудничество, Россия, Санкт-Петербург.

THE ROLE OF PEOPLE'S DIPLOMACY IN STRENGTHENING INTERNATIONAL RELATIONS ON THE EXAMPLE OF THE ST. PETERSBURG ASSOCIATION FOR INTERNATIONAL COOPERATION

Bagdasaryan S. N.

*St.-Petersburg State university of economics,
student*

Email: bagdasarya@mail.ru

Abstracts. *The article examines the phenomenon of people's diplomacy and its relevance in the modern world. St. Petersburg is one of the key centers of public diplomacy in Russia and one of the most effective bodies for conducting this activity is the St. Petersburg Association for International Cooperation (SPb AIC). The article also discusses the structure and scope of the Association.*

Keywords: *people's diplomacy, St. Petersburg Association of International Cooperation, friendship Society, cultural cooperation, Russia, St. Petersburg.*

В современном турбулентном мире, особенно в период взаимозависимости, межгосударственные связи вынуждены претерпевать перемены и подниматься на ступень выше в вопросах взаимопонимания. Наш мир вступает в новую реальность в международных отношениях. Становятся актуальными новые элементы дипломатии, не заменяя установленный формат, а дополняя его. Не секрет, что в минувшие годы, в рамках традиционной дипломатии, страны преимущественно устанавливали дипломатические связи на основе определенных требований, отдавая приоритет экономическим и политическим интересам при вступлении в двусторонние отношения. Однако сейчас государствам необходимо достичь более высокого уровня взаимного понимания. В этой связи народная дипломатия приобретает все большее значение на мировой арене, в какой-то степени становится основным элементом международного сотрудничества.

Под «народной дипломатией» понимаются неформальные контакты граждан с целью улучшения отношений между государствами. Изначально под этим термином понимались частные усилия рядовых граждан по ведению переговоров с целью прекращения текущего конфликта или сокращения вооруженных сил. Такие неформальные контакты между конфликтующими сторонами способны внести более эффективный вклад в разрешение конфликта, чем официальные переговорщики. Более того, общественная дипломатия способствует налаживанию контактов между людьми, укреплению доверия и взаимопонимания. Усилия «народных дипломатов» помогают смягчить искаженное восприятие другой стороны в конфликте и могут полностью переломить тенденцию к дегуманизации другой стороны в конфликте.

Санкт-Петербург занимает особое место в развитии общественной дипломатии в России. Санкт-Петербургская ассоциация международного сотрудничества (СПб АМС) являет собой пример

общественной дипломатии, которая в качестве «мягкой силы» играет значимую роль в развитии международных связей, в сближении народов и государств. Она была создана в 1992 году с целью содействия развитию и углублению взаимопонимания между странами и народами, а также содействия расширению культурных, образовательных и научных связей Санкт-Петербурга. Ассоциация международного сотрудничества является правопреемником Всероссийского общества культурных связей с границей (ВОКС), основанного в 1925 году. В 1950-е годы, когда шел активный процесс создания Обществ дружбы с зарубежными странами, правопреемником ВОКС стал Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). Эта организация и стала прообразом ассоциации.

На сегодняшний день в составе СПб АМС 30 обществ дружбы и организаций по сотрудничеству с зарубежными странами. Учитывая приоритетные направления внешней политики российского государства, Ассоциация, прежде всего, активно развивает сотрудничество с дружественными странами – такими как Китай, Индия, Иран, Сербия, Сирия, Пакистан. Участие в ряде международных организаций создает возможности для продолжения кооперации со странами, отношения с которыми по официальной повестке сейчас недружественные, среди них: США, Великобритания, Италия, страны Региона Балтийского моря. Это такие организации, как Friendship Force, English speaking union (ESU), Lions International, Soroptomist International.

Область деятельности Ассоциации довольно широка. Это образовательные обмены, культурные акции, среди которых - фестивали Санкт-Петербурга в зарубежных государствах и фестивали культуры народов других стран в Санкт-Петербурге. Важным направлением работы организации является продвижение русского языка и культуры за рубежом. Продолжается многолетняя практика совместных семинаров в Лондоне с Британским обществом по сотрудничеству в изучении России по русскому языку, современной литературе России и гуманитарной политике нашей страны за рубежом, реализуются программы по изучению русского языка в Италии.

Особо крепкими являются отношения с партнёрами из Китайской Народной Республики и Индии. Общество российско-китайской дружбы, Ассоциация китаеведов и Ассоциация обучавшихся в Китае продолжают активно развивать российско-китайские проекты в рамках общественной дипломатии. Нашим главным партнером в Китае является Китайская народная ассоциация дружбы с зарубежными странами, благодаря которой расширяются дружеские обмены в

городах-побратимах Шанхае и Циндао, а также во многих провинциях страны. Общество Российско-Китайской дружбы создало платформу для развития многогранных профессиональных связей и личных обменов. Генеральное консульство Китайской Народной Республики проявляет большой интерес к мероприятиям, организуемым Обществом российско-китайской дружбы.

Санкт-Петербург и Китай проявляют большой интерес к развитию молодежного диалога и многое делают для этого. С этой целью Санкт-Петербург и Китай ежегодно организуют международные проекты в партнерстве с газетами China Daily и Education XXI Century Media. Среди них – международный конкурс речей «Один пояс – один путь», который является частью глобального проекта «Один пояс – один путь», и проект «Молодежная сила».

По инициативе Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества и Общества культурных связей с Индией проводится фестиваль «Петербург-Индия. Диалог культур» совместно с Санкт-Петербургским отделением Российского фонда мира, Комитетом по внешним связям Санкт-Петербурга и Генеральным консульством Индии. Целью мероприятий фестиваля было продемонстрировать многообразные и обширные связи между Санкт-Петербургом и Индией, а также познакомить петербуржцев с современными достижениями Индии. В 2022 году Россия и Индия отметили 75-летие установления дипломатических отношений между нашими странами. В честь этого знаменательного события был организован крупный фестиваль индийской культуры в Санкт-Петербурге. Данный проект был поддержан Посольством Республики Индия в Москве. Генеральный консул Индии в Санкт-Петербурге Кумар Гаурав подтвердил готовность содействовать развитию сотрудничества с АМС и предложил сделать фестиваль ежегодным.

При СПб АМС продолжают действовать общества дружбы со славянскими странами – Союз друзей Болгарии, Общество русско-сербской дружбы, Общество российско-польской дружбы, Чешско-русское общество имени братьев Чапеков. Работа обществ дружбы способствует духовному сближению наших народов, поддерживает их интерес друг к другу. Деятельность этих структур проводится совместно с кафедрой славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета и с кафедрой истории славянских и балканских стран. Работу со славянскими странами поддерживают: Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга, Представительство МИД РФ в Санкт-Петербурге, представители Консульского корпуса,

Музей этнографии народов России, Славянский Фонд Библиотеки Российской академии наук, вузы и школы города.

В новом глобальном сообществе, в том числе в образовательном пространстве усиливается влияние международных и национальных общественных объединений, которые активно привлекают к своей работе молодёжь. Совместно с партнерами Ассоциация реализует целый ряд молодёжных программ, которые вовлекают школьников и студентов в международную деятельность и помогают выработать гражданскую позицию. К ним относятся программа «Школа юного дипломата», конкурс творческих эссе на тему «Парламентская дипломатия: признанные традиции и современные модели», Международные молодёжные конкурсы ораторского мастерства Союза англоговорящих, всероссийский конкурс на иностранных языках «Творчество в сети» для учащихся старших классов и студентов, международный проект «Сила молодых», конкурсы для учащихся школ в рамках Дней культуры Шотландии.

В последнее время активно расширяется география деятельности Ассоциации. За последние два года были созданы общества, которые являются структурным подразделением Ассоциации, среди них – Общество дружбы со Шри-Ланкой, которое успешно выполняет свои основные задачи – развивать культурное сотрудничество, содействовать экономическим связям между нашими странами и вовлекать широкую общественность в российско-ланкийский диалог. Ещё одно структурное подразделение Ассоциации – Центр развития и поддержки восточных исследований, который был создан в 2020 году. Он обращает внимание на проблемы и перспективы сотрудничества со странами Ближнего Востока. Целью деятельности Центра являются развитие и поддержка востоковедческих исследований и популяризация востоковедных программ среди граждан Российской Федерации, сохранение и дальнейшее развитие культурных, исторических и научных знаний о Востоке.

Как считает исследователь А.А. Крутько, общественные организации могут самым различным образом влиять на международные отношения. Они вольны представлять положительные или отрицательные роли в интеграционных процессах, усилении или уменьшении конфронтации, возможности избежать международной изоляции или увеличить ее, укрепить или ослабить финансовую и экономическую независимость. Преимуществом общественных организаций является осуществление превентивной дипломатии.

Подводя итоги, хочется отметить, что у Ассоциации есть возможность представлять интересы страны за рубежом и вовлекать

молодежь в международную жизнь. За прошедшие годы Санкт-Петербургская ассоциация международного сотрудничества стала эффективным средством установления и укрепления международных связей. Организация выполняет важную функцию в этом процессе, предоставляя площадку для встреч и обмена мнениями между представителями разных стран. Ассоциация способствует укреплению образа Санкт-Петербурга как крупного культурного и научного центра мирового масштаба. Поддержка народной дипломатии, направленной на привлечение иностранных граждан к русскому языку и культуре, способствует повышению интереса к городу на Неве и России в целом, привлечению туристов, инвесторов и установлению новых контактов.

Список литературы

1. Медведева Т. И. Основные методы и формы гражданской дипломатии в современном политическом процессе // Власть. 2007. – №4. С. 71-74.
2. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Роль культуры в общественной дипломатии Санкт-Петербурга // Общественная дипломатия глазами студента-международника / Под ред. В. И. Фокина. СПб.: Изд-во Скифия-принт, 2018. С. 14-18.
3. Егорейченко А. Б. Культурное разнообразие и межкультурная коммуникация в современном городе // Межкультурный диалог в современном мире / Под ред. М. Ф. Мудрак. СПб.: Изд-во Бук. 2018. С. 30-34.
4. Саидов С. Ш. Народная дипломатия как социально-политическое явление // Научный журнал Узбекского государственного университета мировых языков. 2020. – №4. С. 178-180.
5. Крутько А. А. Институты гражданского общества в реализации Евразийского интеграционного проекта (на примерах Российской Федерации и Киргизской Республики) [Электронный ресурс]. - URL: <http://sibac.info/2009-07-01-10-21-16/50-2011-12-21-06-47-18/2011-12-21-06-47-43/7582-2013-04-29-17-18-46> (дата обращения: 6.11.2023).
6. Мудрак М. Ф. Радикальные перемены. Как развивается народная дипломатия в России? [Электронный ресурс]. - URL: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/radikalnye-peremeny-kak-razvivaetsya-narodnaya-diplomatiya-v-rossii/ (дата обращения: 07.11.2023).

СИМУЛЯКР И ВИРТУАЛЬНЫЕ МИРЫ: РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОПЫТА В ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ

Боривое В. Балтезаревич

доктор культурологических наук,

*Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, научный
сотрудник*

E-mail: baltezb@yahoo.co.uk

***Аннотация.** В эпоху цифровых технологий, перенасыщенную виртуальными мирами и технологическими имитациями, концепция симулякра становится ключевой для анализа нашего понимания «реальности». Начиная с историко-философского контекста и становясь частью современных дискуссий в соответствии с развитием передовых технологий, симулякр теперь представляет собой неопределенную линию между виртуальным и реальным. Поскольку трансгуманистические парадигмы внушают будущее, в котором различие между человеком и машиной становится все более размытым, природа человеческого опыта в этом эволюционирующем ландшафте становится центральным дискурсом. Эта статья направлена на изучение взаимосвязей между цифровыми симулякрами, виртуальными мирами и возможными направлениями человеческого опыта внутри трансгуманистического будущего. Изучая этические, социологические и философские импликации мира, в котором доминируют искусственный интеллект и виртуальная реальность, исследование выдвигает на первый план критические выборы, вызовы и потенциалы, ждущие человечество.*

***Ключевые слова:** симулякр, виртуальные миры, трансгуманизм, реальность, цифровая эпоха, человеческий опыт, этика, искусственный интеллект.*

SIMULACRUM AND VIRTUAL WORLDS: THE RELATIVIZATION OF REALITY AND THE FUTURE OF HUMAN EXPERIENCE IN TRANSHUMANISTIC PARADIGMS

Borivoje V. Baltezarevic

*Doctor of Cultural Sciences, Institute of Serbian Culture Pristina-
Leposavic, Researcher*

E-mail: baltezb@yahoo.co.uk

Abstract. *In a digital age saturated with virtual worlds and technological imitations, the concept of simulacrum becomes crucial to dissecting our understanding of 'reality'. Stemming from historical philosophical contexts and propelled into contemporary debates with the rise of advanced technologies, simulacrum now represents a blurring line between the virtual and the real. As transhumanistic paradigms suggest a future where the distinction between human and machine becomes increasingly indistinct, the nature of human experience within this evolving landscape becomes a central discourse. This paper seeks to explore the interconnections between the digital simulacra, virtual worlds, and the possible directions of human experience within transhumanistic futures. By examining the ethical, sociological, and philosophical implications of a world dominated by AI and virtual realities, the research highlights the critical choices, challenges, and potentials that await humanity.*

Keywords: *simulacrum, virtual worlds, transhumanism, reality, digital age, human experience, ethics, artificial intelligence.*

Introduction. The term 'simulacrum' has ancient roots, grounded in Platonic philosophy, which postulates a world of forms against which the material world is but a shadow or a copy. Yet, as Baudrillard suggested, in contemporary society, the copy has often superseded the original, leading to a reality dominated by simulations. Within the intricate web of today's digital technologies, the simulacrum evolves from mere representation to becoming a potent reality in itself.

In the modern epoch, digital technologies have magnified the phenomenon, creating an environment where simulations often carry more weight than the entities they emulate. Such a shift is not just a technological marvel but also holds profound philosophical, sociological, and ethical implications. The rise of virtual worlds, video games, augmented realities, and digital interactions are symptomatic of this transition, reflecting a society moving from a concrete, tangible reality to a more fluid, digitally-mediated one.

Peering into the potential futures suggests a world undergoing radical transformation. Transhumanism, with its emphasis on the enhancement, augmentation, and even transcendence of the human through technology, provides a compelling lens through which one can envision the paths society might tread. The promises and challenges of such a paradigm encompass not only the technological and biological realms but also delve deep into the nature of experience, reality, and what it means to be 'human' in an age where such boundaries become increasingly porous. This paper aims to delve into these interconnected realms, exploring the nuances of simulacrum in the

digital age and its implications for the future of human experience within transhumanistic paradigms. Through an in-depth analysis of existing literature and a reflective exploration of contemporary technological trends, the research seeks to shed light on the potentials, pitfalls, and profound questions raised by our rapidly evolving digital landscape.

Virtual Realities and the Ethical Landscape: Navigating the Confluence of Simulacra and Transhumanism. In the ever-evolving digital landscape, Baudrillard's proposition of simulacra, as illustrated in *Simulacra and Simulation*, emerges as a compelling lens through which we might interpret and analyze our relationship with technology and reality. He paints a world saturated by signs and symbols, arguing that these symbols gradually supersede our tangible reality, crafting a hyperreality. This hyperreality is a state where imitations or representations don't just reflect but rather replace the real, culminating in environments where these imitations are perceived more 'real' than the original. Current virtual realities, catalyzed by the exponential progression of computational power, stand as testament to such hyperreal spaces. Inside these constructed domains, digital avatars can sometimes eclipse the actual human presence they aim to represent, blurring the lines between the symbolic and the real. But why does this matter? At a cursory glance, the advent of immersive virtual realities might seem to be the next logical step in our tech-driven trajectory, merely another medium for entertainment or engagement. However, a deeper dive reveals profound shifts in human perception and experience. These realms aren't just places to play; they offer alternate existences. They actively challenge and expand our conventional notions of selfhood and identity. Within the vast expanse of the virtual space, the "self" isn't fixed but fluid, allowing for ceaseless metamorphosis. As Lanier postulates in *You Are Not A Gadget*, the digital avatar, for many, becomes more than a representation—it morphs into an extension, perhaps even an augmentation, of their real self. In such a digitally mediated reality, one has the liberty to meticulously craft an identity, a persona liberated from physical constraints and societal expectations.

Yet, this transformative power of virtual environments extends beyond individual experiences. It fosters the genesis of comprehensive digital cultures. Pearce's *Communities of Play* sheds light on how these emerging digital communities, particularly in expansive multiplayer online realms, can simulate and, at times, rival intricate societal structures in the physical world. They evolve complete with norms, economic dynamics, hierarchies, even experiencing socio-political tensions and conflicts. But it's crucial to note: these constructed social rules aren't purely derived from human interaction. They are equally, if not more, influenced by the foundational algorithms that power these realms. The governance of these communities becomes a

collaborative endeavor between human agency and computational logic. However, while these observations offer a riveting commentary on our present, what do they herald for our future? Renowned futurist Kurzweil, in his seminal work *The Singularity is Near* [3], offers a bold prognosis. He envisions a time where technological growth, propelled by advances in AI, outpaces human comprehension, culminating in a fusion of human and machine intelligence. If realized, such a convergence promises a reality where virtual and tangible worlds might not just coexist but become indistinguishable. This is where the transhumanist perspective dovetails into focus of this discourse. Transhumanism, as both a philosophy and a movement, fervently advocates for harnessing technology, especially AI, to transcend inherent human biological limitations. Bostrom's works [9] have been instrumental in charting the transhumanist vision, which is rife with concepts like mind uploading. Such ideas, like those proposed by Moravec in *Robot*, suggest a future where human experiences, consciousness, and perhaps even our very essence, could primarily exist within digital dimensions.

The implications of such a radical shift would be manifold. If the real and the virtual were to merge, it would be a realization of Baudrillard's simulacra at its most profound—the simulation would not just represent or even replace the real; it would become the new reality.

As we venture deeper into the converging paths of digital simulations and tangible realities, the ethical, societal, and individual challenges emerge prominently. One could argue that the virtual realms, with their promise of limitless potential and experience, might inadvertently lead to the erosion of values tethered to our tangible realities. There is an inherent risk: as we immerse ourselves in digitally fabricated worlds, we might progressively disengage from our physical surroundings and the challenges they present. Consider the socio-economic implications. In a world where virtual experiences become paramount, wealth and resources might no longer be tied to tangible assets. Instead, as highlighted in Castronova's *Synthetic Worlds*, digital assets, in-game currencies, and virtual real estate could dominate economic landscapes. While this could democratize wealth creation, allowing for opportunities beyond traditional avenues, it could also lead to digital monopolies, widening the gap between the digitally privileged and those disconnected from such realms. Moreover, the transhumanistic vision, though utopian in its aspirations, presents several ethical quandaries. Uploading one's consciousness or creating digital iterations of oneself blurs the essence of human identity. If one's digital self continues to evolve post their physical demise, does it challenge our conventional understanding of mortality? And if so, what emotional, philosophical, and societal upheavals

might this entail? As Haraway puts forth in the Cyborg Manifesto [10], this hybridization of man and machine might necessitate the reevaluation of our fundamental beliefs about existence, autonomy, and ethics. Furthermore, the challenge of representation in digital dimensions becomes even more acute. As noble as the idea of crafting our digital selves sounds, it poses the risk of perpetuating stereotypes. Digital platforms, as Noble highlights in Algorithms of Oppression [4], often mirror existing societal biases. In a future dominated by virtual realms, these biases, if unchecked, might get deeply entrenched, leading to digital cultures that amplify rather than alleviate societal prejudices.

Adding to this is the profound moral responsibility of those who design and govern these virtual worlds. The developers and corporations wield an unparalleled influence, curating experiences and defining norms. As Sadowski's Too Smart aptly points out, these actors, armed with data and AI algorithms, hold the power to shape collective digital futures. Hence, the call for ethical AI and equitable virtual frameworks becomes not just relevant but indispensable.

The culmination of these reflections ushers in a dual realization. On one hand, the nexus of simulacra, virtual worlds, and transhumanistic paradigms offers tantalizing prospects, promising experiences and realities hitherto unfathomed. Yet, on the other, it casts the shadow of deep-seated challenges. As we teeter on the cusp of such groundbreaking evolutions, the onus is on us, as architects of this shared digital destiny, to ensure that this future, in all its virtual grandeur, remains rooted in equity, ethics, and the collective human ethos. Finally, the virtual and the real are not in opposition but in conversation, constantly informing and shaping each other. The imperative lies in ensuring that this symbiosis celebrates the myriad hues of human experience while staying vigilant against potential pitfalls. The canvas is vast, and as we paint our digital futures, every stroke, every nuance, matters. It's a journey of co-creation, where AI, human intent, and digital realms collaborate, and its success hinges on our collective wisdom and foresight.

Conclusions. Navigating the interplay between simulacra, virtual worlds, and the ever-evolving transhumanistic vision demands an introspective reflection on the path humanity is charting. As we become more integrated with our digital counterparts and virtual spaces, a myriad of existential, ethical, and societal questions arise, which transcend mere technological marvels and venture into the realm of human essence and the very fabric of society. The philosophical implications of this convergence are profound. The melding of virtual and real challenges our conceptions of reality. Baudrillard's notion of hyperreality, as delineated in "Simulacra and Simulation" [1], suggests that in our current age, the line between the real and

the representation becomes indistinguishable. This evolution has been accelerated by our rapid technological advancements. If our experiences in virtual worlds, fueled by AI algorithms and augmented realities, feel as genuine as those in the physical realm, what then becomes of our shared reality? Does it get fragmented, relativized, or expanded? Moreover, these digital landscapes, while offering boundless opportunities for exploration and self-expression, also usher in challenges. As argued by Turkle in "Life on the Screen" [2], the fluidity of identity in virtual spaces can lead to both liberation and confusion. The freedom to craft one's avatar, devoid of real-world physical constraints, allows for the exploration of multifaceted identities. However, it also raises concerns about authenticity, with the potential risk of individuals becoming disassociated from their tangible selves. Furthermore, the transhumanistic aspiration of transcending biological boundaries, as projected by Kurzweil in "The Singularity Is Near" [3], brings to light the quest for enhanced existence, which, while groundbreaking, isn't without its dilemmas. If we were to upload our consciousness to a digital server, achieving a form of digital immortality, it compels us to confront foundational questions about the soul, consciousness, and what it fundamentally means to be human. In parallel, the role of ethics in these transhumanistic futures gains paramount importance. The moral frameworks guiding AI and virtual world design, operation, and governance are essential in ensuring a just and inclusive digital society. The risk of AI algorithms perpetuating societal biases, as Noble contends in "Algorithms of Oppression" [4], underscores the need for ethical vigilance. In an age where algorithms might have a profound influence on shaping virtual experiences and realities, the imperative for equity and representation becomes even more pronounced. In summation, as humanity stands on the precipice of a future dominated by the amalgamation of virtual worlds, simulacra, and the promises of transhumanism, the journey ahead is as exhilarating as it is daunting. While the horizons of what's possible expand exponentially, it beckons us to traverse this path with a grounded understanding of our shared values, ethical considerations, and the essence of our collective humanity. The future is a canvas yet to be painted, and as we wield the brush, every stroke should be made with intentionality, inclusivity, and foresight.

Список литературы

1. Baudrillard, Jean. *Simulacra and Simulation*. University of Michigan Press, 1981.
2. Turkle, Sherry. *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. Simon & Schuster, 1995.
3. Kurzweil, Ray. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. Viking Press, 2005.

4. Noble, Safiya Umoja. Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism. New York University Press, 2018.
5. Harari, Yuval Noah. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow. Harper, 2016.
6. Dewey, John. The Public and its Problems. Penn State Press, 2016.
7. Smith, M. R. Technological Determinism in American Culture // M. R. Smith & L. Marx (Eds.). Does Technology Drive History? MIT Press, 2005.
8. Brey, Philip. Anticipating ethical issues in emerging IT. Ethics and Information Technology Journal. 2012. vol.14(4). P. 305-317.
9. Bostrom, Nick. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford University Press, 2014.
10. Haraway, Donna. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // D. Haraway (Ed.), Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. Routledge, 1991.
11. Zuboff, Shoshana. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. PublicAffairs, 2019.
12. Rawls, John. A Theory of Justice. Harvard University Press, 1971.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУР ОТ ПАЛЕОЛИТА ДО ОБОЗРИМОГО БУДУЩЕГО: ИСТОРИЯ ВЛАСТИ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Баранецкий А.Н.

Кандидат философских наук

*ГАОУПО «Институт развития образования», г. Севастополь,
доцент*

E-mail: ross60@mail.ru

***Аннотация.** В докладе изложены результаты обобщений (с экспериментальной системой наименований) и их иллюстрации из реальной истории в качестве системы предположений об основных принципиальных стереотипах преодоления социальных кризисов от первобытных времён до прогнозов о совершенствовании искусственного интеллекта. Эти стереотипы преодоления кризисов есть управленческие практики, которые неотделимы от принципиального отношения к социальности (к миру социума), т.е. от мироотношения. Мироотношение трактуется как название для детерминирующей матрицы развития социальности, то есть такой интегральной детерминанты, которая предопределяет и экономическую культуру, и качество правовой культуры и своеобразие духовной жизни, религиозные процессы. В итоге получилась схема из 18*

этапов становления систем управления. Сущность глобальных процессов – это смена архетипов мироотношения. Всемирные законы истории переплетены с историей отчуждённого насилия.

Ключевые слова: законы истории, практика управления, архетипы мироотношения, история отчуждённого насилия, прогнозирование, искусственный интеллект.

THE EXPERIENCE OF CREATING MANAGERIAL STRUCTURES FROM THE PALEOLITHIC TO THE FORESEEABLE FUTURE: THE HISTORY OF POWER AS ONE OF THE FOUNDATIONS OF THE PHILOSOPHY OF HISTORY

Baranetsky A. N.

Candidate of Philosophical Sciences

Institute of Education Development of Sevastopol

E-mail: ross60@mail.ru

Abstract. *The paper presents the results of generalizations (with an experimental naming system) and their illustrations from real history as a system of assumptions about the basic fundamental stereotypes of overcoming social crises from primitive times to forecasts about the improvement of artificial intelligence. These stereotypes of overcoming crises are managerial practices that are inseparable from a principled attitude to sociality (to the world of society), i.e. from the world attitude. The world relation is interpreted as the name for the determinative matrix of the development of sociality, that is, such an integral determinant that determines both economic culture, the quality of legal culture, and the originality of spiritual life, religious processes. As a result, a scheme of 18 stages of the formation of control systems turned out. The essence of global processes is the change of the archetypes of the world attitude. The universal laws of history are intertwined with the history of alienated violence.*

Keywords: *laws of history, management practice, archetypes of world relations, history of alienated violence, forecasting, artificial intelligence.*

В предлагаемых тезисах изложены результаты обобщений (с экспериментальной системой наименований) и их иллюстрации из реальной истории в качестве системы предположений об основных принципиальных стереотипах преодоления социальных кризисов от

первобытных времён до прогнозов о прогрессе искусственного интеллекта. Эти стереотипы преодоления кризисов есть **управленческие практики**, которые неотделимы от принципиального отношения к социальности (к миру социума), т.е. от **мироотношения**.

Мироотношение трактуется как название для **матрицы развития социальности**, то есть такой интегральной детерминанты, которая предопределяет и экономическую культуру, и качество культуры нормотворчества, и своеобразие духовной жизни, религиозные процессы.

Мироотношение – это сущность общественных отношений и поэтому – **сущность производственных отношений** тоже. Управленческие проблемы обострённо воспринимаются в тех интервалах времени, когда человеческому сообществу кризис грозит исчезновением – либо исчезновением физическим, либо исчезновением в качестве уничтожения главных основ культурного само-отношения – уничтожения духовных святынь, качеств речи и мыслей, возможности реализовывать самые главные замыслы и чаяния.

Для абстрагирования в данном теоретическом очерке предлагается сосредоточиться на отслеживании категории «мироотношения» в качестве **основы для создания адекватных практик** преодоления кризисов в истории цивилизаций или выхода из катастрофических обстоятельств. Таким образом – понятие мироотношение предлагается как **основа** для **синтеза самых разных типов управленческих систем**. Синтезирующая теория самоуправления обществом начинается с обобщения схем выхода из кризисных ситуаций.

В итоге получилась схема из 18 этапов становления систем управления. 1. Вождизм «дикарей», которые в экстремальных ситуациях могли практиковать беспредельную жестокость и беспечность. 2. Вождизм «самоотверженных», можно сказать «культурных» «эпических» лидеров, которые могли практиковать жестокие решения, но главные проблемы решали без тотального геноцида «чуждых» и могли верить в братство людей, в возможность установления вечных порядков для гарантий спасительной солидарности и человечности. В очерке постоянно подчёркивается, что **самая большая «антропологическая» дистанция** – между 1 и 2 уровнями (в контексте того, что историки считают неолитическую революцию – самой существенной). 2-й тип мироотношения пресекает гордость своей жестокостью и хвастовство жестоких; пресёк каннибализм и убийство непослушных (или «лишних») детей; интенсифицирует опеку общества над воспитательно-обучающими

практиками. 3. Неограниченные юридические права – например классических рабовладельцев – то есть систему всевластия одних и бесправия иных субъектов общества. 4. Иерархическое доминирование в чётко прописанных рамках могущества одних и полного подчинения иных – как при классическом феодализме; доминирование при тотальности культивирования ограничений и стимулов. 5. Неограниченная инициативность и неограниченное расширение экономических (или специальных) возможностей одних субъектов при угнетении или практических ограничениях экономических (или специальных) возможностей иных субъектов – как при классическом капитализме. 6. Регламент управления исключительно на основе профессиональных и юридически допустимых (или юридически безупречных) нормативов (предположительно «посткапитализм» или «социализм») [см.1].

Существенная черта нечётных типов мироотношения (1-3-5) – преобладание прямого и очень эффективного насилия при подчинённом значении инструментов социализации. В чётных типах мироотношения опосредованное насилие культивируется гораздо шире, чем прямое, непосредственное; инструменты социализации позволяют использовать самоотношение в интересах отчуждённого насилия. Это типы 2-4-6. Все шесть этих типов мироотношения обретают своё «второе рождение» после того, как управленческая верхушка социума попадает под власть так называемых «интеллектуалов», можно их назвать лидерами с выросшими интеллектуальными возможностями, т.е. **«экзистенциальным»** вариантом.

Мироотношение, в сущности, своей остаётся прежним, но интеллектуализация политических лидеров позволяет им решать проблемы своего социума на принципиально иных уровнях эффективности. Это отражено в сознательной организации геноцида народов на всех континентах последние 500 лет. Что выдаёт 1-й тип мироотношения «дикарей». Геноцид аборигенов реализовывался колониальными империями с удивительной беспечностью и за этой беспечностью легко угадывается слепой **нарциссизм дикарей** палеолита [см. 3]. Вождизм основателей колониальных империй Испании, Англии, Франции и неокOLONИализм США в человеческих качествах лидеров сочетали сообразительность студентов университета с беспечной наглостью самовлюблённого дикаря, поэтому их спесь и высокомерие вполне можно назвать **«волюнтаризмом экзистенциальных людоедов»**; в этом контексте важно напомнить, что экзистенциальный людоед «пожирает» не плоть физического тела, а **время жизни** личности и народа. Сущность колониализма и сущность

неоколониализма, суть гипер-колониализма постиндустриальной эры именно в этом.

Прорыв к насилию позитивному – не для пожирания, а для облагораживания чужой жизни – это организация вселенских социальных проектов «всемирного братства трудящихся», что выдаёт 2-й тип мироотношения вождей совершенно иного качества («коммунистических»). Да, научный коммунизм чисто теоретически не признавал людей людьми через понятие «предыстории человечества», после которой – начиная с коммунизма – наши внуки будут уже людьми и будут жить в истории. Поэтому отчуждённое насилие коммунистических вождей прямо требовало от каждого коллектива и человека тотально окультурить свою личную сущность, то есть стать коммунистическим человеком из будущего. А если не получится, то гарантировать это своим детям. Коммунистический вождизм можно назвать **«экзистенциально-культовым вождизмом»**.

Это особо изощрённая система «международного разделения труда», и юридически оформленных «прав», которая на практике оказывается запредельным бесправием одних субъектов международных отношений и чрезмерным «всевластьем» иных субъектов. Можно назвать это **экзистенциальным рабовладением**. Что выдаёт 3-й тип мироотношения. Переход геополитических доминант от структуры однополярного к многополярному миру позволяет предположить, что человечество сейчас переходит именно от 3-го типа мироотношения к 4-му, но и 4-й тип мироотношения уже внедряется в жизнь не феодальными «синьорами», «махариши», «мандаринами», «боярами», а людьми с известной интеллектуальной подготовкой. Это уже не исторический феодализм, а **экзистенциальный феодализм**. На основе такой схемы можно предполагать, что через 20-40 лет начнёт проявлять себя более энергично 5-й тип мироотношения (то есть **экзистенциальный капитализм** ещё не созрел), а ещё через 20-40 лет (или 40-60) - шестой. Логично не забывать, что Возрождение после Средних веков – закономерно.

Первое поколение систем искусственного интеллекта при их использовании в решении управленческих задач в контексте первой попытки синтеза управленческих идей не сможет быть не манипулятивным и не сможет запретить себе уничтожать чужое влияние, сводить его к нулю.

Собственно, это и есть соответствие первому типу мироотношения – решение задачи манипулятивной эффективности, даже если для этого потребуется тотально зачищать всё, что мешает решению этих задач. Все прогнозируемые трагедии и катастрофы будут организованы с

применением *именно первого поколения* ИИ. Доминировать в первом цикле будут создатели ИИ, которые по структуре их духовности будут носителями дикого невежества. Все катастрофы, которые прогнозируют сегодня, покажут трагизм и драмы использования первого поколения ИИ. Часто ИИ используют и будут использовать для эскалации зла.

Второе поколение искусственного интеллекта уже может включать в себя такие возможности компромиссов, дифференцированного подхода и поиска вариантов состыковки интересов. Гораздо более мощная система второго поколения ИИ позволит модернизировать все типы механико-математических знаний и соединит в электронных энциклопедиях все наличные типы профессиональной информации. Только так 2-е поколение победит 1-е.

Третье поколение – через ориентацию на сущность третьего типа мироотношения базируется на создании возможности нейтрализовать всё, что мешает и «законно», и «эффективно». Тоталитаризм профессионалов трансформируется в тоталитаризм программистов. Благодаря этому поколению ИИ удастся радикально обновить знания системы наук о физике мироздания. Четвёртый тип социального запроса и мироотношения скорее всего потребует от искусственного интеллекта внутренних самоограничений, и даже позволит привлекать его к подготовке самого законодательства в обществе. Конфликты между программистами можно будет перенаправить в законное русло. По аналогии с историей средних веков междоусобица должна завершаться историей «просвещённого» абсолютизма, иерархией прав. Благодаря этому поколению ИИ удастся радикально обновить знания системы наук о химизме мироздания.

Пятый тип мироотношения уже не может исключить эмерджентного скачка инициативности в использовании ИИ вплоть до проектирования искусственных биологических организмов на основе геной инженерии и т.д. и т.п. Благодаря этому поколению ИИ удастся радикально обновить знания системы наук о биологической реальности.

Проблемы прогнозирования последнего синтеза управленческих технологий могут быть увязаны с достаточно надёжной диагностикой эффективности учебных процессов, влиянием ИИ на мощную модернизацию психоинтеллектуалистики и тотальное обновление всех систем образования, воспитания, влиянием на профессионализм в психологии и педагогике. Думается, что это позволит обнаружить такие ресурсы естественного интеллекта человека, который так и останется недостижимым для интеллекта искусственного. Благодаря этому поколению ИИ удастся радикально обновить знания системы наук о

духовном мире и социальных отношениях, включая социологию, психологию и педагогику.

Общая аксиома, которую стоит проверить учёным, заключается в том, что самый длительный первый этап управления оказывается наиболее драматическим и трагичным. «Первые блины комом». Поэтому вождизм окружения Cromwella, Бонапарта, Муссолини и Гитлера генерировал социальное зло на столетия вперёд, при этом вдохновлялся идеалами далёкого прошлого. Эти образцы социального зла из прошлого как идеал для будущего прельщают очень сильными впечатлениями, они позволяют доводить народы до неистовства и бешенства. «Западнизм» как термин, который важно из метафоры перевести в понятие политических наук – не случаен [см.2].

Вожди «коммунистические» пресекали столетние инициативы по тиражированию социального зла. И искусственный интеллект 1-го поколения будет тиражировать социальное зло. Три первых эпохи были и будут наиболее драматичными. Это ужасы палеолита. Это первые два столетия «Просвещения»: создание колониальных империй и ранний капитализм с диким «первоначальным накоплением капитала». Это первые годы доминирования искусственного интеллекта в его «первых» редакциях. Доминанта – дикий беспредел.

И – соответственно – три последних «шестых» эпохи – будут наиболее благополучными. То есть эпоха новейших бед при создании искусственного интеллекта при жизни ныне живущего поколения накладывается на шестую эпоху «посткапитализм» («социализм»), когда власть будут брать профессионалы; они победят во всех войнах и будут исправлять те беды, которые на нас будут обрушивать создатели примитивных форм искусственного интеллекта.

Доминанта – эшелонированная ответственность и тотальная требовательность.

То есть, в текущие годы – в третьем и четвёртом десятилетии XXI века

К концу текущего века именно благодаря профессионалам все системы образования смогут опекать развитие талантливости детей и даже обеспечат профилактику наиболее драматических форм бездарности и педагогической запущенности выпускников учебных заведений. Поэтому «свет в конце тоннеля» может осмысливаться как рациональное движение от власти профессионалов к власти без отчуждения.

Переход от отчуждённого насилия к власти без отчуждения будет заслугой субъектов власти, которых от талантов отличают с помощью категорий «бездарность» и «талантливость».

Из-за краткости в этом очерке игнорируется накопление опыта коммуникативной культуры рабовладельцами, феодалами и буржуазией. Но в процессе построения прогнозов текущего века уже недопустимо игнорировать шесть других абстрактных понятий: 1. Понятие о власти профессионалов с элементами проф-кретинизма и зашоренности, то есть бездарных. 2. О коллективном руководстве в коллективах профессионалов, об их эффективности. 3. О взломе техногенных систем талантливыми «самородками», о своеобразии тех кризисов, которые будут итогом их бунта. 4. О коллективном руководстве в группах талантливых захватчиков власти. 5. Об изучении вопросов подготовки почвы для рождения гениальных творцов. 6. Вопросы о политической культуре самих гениев.

Диагностика же современности оказывается констатацией трёх переходов: 1. Перехода от власти капиталистов к власти профессионалов, к «посткапитализму» или «социализму». 2. Переход от экзистенциального рабовладения глобалистов к экзистенциальному феодализму многополярного мира. 3. Переход от практик использования первого поколения систем искусственного интеллекта (аналогичного экзистенциальному каннибализму, то есть отбирающему время) к созданию ИИ второго поколения (аналогично энергичному культивированию социальных требований; созданию систем форсированной социализации). Если посмотреть на нумерацию, то это одновременный переход от 5 к 6, от 3 к 4, и от 1 ко 2.

То есть всемирно-историческая спираль обнаруживает синхронность перехода от трёх нечётных типов систем управления к трём чётным. Обнаружение такой синхронности в смене типов мироотношения есть предпосылка для математизации истории менеджмента. Если согласиться с Т. Куном в определении 20-40 лет как интервала смены поколений, то можно предполагать, что через 20-40 лет можно будет искать приметы перехода от 6 к 7 уровню (7-й уровень, это уже «насилие» **не отчуждённое в основе, это опора на совесть всегда и в принципе**); это даже не насилие, а требовательность; и – синхронно – переход от 4 к 5 экзистенциальных типов насилия («пафос вольного найма» как черта экзистенциального капитализма); а прогресс искусственного интеллекта сможет опираться на переход от 2 к 3 уровню мироотношения – условно говоря «ИИ с гарантиями абсолютной ответственности».

Список литературы

1. Баранецкий А.Н. О необходимости создания социологии нравственной культуры // Этничность и власть: новая геополитическая карта Европы и проблема безопасности в Черноморско-каспийском регионе. Материалы

- VIII международного семинара 21-23 мая 2009 г., г. Ялта / под ред. Т.А. Сеньюшкиной. – Севастополь: «ЭКОСИ – Гидрофизика», 2010. – С 280.
2. Зиновьев А.А. Запад: феномен западнизма – М.: Центрполиграф, 1995.– 460 с.
 3. Маклаков А.О., Шевченко А.К. Непристойные наслаждения. - Киев.: СПД Моляр С.В., 2010. - 412 с.

УКРЕПЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КРЫМУ И ДОНБАССЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Баранов А.В.

*Доктор политических наук, доктор исторических наук
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
профессор кафедры политологии и политического управления
E-mail: baranovandrew@mail.ru*

***Аннотация.** Тема актуальна ввиду императива политической консолидации Российского государства, укрепления единства российской нации. Цель статьи – определить достижения и новые вызовы укрепления российской национальной идентичности в Республике Крым, г. Севастополе и Донбассе в 2014–2023 гг. Теоретические основы исследования: социальный конструктивизм, синхронный и диахронный сравнительный анализ. Эмпирические методы: вторичный анализ результатов социологических опросов, анализ статистических данных переписей населения и избирательных кампаний. Сделаны выводы о значительном укреплении российской национальной идентичности в сообществах Крыма и Донбасса за 2014–2023 гг., усилении русской этнической и ослаблении украинской идентичности. Но данный процесс идёт неравномерно в сравнении различных этнических групп, замедляется информационной войной со стороны Запада и Украины против России.*

***Ключевые слова:** российская национальная идентичность, укрепление, Крым, Донбасс, достижения, вызовы.*

STRENGTHENING OF RUSSIAN NATIONAL IDENTITY IN CRIMEA AND DONBAS: ACHIEVEMENTS AND NEW CHALLENGES

Baranov A.V.

Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences

Abstract. *The topic is relevant due to the imperative of political consolidation of the Russian state, strengthening the unity of the Russian nation. The purpose of the article is to identify the achievements and new challenges of strengthening Russian national identity in the Republic of Crimea, Sevastopol and Donbass in 2014–2023. Theoretical foundations of the research: social constructivism, synchronous and diachronic comparative analysis. Empirical methods: secondary analysis of the results of sociological surveys, analysis of statistical data of population censuses and election campaigns. Conclusions are drawn about the significant strengthening of Russian national identity in the communities of Crimea and Donbass in 2014–2023, the strengthening of Russian ethnic and weakening of Ukrainian identity. But this process is uneven in comparison with different ethnic groups, slowed down by the information war on the part of the West and Ukraine against Russia.*

Keywords: *Russian national identity, strengthening, Crimea, Donbass, achievements, challenges.*

Тема работы актуальна вследствие необходимости политической консолидации Российского государства, укрепления единства российской нации.

Среди исследований темы можно упомянуть коллективную монографию Е.В. Бродовской, А.А. Ирхина, О.В. Ярмач и др. [1], статьи В.И. Мукомеля и С.Р. Хайкина [2, с. 50–67], В.А. Чигрина и Н.В. Чигриной [3, с. 305–312]. Исследование идентичности крымских татар проведено Э.С. Муратовой и её коллегами [4]. Результаты анкетного и экспертного опросов об идентичностях крымской молодежи раскрыты в статье А.В. Баранова и С.В. Васюка [5, с. 88–96]. На материалах Донбасса исследования ведут К.В. Черкашин, В.И. Теркулов и Т.Ю. Тамерьян [6], О.В. Оношко и М.В. Руденко [7].

Цель статьи – определить достижения и новые вызовы укрепления российской национальной идентичности в Республике Крым, г. Севастополе и Донбассе в 2014–2023 гг.

Теоретические основы исследования: социальный конструктивизм, синхронный и диахронный сравнительный анализ. Эмпирические методы: вторичный анализ результатов социологических опросов, анализ статистических данных переписей населения и избирательных кампаний.

Этническая структура крымского сообщества динамично изменяется, если сравнить материалы переписей населения. И это объясняется, по крайней мере, за период воссоединения Крыма с Россией, в первую очередь добровольными изменениями идентификаций, а не миграциями. Так, в 2001 г. русские составляли 60,2% постоянных жителей полуострова, в 2014 г. – 67,9%, а в 2020 г. – 76,4%. Удельный вес украинцев по самоидентификации в населении Крыма, соответственно, уменьшился с 23,9% в 2001 г. до 15,7% в 2014 г. и 7,7% в 2020 г. При этом доля крымских татар в постоянном населении умеренно возросла с 10,2 до 12,7% [8, с. 80–87].

Анкетные опросы студенческой молодёжи Крыма в возрасте 17–25 лет, проведённые за 2017–2019 гг. Е.В. Бродовской, А.А. Ирхиным, Л.П. Нелиной, О.В. Ярмак и др. (n=3200, погрешность не более 3%), подтвердили достаточно высокий уровень признания российской гражданской идентичности. Назвали себя в первую очередь гражданами Российской Федерации 48,3% всех опрошенных, жителями Крыма – 40,3%, жителями своего города или села – 20,0%, верующими – 10,6%, людьми своей национальности – 9,7%. В то же время, российская идентичность воспринимается как преобладающая 54% опрошенными русскими, 37% крымскими татарами и 27% украинцами (этничность указана по самооценке опрошенных) [1, с. 27, 30]. По мнениям О.В. Кульбачевской [9, с. 115–117], Э.С. Муратовой и др. [4, с. 179–182], межэтнические различия уровня признания российской идентичности объясняются высоким уровнем урбанизации русских и относительно пониженным – украинцев и крымских татар, а также неравной степенью вовлечённости в позитивные политические практики. Исследование О.В. Кульбачевской дало более высокий уровень признания российской идентичности (67%), ещё 20% респондентов проявили двойную (российскую и региональную) идентичность [9, с. 113–114].

Рассмотрим предпосылки формирования российской идентичности в Донбассе. Массовый опрос, проведённый в декабре 2018 г. интернет-порталом «DNR LIVE» в г. Донецке, подтвердил, что 89,1% респондентов хотели получить российское гражданство и лишь 3,5% – нет [10]. Опрос 2019 г. Украинского института будущего, журнала «Зеркало недели» и компании «Нью имидж маркетинг групп» дал 64% сторонников включения в состав РФ, 18% – возвращения в состав Украины и 17% – статуса независимых государств [11].

Социологические опросы в ДНР, проведённые при личном общении в январе и июне 2022 г. (выборка, соответственно, 500 и 294 чел.), подтвердили значительное укрепление российской идентичности и ослабление идентичности украинской. В мае 2016 г. назвали себя

русскими 57,3% опрошенных, а в январе 2022 г. – 61,6%, в июне 2022 г. – 70,1%. Удельный вес назвавших себя украинцами уменьшался в этих опросах: с 34,2% до 31,2%, а затем до 19,7%. При этом доля русских повышена в подвыборках горожан, лиц среднего и пожилого возраста, малоимущих, верующих. Выбор этнической идентичности – следствие политических позиций респондентов, а также «дрейфа» самосознания в полиэтничных семьях. Проведение СВО вызвало в Донбассе (на освобождённых территориях) консолидацию населения вокруг русской идентичности [12, с. 105–106; 6, с. 121–126].

Таким образом, российская национальная идентичность значительно укрепилась в сообществах Крыма и Донбасса за 2014–2023 гг., усилилась русская этническая и ослабла украинская идентичность. Но процесс идёт неравномерно в сравнении различных этнических групп, замедляется информационной войной со стороны Запада и Украины против России.

Соотношения между гражданской, этническими, конфессиональными, территориальными идентичностями зависят от формулировок вопроса. Под гражданской идентичностью подразумевается признание себя и группы в первую очередь гражданами Российского государства. Но самооценка должна быть уточнена: насколько опрошенные разделяют ценности российской цивилизации, а не только признают выгодность гражданства. Крымский регионализм имеет различные смыслы в восприятии основных народов полуострова: в восприятии русских он подкрепляет государственную принадлежность региона, тогда как для украинцев и крымских татар – отчасти конкурирует с нею.

Список литературы

1. Бродовская Е.В., Ирхин А.А., Канах А.М., Карзубов Д.Н., Нелина Л.П., Ярмак О.В. Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития. Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2019. 144 с.
2. Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после Крымской весны: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3 (133). С. 50–67.
3. Чигрин В.А., Чигрина Н.В. Этноконфессиональная ситуация в Крыму в оценках учащейся молодежи полуострова // Россия и мир: транснациональные коммуникации и взаимопроникновение культур. Сборник статей международной междисциплинарной научной конференции (г. Москва, 22 апреля 2022 г.) / Ред. В.В. Кириллов и др. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Книгодел», 2022. С. 305–312.

4. Муратова Э.С., Дюльберова Л.Я., Апселямова А.И. Крымские татары в условиях трансформации политического пространства: ценности, проблемы, перспективы. Симферополь: ООО «ИТ АРИАЛ», 2020. 192 с.
5. Баранов А.В., Васюк С.В. Этнические и конфессиональные отношения как фактор этнополитического процесса в Крыму (по материалам опросов) // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15. № 4. С. 88–96.
6. Черкашин К.В., Теркулов В.И., Тамерьян Т.Ю. Этническая самоидентификация жителей Донбасса // Политическая лингвистика. 2023. № 1(97). С. 113–128.
7. Руденко М.В., Онопко О.В. Доктрина «Русский Донбасс»: идейно-теоретические основы и политическое значение // Вопросы национализма. 2021. № 1 (33). С. 126–133.
8. Атлас социокультурных процессов в Крыму / под ред. И.Н. Воронина, И.М. Яковенко, А.Б. Швец, Д.А. Вольхина. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. 196 с.
9. Кульбачевская О. В. Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 114–115.
10. Опрос: сколько жителей ДНР хотят получить гражданство России (Инфографика). - URL: <http://rusvesna.su/news/1547791128> (дата обращения: 17.10.2023).
11. Чернышёв Е. Две трети населения ДНР и ЛНР хотят воссоединения с Россией, показал украинский опрос. - URL: <https://www.nakanune.ru/news/2019/11/09/22557707/> (дата обращения: 17.10.2023).
12. Черкашин К.В. Динамика этнической самоидентификации жителей Донбасса // Журнал исторических, политологических и международных исследований. Донецк, 2018. № 4 (67). С. 104–109.

**ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК ВТОРОГО
ПОКОЛЕНИЯ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
НА ИХ АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В ШКОЛЕ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ТОМСК)**

Бердников В.А.

*Национальный исследовательский Томский государственный
университет, студент*

E-mail: valerijberdnikov21@gmail.com

Горбачева Ю.Е.

*Национальный исследовательский Томский государственный
университет, студент*

E-mail: juliagorbacheva12@gmail.com

Дегтярева К.А.

*Национальный исследовательский Томский государственный
университет, студент
E-mail: snat76@yandex.ru*

***Аннотация.** В статье рассматриваются образовательные практики второго поколения мигрантов из Центральной Азии, с целью выявления факторов, влияющих на выбор их адаптационных стратегий в образовательном сегменте. В работе используется теория сегментной ассимиляции, а также рассматривается её применение на примере российских школ. В исследовании, для сбора эмпирических данных, применялся метод фокус групп. Информанты рассказали об опыте их обучения в российских школах и взаимодействии с представителями сообщества. В статье анализируются взаимоотношения между учителями, детьми принимающего общества и вторым поколением мигрантов, негативные и позитивные последствия этих взаимодействий, влияющих на адаптацию детей мигрантов. Выделены две модели адаптации, основанные на взаимоотношениях мигрантов с представителями принимающего общества в школе.*

***Ключевые слова:** мигранты второго поколения, адаптация, адаптационные стратегии, образовательные практики, сегмент общества, теория сегментной ассимиляции, образовательная среда.*

**INFLUENCE OF THE EDUCATIONAL PRACTICES OF THE
SECOND GENERATION OF MIGRANTS FROM THE COUNTRIES
OF CENTRAL ASIA ON THEIR ADAPTATIONAL STRATEGIES
AT SCHOOL (USING THE CITY OF TOMSK)**

Berdnikov V.A.

*National Research Tomsk State University, student
E-mail: valerijberdnikov21@gmail.com*

Gorbacheva Y.E.

*National Research Tomsk State University, student
E-mail: juliagorbacheva12@gmail.com*

Degtyareva K.A.

*National Research Tomsk State University, student
E-mail: snat76@yandex.ru*

Abstract. *The article examines the educational practices of the second generation of migrants from Central Asia in order to identify the factors influencing the choice of their adaptation strategies in the educational segment. The paper uses the theory of segmental assimilation, and also considers its application on the example of Russian schools. In the study, the focus group method was used to collect empirical data. The informants told about their experience of studying in Russian schools and interaction with representatives of the community. The article analyzes the relationship between teachers, children of the host society and the second generation of migrants, the negative and positive consequences of these interactions affecting the adaptation of migrant children. Two adaptation models based on the relationship of migrants with representatives of the host society at school are identified.*

Keywords: *second-generation migrants, adaptation, adaptation strategies, educational practices, segment of society, theory of segmental assimilation, educational environment.*

Введение. Распад СССР актуализировал миграцию из стран Центральной Азии. Часто мигранты отправляются в страну приема со своими детьми. Детей мигрантов первого поколения (которые либо родились в России, либо мигрировали вместе с родителями в дошкольном возрасте) в научных текстах принято называть «*вторым поколением мигрантов*». Эти дети переходят в определенную уязвимую группу, образуя отдельный объект исследования в области миграциологии. Это определяет формирование в российской науке фокуса на исследования проблемы второго поколения мигрантов. Целью данной статьи является выявление образовательных практик, влияющих на выбор адаптационных стратегий второго поколения мигрантов в школе.

Второе поколение мигрантов как объект исследования. В зарубежных исследованиях одними из первых выделили второе поколение мигрантов А. Портес и Р. Румбо. В ходе лонгитюдного проекта исследователи разработали теорию сегментной ассимиляции, которая сводится к тому, что дети мигрантов попадают в определенные сегменты принимающего общества, а не в мейнстрим [1, с. 986]. Главная идея концепции заключается в том, что важно понимать, в какую часть попадает мигрант, а не его способность ассимилироваться в американское общество. Однако мигрант может столкнуться с дискриминацией, неравенством, или попасть в маргинализованную среду – все это препятствует успешной адаптации [2, с. 67].

Авторы данной работы изучали образовательную среду, как сегмент общества, в который попадают дети мигрантов, и в соответствии с ним они выстраивают свои дальнейшие стратегии. В этой статье теория сегментной ассимиляции применяется для описания томских школ, как отдельных сегментов принимающего общества, в которые попадают мигранты второго поколения.

Учебные заведения, как сегмент общества, рассматривала на примере России Е.Б. Деминцева. Её исследования отражают положение мигрантов второго поколения в образовательных учреждениях, в которых дети мигрантов помещаются в сегментированную среду. В условиях данной среды их шансы на успешную адаптацию снижаются, в связи с барьерами в виде школ «с трудным социальным контекстом» [3, с. 154]. Е.Б. Деминцева приходит к выводу, что второе поколение мигрантов рассматривается как проблемная и «невидимая» группа [4, с. 683].

В данной работе исследовательский фокус направлен на взаимоотношения детей-мигрантов и учителей, а также «местных» учеников. Взаимодействие детей мигрантов с окружением в таких контекстах оказывает серьезное влияние не только на их навыки социальной коммуникации, но и на процесс адаптации. Для оценки влияния образовательной среды на адаптацию мигрантов второго поколения авторами анализируются образовательные практики и стратегии представителей данной группы, которые, на наш взгляд, формируются и корректируются в процессе взаимодействия с учителями и одноклассниками. Под образовательными практиками второго поколения мигрантов мы понимаем их включенность в школьную и университетскую среду. Образовательные стратегии – планы мигрантов второго поколения, связанные с включенностью в дальнейший образовательный процесс.

Эмпирической базой исследования явились материалы, собранные сотрудниками кафедры антропологии и этнологии НИ ТГУ. Исследователями было проведено три фокус-группы с мигрантами второго поколения, в каждой из них было от 6 до 8 участников-выходцев из стран Центральной Азии, возраст информантов в среднем варьировался от 18 до 30 лет.

В рамках фокус-групп участники обсуждали период обучения в школе, который тесно связан с процессом их адаптации к принимающей среде. Вопросы были направлены на выявление особенностей взаимоотношений детей-мигрантов с учителями в школе и сверстниками; проблем, с которыми они сталкивались во время учебы; установок на будущее и факторов, определяющих их.

Образовательные практики второго поколения мигрантов в Томске. Анализ эмпирических данных позволил зафиксировать условия, которые определяют формирование образовательных практик детей мигрантов: 1) учителя и их позиции по отношению к мигрантам; 2) школьное сообщество и взаимоотношения мигрантов второго поколения с ним.

Деятельность учителей, влияющая на процесс адаптации к принимающему обществу. В ходе исследования было установлено, что деятельность учителей может, как способствовать, так и усложнять процесс адаптации. Педагоги, желающие помочь мигрантам второго поколения быстрее адаптироваться к принимающему сообществу, могут проводить дополнительные занятия с ними, мотивировать на дальнейшее обучение. Участники отмечали, что даже при наличии сложностей с овладением русского языка им удавалось выстроить хорошие взаимоотношения с одноклассниками и учителями, которые помогали изучать язык. Помимо перечисленного, участие в дополнительной активности, например, в школьном кружке, также способствовало адаптации. Так, один из информантов рассказал о том, что при поступлении в школу справляться с возникшими трудностями помогали одноклассники и учителя: *«С ребятами сразу подружилась, никаких проблем не было... Можно сказать, я активисткой была в школе. С национальностью тоже не было. Меня все уважали, поддерживали»; «Я начала интересоваться шахматами... Я начала ходить на всякие соревнования, мы ездили в Томск, в Новосибирск. И стало больше общения, и мне это как-то еще помогло изучать русский язык».*

Однако, роль учителя может негативно влиять на адаптацию детей мигрантов. По мнению следующего информанта учитель выделял его из классного коллектива и ставил несправедливые оценки из-за его этнической принадлежности: *«Какое-то предвзятое отношение у физички к нерусским... она относится хорошо ко всем моим русских одноклассникам, а со мной прям отшивает сразу же».*

Отношения детей-мигрантов внутри классного коллектива. Мы установили, что наличие друзей в школе среди представителей принимающего сообщества помогает второму поколению преодолеть языковой барьер.

Участники исследования поделились информацией о том, что в школе они начали формировать круг близких друзей, которые не заставляли чувствовать себя «мигрантами»: *«Затем я перевелся в 29-ю гимназию, и там уже я познакомился с одним человеком. Там у меня*

было уже больше друзей, я уже не чувствовал себя каким-то мигрантом».

Однако не всегда школьный коллектив сразу готов принять мигранта второго поколения. К примеру, этническая видимость детей-мигрантов может служить фактором, вызывающим конфликты между ними и принимающим сообществом. Участники фокус-групп отмечали, что конфликты с одноклассниками возникали на фоне их внешности: *«Я был в пятом классе. Как поступил, сразу: "Узкоглазый китаец!" подростки, маленькие дети были, они тоже обзывались на улице, в школе. Бывало, среди взрослых людей было такое ко мне отношение».*

В отдельных ситуациях эти конфликты могут негативно влиять на образовательные практики. Например, у некоторых участников исследования это отражалось на успеваемости и желании включаться в образовательный процесс: *«Т.к. я приехала сюда в 12 лет, я сразу же пошла в школу... потому что я нерусская, они обзывали меня всяко-разно, ну и физически тоже. Когда меня били, я вообще не хотела идти в школу и перестала учиться».*

Стоит отметить, что имели место и частные положительные случаи взаимоотношений в классе. Несмотря на травлю, которой подвергались дети мигрантов в начальной школе, в числе учеников находились те, кто формировал круг близких друзей, который способствовал более успешной адаптации: *«На протяжении школы у меня всегда были друзья, в основном очень хорошие взаимоотношения с одноклассниками. Мы до сих пор общаемся с ними...».*

Более того, друзьями становились не только те, кто изначально поддерживал мигрантов второго поколения, но и те, кто подвергал их травле в начальной школе: *«С первого по четвертый класс – да, были проблемы многочисленные... Педагоги в это особо не вмешивались, делал это я... До девятого класса у меня отношения уже были нормальными, так как многие люди уже понимали, что это уже не смешно: за это можно отхватить».*

Таким образом, мигранты второго поколения подвергаются травле преимущественно в начальной школе. Дети мигрантов могут самостоятельно решить проблему буллинга в школе через нахождение «общего языка» с «местными» учениками или через применение силы. В большинстве случаев буллинг со стороны одноклассников прекращается в старшей школе. При этом в школьном коллективе часто находятся люди, с пониманием относящиеся к детям мигрантов. Например, учителя, помогающие с освоением языка в рамках внеклассных уроков. Также второе поколение находит поддержку среди некоторых сверстников и формирует круг близких друзей, регулярное

общение с которыми обеспечивает успешную социализацию и преодоление языкового барьера. Это способствует успешной адаптации.

Заключение. Зафиксированные образовательные практики можно категоризировать как две ключевые модели адаптации мигрантов второго поколения. Во-первых, модель, в рамках которой у ребенка-мигранта не возникает сложностей с принятием его классным коллективом. Во-вторых, случаи, при которых мигранты второго поколения не принимаются школьным сообществом вообще или в определенный период образовательного процесса (например, в начальной школе).

В рамках первой адаптационной модели этническая видимость детей мигрантов не влияет на их адаптацию в школьной среде и на формирование дальнейших образовательных стратегий. Свою роль на появление у второго поколения мигрантов образовательных стратегий, в данной модели играют учителя и знакомые, появившиеся в школе. Учителя, проявляя инициативу, способствуют повышению степени адаптации мигранта, формированию дальнейших образовательных стратегий. Круг общения, через использование русского языка, позитивно воздействует на степень адаптации детей мигрантов.

Вторая адаптационная модель вынуждает детей мигрантов видоизменять их практики и стратегии, с целью поиска способов включения в принимающее сообщество. Данную модель можно наблюдать в случаях возникновения буллинга по отношению к детям мигрантов, негативному выделению их из общего числа школьников. Под воздействием вышеописанных факторов мигранты формируют свои дальнейшие образовательные стратегии и практики.

Список литературы

1. Фокус группа. «Социокультурная интеграция «второго поколения» мигрантов в России (г. Томск)» / А. А. Садырин, Д. Е. Брызгина // Комитет по местному самоуправлению Администрации г. Томска. 18 июня 2022.
2. Фокус группа. «Социокультурная интеграция «второго поколения» мигрантов в России (г. Томск)» / А. А. Садырин, Д. Е. Брызгина // Комитет по местному самоуправлению Администрации г. Томска. 25 июня 2022.
3. Фокус группа. «Социокультурная интеграция «второго поколения» мигрантов в России (г. Томск)» / А. А. Садырин, Д. Е. Брызгина // Офис сети цветочных магазинов «Азалия». 29 июня 2022.
4. Portes A. Introduction: The Second Generation and the Children of Immigrants Longitudinal Study / A. Portes, R. G. Rumbaut // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. Vol. 28. No 6. P. 983–999.
5. Костенко В. В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. №3. С. 62–76.

6. Деминцева Е. Б. От «заводской» до «мигрантской» школы: (пост)советская школьная сегрегация в городском пространстве / Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 1. С. 152–182.
7. Деминцева Е. Б. Дети мигрантов в школах Томска и Иркутска: проблемы адаптации и меры включения в школьное пространство // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 4. С. 673–688.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КРЯШЕН ТАТАРСТАНА В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ И МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ

Вилкова Д. В.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
студент*

E-mail: dianavilkova14@mail.ru

***Аннотация.** Данная статья посвящена изучению особенностей религиозных и социальных аспектов жизни кряшен в Татарстане, считающих себя самостоятельной этнической общиной, которая обладает собственным языком, культурными и религиозными традициями и собственной историей. Однако данные факты требуют от кряшен дополнительных усилий и решений о способах организации культовых практик, традиционных праздников, о позиционировании себя в РПЦ, о способах взаимодействия с татарами-мусульманами. Результаты исследования демонстрирует, что кряшены позиционируют себя как особые приходы в лоне РПЦ, с богослужением на родном языке, с отличительными праздничными традициями. Кряшенам удастся мирно и обособленно существовать и от татар-мусульман, и от татар-православных.*

***Ключевые слова:** кряшены, кряшенская община, общественная организация кряшен, кряшенский приход.*

FEATURES OF THE SOCIAL RELATIONSHIP OF THE KRYASHENS OF TATARSTAN IN A MULTI-CONFESSIONAL AND MULTINATIONAL REGION

Vilkova D.V.

*Kazan Federal University
student*

E-mail: dianavilkova14@mail.ru

Abstract. *This article is devoted to the features of religious and social aspects of the life of the Kryashens in Tatarstan, who consider themselves an independent ethnic community that has its own language, cultural and religious traditions and its own history. However, these facts require additional efforts and decisions from the Kryashens about ways to organize cult practices, traditional holidays, about positioning themselves in the ROC, about ways to interact with Muslim Tatars. The results of the study demonstrate that the Kryashens position themselves as special parishes in the bosom of the Russian Orthodox Church, with worship in their native language, with distinctive festive traditions. The Kryashens manage to exist peacefully and separately from both Muslim Tatars and Orthodox Tatars.*

Keywords: *Kryashens, Kryashen community, public organization of Kryashens, Kryashen parish.*

Кряшены – это этноконфессиональная группа, которая относит себя к тюркским народам Волго-Камского региона, сохранившим свою верность христианскому вероучению, несмотря на значительное влияние ислама [1]. После присоединения данных тюркских земель, характеризующихся поликонфессиональностью, к российскому государству, православные тюрки, аккумулировались в отдельное православное сообщество, которое состояло из представителей разных диалектов тюркских языков. Так и появилась этнорелигиозная группа кряшен. Исходя из выше сказанного, важно понимать, что термин «кряшены» включает в себя как этнический, так и религиозный аспекты. Именно из-за этой сложности разграничения национального и религиозного аспектов относительно термина «кряшены», которая связана с их историей, исходит проблема возможности определения кряшенского народа в отдельный этнос. И как естественное следствие рутинная привычка многих называть их «крещеными татарами». Такое название во многом стало обзывательством для кряшен, и на этой почве ведется очень много дискуссий. Все данные факты можно причислить к конфликтообразующим, которые усложняют процесс взаимодействия кряшен как с татарами-мусульманами, так и с православными татарами, но в Татарстане как многоконфессиональной и многонациональной республике, и потенциальные и реальные конфликтные ситуации разрешаются успешно.

Одним из самых ярких кризисов кряшенских приходов были поджоги кряшенских церквей в Татарстане в 2013-2014 годах. Когда поджоги культовых сооружений только произошли, среди кряшен существовало мнение, что поджог является актом мести со стороны татар - мусульман, не признающих кряшен отдельным народом, а

считающих их лишь частью татарского народа, принявшей православную веру [2, с. 48].

Происшествие могло спровоцировать конфликт крышен с проживающими в Татарстане мусульманами. Однако высшие духовные лица РТ оперативно отреагировали на возможность развития конфликтной ситуации. Уже на следующий день после поджога были опубликованы официальные заявления митрополита Казанского и Татарстанского владыки Анастасия (Меткина), а также официальных представителей ДУМ РТ, сдержавшие развитие конфликта между крышенами-православными и мусульманами. Но окончательно домыслы и предположения крышен о возможной причастности мусульман к поджогу, перестают высказываться только после появления в сети информации о задержании подозреваемых. До этого момента на просторах интернета можно было найти интересную особенность сообщений крышен: прямых обвинений в обсуждении нет, но реакция на сообщения «противников» о том, что крышены не самостоятельный народ, которые были написаны за год, а то и больше до поджога, получают активную реакцию и обсуждение именно в этот период. До поджога никто данные сообщения не комментировал [3]. В данном аспекте мы наблюдаем максимальную консолидацию крышенской общины для защиты своих интересов.

Кроме вышеупомянутых особенностей взаимодействия с мусульманами, вопрос также касается и национальности татар. Так, православные татары существуют в РПЦ отдельными приходами или растворяются в многонациональных приходах РТ, православные татары в этом смысле мало чем отличаются от многих других национальностей в церкви, однако для крышен принципиально важна возможность ведения богослужения на церковно-крышенском языке, как выражение своей идентичности, сохранение своей истории и традиций. У крышена также свои особые традиции празднования православных праздников, например, день святых апостолов Петра и Павла у крышен называется «Питрау» и празднуется на поляне Тырлау в Мамадышском районе, этот праздник считается также днем крышенских традиций, поэтому они часто наряжаются в традиционный национальный костюм, и устраивают свои особые развлечения, например, шалаш любви.

Несмотря на все эти особенности, крышены в РПЦ успешно реализуют свою культурную деятельность, единственное что отказываются примыкать даже к православным татарам. Несмотря на то, что в научном сообществе церковной истории исследователи говорят, что в XVI-XIX веках в Казанской губернии многие «крещенные татары» Мамадышского уезда (один из основных

исторических центров проживания кряшен) перешли в ислам, чему Церковь пыталась противостоять [4]. Главным доводом здесь для сепаратизации кряшен от «крещенных татар» является кряшенский язык, который, согласно истории, кряшен, отличается от татарского языка отсутствием арабизмов, а следовательно это еще одно доказательство того, что кряшены-тюркский народ, который не претерпел на себе влияние ислама и всегда оставался православным, а следовательно имеющий свой традиционный язык богослужения. Именно из-за этого кряшенские приходы являются обособленным и особым явлением внутри РПЦ, своего рода «церковь в Церкви», однако такое положение одновременного единства с РПЦ и особенным укладом жизни порождает свои трудности, так издание Писания, богослужебной литературы, публицистики, а также икон на кряшенском языке является более дорогостоящим и длительным, из-за затрат на перевод и индивидуальное издание, то же касается икон и росписи храмов на кряшенском языке. Все это благоустройство прихода реализуется за счёт деятельности благодетелей, поэтому в большинстве своем кряшенские приходы пользуются более «традиционными», распространенными вариантами необходимой утвари на церковнославянском.

В заключение, хотелось бы сказать, что вся деятельность и социальные взаимодействия кряшен в Татарстане реализуются достаточно успешно, и конфликтные ситуации нейтрализуются на этапе зарождения, не достигая эскалации, во многом благодаря многонациональности и поликонфессиональности Татарстана, в котором очень долгое время все социальные институты стремятся, в первую очередь, к соблюдению равенства интересов. На данный момент, вопросы о признании кряшен отдельным этносом связаны не только с аспектами этногенеза и единой территории, но и с вопросами самоидентификации самих представителей кряшенского народа. Среди них действительно есть часть людей, которая может назвать себя «крещеными татарами» (ПМА, 2023), а в обращении кряшен к Патриарху Московскому и Всея Руси 2014 года звучала идея о том, что кряшены, ушедшие в ислам, считаются предателями... Поэтому на данный момент, главное желание кряшен исполнить не возможно, но они успешно могут существовать и удовлетворять все свои потребности в рамках РПЦ (МП) в Казанской епархии, что они и делают.

Список литературы

1. Перспективы развития традиционной культуры кряшен в современных условиях. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.missiakryashen.ru/today/documents/conference-2000/Makarov/>
(10.12.2022).

2. Белоруссова С. Ю. Сила кряшен: виртуальная жизнь непризнанного народа // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 41–63.
3. Кряшны (Крещенные татары) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/wall-1306281_152 (10.12.2022).
4. Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. Казань: б.и, 1878. 262 с.
5. Открытое обращение кряшен к Патриарху Московскому и Всея Руси Кириллу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zvezdapovolzhya.ru/obshchestvo/otkrytoe-obraschenie-kryashen-k-patriarhu-moskovskomu-i-vseya-rusi-kirillu-24-01-2014.html> (12.12.2022).

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ ИРАКА В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Вольхин Р. С.

*Севастопольский государственный университет,
магистрант*

E-mail: sevastopol143@gmail.com

***Аннотация.** В статье предпринимается анализ особенностей курса внешней политики США в отношении Ирака в конце XX – начале XXI вв. через призму военных конфликтов, в которых принимал участие Ирак. Отмечается, что к 1990-м годам XX века США, опираясь на силу, успешно установили в регионе свою гегемонию и стали пытаться установить её по всему миру, опираясь на новый курс внешней политики, сформированный в начале 90-х годов и отработанный на Ираке в рамках Второй войны в Персидском заливе. Однако следующая интервенция США в Ирак, происходившая в 2003 году, вместо контроля США над страной привела к дестабилизации региона, что в свою очередь выступило знаменем кризиса курса американской внешней политики.*

***Ключевые слова:** международные отношения, Соединенные Штаты Америки, Ближний Восток, Ирак, Иран, Саддам Хусейн, война в Персидском заливе, операция «Иракская свобода» (2003 г.).*

THE FEATURES OF US FOREIGN POLICY TOWARDS IRAQ AT THE END OF THE 20TH AND THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Volkhin R. S.

Sevastopol State University,

student

E-mail: sevastopol143@gmail.com

Abstract. *The article analyzes the features of US foreign policy towards Iraq at the end of the 20th and the beginning of the 21st century through the prism of military conflicts in which Iraq was involved. It is noted that by the 1990s, the United States, relying on their strength, had successfully established their hegemony in the region and began to attempt to establish it worldwide, based on a new foreign policy course formulated in the early 1990s and tested in Iraq within the framework of the Second Gulf War. However, the subsequent US intervention in Iraq in 2003, instead of solidifying US control over the country, led to destabilization of the region, which, in turn, signaled a crisis in American foreign policy.*

Keywords: *international relations, United States of America, Middle East, Iraq, Iran, Saddam Hussein, Persian Gulf War, Operation Iraqi Freedom (2003)*

Регион Ближнего Востока входит в орбиту стратегических интересов мировых центров силы, борьба между которыми за лояльность ближневосточных политических режимов активно происходила как во второй половине XX в. в рамках противостояния биполярной системы, так и получила продолжение в начале XXI в. Одной из проблемных зон для внешнеполитической деятельности США в данном регионе остается Ирак, нестабильность которого оказывает довлеющее влияние на ситуацию во всем регионе Персидского залива и проецируется на развитие международных отношений в целом, что делает исследуемую проблематику актуальной.

Цель статьи – выделить особенности внешнеполитического курса США в отношении Ирака в конце XX – начале XXI вв.

Исследуемая тема вызывает устойчивый интерес со стороны как зарубежных, так и отечественных специалистов в области международных отношений. Следует отметить обширный пул научных исследований по различным аспектам исследуемой темы, в особенности военной проблематике, который условно можно разделить на три категории:

1) западные исследования (в особенности, американские) по большей части фокусируются на рассмотрении истории военных действий США в отношении Ирака (Карлайл Р.П., Вудворд Б. и др.).

2) российские – в подавляющем большинстве акцентирует внимание на интересах США в регионе (В. Гусейнов, С. Демиденко, В. Кляйн, Б. Ключников, А.И. Уткин и др.).

3) арабские источники фокусируются на проблемах, с которыми столкнулся Ирак ввиду действий США, а также на нарушениях принципов международного права в ходе реализации США собственной внешней политики в отношении Ирака (А. Аббас, Х.Е. Салум и др.).

Взаимоотношения США и Ирака в обозначенный период примечательны двумя военными интервенциями со стороны США и их союзников, происходившими во время Второй войны в Персидском заливе 1990-1991 гг. и в ходе операции «Иракская свобода» 2003 г.

Особо отметим, что отношения между США и Ираком не всегда носили враждебный характер. Так, после исламской революции в Иране в 1979 году, США потеряли своего союзника в регионе, и, как результат, отношения с Ираком укрепились из-за общего противника в лице Ирана [1, с. 51]. Несмотря на то, что военные поставки, включая технологии производства оружия массового уничтожения, превратили Ирак в важную силу Персидского залива, экономическое положение страны оставалось трудным. Это вынудило иракское правительство приступить к агрессивным действиям в отношении Кувейта, в надежде исправить своё экономическое положение за счет кувейтской нефти [2, с. 31]. Однако, действия Саддама Хусейна вызвали осуждение международного сообщества и привели к наложению санкций на Ирак. Совет Безопасности ООН призывал Ирак вывести войска из Кувейта, однако Саддам Хусейн игнорировал требования международного сообщества.

В итоге, многонациональные силы приступили к военной кампании, возглавляемой США (операции «Щит пустыни» и «Буря в пустыне» [3, с. 32-33]). Военные действия многонациональных сил против Ирака получили название Вторая война в Персидском заливе 1990-1991 гг. Отметим, что победа коалиционных сил над армией Ирака не только способствовала освобождению Кувейта, но и принесла определённые завоевания победителям. В частности: США получили нефть по доступным ценам; в американском обществе окончательно преодолён вьетнамский синдром; демонстрация США всему миру своей экономической и военной мощи; появление новых военных баз США на территории Саудовской Аравии и Кувейта; повышение авторитета США в ближневосточном регионе и др. Опыт этой войны лёг в основу стратегии национальной безопасности Соединённых Штатов, которая в свою очередь стала фундаментом внешней политики США на рубеже веков. Заместитель министра обороны США Пол Вулфовиц в 1992 году в документе «Ориентиры для оборонной политики» изложил пункты нового внешнеполитического курса Соединённых Штатов. В этом

документе, в частности, указывалось, что одной из целей внешней политики является предотвращение зарождения новой глобальной угрозы интересам США и их союзников, а также устранение любой враждебной силы, претендующей на политическое лидерство в рамках региона, представляющего интерес для Соединённых Штатов.

Таким образом, США, не дав Ираку возможность стать региональным лидером в зоне Персидского залива, сами закрепили своё влияние в этом регионе. В постбиполярную эпоху Америка продолжила политику по нивелированию разного рода угроз, не допуская появления крупных политических игроков в различных регионах мира.

Но конфликт 1990-1991 гг. был не последним между Ираком и США. Трагические события 11 сентября 2001 г. подтолкнули США к ужесточению своей политики в отношении Ближнего Востока [4, с. 4]. В результате серии атак, организованных членами террористической организации «Аль-Каида» (запрещенной в РФ) Соединённым Штатам, было необходимо принять меры: руководство принимает решение о проведении так называемой «борьбы с терроризмом» на территории Ближнего Востока. Однако, США, прикрываясь «войной с терроризмом», стремились расширить свое влияние в регионе и подчинить государства Ближнего Востока своим интересам.

В этом контексте Ирак стал ярким примером. США под видом демократизации и установления рыночной экономики в стране, стремятся убедить мировое сообщество в губительности режима Саддама Хусейна, его сопричастности к террористическим организациям и разработке оружия массового уничтожения (химического), что находит свое отражение в известном выступлении госсекретаря США Коллина Пауэлла на заседании Совета безопасности ООН в феврале 2003 г., где он демонстрирует пробирку с якобы «опасным веществом» из Ирака. Несмотря на отсутствие прямых связей с организацией, ответственной за террористические атаки 11 сентября 2001 г. [5, с. 34-35], Ирак был включен в список стран Ближнего Востока, где США проводили «Войну с терроризмом».

В рамках операции «Иракская свобода» (2003 г.), США свергли Саддама Хусейна, однако оккупация Ирака лишь усугубила ситуацию. Происходит появление различного рода партизанских формирований, устраивавших атаки на войска антииракской коалиции, а также зарождение на базе иракского отделения «Аль-Каиды» (запрещена в РФ) и других суннитских террористических исламистских группировок радикальной исламистской организации «Исламское государство Ирака» (послужившей основой ИГИЛ (запрещена в РФ)). Попытка установить в Ираке парламентскую республику не была с пониманием

встречена местным населением, а попытка федерализации страны привела только к большей эскалации напряжённости в стране.

Таким образом несмотря на то, что Соединённые Штаты в ходе военной операции «Иракская свобода» 2003 г. смогли свергнуть режим Саддама Хусейна и тем самым убрать политического деятеля, претендовавшего на лидерство в ближневосточном регионе, США не смогли установить лояльное правительство в Ираке, повергнув страну в хаос.

Военная операция 2003 года, в отличие от Второй войны в Персидском заливе, оказалась во многом провальной для США, так как помимо завоевания военного преимущества, необходимо было устанавливать правительство, однако, не учитывая особенностей и традиций общества, институты, свойственные западным странам, будут малоэффективны в тех обществах, которым они несвойственны [6, с. 305]. В итоге, действия США привели к тому, что Ирак стал очагом для деятельности экстремистских группировок, которые привели регион Ближнего Востока к ещё большей нестабильности.

Таким образом, политика США в отношении Ирака в конце XX – начале XXI вв. полна противоречий. За этот период Соединённые Штаты провели две интервенции (в 1990 и 2003 годах) и несколько военных операций на территории Ирака; с американской стороны звучали обвинения правительства Саддама Хусейна в разработке оружия массового поражения и сотрудничестве с террористической организацией «Аль-Каида» (запрещена в РФ). Ирак стал государством, взаимодействие с которым оказало влияние на формирование внешнеполитического курса Соединённых Штатов, которые от контроля над ситуацией посредством своих агентов, опираясь на военную силу (в том числе, частные военные компании), перешли к попытке установления в регионе своей гегемонии, что одновременно стало одним из первых знамений кризиса подобного курса американской внешней политики.

Список литературы

1. Салум Х. Е. Иракский кризис: Сочетание внутренних и внешних факторов воздействия в иракском кризисе // Инновации и инвестиции. 2016. №6. С. 49-54.
2. Кляйн В. Политика США в Ираке: (1979-2005 гг.). Екатеринбург: Интеллектуальная издательская система Ridero: Издательские решения, 2019. 146 с.
3. Carlisle R. P. Iraq War. N-Y: Facts on File, 2007. 198 p.
4. Аббас А. Ближний Восток в стратегии США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - URL: Режим

доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/blizhniy-vostok-v-strategii-ssha> (дата обращения: 15.09.2023).

5. Квашнин М. Ю. Вторая война США против Ирака (2003 год): причины, применение военной силы, последствия // Вестник магистратуры. 2016. №1. С. 33-35.
6. Ключников Б. Ф. Саддам или Иракская трясина Америки. М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2007. 316 с.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В СОВРЕМЕННОМ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

Гаврилюк А.А.

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
студент*

E-mail: sadfallenarhangel@vk.com

***Аннотация.** Латинская Америка, в современном многополярном мире, представляет собой важный регион, оказывающий влияние на глобальные процессы. Этот регион обладает стратегическим геополитическим положением, значительными природными ресурсами и разнообразием политических систем. Экономический потенциал региона часто связан с поставками сырьевых ресурсов на мировой рынок, хотя есть и неравенства в экономическом развитии между странами. Латинская Америка также становится объектом внимания различных мировых держав, которые стремятся укрепить экономические, политические и культурные связи с этим регионом. Важно подчеркнуть, что Латиноамериканский регион играет существенную роль в формировании многополярного мира через свои взаимодействия с различными международными акторами и свое участие в общем глобальном политическом ландшафте.*

***Ключевые слова:** Латинская Америка, ресурсы, отношения, влияние, сотрудничество, многополярный мир.*

LATIN AMERICA IN THE MODERN MULTIPOLAR WORLD

Gavriliuk A.A.

*Saint Petersburg State University of Economics,
student*

E-mail: sadfallenarhangel@vk.com

***Abstract.** Latin America, in the modern multipolar world, represents an influential region affecting global processes. This region possesses a*

strategic geopolitical position, significant natural resources, and a diversity of political systems. The economic potential of the region is often associated with the supply of raw materials to the global market, although there are disparities in economic development among countries. Latin America has also become the focus of various global powers seeking to strengthen economic, political, and cultural ties with the region. It is important to emphasize that the Latin American region plays a significant role in shaping the multipolar world through its interactions with various international actors and its participation in the overall global political landscape.

Keywords: *Latin America, resources, relations, influence, cooperation, multipolar world.*

Латинская Америка – регион, обладающий уникальной культурой, историей и разнообразием, он играет важную роль в глобальной политике, экономике и социокультурной динамике. В современном мире, когда система международных отношений характеризуется наличием нескольких влиятельных геополитических центров, Латиноамериканский регион становится одним из ключевых игроков на мировой арене.

Регион занимает стратегически важное географическое положение, расположенное между двумя континентами – Северной Америкой и Антарктидой, а также двумя океанами – Тихим и Атлантическим.

Благодаря своему геополитическому положению Латинская Америка обладает значительным геостратегическим влиянием, которое привлекает внимание многих мировых держав. Например, США имеют давние политические, экономические, политические и культурные связи с рядом стран в Центральной и Южной Америке. Это приводит к формированию влиятельных политических союзов и партнерств, включая региональные соглашения о торговле и безопасности.

Близость региона к США также означает, что регион стал свидетелем как международных санкций, политических и торговых споров, имеющих значительное влияние на мировую экономику и политику.

Более того, Латинская Америка часто становится объектом внимания мировых держав, таких как Китай и Россия, которые активно развивают экономические отношения и инвестиции в регион. Китайские инвестиции в инфраструктуру, рудные ресурсы и сельское хозяйство становятся все более значимыми, в то время как Россия также развивает свои связи, особенно в сфере военного, энергетического и сельскохозяйственного сотрудничества.

С учетом такого геополитического положения, Латиноамериканский регион становится местом конкуренции и сотрудничества между различными мировыми державами, а также активной зоной развития многосторонних отношений, которые формируют будущее этого региона на глобальной арене.

Латинская Америка представляет собой значительного экономического актора на мировой сцене благодаря торговым потенциалам и разнообразию своих экономик. Регион богат множеством важных природных ресурсов, таких как нефть, природный газ, минералы, а также обширные участки для сельского хозяйства. Ресурсы ставят Латинскую Америку в один из центров мирового экономического интереса.

Однако, экономическая динамика в регионе неоднородна. Некоторые страны, Бразилия, Мексика, Чили и Аргентина, имеют развитые экономики и играют важную роль на мировой арене. Бразилия, например, является крупнейшей экономикой в регионе, а Мексика является одним из ключевых торговых партнеров для США. Однако, существуют страны в регионе, которые сталкиваются с экономическими трудностями, включая высокую инфляцию, нестабильность валюты, высокий уровень безработицы и ограниченные экономические ресурсы. Эти проблемы приводят к неравенству и вызывают социальные и политические неурядицы в некоторых странах. Гаити, Никарагуа и Эквадор, имеют ограниченное экономическое влияние, что делает их игроками второго плана на мировой арене.

Большая часть экономики Латинской Америки зависит от экспорта природных ресурсов. Сырьевая экономика региона делает его уязвимым к колебаниям мировых цен на сырье, которые, в свою очередь, могут сильно влиять на экономическое благополучие стран этого региона.

Более того, в последние десятилетия регион стал местом активного экономического влияния со стороны других глобальных игроков, таких как Китай, который активно инвестирует в регион, особенно в инфраструктуру, энергетику и сельское хозяйство. Это создает новые возможности для развития, но также влечет за собой вызовы в виде увеличения зависимости от мировых экономических игроков.

Говоря о политической ситуации в Латинской Америке, у неё множество особенностей:

1. Разнообразие политических систем. В регионе существуют президентские республики, парламентские системы, а также страны с различными формами авторитарного управления. Например, страны, такие как Бразилия, Мексика, Аргентина и Чили, имеют

демократические системы правления, в то время как другие страны сталкиваются с проблемами авторитаризма, коррупции и политической нестабильности.

2. Политическая нестабильность. Государственные перевороты, протесты, социальные движения и политические кризисы не являются редким явлением в регионе.

3. Региональные и международные отношения. Организация американских государств (ОАГ), Латиноамериканская интеграция (CELAC), имеют стратегические отношения с другими региональными блоками и глобальными игроками. Такие блоки стимулируют торговлю, дипломатические связи, а также сотрудничество в различных областях между странами региона.

4. Роль международных влияний. США, Китай, Европейский союз и другие крупные державы могут и оказывают влияние на политические процессы и развитие в регионе через экономические, политические и культурные связи.

5. Многие страны сталкиваются с вызовами, такими как коррупция, неравенство, нарушение прав человека, проблемы безопасности и проблемы социальной справедливости. Эти проблемы сильно влияют на политическую стабильность и развитие региона в целом.

Сотрудничество России с Латинской Америкой представляет собой многогранный и стратегически важный аспект в условиях многополярного мира. Это партнерство базируется на различных сферах, включая экономику, политику, культуру и безопасность.

Политические отношения России и Латинской Америки имеют значимое место в международных отношениях. Обмен дипломатическими визитами, подписание соглашений о сотрудничестве в различных областях, а также участие в международных форумах позволяют обеим сторонам обсуждать вопросы мировой политики и формировать общие стратегии. Например, Международная парламентская конференция «Россия — Латинская Америка», Санкт-Петербургский Международный Экономический Форум и форум «Россия – Иberoамерика».

Экономические связи между Российской Федерацией и Латинской Америкой включают широкий спектр секторов, например, энергетика, сельское хозяйство, инфраструктура и технологические инновации. Российские компании активно вкладывают средства в латиноамериканские экономики, вкладывая инвестиции и развивая торговлю, в особенности, в рамках сырьевых рынков.

В сфере энергетики Россия имеет значительный потенциал для сотрудничества со странами Латиноамериканского региона. Эта сфера остается ключевым направлением, где Россия предлагает свои технологии и энергетические ресурсы: нефть, газ и ядерная энергия. Сотрудничество в этой области может способствовать укреплению энергетической безопасности и развитию энергетических проектов в регионе.

Культурное взаимодействие – важный элемент сотрудничества между Россией и странами Латинской Америки. Обмен культурой, языком, образовательными программами и стипендиями способствует укреплению культурного понимания и созданию глубоких связей между нашей страной и Латиноамериканским регионом.

В области международной безопасности и борьбы с терроризмом регионы также находят общие точки соприкосновения. Сотрудничество в этой сфере заключается в обмене опытом, информацией и технологиями для борьбы с террористическими угрозами и незаконным оборотом наркотиков, что представляет общие интересы и вызовы для обеих сторон.

Таким образом, Латинская Америка, со своими уникальными характеристиками и разнообразием, играет значительную роль в формировании современного многополярного мира. Её экономическое значение, политическая динамика и участие в мировых делах делают этот регион значимым участником глобальной арены. Однако для региона важно найти баланс между своими интересами и влиянием глобальных игроков, чтобы обеспечить устойчивое развитие и процветание для всех своих народов.

Список литературы

1. Хейфец В.Л. Место Латинской Америки в многополярном мире: взгляды и подходы российских ученых / В.Л. Хейфец // Латинская Америка. 2021. № 5. С. 50–68.
2. Окунева Л.С. "Левый поворот" и демократия в Латинской Америке / Л.С. Окунева // Международные процессы. 2009. № 1. С. 43–53.
3. Гребнев Р.Д. Контуры геополитической стратегии Латинской Америки в условиях формирования полюсов многополярного мира / Р.Д. Гребнев // Свободная мысль. 2023. №4(1700). С. 89–98.
4. Семенова Е.А. Латиноамериканская интеграция в условиях становления многополярной конфигурации международных отношений / Е.А. Семенова // Власть. 2022. №4(30). С. 60–66.
5. Jéifets L.S., Konoválova K.A. Seguridad multidimensional latinoamericana en tiempos de crisis. / L.S. Jéifets, K.A. Konoválova // Iberoamérica. 2020. №3. P. 5-26.

НОВАЯ ПАРАДИГМА В ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ

Гаффаров И.З.

*Кандидат исторических наук
Казанский федеральный университет,
старший преподаватель
E-mail: ildarg67@gmail.com*

***Аннотация.** Глобальные изменения, отражающиеся в жизни людей, духовный поиск новой парадигмы, адаптация к вызовам, которые в итоге, возможно, приведут к трансформации сознания и мировосприятия в целом. В каком ключе будут протекать эти процессы? Вопрос остается дискуссионным. Но ясно одно, что это будет непростой путь, а для кого-то и трудный. Выбрать дальнейшее развитие и соответственно благополучие, принимая при этом складывающиеся реалии, правила, обязанности или же переживать регресс, и соответственно падение уровня жизни, сопряженное с большей долей неопределенности?*

***Ключевые слова:** синергия, парадигма, конвергенция, синкретизм, регресс.*

A NEW PARADIGM IN POST-MODERN TENDENCY OF DEVELOPMENT

Gaffarov I.Z.

*Candidate of historical sciences
Kazan Federal University
E-mail: ildarg67@gmail.com*

***Abstract.** The Global changes reflecting in people's life, spiritual search a new paradigm of life, adaptation of challenges, which finally will lead to transformation of consciousness and perception the whole world. Which kind of processes it will be? The question is debatable. But it's realized clearly that the way will be complicate and even hard for someone. Either choose further development and accordingly well-being life, accepting reality, rules, duties or go on way of regress which means of falling of life indication, linking with a piece of uncertainty.*

***Keywords:** sinergetizm, paradigm, convergence, syncretism, regress.*

Кризис мировой социально-экономической системы, переход к новому технологическому укладу требует новых инструментов,

алгоритмов развития. Отсюда вытекает вопрос о конвергенции или дивергенции уже известных культур, политических и методологических систем. То есть, в условиях отсутствия методологических прорывов, выход надо искать в рамках сближения, конвергенции известных, апробированных теоретических подходов или в их «разбегании», дивергенции. Другими словами - необходим поиск актуализации знаний или «обновление» имеющихся.

Действительно эти новые веяния появляются, не спрашивая у человека позволения. Возникает вопрос, готово ли человечество к таким радикальным вызовам? Для начала необходимо решить ряд методологических проблем. Если говорить о «конвергенции» в XXI веке, возникает вопрос - каким он представляется? В контексте общефилософском конвергенция основывается на единстве человеческой природы, нашей зависимости (независимости) от Бога, вообще на том соображении, что природа человека и общества едина, вследствие чего теоретически можно предположить - «единство» именно в некоей, высшей, сходящейся «самой верхней точке» не умаляя при этом «схождения» других не менее важных точек. Таким образом, методология науки столь часто соприкасается с субстанциями, лежащими за пределами восприятия последней, что порой сложно определить, что можно причислить к методологии науки вообще, а что нет. Синкретизм методологических концепций недавнего прошлого ныне обогащается идеями, методами, подходами, «взятыми» из других наук (психологии, искусства, этики и т.д.). Эти заимствования положительно сказываются на осмыслении тех или иных аспектов математики, физики, биологии, химии с несколько неожиданных сторон, углов, проекций изучаемых объектов. Изначально «конвергенция» была задана с учетом объединения и обобщения закономерностей и параметров развития. Это способствует выявлению «деталей», которые раньше, как бы «ускользали» или оставались вне поля зрения. «Деталь позволяет дешифровать реальность», твердят адепты такого подхода, но весь вопрос в том, что называть исторической деталью, сколько такого рода деталей надо учитывать и какова иерархия этих самых деталей [5, с.17]. При этом эвристический результат зависит, в том числе от самого исследователя.

Интенсивное развитие наукоемких технологий, происходящее в XX веке, а точнее во второй его половине, создало ряд проблем, для решения которых необходимо актуализировать происхождение синергичных направлений. Синергия – богословский термин, обозначающий феномен духовного единства Бога и человека и всех людей. В 70-е гг. XX в. появляется постнеклассическая наука, базовым

ядром которой служит синергетика – теория самоорганизации, лежащая в качестве основы теорий развития, эволюции, коэволюции. Термину «синергетика» дал начало Герман Хакен, объяснивший его с двух позиций. Это целое, состоящее из взаимодействующих объектов и вытекающее отсюда взаимодействие на междисциплинарном уровне [6, с.199]. При этом синергетика не призвана занять пьедестал унифицирующей теории, она лишь переоткрывает, пересматривает, конкретизирует известные области знания и деятельности [2, с. 24].

Наверное, от этого мы должны отталкиваться, когда говорим о происхождении новых вызовов, которые стоят перед нами. Каков же должен быть ответ? Безусловно, в современных условиях это NBIC – конвергенция. NBIC-конвергенция – это взаимовлияние четырёх технологий: нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивной науки, а венцом этого должно стать схождение политических систем, конвергенция этноконфессионального, культурного пространств, основанных на базе общечеловеческих ценностей.

Для начала рассмотрим определение конвергенция. Понятие «конвергенция» происходит от латинского *convergo* – приближаюсь, схожусь. Оно имеет много смысловых граней и аспектов. Определение «конвергенция» часто встречается в разных науках: философии, математике, истории, биологии, лингвистике и т. д. Например, в политологии и экономике конвергенция означает схождение политических и экономических систем разных стран по разным признакам. Особое место занимает конвергенция политических систем, в силу современных политических реалий, складывающихся в мире. Но это вполне объяснимо в силу того, что есть термин, противоположный конвергенции. Это дивергенция. Не останавливаясь на деталях, ибо это будет темой нашего предстоящего исследования, скажем лишь то, что дивергенция - явление прямо противоположное конвергенции. Не углубляясь в анализ, подчеркнём главное: дивергенция в методологии истории означает невозможность создания теорий обобщающего, комплексного характера, отсутствие теоретических возможностей для «объединения» принципиальных идей различных подходов, концепций. Мы можем утверждать, что конвергенция и дивергенция – это общие методы научного познания.

Российскому обществу не выжить в стремительно глобализирующемся мире без научно-технологического развития, которое требует учета основных глобальных тенденций и вызовов мирового развития. Как мы отметили выше, одним из таких вызовов является конвергентный вызов, обусловленный НБИК-инициативой

(NBIC), с которой столкнулись мир и Россия. Эта дефиниция была введена в обиход в 2002 г. Михаилом Роко и Уильямом Бейнбриджем в отчете «Converging Technologies for Improving Human Performance», подготовленного в рамках Всемирного центра оценки технологий (WTEC). NBIC-конвергенция вносит революционные технологические изменения благодаря перекрёстному взаимодействию между различными пограничными областями исследований. «Могут ли эти и другие технологии объединиться, стать чем-то большим, чем каждая из них отдельно? Ответ вполне очевиден. Конвергенция означает больше, чем просто координация деятельности проектов и групп, взаимодействующих друг с другом. Она подразумевает интеграцию результатов совместной деятельности и получение чего-то большего, чем то, что можно увидеть в каждой области непосредственно [7, с.126].

Конвергенция технологий, получившая огромную популярность во всем мире, вместе с тем, имеет своих сторонников и противников. С одной стороны, конвергенция технологий как новый этап научно-технологического развития несёт человечеству новые блага. Широта и глубина проблем, поднимаемые конвергенцией, призванные улучшить человеческую функциональность, несомненно, относятся к центральным проблемам истории и философии. Естественно, что внимание многих западных и российских учёных приковано к проблемам конвергенции. В их работах наличествует весь спектр взглядов на конвергенцию от революции НБИК–конвергенции до полного её неприятия. Не будем пока переноситься в политическую плоскость вопроса. Хотя она является своеобразным венцом, итогом конвергенции. Надежды на «просвещенное использование» открытий НБИК-конвергенции, далее СНБИК, связывают, прежде всего, с гуманизацией технологий, а не с дегуманизацией общества и человека [1, с. 104]. При этом кумуляция знаний, технологий, ресурсов позволяет избегать фрагментарности знаний, тупика, ступора в научно-технологическом развитии.

Еще Гераклит в своём сочинении «О природе» предугадал законы диалектики: борьба противоположностей как источник развития: («борьба – отец всему и всему царь»; постоянное изменение и постоянное развитие: «все течет», «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, ни дважды прикоснуться к преходящей, по своему характеру тождественной сущности. Она быстро свои перемены разъединяет, а затем опять соединяет, приходит и опять уходит» [4, с.109].

На эту мысль древнегреческого учёного, высказанную в 5 в до н. э., сейчас мало кто обращает внимания. А ведь он сформулировал поразительную и очень простую мысль, которая сейчас просто

игнорируется по совершенно разным, а иногда банальным причинам. Т.е историю невозможно повернуть вспять. Ибо это может закончиться величайшей катастрофой. Мир пережил две Мировые войны. Мы стоим на пороге возможно нового столкновения противоборствующих сил, с вовлечением «новых геополитических игроков». Как мы указали выше, гераклитова диалектика стала концепцией развития объективно существующего мира, в которой осмысливаются изменения во времени объектов как раздваивающихся сторон единства и целостности на противоположности, которые образуют необходимые дополнения друг к другу в единстве, а также конкурируют, борются. Удастся ли избежать, уже глобального катаклизма, связанного с использованием ядерного оружия? Или все-таки удастся найти другой выход из создавшегося клубка противоречий. Подкрепляя эту мысль, хочется обратиться к изречению Конфуция: «Вы думаете, я ученый, начитанный человек? ... Совсем нет. Я просто ухватил одну нить, которая связывает все остальное» [3, с. 25].

Перед человечеством возникает дилемма дальнейшего развития. Либо общество движется постепенно по линейной траектории, исчерпывая не только природные, но и технологические ресурсы, что, скорее всего, приведёт к затяжным конфликтам, столкновениям между группами стран. Либо у общества есть альтернатива – в точке бифуркации выбрать такую стратегию развития, которая позволит развиваться по правилам живой природы, применяя при этом весь арсенал новейших технологий. Итак, NBIC – конвергенция (НБИК) – четвёрка нано, био, инфо и когнитивных технологий превращается в SNBIC – конвергенцию (СНБИК) – кластер четвёрки технологий и общества, как единое пространство человека и технологий. При этом культура остается важным несущим элементом противостояния националистическим концепциям развития [5, с. 17]. Это позволит сохранить целостность, неразрывность единого исторического пространства.

Список литературы

1. Алексеева, И.Ю. Информационное общество и НБИКС-революция [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; И.Ю. Алексеева, В.И. Аршинов. – М.: ИФ РАН, 2016. – 196 с.
2. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1999. — 203 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
4. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л.Ф.Ильичев, П.Н.Федосеев, С.М.Ковалёв, В.Г.Панов. 1983 – 840 с.

5. Лепешко Б.М. Конвергенция и дивергенция методологических систем // Социально-политические науки. 2013. №3.116 с.
6. Сеньюшкина Т. А. Синергетический потенциал управляющего воздействия государства / Т. А. Сеньюшкина, Е. А. Сеньюшкин // Политическое пространство и социальное время, Ялта, 12–16 мая 2015 года / Главные редакторы: Т.А. Сеньюшкина, А.В.Баранов. – Ялта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2016. – С. 199-204.
7. Фролов Д.П. Бабкин М.М. НБИК – Конвергенция в региональном измерении // Региональная экономика: теория и практика. 2016. Т.14, вып.12. Декабрь.

ПРАВОСЛАВНЫЙ – ЗНАЧИТ ГЛОБАЛЬНЫЙ. ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА

Гончаров Ю.А.

кандидат политических наук

*Филиал ФГУП «Главный радиочастотный центр» по Республике
Крым и г. Севастополь,*

заместитель начальника отдела мониторинга СМК

E-mail: kipvo@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются взгляды российского философа Александра Панарина на место и роль православной цивилизации в современном глобальном развитии. С точки зрения А. Панарина, именно православный цивилизационный проект способен обеспечить общечеловеческий прорыв в будущее при сохранении культурно-цивилизационного многообразия человечества. Но для реализации такого проекта необходимо, прежде всего, сформулировать теоретико-методологические презумпции этого проекта. Панарин предлагает в качестве таковых восточнохристианский логос в противовес западнохристианскому рацию, бескорыстный дар в противовес коммерциализированному обмену, космоцентризм в противовес социоцентризму, христианское милосердие в противовес морали успеха. В итоге философ формулирует православную цивилизационную парадигму как фундаментальную картину социального универсума. Цель такой работы - предложить российскую версию дискурса по вопросам глобализации.*

***Ключевые слова:** А.С. Панарин, «государство-цивилизация», Россия, глобальный мир, цивилизационный подход, православие.*

ORTHODOX MEANS GLOBAL. CIVILIZATIONAL PARADIGM OF ALEXANDER PANARIN

Goncharov Y.A.

candidate of political sciences

*Branch of the «General Radio Frequency Centre» in the Republic of
Crimea and the city of Sevastopol*

deputy Head of the Media Monitoring Department

E-mail: kipvo@yandex.ru

Abstract. *The article examines the views of the Russian philosopher Alexander Panarin on the place and role of Orthodox civilization in modern global development. From the point of view of A. Panarin, it is the Orthodox civilizational project that can provide a universal breakthrough into the future while preserving the cultural and civilizational diversity of humanity. But to implement such a project, it is necessary first of all to formulate the theoretical and methodological presumptions of this project. Panarin offers as presuppositions the Eastern Christian logos as opposed to the Western Christian «ratio», a selfless gift as opposed to commercialized exchange, cosmocentrism as opposed to sociocentrism, Christian mercy as opposed to the morality of success. As a result, the philosopher formulates the Orthodox civilizational paradigm as a fundamental picture of the social universe. The purpose of his work is to offer a Russians version of the discourse on globalization.*

Keywords: *Aleksandr Panarin, philosophy, paradigm, «state-civilization», Russia, global world, civilizational approach, Orthodoxy.*

Концепция внешней политики России определяет Российскую Федерацию как «самобытное государство-цивилизацию» [1]. Цивилизационный подход, представленный такими великими именами как Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон, является продуктивным направлением для исследования тенденций развития современного мира.

Российский философ Александр Сергеевич Панарин занимает особое место среди философов, развивающих цивилизационный подход. Дело в том, что его ключевая работа в рамках цивилизационного подхода – книга «Православная цивилизация в глобальном мире» [6], была издана уже в XXI веке, и включила в себя размышления над сложным опытом православия на протяжении всего прошлого века, в том числе историю драматического распада

Советского Союза и отступления русской цивилизации под натиском глобальных деструктивных сил.

Но будущее, с точки зрения Александра Панарина, не является простым продолжением настоящего, будущее представляет собой «вызов настоящему и активное отрицание его» [7, с. 322], и задача аналитика – увидеть в сегодняшнем дне вызовы и угрозы дня завтрашнего. Так, Платон, который, как известно, творил во времена расцвета древнегреческого полиса, предупреждал современников, что крайности демократии ведут к ослаблению внутреннего порядка, падению способности граждан защищать государство от внешней опасности, вырождению элит и упадку гражданских добродетелей [5, с. 30].

Сейчас, в условиях расхождения человечества по цивилизационным, государственным и даже этническим, племенным «квартирам» актуален вопрос о будущем, поставленный Александром Панариным: «на основе каких теоретико-методологических презумпций можно вернуться к гуманистическому универсализму, к концепции всеобщности спасения, единства исторических судеб человечества?» [6, с. 16]

Предыдущие несколько столетий такую универсальную модель будущего формулировала западнохристианская цивилизация, причем как в религиозной форме общности спасения («нет ни эллина, ни иудея»), так и в основанных на западнохристианской культуре светских проектах: марксизме и либерализме. Но в современных условиях западная цивилизация, как метафорично формулирует Панарин, сменила «оптимистическое великодушие Просвещения, сформировавшее гуманистические универсалии общечеловеческого будущего, на культурологический пессимизм и расизм, сообщающий некогда обезличенному прогрессу специфический цвет и запах «белого человека» [6, с. 18]. Соответственно, появляется запрос на новый цивилизационный проект, который обеспечит общечеловеческий прорыв в будущее и при этом позволит сохранить культурно-цивилизационное многообразие человечества. «Не отвечает ли указанному критерию российская цивилизация?» – задается вопросом философ [6, с. 19]. При этом необходимо подчеркнуть, что понятия «православная цивилизация», «восточнохристианская цивилизация» и «русская цивилизация» являются для Панарина синонимами. Он задает вопрос, почему именно Москва стала объединяющим центром для восточнохристианской цивилизации, подхватив эстафету у Царьграда, и делает вывод, что «максимализм православной идеи требует настоящего сильного государства и по критериям внутренней

сплоченности, и по критериям внешнеполитической мощи» [6, с. 217], и такое государство начало формироваться именно вокруг Москвы.

Известно, что понятие «цивилизация» в современной гуманитарной науке является дискуссионным. «В академическом и публицистическом дискурсе трудно найти термин, который бы использовался чаще и разнообразнее, чем этот. Присущие этому понятию многоплановость, универсальность, некоторая размытость и фактическое отсутствие четкого единого определения делают возможным его широкое и многозначное использование в теоретическом дискурсе различных научных дисциплин» [4, с. 79]. Александр Панарин понимает географическую обусловленность цивилизаций как сообществ людей, ибо живем «на грешной земле», но ключевым предметом обсуждения для него является тот «исторический проект», программа «прорыва в будущее», которую цивилизация предлагает человечеству. Вслед за С. Хантингтоном он соглашается с религиозной самоидентификацией как ключевым показателем цивилизационной идентичности, так как действительно, можно быть полу-французом и полу-арабом, но «сложнее быть полу-католиком и полу-мусульманином» [9, с. 36], но категорически не принимает понятия «конфликта цивилизаций». По его мнению, если речь и идет о конфликте, то о «конфликте с историей», в который вошла западная цивилизация, превратившись в «паразитарную». При этом именно православная, восточно-христианская цивилизация, сохранившая традиции христианского универсализма, способна предложить решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством, в отличие от слишком эзотеричной конфуцианско-буддистской и слишком сильно ориентированной на защиту собственных ценностей мусульманской.

Какие же «презумпции» цивилизационного мышления позволяют православной цивилизации претендовать на предложение человечеству духовной альтернативы? Во-первых, способ познания мира, оставляющий приоритет за восточнохристианским Логосом в противовес западнохристианскому ratio. В объяснении этого понятия можно сослаться на русского философа Владимира Эрна, для которого приоритетным в познании был нравственный опыт, «осознание своего бытия в Истине», при котором «на вершинах познания находятся не ученые и философы, а святые» [цит. по: 3, с. 216]. По Панарину, только утвердив приоритет ценностного и морального измерения научной деятельности мы проникаемся «скрытыми основаниями научного логоса»: «Православный ум любит знание не потому, что знание полезно, а потому что оно прекрасно» [6, с. 446].

Другая презумпция относится к общим основаниям человеческой деятельности: бескорыстному дару в противовес коммерциализированному понятию «обмен». С точки зрения мыслителя, именно абсолютизация принципа «ты мне – я тебе», господствующего в современной рыночной экономике приводит к дисфункциональности социальных институтов: всякая совместная деятельность предполагает «авансированное доверие», готовность к бескорыстному участию, между тем современный человек постоянно опасается что-то переделать, вложиться, сделать лишнее, и, в итоге, оказывается в принципе не способен ни к какой деятельности. Ну и наконец, восприятие внешнего мира не как «мастерской», объекта преобразований, а как благодати, как дара, который следует сохранить и передать потомкам в наибольшей степени соответствует современному экологическому сознанию.

Такое отношение к миру (как к дару) предполагает наличие следующей презумпции: приоритет космоцентризма в противовес социоцентризму во взглядах на общество. Социоцентризм предполагает рассмотрение окружающего мира исключительно с точки зрения потребностей человека. В итоге такой подход приводит к взгляду на общество как на «коллективное предприятие, связанное с эксплуатацией природы» [6, с. 130]. В противоположность социоцентристской формуле «социум-человек-космос» Панарин предлагает космоцентрический взгляд: «космос-человек-социум», восприятие человека как равноправной части мироздания наряду с другими его частями и составляющими, и вообще сохранению космической гармонии в противовес всем попыткам переустроить мир.

И, наконец, презумпция христианского милосердия в противовес морали успеха, уверенной, что только «сильные мира сего» наследуют землю. «Православие есть религия сострадательности к слабым - и как таковая она представляет собой восстание против духа новой сегрегации, нового расизма, неожиданно завладевшего «передовым человечеством» [6, с. 486].

Таким образом, рассуждая о будущем православной цивилизации, А.С. Панарин пытается определить, с учетом современных реалий, православный взгляд на мир, сформулировать православную цивилизационную парадигму, то есть фундаментальную картину социального универсума, включая комплекс основополагающих представлений об обществе и индивиде, гражданском обществе и государстве, сакральном и мирском [2, с. 4]. Цель такой работы – предложить российскую версию дискурса по вопросам глобализации, в идеале обеспечить интеллектуальное доминирование российского

дискурса по этим вопросам [8, с. 210]. В условиях поиска оснований, принципов существования России как государства-цивилизации, цивилизационная парадигма Александра Панарина актуальна как никогда.

Список литературы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. - URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 23.10.2023).
2. Гаджиев К.С. Политическая философия. М: Экономика, 1999. 605 с
3. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат. 1991. 525 с.
4. Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. №. 4. С. 78-93.
5. Панарин А.С. Политология. М.: «Проспект», 1998. 408 с.
6. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.:Алгоритм. 2002. 496 с.
7. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русский Миръ: Моск. учеб., 2005. 432 с.
8. Российская наука международных отношений: новые направления / Под редакцией А.П. Цыганкова, П. А. Цыганкова. – М.: ПЕР СЭ. 2005. 416 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33-48.

«АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА "МЯГКОЙ ИСЛАМИЗАЦИИ" В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ»

Гурская Ю.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
студентка*

E-mail: gurskaya.j@mail.ru

***Аннотация.** В статье отмечается необходимость изучения трансформации ислама в виртуальной плоскости. Образы, которые формируются в массовом сознании посредством форм, доступных и понятных каждому Интернет-пользователю, содержат в себе определенную коннотацию, распространение которой может быть выгодно отдельным религиозным группам. При помощи концепции «мягкой силы» американского политолога Джозефа Ная, сделан вывод о специфике исламизации, развивающейся обособленно в русле российского Интернет-сегмента. В результате анализа малоизученного на данный момент феномена «мягкой исламизации», сделан вывод о возможных рисках для традиционных форм*

религиозности и сохранения межконфессионального диалога. Автором статьи высказан тезис о необходимости для традиционных конфессий России формирования новой медиаповестки, при помощи которой будут транслироваться ценности, не допускающие проявлений ксенофобии ни по одному из известных признаков.

Ключевые слова: «мягкая сила», интернет, ислам, «мягкая исламизация», медиадискурс, публичное пространство.

«ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF "SOFT ISLAMIZATION" IN THE RUSSIAN INTERNET SPACE»

Gurskaya Y.A.

Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: gurskaya.j@mail.ru

Abstract. *The article notes the need to study the transformation of Islam in the virtual plane. Images that are formed in the mass consciousness through forms accessible and understandable to every Internet user contain a certain connotation, the dissemination of which may be beneficial to individual religious groups. Through the concept of "soft power" by American political scientist Joseph Nye, a conclusion is made about the specifics of Islamization developing separately in line with the Russian Internet segment. As a result of the analysis of the currently little-studied phenomenon of "soft Islamization", it is concluded that there are possible risks for traditional forms of religiosity and the preservation of interfaith dialogue. The author of the article states the thesis about the need for the traditional confessions of Russia to form a new media message through which values that do not allow manifestations of xenophobia on any of the known signs will be broadcast.*

Keywords: *«soft power», Internet, Islam, «soft Islamization», media discourse, public space.*

Религия, представляя собой инструмент легитимации, участвует в формировании повседневной реальности общества, а Интернет-пространство сегодня является для большинства главной площадкой трансляции ценностей. Учитывая специфику российского Интернет-сегмента, где наблюдается низкий порог вхождения и выработанные механизмы цензуры отсутствуют как таковые, всегда существует риск распространения нежелательных идеологий. Опасность данной ситуации заключается в видоизмененных способах такого распространения. На смену громким лозунгам и агрессивным

нарративам, пришли завуалированные, «мягкие» способы Интернет-пропаганды. Такая стратегия, как правило, рассчитана на рядовых пользователей сети, которым привычны простые формы передачи информации, такие как короткие видео или мемы. Информация обычно подается в легкой юмористической или эстетически привлекательной форме, вызывая у пользователя положительный отклик и на основе этого формируя определенные симпатии и предпочтения тем идеям, которые закладываются в эти формы.

Концепция Джозефа Ная о типах силы («жесткой» и «мягкой»), сохраняет свою актуальность и сегодня, поскольку по мере усложнения общества, усложняются и методы воздействия на него. Сам автор предлагает следующую трактовку: «Использование принуждения, вознаграждения и некоторые построенные на них программы действий я называю жесткой силой; выработка программы действий, воспринимаемая объектом в качестве легитимной, позитивная привлекательность и убедительность являются частями поведенческого спектра, который я включаю в мягкую силу. Жесткая сила — это толчок, мягкая сила — это притяжение» [1, р. 95]. В данном случае нам интересна так называемая «мягкая сила» (soft power), которую можно рассматривать как силу, стратегия которой заключается в достижении целей посредством интеллектуальных паттернов, привлекательных образов, воздействующих как зрительно, так и аудиально. «Мягкая сила» формирует новые предпочтения потребителей контента, перекраивает их запросы под получаемую информацию, встраивает в желаемую идеологию. Интернет как площадка распространения информации, для реализации политики «мягкой силы», без преувеличения, идеален: он не требует больших финансовых затрат, но вместе с тем способен обеспечить широкий охват аудитории и быстрое получение обратной связи [2, с. 156]. Однако несмотря на свою обособленность в рамках одной (виртуальной) плоскости, «мягкая сила» способна вполне реально трансформироваться в «жесткую силу»: к примеру, организация социальных акций или митингов через активность в мессенджерах [3, с. 97]. Данный факт объясняется тем, что «мягкими» способами формируется лояльная толпа, которая, выходя в реальный мир, сохраняет те ценности и убеждения, что ей привили в онлайн-пространстве [4, с. 95]. Интернет-ресурсы ускоряют мобилизационные процессы ввиду преимуществ, озвученных нами ранее.

Феномен «мягкой исламизации» не является достаточно изученным и концептуализированным на данный момент, поскольку он мыслится только как одна из многочисленных форм трансляции

религиозных идей в непривычных для самой религии формах. Сам ислам, будучи одной из самых распространенных религий в России и мире, безусловно принимает участие в формировании современного медиадискурса. С появлением Интернета инструментарий распространения религии (необязательно ислама) расширился, но вместе с тем стал примитивным: короткие развлекательные видео или мемы есть не что иное, как система знаков, закрепляющаяся в сознании рядового пользователя. Подобное «легкое», чуть ли не развлекательное восприятие религии представляет собой благодатную почву для течений, никак не связанных с традиционным исламом, но активно маскирующимся под него. Нежелание изучать Коран, вникать в теологию, формирует совершенно иную систему ценностей, возвращённую развлекательным контентом.

Использование мусульманских образов в Рунете весьма разнообразно: от видео с роскошным образом жизни богатых мусульман до Интернет-мемов («Москва метро Люблино работаем»). Позитивные образы, связанные либо с богатством, либо с юмором, в конечном итоге формируют наше неполное, а подчас и искаженное представление о представителях ислама и их образе жизни. Пользователь, не погруженный в вопрос, вполне может заинтересоваться религией, которая якобы транслируется через незамысловатый контент. На видеохостингах существует множество видео различных проповедников, готовых объяснить серьезные моменты за несколько минут простым языком. Однако здесь и возникает основной риск в лице радикалов, чьи искаженные идеи, не имеющие ничего общего с исламом, неосведомленным пользователем могут восприняться за чистую монету. В качестве примера мы можем привести Youtube-блог шейха Абдуллы Костекского (признан экстремистом на территории Российской Федерации), который пропагандирует межнациональную рознь в публичном пространстве, лишенном возрастных или иных ограничений.

Сами по себе развлекательные образы, сопряженные с исламом, не имеют ничего плохого. Во многом они показывают мусульман как позитивных, гостеприимных людей, открытых каждому. В этом есть и безусловный плюс – происходит смещение фокуса с исламофобии к терпимому отношению, когда пользователь видит, что ислам несет в себе понятные ему на бытовом уровне ценности. Но вместе с тем, существуют и существенные недостатки такого контента – рост неприязни, когда временами агрессивно насаждаемый контент вызывает у людей раздражение не только к самому контенту, но и к исламу как таковому. В связи с чем необходимо понимать, что

подобный развлекательный контент для широких масс – это не сама религия в традиционном ее понимании. В данном случае мы скорее можем говорить о квазирелигиозной форме, которая без углубления в суть ислама, способна радикализироваться. Однозначно, что эта форма не имеет ничего общего с тем традиционным исламом, что ни один век существует в нашем государстве и успешно взаимодействует с другими конфессиями.

Таким образом, четко встает вопрос о формировании той медиаповестки, которая будет распространять традиционные идеи в интересной для пользователей форме, вместе с тем, не заискивая перед ними и не уходя в примитив. Культ насилия и ксенофобия недопустимы в многонациональном и многоконфессиональном российском государстве, в связи с чем необходимо понимать, что за развлекательными образами, в первую очередь, кроется усеченное понимание религии. А где есть место ограниченности, там существует повышенный риск распространения радикальных идей. «Мягкая исламизация» понимается как реальность, в которой формируется альтернативная система ценностей, которая настолько неопределенна и подвижна, что на нее могут оказывать влияние сторонники абсолютно разных взглядов, и деструктивных в том числе. Необходимость в формировании той системы знаков, которая будет формировать вдумчивых, способных к рефлексии пользователей, в данных условиях становится очевидной.

Список литературы

1. Nye J.S., Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs, 2004. 192 p.
2. Строганов В. Б. Манипулятивные технологии soft power в Интернете // *Дискурс-Пи*. 2017. №3–4.
3. Агеева А. В., Красноцветов Г. В. «Мягкая сила» в онлайн-пространстве: практический опыт применения технологий интернет-коммуникаций // *Власть*. 2020. №2. С. 96–100.
4. Панова Е. П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 4. С. 91–97.

**ПРЕДМЕТ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»: ВОЗМОЖНОСТИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ КРЯШЕНСКОГО СООБЩЕСТВА**

Денисов А.Е.

Кандидат политических наук

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
старший преподаватель кафедры конфликтологии Института
социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского
(Приволжского) федерального университета*

E-mail: Count-Denisov@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности преподавания предмета “Основы Российской государственности”. Автор выделяет возможности этого предмета для сохранения культурного и этнического наследия кряшенского сообщества. Изучается возможность некоторых разделов предмета “Основы Российской государственности” сформировать устойчивое гражданское сознание в кряшенском сообществе на основе своей этнической идентичности. В статье отмечаются широкие перспективы: от возрождения интереса к малой Родине до мыслей о том, как студент сам может помочь своей стране в той профессии, на которую он поступил учиться.*

***Ключевые слова:** имерсивность, кряшены, мировоззрение, образование, основы российской государственности, перспектива.*

**SUBJECT “FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD”:
OPPORTUNITIES AND PROSPECTS FOR THE KRYASHEN
COMMUNITY**

Denisov A.E.

Candidate of Political Sciences

Kazan Federal University

*Senior Lecturer, Department of Conflictology, of the Institute of
Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of Kazan
(Volga Region) Federal University*

E-mail: Count-Denisov@yandex.ru

***Abstract.** The article examines the peculiarities of teaching the subject “Fundamentals of Russian statehood”. The author highlights the possibilities of this subject for the preservation of the cultural and ethnic heritage of the*

Kryashen community. The test examines the possibility of some sections of the subject "Fundamentals of Russian Statehood" to form a stable civic consciousness in the Kryashen community based on their ethnic identity. The article notes broad prospects: from the revival of interest in his small homeland to thoughts about how he himself can help his country in the profession he entered to study.

Keywords: *immersivity, kryashens, worldview, education, fundamentals of Russian statehood, perspective*

9 января 2023 года был опубликован перечень поручений Президента России Владимира Владимировича Путина, в одном из пунктов которого указано, что с 1 сентября 2023 года предусматривается преподавание первокурсникам всех высших учебных заведений России новой общеобразовательной дисциплины "Основы российской государственности".

Основной целью преподавания дисциплины "Основы российской государственности" является формирование у студентов системы знаний, навыков и компетенций, а также ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, формированием духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности, осознающей особенности исторического пути российского государства, самобытность его политической организации и сопряжение индивидуального достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины.

Отечественные исследователи отмечают, что не только теоретические, но и прикладные задачи, стоящие перед страной и обществом, обуславливают необходимость фундаментального поворота к изучению мировоззренческих, культурно-ценностных, идентификационных основ многонационального российского народа [1, с.19-20].

В статье я не буду останавливаться на структуре курса, отмечу лишь то, что может быть максимально полезно для кряшенского сообщества.

Блок «Что такое Россия?». Основным содержанием первого блока является комплексное и системное представление России как страны и государства, призванное, во многом, познакомить студентов с собственным Отечеством как через различные познавательные нарративы, так и через яркие образы, призванные заинтересовать аудиторию и отразить воспитательный и просветительский аспекты

преподаваемой дисциплины. Отдельно стоит отметить, что именно здесь важно познакомить и приобщить студентов к многонациональной российской культуре. Однако обращаясь к молодежной аудитории, важно это делать через вовлечение, через иммерсивность образовательного процесса. Под иммерсивностью здесь понимается, в самом обобщённом виде, эффект погружения и присутствия, когда индивидуальные восприятия включают в себя чувство присутствия (ощущение, что человек находится внутри изучаемого), а также сопричастность в образовательном процессе со всеми учениками и преподавателем [2, p.111].

Как же этот блок можно связать с кряшенами и в чём он может быть для нас полезным? Кряшены являются частью многонационального и многоконфессионального народа России. И каждый представитель кряшен, который обучается на 1 курсе и проходит этот предмет с самой первой недели, должен заинтересоваться в его изучении. Как это сделать?

Можно предложить определённый семинар, где каждый в группе должен будет рассказать о своей малой Родине (о родном городе, селе, посёлке). Если же населённый пункт очень маленький, то можно рассказать о районе. При этом стоит сделать важную оговорку в задании, что если вы из Казани, то вы должны рассказать об одной из своих “исторических” малых Родин. Следовательно, если кряшен-первокурсник родился в Казани, то пусть расскажет о малой Родине отца и матери, или же бабушек и дедушек.

Видится, что такое достаточно творческое задание позволит с первых занятий заинтересоваться предметом “Основы Российской государственности”, это принесёт азарт, творческую энергию в выполнение задания. Параллельно с этим в ходе семинара дети в группе будут знакомиться друг с другом, узнавать много нового о народах России, их культуре, обычаях, что снизит влияние разного рода стереотипов на их дальнейшую жизнь. В этом и заключается определённая иммерсивность. Как отметили в своей статье Деннис Бек, Леонель Моргадо и Патрик О’Ши, это состояние включает в себя взаимосвязь между практикой “Переживания психологических состояний” и практикой “Воплощённых взаимодействий” [3]. Это говорит о том, что, с одной стороны, студенты одновременно сами вовлекаются в процесс и говорят о том, что для них действительно важно, а с другой стороны, прислушиваются к опыту, к переживаниям своих товарищей и сами проникаются той реальностью, в которой живут их однокурсники.

Далеко не все в Татарстане знают о кряшенах и о тех населённых пунктах, в которых они проживают. А такая непосредственная передача знаний “из первых рук” позволит нам говорить об истории кряшенских населённых пунктов, о культурных и бытовых особенностях этнотерриториальных групп кряшен в университетских аудиториях, что в рамках чего-то другого было бы просто не к месту. Есть и некоторый внутренний психологический момент для самого кряшена-первокурсника. Во-первых, пусть даже и через задание преподавателя, это начало изучения своей истории. Во-вторых, обращение к родственникам за какой-то более углублённой информацией и выстраивание между ними доверительных отношений на новом уровне, некое сближение и преодоление раскола между родителями и детьми.

Блок «Российское государство-цивилизация». Здесь необходимо дать теоретическое представление о самом цивилизационном подходе и описать представление конкретных российских и зарубежных философов, писателей, политических деятелей, представителей науки и культуры о феномене цивилизации, в том числе и Российской цивилизации.

В рамках этого блока тоже можно найти множество перспектив для кряшенского сообщества. В частности, можно провести семинарское занятие, в котором студенты подготовят выступления о роли и миссии России в работах, высказываниях или интервью одного из отечественных и зарубежных философов, историков, политиков или деятелей культуры. И так же о том, как эти фигуры повлияли на формирование нашей цивилизации.

Конечно, необходимо для удобства студентов дать какой-то начальный перечень фамилий, однако, это не мешает им рассказать о политических, религиозных деятелях, известных людях из сферы культуры и науки, которые были тесно связаны с их этнической общиной. Например, кряшены-первокурсники могут рассказать о Н. Ильминском, В. Тимофееве, Я. Емельянове и многих других.

Например, кряшены-первокурсники могут рассказать о вкладе Н. Ильминского в просвещение народов Среднего Поволжья, в частности кряшен. Как благодаря выдающемуся православному миссионеру и учёному была создана крещённо-татарская школа, где люди могли обучаться на родном языке, и был создан алфавит, создание “письменного” кряшенского языка. Это всё, естественно, способствовало образованию и, следовательно, полноценному включению кряшен в единое пространство Российской империи. Часто можно встретить мнение, что деятельность Н. Ильминского была направлена на укрепление в православии кряшен и предотвращение

перехода их в ислам [4, с. 33]. Отчасти это правда, но на мой взгляд, всё намного сложнее. У Н. Ильминского была большая любовь к кряшенам и включение их в единое культурное пространство страны, безусловно, развивало не только кряшен, но и обогащало Российскую цивилизацию в целом.

Блок «Вызовы будущего и развитие страны». Мы здесь говорим о вызовах и угрозах, которые стоят перед человечеством. Однако многие вызовы и угрозы могут иметь манипулятивный характер. В целях курса мы выявляем какие из вызовов и угроз применимы именно к нам, к России, чтобы избежать манипулятивного воздействия со стороны других государств.

Мы же не должны бояться вызовов, это путь к развитию. Более того, мы должны думать, как мы можем помочь преодолению глобальных проблем человечества, какая роль нашей страны в этом будет.

Вы спросите: “А причём здесь кряшенское сообщество?” Мы сейчас говорим про первокурсников, которые только пришли со школьной скамьи и только начинают изучать свою будущую специальность. Они должны уже начинать задумываться о том, какую пользу каждый из них с помощью своей профессии и своего будущего труда может принести России, своему народу и своей малой Родине. Это касается и того места, откуда он, где он родился. Если первокурсник поступил на направление, которое связано с национальным искусством, то он должен представлять, что его жизнь будет связана с сохранением культуры своего народа. Он должен видеть перспективу, горизонт событий своей профессиональной деятельности, быть максималистом, пусть даже в мечтах. Это же касается абсолютно любых специальностей, будь то человек учится на историка, социолога, политолога, агронома, врача, эколога и так далее. Пусть даже он не поедет к себе на малую Родину обратно, но важно чтобы кряшен-первокурсник, будущий специалист в своей профессии не халатно относился к своему будущему, а задумывался о нём на парах по “Основам Российской государственности”.

В рамках дисциплины можно дать задание написать эссе о представлении первокурсника о своей профессии и о роли в ней в будущем. В этом эссе необходимо будет отметить, чем он может помочь преодолеть вызовы и угрозы, которые стоят перед Россией именно в рамках своей профессии.

Подводя итоги, следует отметить, что курс “Основы Российской государственности” предоставляет широкие возможности для кряшенского сообщества, так как он направлен, в первую очередь, на

молодёжь. Перспективы открываются достаточно широкие: от возрождения интереса к малой Родине до мыслей о том, как он сам может помочь своей стране в той профессии, на которую он поступил учиться.

Список литературы

1. Полосин, А.В. Шаг вперёд: проблема мировоззрения в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 3. С. 7 – 23.
2. Immersive Education: Designing for Learning / ed. by Paula MacDowell and Jennifer Lock. Cham: Springer Nature, 2023. 285 p.
3. Beck, D., Morgado, L., O'Shea, P. Educational Practices and Strategies with Immersive Learning Environments: Mapping of Reviews for using the Metaverse // IEEE Transactions on Learning Technologies. 2023. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/10041969>
4. Субботина, А.М. Система христианского просвещения Н.И. Ильминского и подготовка учителей для школ Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2023. № 1. С. 32 – 39.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Денисова А.А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
студент

E-mail: denisova.2006.papa@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные политические ценности молодёжи в современной России. Данная тема приобретает особую актуальность в свете динамично меняющейся политической картины мира. Формирование политических ценностей молодежи является значимой проблемой, поскольку в дальнейшем эти ценности влияют на социальное поведение молодежи и ее участие в жизни страны. Молодежь как многочисленная социально-демографическая группа современного российского общества достаточно активна, но чтобы направить эту активность в нужное русло, важно регулировать ее социальное поведение со стороны государства, пропаганды СМИ, политических партий.

Ключевые слова: молодёжь, политика, ценности, политические ценности, государство, современная Россия.

POLITICAL VALUES OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Denisova A.A.

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
student*

E-mail: denisova.2006.papa@gmail.com

Abstract. *The article examines the main political values of youth in modern Russia. This topic is particularly relevant in the light of the dynamically changing political picture of the world. The formation of political values of young people is a significant problem, since in the future these values affect the social behavior of young people and their participation in the life of the country. Young people as a large socio-demographic group of modern Russian society are quite active, but in order to direct this activity in the right direction, it is important to regulate their social behavior on the part of the state, media propaganda, and political parties.*

Keywords: *youth, politics, values, political values, the state, modern Russia.*

Современная российская молодежь – поколение достаточно противоречивое, которое сформировалось в условиях постсоветской реальности. Его развитие в последние годы происходит в ситуации наличия различных внешних и внутренних угроз, в том числе социокультурного характера, в отношении которых она представляется наиболее уязвимой частью социума. Противостоять этим вызовам может только консолидированное общество, в котором у молодежи есть устойчивая и непротиворечивая картина мира, основанная на четкой системе ценностей, в том числе и политических [2, с. 21]. В свою очередь, политические ценности играют важную роль в системе обеспечения национальных интересов, так как они «структурируют смысловое содержание политических процессов и имеют своё выражение в доминирующей в обществе идеологии» [9, с. 342].

Активность молодежи по отношению к политическим процессам, причины политического поведения и связанного с ним типа социального поведения, ценностные ориентации и интересы молодого поколения имеют большое значение для развития современных социальных процессов в российском обществе. Формирование политических ценностей молодежи является значимой проблемой, поскольку в дальнейшем эти ценности влияют на социальное поведение молодежи и ее участие в жизни страны. Молодежь как многочисленная социально-демографическая группа современного российского

общества достаточно активна, но, чтобы направить эту активность в нужное русло, важно регулировать ее социальное поведение со стороны государства, пропаганды СМИ, политических партий [1].

Согласно определению толкового словаря, молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми и другими социально-психологическими свойствами, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитания данного общества.

Молодежь необходимо рассматривать как самостоятельную систему внутри общей социальной системы, определяя внутренние и внешние взаимосвязи элементов этих систем в зависимости от конкретных функций. Оптимальное взаимодействие всех элементов социальных систем общества в целом неизбежно служит целям его устойчивого развития.

Для определения сущности политических ценностей обратимся к определению ценностей, которое дает К. Клакхон, поскольку оно исчерпывающе отражает суть любых ценностей. Согласно К. Клакхону, ценности – это осознанное или неосознанное характерное для индивида или для группы индивидов представление о желаемом, которое определяет выбор целей (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия [1, с. 39].

Мир человеческих ценностей невероятно многообразен. Научный анализ этого многообразия непременно предполагает его систематизацию. Классифицировать ценности возможно по многим основаниям. Критерием их классификации могут быть:

- 1) объективные характеристики явлений, выступающих ценностями (на этом основании ценности делят на материальные и духовные);
- 2) по субъектам и носителям, выделяют ценности общества в целом, социальной группы (например, молодежи), коллектива, индивида;
- 3) по сферам жизнедеятельности ценности можно объединить в такие группы: моральные ценности, экономические, политические, религиозные, гражданские и т.д. [6, с. 68].

Политические ценности – это обобщенные идеи и убеждения о совершенстве в сфере политики, являющиеся ориентирами для политических оценок, желаемых конечных целей жизнедеятельности, политико-идеологических ориентаций, рассматриваемых в качестве наиболее рациональных компонентов политического сознания и

поведения. Как отмечает Т.А.Сенюшкина, «политические ценности (как индивидуальные, так и коллективные) отражают в сознании устойчивую значимость тех или иных смыслов, принципов и явлений, связанных с реализацией политической власти. Политические ценности связаны с отношением к системе власти как отдельного человека, так и общества в целом, в том политическом и социокультурном пространстве, в котором осуществляется их жизнедеятельность» [9, с. 341].

Система ценностей не может быть выращена «в пробирке», она должна быть принята обществом, соответствовать его культурным и историческим традициям, быть им органичной. Для формирования системы политических ценностей требуется как минимум несколько условий:

- Во-первых, развитие многопартийной системы, в рамках которой и происходит осознание как национальных, так и частных интересов отдельных групп общества.
- Во-вторых, необходимо осознание политическим классом в целом и работающими на него аналитиками сложности формирования системы ценностей и необходимости создания определенных организационных условий для осуществления этой задачи с учетом разных политических ориентаций самих экспертов.
- В-третьих, очевидно, что речь должна идти не только о выработке некоего согласия по поводу базовых ценностей и целей развития страны внутри политического класса, но и в налаживании диалога власти и общества, о трансляции ценностей «официальной идеологии» всем группам населения. Особенно велика здесь роль системы образования на всех ее ступенях и средств массовой информации.
- Центральным, конечно, является собственно выработка тех ценностей-целей, которые были бы приняты обществом и смогли бы сплотить его. Представляется, что создание эффективной стратегии предполагает прежде всего выяснение того, какие ценности сегодня разделяют наши граждане и какие они готовы принять [7, с. 93-94].

Как отмечает Т.А.Сенюшкина, «каждому обществу необходим ясно осознанный и четко сформулированный национальный идеал, представление о котором поддерживается большинством населения. Идеологический плюрализм размывает систему политических ценностей и не способствует консолидации общества для достижения высших целей национального развития» [9, с. 342-343].

По данным Селезнёвой А.В., «наиболее значимыми

политическими ценностями для современной российской молодёжи являются мир (71,5%), безопасность (69,9%), законность (67,1%), права человека (65,9%), порядок (65,7%), справедливость (61,7%), свобода (58%). Наименее значимыми для россиян являются ценности национализма (25,9%), коллективизма (11,5%) и толерантности (7,3%)» [2, с. 11].

Результаты опроса российских социологов (С. В. Чуев и др.) свидетельствуют, что 5 % молодых людей в России считают, что они мало включены в общественные взаимосвязи, слабо закреплены в социуме, и на этом основании считают, что в нашей стране их возможности самореализации личности очень ограничены. Возможно, в дальнейшем именно на этой основе у части молодежи незавершенность достижения целей в своих интересах превратится в стремление к протестным действиям.

Молодежь умеренно или слабо интересуется политическими взаимоотношениями, хотя политические процессы составляют неотъемлемую часть образа жизни социума. Но при этом лишь малая часть молодежи выражает готовность отстаивать свои ценности, убеждения, идеалы. Молодежь ориентируется на перемены, но склонна не к постепенным преобразованиям, а к резким качественным сдвигам. Поэтому возникает вероятность угрозы социальной стабильности общества, если в нем объединяется достаточно большая по численности группа молодежи, имеющая социальные проблемы и готовая к политической активности.

В годы студенчества ценностные ориентиры личности подвержены трансформации в наибольшей степени, поэтому особое внимание отводится так называемой «студенческой молодежи». В результате социологических исследований было выявлено, что «современная российская молодёжь интересуется политикой не так активно. 48,9% - интересуются политикой от случая к случаю, 30,7% - не интересуются политикой, и только 16,5 % - внимательно следят за информацией о политических событиях России и за рубежом, а 3,9% - лично участвовали за последние полгода в политической деятельности» [3, с. 127].

Как отмечают Андриив И.И. и Пузанова А.Д., экспертные оценки актуальной на сегодняшний день системы ценностей российской молодежи различны. Однако большинство экспертов отмечает «общую тенденцию: молодежь сегодня переживает буквально “состояние шока” от стремительно изменившейся действительности» [4, с. 6]. Тем не менее, эксперты схожи во мнении, что в ядро политических ценностей, т. е. совокупность ключевых категорий, через которые раскрывается

содержание ценностных понятий политического, все так же входят категории “безопасность”, “справедливость”, “свобода”. Дополняет перечень ключевых ценностных категорий понятие “стабильность”. Как практически единогласно отмечают эксперты, на сегодняшний день запрос на стабильность наблюдается на всех уровнях от общегосударственного до бытового [4].

Под “стабильностью” сегодняшней молодежи мыслится “уверенность в завтрашнем дне и понимание того, как им в этот завтрашний день прийти”. В соответствии с экспертным мнением, утрата стабильности воспринимается остро и болезненно: “молодежь сейчас во всех направлениях потеряна. Она во многом не видит целей, не видит завтрашнего дня”. Это обусловлено отсутствием четкого понимания ближайшего будущего, отсутствием представления о грядущих в недалекой перспективе событиях. Состояние перманентной неопределенности увеличивает общественный запрос на стабильность, возводя её в один ряд с основополагающими ценностными ориентациями [4, с. 7].

Можно утверждать, что тема справедливости также имеет большой потенциал влияния на политическое поведение молодежи. Эксперты отмечают, что у молодежи появляется осознанная потребность устранить несправедливость в обществе. Однако основную роль в поддержании справедливости и порядка в обществе она отводит государству. Любопытен компонент, “связанный с пониманием справедливости как правды, и честности, и искренности, как установки на получение этой правды”. Однако рядом экспертов отмечено, что понятие “справедливость” в современных условиях приобрело двойственное значение. С одной стороны, справедливость потеряла значение “всеобщего блага”. С другой стороны, для отдельных групп современной молодежи характерно напротив “обостренное чувство справедливости”. Эксперты отмечают, что «современная молодежь обладает интересной социально-психологической особенностью, она считает, что общество и государство ей очень много должно. А вопрос ответственности и самостоятельности рассматривается довольно плоско» [5, с. 5].

“Свобода” также является ценностной категорией, которую эксперты отмечают, как наиболее актуальную на сегодняшний день для российской молодежи. Свобода в политическом смысле предполагает отсутствие жестких ограничений и санкций на выражение мнения, возможность совершать определенные легальные действия с целью выражения гражданской позиции и право на конструктивную критику власти. Свобода в общем смысле предполагает свободу

индивидуального выбора (стиль одежды, брендовость, поп-культура, путешествия). Как отмечают представители молодежного актива: “Для молодежи очень важна, к примеру, поп-культура и брендовость - очевидно, не для всех, но для ряда представителей молодежи это актуально. И с уходом, к примеру, импортных брендов у них формируется тоже негативное отношение к власти...”. То есть мы наблюдаем, как свобода в выборе брендов, культурных ценностей, передвижения для части молодежи перемещается из спектра сугубо личных ценностей в разряд ценностей политических [4, с. 7-8].

Можно сказать, что ядро политических ценностей российской молодежи в общем виде, несмотря на внутри и внешнеполитические изменения, не подверглось существенной деформации. Так, структурообразующими элементами по-прежнему являются такие ценностные категории как “безопасность”, “справедливость”, “свобода”. Новым компонентом, дополняющим этот перечень и также входящим в число структурообразующих, является “стабильность”. При этом внутреннее содержание и смысловое наполнение обозначенных категорий претерпело изменения. Прежде всего, персонализация и отход от национального и общегосударственного понимания и восприятия ценностных категорий. Ценности, ранее воспринимавшиеся как коллективные, перешли в разряд индивидуальных [4, с. 8].

Выводы:

1. Современная российская молодежь – поколение достаточно противоречивое, которое можно структурировать в зависимости от доминирующей системы ценностей.
2. Формирование политических ценностей российской молодежи в последние годы происходит в ситуации наличия различных внешних и внутренних угроз, в том числе социокультурного характера, в отношении которых она представляется наиболее уязвимой частью социума.
3. Противостоять этим вызовам может только консолидированное общество, в котором у молодежи есть устойчивая и непротиворечивая картина мира, основанная на четкой системе ценностей, в том числе и политических.

Список литературы

1. Сеидов Ш. Г., Найденова Л. И., Розенберг Н.В. Политические ценности и настроения современной молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 39-40.
2. Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи:

социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. 2014. №2. С.11.

3. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования [Текст] : монография / Государственный университет управления ; [под общ. ред. С.В. Чуева]. – М.: Издательский дом ГУУ, 2017 – 131 с.
4. Андриив, И. И. Трансформация системы политических ценностей российской молодежи в 2022 году / И. И. Андриив, А. Д. Пузанова // Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права: Сборник научных трудов XL Международного Харакского форума, Ялта, 05–07 ноября 2022 года / Под общей редакцией Т.А. Сеньюшкиной. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 3-10.
5. Селезнева А. В., Тулегенова Д. Д. «Традиционное» и «новое» в политических ценностях российской молодежи (на материалах экспертного опроса) // Полилог/Polylogos. – 2022 – Т. 6 – № 2. - URL: <https://polylogosjournal.ru/s258770110020714-7-1/>. DOI: 10.18254/S258770110020714-7
6. Ларина А.А. Основные ценности современной молодежи. Территория науки. 2015. № 5. С. 67-72.
7. Шестопал Е. Б. Политические ценности современного российского общества: проблемы и перспективы изучения // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 2. С. 93-94.
8. Кулябцева В. Н. Политические ценности и их трансформация в условиях современной России // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Ставрополь – 2004. С. 3.
9. Сеньюшкина Т. А. Политические ценности как фактор саморазвития личности и общества // IV Андреевские чтения: современные концепции и технологии творческого саморазвития личности: Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 27–28 марта 2019 года. – Казань: Центр инновационных технологий, 2019. – С. 339-343.

ПОИСК БАЛАНСА: МИГРАЦИИ, МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И СОЛИДАРНОСТЬ В ГОСУДАРСТВАХ ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Виолета С. Джорджевич

*Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,
исследователь-стажер*

E-mail: violeta.djordjevic.96@gmail.com

***Аннотация.** Солидарность и моральная ответственность играют ключевую роль в контексте миграции в государствах*

всеобщего благосостояния, особенно во времена крупных социальных изменений, вызванных войнами, нестабильностью и кризисами. Солидарность подразумевает поддержку и принятие мигрантов, уважая их различия как часть сообщества. Моральная ответственность, с другой стороны, имплицитно подразумевает обязательства государства и отдельных лиц по отношению к мигрантам в части обеспечения справедливых условий приема мигрантов и уважения их человеческих, социальных и других прав. Кроме того, миграции несут с собой определенные риски и давление на ресурсы и социальные услуги, что может привести к негативным последствиям для принимающей страны. Этот деликатный баланс требует взвешивающего подхода к миграционной политике для достижения инклюзивного и устойчивого государства всеобщего благосостояния. Поэтому достижение гармоничного баланса между солидарностью и моральной ответственностью при эффективном управлении миграциями имеет решающее значение для государств всеобщего благосостояния в улучшении своих социальных и экономических систем. Цель данной статьи — изучить возможные масштабы солидарности и моральной ответственности в государствах всеобщего благосостояния.

Ключевые слова: Миграция, солидарность, моральная ответственность, государство всеобщего благосостояния, интеграция, риск.

SEEKING EQUILIBRIUM: MIGRATION, MORAL RESPONSIBILITY AND SOLIDARITY IN WELFARE STATES

Violeta S. Đorđević

Institute for Serbian Culture Prishtina-Leposavic,

Junior Researcher

E-mail: violeta.djordjevic.96@gmail.com

Abstract. *Solidarity and moral responsibility play a key role in the context of migration in welfare states, especially in times of major social change resulting from wars, instability and crises. Solidarity means supporting and accepting migrants while respecting their differences as part of the community. Moral responsibility, on the other hand, implies the obligation of the state and individuals towards migrants in terms of ensuring fair conditions for the reception of migrants and respecting their human, social and other rights. In addition, migration carries with it certain risks and pressures on resources and social services, which can lead to negative effects on the host country. This delicate balance requires a thoughtful*

approach to migration policy in order to achieve an inclusive and sustainable welfare state. Therefore, achieving a harmonious balance between solidarity and moral responsibility is a crucial thing for welfare states in order for them to improve their social and economic systems. The aim of this paper is to explore the possible scope of solidarity and moral responsibility in welfare states.

Key words: *migration, solidarity, moral responsibility, welfare state, integration, risk.*

Our present is tainted by insecurities, wars, energy, economic and social crises. The covid-19 virus pandemic and wars have resulted in ever-increasing inflation, which reached 72.43% in Argentina, 72.31% in Turkey, and 19.71% in Lithuania in 2022 [1]. This situation is certainly not a suitable ground for expressing either individual or collective (state) solidarity or moral responsibility towards "others". In addition, the conflict between Russia and Ukraine produces new problems, and one of the most significant is certainly the influx of new migrants from Russia and Ukraine to different parts of Europe [2 p. 66]. Given that there is more and more talk about the welfare state in crisis, the question arises whether and in what way the welfare state can respond to the increasingly complex needs and problems that population faces? In other words, the question arises whether values such as solidarity and moral responsibility are attainable in the world we live in today, where income and the market largely determine the lives of all of us and where Smith's thought that "it is not the charity of the butcher, the brewer, or the baker, that from whom we expect our dinner, but from their attachment to their own interest" [3] has been increasingly confirmed. Contrary to this attitude of Smith, who was a liberal and advocated the freedom of individuals in relation to the state and its interference in the economic life of citizens, today we have widely developed normative frameworks, both national and international, which guarantee a series of rights, measures and services to citizens, with special attention to vulnerable groups of citizens. Citizens are offered broad rights in order to ensure or protect their well-being, so today citizens all over the world have the right to work, the right to education, asylum, etc., but these rights often do not correspond to their purpose because the right to work implies an offer of jobs, the right to education that it is available to those with lower incomes, the right to asylum and that there are adequate housing conditions for asylum seekers, which is often not the case. Although citizens are offered broad rights, it is clear that they are exactly what Bentham warned against, "nonsense on crutches" [4] because they are abstract guarantees that citizens only partially realize.

Welfare states are those states in which there is a wide range of rights and services available to different groups, however, in times when market

competition plays a significant role, the weaknesses of these states to respond to the specific needs of different groups are observed. In the literature, the welfare state is defined in different ways, and usually the authors define the welfare state in a narrower and broader sense. In the narrower sense, the welfare state is defined as a traditional area of social improvement that refers to income transfer and social services, to which we can maybe add also the problem of housing [5, p. 6]. In the broader sense, the welfare state is considered through the economy and state intervention in the economy [6]. In other words, the welfare state implements those state activities aimed at improving citizens' standards through the modification of market forces, when citizens are unable to do so [7, p. 41]. Thus, the welfare state stands in contrast to the liberal and neoliberal ideas of a completely free market and minimal state interference in the economic life of society, and can be considered an ideal that would provide citizens with comprehensive well-being. Nevertheless, a welfare state suffers enormous criticism, especially from neoliberal theorists who believe that the state should not have a monopoly in financing the needs of the population. They start from the fact that the market is the best institution for ensuring well-being and that through it well-being can be ensured without sacrificing freedom [8]. Such a liberal point of view is too broad and almost unapplicable, because the market is not able to ensure the satisfaction of the basic social needs of all citizens, especially of vulnerable categories (unemployed, disabled people, migrants, etc.), and the provision of social services and the guarantee of their rights is necessary in order to ensure the achievement of at least a minimum level of justice in society. The liberal point of view, which, although it indicates that excessive state interference in the economic life of citizens can lead to an increase in state power and a weakening of economic growth [9], does not take into account that society is exposed to various crises, both individual and collective, and that in such situations, the intervention of the state through the provision of social services and the redistribution of a certain part of the social income is necessary in order to provide social security to the citizens.

During the 20th and 21st centuries, a significant progress of the national and international normative framework regarding the development of social rights was noticeable, which represents a major historical breakthrough. Nevertheless, a good normative framework cannot be sufficient for the fight against social injustices faced by different groups of citizens, especially the most vulnerable ones, although it is certainly necessary to start from developing them in particular. In this sense, it is necessary to develop different models that will guarantee the provision of rights in an adequate way, which is indicated by Spoto [9] when he states that the traditional welfare state, which was directed towards cash benefits, is not sustainable

because, on the one hand, he perceives with such an approach the beneficiaries from the social welfare system as "moral patients", i.e. as passive recipients without the expectation that users of services or rights are obliged to contribute to the general good of society. On the other hand, the traditional welfare state is focused on means but not on the results it wants to achieve with services [9]. From this attitude, we can conclude that if the rights and services provided to certain groups of citizens do not produce some changes but maintain the status quo, they are not adequate. In the long term, they cannot contribute to the improvement of society. Herewith, a question that needs to be answered necessarily arises, and that is why the state and individuals choose to help someone? Do we owe anything at all to our neighbors and "others"?

At the very essence of human existence and multi-layered human nature is precisely the need for community, interdependence and solidarity. In this sense, Miličić [10] perceives solidarity as the basic assumption of the welfare state, noting that it is precisely in the principle of tolerance (redistribution of state, i.e., material power and goods) that it is possible to guarantee social security. Solidarity in the welfare state represents its basic concept and main value, because the most important services (health, education, social, housing services, etc.) are provided from the budget of the welfare state, and the very concept of the welfare state rests on the solidarity and consent of citizens (tacit or not) to this type of distribution. Such an attitude would imply that solidarity within the welfare state is guaranteed to support nationalist ideas and that it relies on the commonality or common norms of members of communities, that is, states. That is why the question here is whether solidarity in the welfare state is guaranteed to those who are not citizens of a certain state? The issue of identity is extremely important in all countries, especially when it is necessary to justify the legitimacy of the use or demand of various social services and rights.

A certain number of theoreticians believe that when considering the classic concept of the welfare state, the relationship between the legality of seeking and using social services, i.e. the rights that guarantee them, must be taken into account and that they must be limited within the defined field of the idea of citizenship (citizenship) [11]. It follows from this that the willingness of the state to allocate funds for the provision of certain services is closely related to citizenship and that certain rights are provided only to citizens and not to "others". Nevertheless, with the development of the normative framework, especially social rights and their international character in terms of the acceptance of various agreements and the ratification of various conventions (e.g. the European Convention for the Protection of Human Rights), rights are also guaranteed to persons who are not citizens of

a certain state, i.e. those who are foreigners - "others". From the above it stems that social rights are part of the universal dimension, because with their guarantees they go beyond the concept of national belonging. Given that social rights are a universal category and that a certain part of them is guaranteed to migrants, refugees and asylum seekers, the question arises whether migrants will decide to immigrate to a country that offers broad social rights and services and therefore a high level of solidarity within state system or a state based on the principles of free market competition and minimal state interference in the social and economic life of individuals? Katanić and Lukšić [12] point out that the choice of the country of destination of an individual who wants to emigrate depends on their abilities and expectations, and that the more capable and braver will choose a place where they will be freer in terms of earnings, labor market and spending, while those who are characterized by less favorable (geographical, security, social, social, climatic...) living conditions choose welfare states [12]. Another author who spoke about the attractiveness of the welfare state for migrants is Borjas [13], who believed that migrants would rather choose to live in a welfare state than in one that does not have a significantly developed welfare system, and he proved the positive correlation through representations of various social programs and comparing them using the US state as an example.

We are witnessing the increasing and freer movement of goods, capital and people around the world, which brings with it positive effects but also new problems. Those problems are different in nature and at the beginning of the mentioned crisis, people were forced to think about migration or they saw migration as a salvation from unsafe and often dangerous situations in their countries, caused by various conflicts. According to Eurostat data [14] from 2022, Luxembourg, Cyprus and Malta have the highest number of immigrants per 1,000 inhabitants. In addition to them there are Austria, Belgium and Germany as well as non-EU countries such as Switzerland and Norway which show a large number of immigrants per 1,000 inhabitants. Having in mind that EU countries offer relatively adequate economic prosperity and political stability, a large number of immigrants decide to move to one of the EU countries or European countries. The reasons for the decision to immigrate can be of a political, economic, social and environmental nature or a combination of some or all of these factors, whether they are factors in the country of destination or in the country of origin.

In addition, the problems related to the countries of destination should be considered, and this is reflected in the risk that may arise in the welfare states if they continue to implement the policy of "open borders" that can lead to an unlimited flow of migrants. In other words, the question arises, where

is the limit of solidarity towards the "other" in a welfare state? Wouldn't all those who are poor, weak and sick, if they could freely move to a country that can provide them with adequate and quality social security and social and health care as well as free education? Or as Crnjanski puts it vividly: "Everybody would move if they could." Who wouldn't go, if they knew that something more beautiful was waiting for us somewhere" [15, p. 342]. Such an influx of a large number of migrants would certainly have both positive and negative effects on the welfare state. On the one hand, migrants can bring with them knowledge and skills that the domicile population does not have, or they can choose to do less paid jobs, which in the end can have positive effects on the country to which the migrants have moved, while on the other hand, they can cause big problems, especially in regarding the greater need to provide social services and benefits. That is, if uneducated, poor and unqualified migrants move to a certain country, it is not realistic to expect that they will integrate into the economic life and that they will contribute to the progress of the economy in that country. It is much more likely that they will be beneficiaries of social benefits, which will only further burden the already burdened welfare state.

The next question that necessarily arises, and is closely related to solidarity within the welfare state, stems from the fact that Europe is one of the richest regions and that in 2013 it reached a wealth of 56 trillion euros, and yet inequality remained at an extremely high level because 10% of Europeans own over half of the total wealth [16 p. 6]. Therefore, the question arises whether the welfare state in Europe is in crisis or we can no longer talk about it as an existing concept? In other words, can we talk about solidarity in a world of so much material inequality in which wealth has gone to a small number of people who are not necessarily smarter or more capable than others who are deprived of that wealth? One gets the impression that in today's world solidarity has been replaced by individualism, and individualism has been very quickly mixed with egoism. Also, the thought of Thomas Aquinas that man is a friend to man was replaced by Hobbes's thought that man is a wolf to man. In this sense, Spiker does not see solidarity through the phrase "all for one, one for all" but warns that it is not "all" but "almost all" because the network of solidarity is both exclusive and inclusive [17]. That is, these networks determine to whom help is available by giving priority to a certain group of people. They also decide to whom help is not available by taking away that same advantage from vulnerable groups such as immigrants, people with mental disorders or prisoners. Nevertheless, we should not lose sight of the more optimistic view of things, as reminded by Čekerevac [18] when he rightly warns that people in their increasing individualism have mastered the resources and opportunities to be freer in choosing their life models [18].

Therefore, individualism does not necessarily mean renouncing the desire to help one's neighbors and even someone "other", but to choose a different way of life without the need for social services.

Although solidarity, as previously emphasized, is a prerequisite for a welfare state and is necessary in society if we want to ensure justice in it, care should be taken that "too much" solidarity in the sense of accepting a large number of migrants brings with it problems that the state will not be able to resolve. As previously indicated, the positive benefits of accepting migrants are reflected in the maintenance of work potential, given that the demographic factors in the EU countries are not favorable due to the "white plague" which will reduce the number of able-bodied members of society in the long run [19]. Nevertheless, a large influx of migrants can bring with it a large number of problems, in the long term, when the economic appetites of those countries that now show great solidarity are satisfied in terms of ensuring an adequate work process through a sufficient number of workers, there may be disagreement between the resident population and immigrants, difficulties in preservation of the national identity of the resident population, greater allocation for social services, etc.

Here, the question of moral responsibility arises, that is, the question arises of the responsibility of the state towards migrants. In the literature, many authors start from the position that only a person can be morally responsible. Opposite to that position is Kant's position that the state is also a morally responsible entity [20], and this could be especially applied to the welfare state as we know it today. In this sense, the state, through constitutions and various laws, especially those related to social rights, offers guarantees that it will be morally responsible in relation to citizens as well as foreigners. Therefore, the state (which is composed of individuals) as well as individuals has the freedom to choose to be morally responsible both in relation to its citizens and in relation to foreigners. Provided that the freedom of choice of the state is limited because the state or people in power can be punished (removed from power) if they are not morally responsible, that is, if they do not ensure justice in society and community. We have stated above that the welfare state tries to provide an adequate standard of living to citizens when they are unable to achieve it themselves through participation in the market competition, however, most states do not provide an adequate standard of living to all citizens with broadly guaranteed rights and services, but citizens are offered charity with which they can hardly meet the basic needs of life.

If we place moral responsibility in the context of the state, then we must also consider it in relation to politics. In this sense, Telebaković separates the political request, which he states begins with "you must" from the moral

request that begins with "you should" and arises from the conscience of the person to whom the request is made [21]. Many authors state that there apart from autonomous there is also heteronomous morality, when a person feels moral responsibility and imposes it on himself. When it is not imposed from the outside, it is autonomous morality; on the other hand, if morality is imposed from the outside, it is heteronomous morality [22; 21]. In a welfare state, both types of morality can contribute to the expression of greater moral responsibility towards "others", because if we have a developed conscience and know what is good and what is not, we will try to always show towards "others" what we want others to show towards us. On the other hand, if a certain behavior is regulated by law, custom or some other norm, which is also moral and good, it can be ensured that those who do not have a developed autonomous morality will avoid doing bad things to others or, if a limitation in the form of law does not prevent them from doing so, they will bear the sanction.

Another difference that Telebaković [21] warns about, and which must be made, is the difference between real and realistic politics. The former is inseparable from morality, while the latter is far from it, because in realistic politics no means are chosen to achieve the goal and it is very often confirmed that "power is not for honor but for benefits". In this sense, it is the responsibility of each individual to give up the power that does not see honor and morality, and therefore responsibility towards fellow human beings and "others" as a key principle in conducting politics. That is, it is the duty of every individual to request moral responsibility from the government that does not ensure respect for universal values such as justice, freedom and solidarity in society. Here the question arises, is the welfare state only declaratively morally responsible towards its citizens and "others", does it offer them rights that do not fit the purpose? That is, is the existence of laws and rights equal to ensuring the well-being of citizens and "others"? Additionally, apart from the state, other actors who can express moral responsibility should be considered. We have already mentioned above that certain theorists believe that only individuals are morally responsible, and the question arises whether we are not all responsible to improve our community and the state with our political and other types of participation? Isn't the individual who does not agree to injustices and speaks about them clearly and loudly morally responsible? Don't we all have an obligation to help those who are vulnerable? Each of us has the freedom to choose to be morally responsible, by first helping those in his vicinity and then "others".

A welfare state as such is a state in which solidarity and moral responsibility towards the "other" are ranked high on the scale of values and principles. It is a state that is open and ready to provide a wide range of social

services and rights not only to its citizens but also to "others" (foreigners, migrants, refugees and asylum seekers). However, the question arises whether these broadly defined rights and services fulfill their purpose? There is no doubt that a welfare state rather than those in which market forces and market competition determine the economic life of citizens can provide a minimum of security and well-being, but can it provide an adequate standard of living for citizens and foreigners, especially bearing in mind that we live in a world of increasing economic and social crisis? The answer to this question is not simple because it depends on several factors, starting with the question what group of citizens we are talking about, what are the needs of the person for services or rights in the specific case, etc. Therefore, rights and services are indeed guaranteed, but it is necessary to find an adequate way of implementing, evaluating and improving them. In other words, the welfare state must change its often rigid definitions and adapt to citizens and "others" and their needs, which necessarily change, and at the same time it must leave enough space for the free choice of citizens, i.e. it must allow the person to choose the way to solve personal problems.

The notion of solidarity is extremely complex and can be determined both axiologically and through the theory of politics, primarily social politics, in the core of which is this notion which essentially determines its content. In the context of the welfare state as we know it today, solidarity is institutionalized and determined by legal provisions because the majority of citizens in the welfare state give up part of their income so that it can be distributed to those who cannot provide themselves and their neighbors with an adequate standard of living at a certain time, either because they are unable to find a job or due to other life circumstances, but also in order to help "others", i.e. migrants. As stated earlier, legal provisions and guaranteed rights are not a sufficient condition for solidarity in the welfare state because it cannot essentially exist without self-aware individuals who express their free will to suffer and accept differences in their community. Without such individuals who make up the family, then different groups, then the community and finally the state, there can be neither a welfare state nor solidarity in it. However, we should not lose sight of the warnings that "too much" solidarity towards "others" can cause major problems in the welfare state in the form of an uncontrolled influx of migrants that can additionally burden social security systems.

And finally, in order for moral responsibility "toward others" to be possible, it must first be developed on an individual level through the development of conscientious individuals who will impose morality on themselves as an ideal, but also through laws that will protect the most vulnerable members of society from those who do not care about morality.

The welfare state in the context of moral responsibility must always choose values such as solidarity, justice and equality over capital and exploitation. In the current time, which is permeated with crises and conflicts, it seems that the welfare state has given primacy to capital and individuality, and that the feeling of solidarity is slowly being lost, and the desire for competitiveness is developing. Very few attempts are made regarding the morality of the individual and society in general, because it is not a prerequisite for the success of individuals and countries, but very often it is seen as an obstacle. Neighbours or "others" are not seen as qualities, but as numbers from which the country can or cannot prosper.

Literature

1. OECD – Organization for Economic Cooperation and Development. Inflation. - URL: <https://data.oecd.org/price/inflation-cpi.htm#indicator-chart> [date of access 12/02/2023].
2. Dostić S. Tančić D. Bezbednost državne granice. Leposavić: Institut za srpsku kulturu Priština- Leposavić, 2022.
3. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations, volume 1. Oxford: Clarendon Press, 1869.
4. Bentham J. The Works of Jeremy Bentham, vol. 3. London: William Tait, 1843.
5. Cousins M. European Welfare States – Comparative Perspectives. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGA Publications, 2005.
6. Perišić N. Socijalna sigurnost – pojmovi i programi. Beograd: Univerzitet u Beogradu, Fakultet političkih nauka, 2016.
7. Gilbert N. Terrell P. Dimension of Social Welfare Policy. Boston: Allun and Bacon, 2002.
8. Nozick R. Anarchy, state, and utopia. NYC: Basic Books, 1974.
9. Spoto B. Izazovi socijalne inovacije // Socijalna prava i socijalna politika, Teoretska i empirijska perspektiva / Ed. by F. Sciacca. Novi Sad: Univerzitet u Novom Sadu i Filozofski fakultet, 2017 P. 39-51.
10. Miličić V. Socijalna država, država blagostanja // Revija za socijalnu politiku.1998. Vol. 5, No. 4, P. 261-267.
11. Maimone V. Koje države blagostanja? Koje socijalne politike? // Socijalna prava i socijalna politika, Teoretska i empirijska perspektiva / Ed. by F. Sciacca. Novi Sad: Univerzitet u Novom Sadu i Filozofski fakultet, 2017 P. 53-66.
12. Lukšić I. Katanić N. (2016). Seobe i država blagostanja// Seobe i razvoj / Ed. By. V. Vukotić. Institut društvenih nauke, Centar za ekonomska istraživanja: 2016, P. 136-145.
13. Borjas, G. J. Immigration and Welfare Magnets // Journal of Labor Economics. 1999. Vol. 17, No.4, P. 607 – 637.
14. Eurostat. Migration and migrant population statistics. URL: <https://shorturl.at/cqKPX> [date of access 24/03/2023]
15. Crnjanski M. Seobe. Beograd: Laguna, 2015.
16. Ruttmann R. Bellas D. Julius Baer Wealth Report: Europe – September 2014. Julius Baer Group, Switzerland: Zurich, 2014.

17. Spiker P. Socijalna politika – teorija i praksa. Beograd: Fakultet političkih nauka, 2013.
18. Čekerevac A. Novo shvatanje socijalne politike // Godišnjak Fakulteta političkih nauka. 2009. Vol.3, No. 3, P. 557-567.
19. Tančić D. Božić V. Savremena migrantska kriza // Baština. 2022. Vol. 32, No. 58, P. 85-96.
20. Kant I. Toward Perpetual Peace and Other Writings on Politics, Peace, and History // Ed. By P. Kleingeld / Trans. By D. L. Colclasure // New Haven and London: Yale University Press.
21. Telebaković B. Moral i politika // Politea. 2012. Vol. 2, No. 4, P. 269-280
22. Čupić Č. Politika i zlo. Beograd: Čigoja štampa, 2001.

БОРЬБА ПРОТИВ ФАШИЗМА. К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ ПАБЛО НЕРУДЫ

Егорова О. В.

Доктор исторических наук

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
доцент*

E-mail: o.egorova@cfuv.ru

Афонина А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
студент*

E-mail: afonina0603@mail.ru

***Аннотация.** В статье показано влияние фашизма и неофашизма на развитие общества и государства в современных условиях, отмечена роль поэзии в борьбе с фашизмом на примере известного чилийского поэта и политика Пабло Неруды. В год 50-летия со дня его гибели по-новому звучат поэтические строки нобелевского лауреата, яркого антифашиста и коммуниста, посвятившего свою жизнь тому, во что он верил и что казалось ему справедливым.*

***Ключевые слова:** фашизм, Сальвадор Альенде, Аугусто Пиночет, Пабло Неруда, Песнь любви Сталинграду, Ялта.*

FIGHTING AGAINST FASCISM. ON THE 50TH ANNIVERSARY OF PABLO NERUDA DEATH

Egorova O.V.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Prof., Dr. Sc.*

E-mail: o.egorova@cfuv.ru

Afonina A. A.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

Institute «Taurida Academy», Student

E-mail: afonina0603@mail.ru

Abstract. *The paper shows the influence of fascism and neo-fascism on the development of society and the state in modern world, and notes the role of poetry in the fight against fascism using the example of the famous Chilean poet and politician Pablo Neruda. In the year of the 50th anniversary of his death, the poetic lines of the Nobel laureate, an ardent anti-fascist and communist, who dedicated his life to what he believed in and what seemed fair to him, sound in a new way.*

Keywords: *Fascism, Salvador Allende, Augusto Pinochet, Pablo Neruda, Song of Love to Stalingrad, Yalta.*

Фашизм и неофашизм. Считается, что впервые термин «фашизм» ввел Бенито Муссолини (1883-1945), итальянский политический и государственный деятель. В 1919-м году он, бывший социалист, организует новую политическую партию под названием «Итальянский союз борьбы» (ит. «Fasci italiani combattimento»). Первое слово этой фразы стало основой для наименования новой идеологии [1].

Фашизм продвигал концепцию врожденного неравенства и неизбежных социальных иерархий между группами. В основе этой иерархии лежала идея о том, что ранг человека в обществе определяется аспектами идентичности, которые находятся вне их контроля, такими как этническая принадлежность или пол [2].

Понятие неофашизма тесно связано с фашизмом и является продолжением этого праворадикального движения. Новый, современный фашизм — это идеология и политическая деятельность крайне правых теорий и лиц, которые придерживаются этих взглядов, выступающих с экстремистских, антисемитских, националистических и расистских позиций [1].

Украину, которая сегодня проводит террористическую политику по отношению ко всему, что правящий режим считает нужным, можно назвать неофашистским государством. На официальном правительственном уровне на Украине особенно важным считается организация геноцида мирного населения не только на испепеленном от многолетних бомбежек Донбассе, но и проведение репрессий на политической, культурной, религиозной и национальной почве на всей остальной части страны. Коллективный Запад, организовывая военную поддержку Украине против России, сам оказывается спонсором зла, от

которого так трудно и жертвенно избавлялся в первой половине XX века. И как принято, что злу всегда противостоит добро, такому бесчеловечному и жестокому режиму и его спонсорам противостоят силы правды. Такая сила есть не только на полях сражений, где русский солдат доблестно защищает мир и свою Родину, но и в людях, способных глаголом донести до масс истину и привести их к рассудительности. Такие личности есть не только в эпоху глобальных изменений мирового порядка XXI века, но и в прошлом. Одним из таких людей своей эпохи был Пабло Неруда – чилийский поэт, дипломат и политический деятель.

Военный переворот в Чили. События 13 сентября 1973 года отмечаются как поворотные в истории Чилийской Республики. Еще до избрания на пост президента 4 сентября 1970 года Сальвадора Альенде на него оказывалось политическое давление и выдвигались требования от правой коалиции, что во многом мешало в ведении собственной политики и соблюдением намеченной программы, в которой с самого начала правления утвердились следующие позиции:

1. Экономическая программа правительства Народного единства;
2. Возобновления жилищного вопроса;
3. Процессы национализации ветвей промышленности, банковской системы, внешней торговли [3].

Оппозиционные партии проводили антиправительственные демонстрации в ряде городов под лозунгом «защиты демократии» и осуждения экономической политики правительства. Даже парламентские выборы 1973 года не стабилизировали внутривнутриполитическую обстановку, однако показали рост Народного единства и единение трудящихся с президентом и правительством [4]. 11 сентября 1973 года начался мятеж: военные потребовали отставки Альенде и его правительства. Не желая повиноваться требованиям хунты, Альенде покончил жизнь самоубийством, а страна погрузилась в политический кризис. Военный переворот, организованный в этот день под предводительством Аугусто Пиночета [5], и последующее утверждение военной хунты на долгие годы изменили облик государства. Диктатуру Пиночета называют одной из самых жестоких в истории, признавая, что хунта практиковала фашистские пытки.

Пабло Неруда. Краткая биография. Рикардо Нефтали Рейес Басоальто (*Ricardo Eliécer Neftalí Reyes Bascualto*), еврей по матери, он же Пабло Неруда, родился 12 июля 1904 г. С ранних лет мальчик увлёкся поэзией, и его первые произведения были опубликованы, когда ему едва исполнилось тринадцать лет.

Политическая карьера Неруды началась со второй четверти XX века в колониях Юго-Восточной Азии. Позже, в 1933 году, он был консулом в Аргентине, а затем в Испании. За значительный опыт в политической карьере и его вклад во внешнеполитическое развитие Чили в 1970 году политику предложили стать кандидатом в президенты республики Чили от Коммунистической партии. Однако Пабло Неруда снял свою кандидатуру, узнав, что новым кандидатом от Народного единства стал его товарищ – Сальвадор Альенде, которым он искренне восхищался [6, с. 292].

Неруда всегда являлся сторонником социальной справедливости и равенства. Пользуясь положением чилийского консула в Испании, но не имея на это полномочий, он открыто заявляет о поддержке Чили испанских республиканцев. «Испания в сердце» — этот сборник стихов именно об этом периоде жизни поэта, глубоко сопереживавшего трагедию испанского народа.

Изменение политической ситуации находит свое отражение и в «Героической песни» (1960), когда в Чили произошел подъём рабочего движения, а на Кубе – победа социализма. Пабло Неруда был членом Коммунистической партии Чили с июля 1945 года и своим воззрениям остался верен до конца жизни.

За свой неоценимый вклад в мировую дипломатию и «За укрепление мира между народами» 12 декабря 1953 года Пабло Неруда получил Сталинскую премию, а в 1971 году ему присуждена Нобелевская премия по литературе «за поэзию, которая действием стихийной силы оживляет судьбу и мечты континента» [6].

Три песни любви Сталинграду. Впервые Пабло Неруда приехал в СССР в 1949 году на празднование 150-летия со дня рождения Пушкина, которого он называл «святой святых русской поэзии» [7, с.171].

Ввиду идеологических воззрений Неруды, военные действия на территории СССР во время Великой Отечественной войны принимались им крайне близко. Так, в 1942 году, появилась «Песнь любви Сталинграду» [8], в которой говорилось, что советские люди не одни, а их бой поддерживают люди всего мира:

*«Сталинград, мы не можем к стенам твоим пробиться,
город, мы далеко!
Мы — это мексиканцы, арауканы, мы — патагонцы, гуарани,
уругвайцы, чилийцы — нас миллионы людей.
...Хотя ты и умираешь, ты не умрёшь, Сталинград!» [8].*

Находясь под особым впечатлением, которое произвела на него мужественность воинов-защитников Сталинграда, сумевших переломить ход битвы и сыгравших решающую роль в исходе войны, Неруда пишет «Новую песнь любви Сталинграду» [9] и читает её 29 января 1943 года на торжественном банкете в честь СССР в Мексике, где занимал должность консула Чили. Вся поэма звучит как гимн героическому городу и его защитникам.

В 1949 году после посещения героического города у Неруды родилась «Третья песня любви Сталинграду», в которой он восхищается восстановлением Сталинграда и рисует мирный, но помнящий войну город. В третьей песне мы встречаем такие слова:

*«Сталинград дал вселенной Жизни великий урок:
Рождаться, рождаться, рождаться. И рождался он, вновь
умирая,
И снова сражался, рождаясь».*

Пабло Неруда в Ялте. Пабло Неруда много путешествовал по миру, ему удалось объездить практически весь Советский Союз. Остановливался он и в Ялте (Крым), где посетил основные её достопримечательности: Ливадийский дворец, лагерь «Артек», винзавод «Массандра» и, конечно, Дом-музей Антона Павловича Чехова [10].

Сохранились воспоминания старейшего музейного работника Крыма, почетного гражданина Ялты, заслуженного работника культуры республики, лауреата Чеховской премии Аллы Васильевны Ханило о том, как она знакомила поэта Неруду с Домом-музеем А.П. Чехова, часто называемым «Белой дачей» [10,11], а в книге гостей сохранились его проникновенные строки:

«Глубокое волнение испытал я здесь и приятный запах сирени в этом доме. Одно лишь сознание находится в доме вместе с великим мастером, который рассказал нам о русской жизни и увидел будущее, всегда будет жить в нас, и мы будем бережно хранить память о нём. Пабло Неруда» [12].

Во время своего пребывания в Ялте в мае 1960 года Пабло Неруда со своей супругой Матильдой поселился в Доме творчества писателей [12], где в это же время проводил отпуск Савич Овадий Герцович, который заканчивал работу над своей книгой «Два года в Испании», и Пабло выступал в роли консультанта, помогая ему советами. Овадий Савич не только дружил с Пабло, но и был одним из лучших переводчиков его произведений.

Уезжая из Дома творчества, Пабло и Матильда оставили запись в книге отзывов: *«Спасибо за все. Мы будем вспоминать, как хорошо провели здесь время»* [13].

«Крым — это орден на груди планеты Земля!». На полях Интернета и во многих печатных изданиях мы часто встречаем фразу *«Крым — это орден на груди планеты Земля!»*, приписываемую Неруде. Проведенное авторами анализ произведений известного чилийского поэта показали, что в опубликованных поэмах и книгах отсутствуют такие слова. Однако в *«Новой песне любви Сталинграду»* есть фраза:

*«Las condecoraciones que tus muertos
han puesto sobre el pecho traspasado
de la tierra, y el estremecimiento
de la muerte y la vida, Stalingrado*

в переводе на русский язык:

*«Уже твои сыны тебе добыли
победу — наивысшую награду
на грудь земли, простреленной навывлет,
на грудь красноармейцу-Сталинграду»* [9].

Появилась гипотеза, что при посещении Крыма в 1960 году в одном из интервью Пабло повторил слова своей поэмы о Сталинграде, переадресовав их к Крыму. Так родилась легенда.

Заключение. Сегодня противостояние неонацизму с самого его зарождения, является важной задачей для мирового сообщества. Нельзя допустить, чтобы история, связанная с ужасами фашистской идеологии, повторилась вновь. Сохранение мира от возрождения фашизма и развития любых его форм в наше время является священным долгом для всех последующих поколений подобно тому, как мы являемся потомками таких великих фигур, как С. Альенде, П. Неруда, И.В. Сталин и других. Любые попытки к зарождению неонацизма должны быть пресечены, а идеологи этого движения – наказаны. Сейчас Россия делает все для того, чтобы истребить эти идеи в очаге их зарождения – Украине, ибо для России проблема процветания неонацизма на ее границах занимает особое место в повестке внешнеполитического курса.

Авторы благодарят сотрудников Администрации г. Ялты, управления по архивным делам, и начальника управления, Жердеву Валентину Павловну, в частности, за помощь в поиске и копировании документов, подтверждающих пребывание Пабло Неруды в Ялте.

Список литературы

1. Энциклопедический словарь политологических терминов. СПб.: ИД Петрополис. 2013.
2. Белькович Р. Ю. Фашизм: история одной идеологии // Постнаука. – Текст: электронный. – URL: <https://postnauka.org/longreads/156875> (дата обращения: 04.11.2023).
3. Фихтнер Е. Н. К Чили: история непостроенного социализма // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chili-istoriya-nepostroennogo-sotsializma> (дата обращения: 04.11.2023).
4. Строганова Е. Д. Поиск социалистической альтернативы в Чили // БЕРЕГИНЯ. 777. СОВА. 2013. №3 (18). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poisk-sotsialisticheskoy-alternativy-v-chili> (дата обращения: 04.11.2023).
5. Этот день в истории: 1973 год — военный переворот в Чили (11 сентября 2019) // EA Daily. – Текст: электронный. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/09/11/etot-den-v-istorii-1973-god-voennyu-perevorot-v-chili> (дата обращения: 04.11.2023).
6. The Nobel Prize in Literature 1971. NobelPrize.org. Nobel Prize Outreach AB 2023. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1971/summary/> (дата обращения: 04.11.2023).
7. Неруда П. Признаюсь: я жил: Воспоминания. – Пер. с исп.: К. Симонова. – М.: Политиздат, 1978. 428 с.
8. Неруда П. Песнь любви Сталинграду / Пер. с исп.: Грушко П.М. М.: Время жизни, 1982. С. 44-46.
9. Неруда П. Новая песнь любви Сталинграду / Пер. с исп. Гончаренко С.Ф. М., Время жизни, 1982. С. 46-49.
10. Шумакова Е. В. Дом-музей А.П. Чехова в Ялте (1957 - 1979 годы) // Чеховские чтения в Ялте: XLI Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня основания Дома-музея А.П. Чехова в Ялте: сборник научных трудов (г. Ялта, 03–09 октября 2021 г.). – Я.: Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник, 2022. – С. 168-177.
11. Пашко Н. В. История дома-музея Антона Павловича Чехова в Ялте в автографах: друзья и гости Белой дачи // Гуманитарная парадигма. 2020. №2 (13). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-doma-muzeya-antona-pavlovicha-chehova-v-yalte-v-avtografah-druzya-i-gosti-beloy-dachi> (дата обращения: 06.11.2023).
12. Ханило А. В. Чехов в Ялте. Симферополь: Нижняя Ореанда, 2016. 192 с.
13. Книга отзывов почетных посетителей Музея-заповедника // Документы из фондов управления по архивным делам по адресу: Республика Крым, г. Ялта, ул. Архивная, д. 2.

ПРОЯВЛЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БАТАЛЬОН «АЗОВ»

Закиржанов Р. И.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
студент*

E-mail: gaymaletdinov00@bk.ru

***Аннотация.** В статье разбирается проявление нетрадиционной религиозности террористической организации «Азов». Это объясняется отсутствием аргументированной и объективной оценки деятельности батальона, а также нет достаточно глубоких теоретических работ на тему проявления в данной организации нетрадиционной религиозности. Возможно, это обусловлено сравнительно коротким сроком существования данной организации, появилось она только в 2014 году. Постараемся дать оценку, с какой целью в батальон «Азов» (запрещенная на территории РФ — террористическая организация), были привнесены элементы нетрадиционной религиозности.*

***Ключевые слова:** Украина, нетрадиционная религиозность, неоязычество, батальон «Азов» [организация, запрещённая на территории РФ - прим. авт.], «Сотня Иисуса Христа», инглинги, вотанизм.*

MANIFESTATION OF NON-TRADITIONAL RELIGIOSITY IN THE TERRORIST ORGANIZATION BATTALION «AZOV»

Zakirzhanov R. I.

*f Kazan (Volga Region) Federal University,
student*

E-mail: gaymaletdinov00@bk.ru

***Abstract.** The article examines the manifestation of non-traditional religiosity of the terrorist organization “Azov”. This is explained by the lack of a reasoned and objective assessment of the battalion’s activities, and there are also no sufficiently in-depth theoretical works on the topic of the manifestation of non-traditional religiosity in this organization. Perhaps this is due to the relatively short existence of this organization; it appeared only in 2014. We will try to assess the purpose for which elements of non-traditional religiosity were introduced into the Azov battalion (a terrorist organization banned on the territory of the Russian Federation).*

Keywords: *Ukraine, non-traditional religiosity, neo-paganism, Azov battalion [an organization banned on the territory of the Russian Federation - approx. author], "The Hundred of Jesus Christ", Ynglings, Wotanism.*

Батальон «Азов» (запрещенная на территории РФ — террористическая организация) — это крайне правое добровольческое пехотное воинское подразделение. В состав группы по самым минимальным оценкам входило порядка 900 человек. Верховный суд РФ признал данное образование ультранационалистическим и обнаружил в нем присутствие идеологии неонацизма, а именно наличие идеи о превосходстве белой расы и признаки неоязыческого культа [1].

Первоначально подразделение было сформировано как добровольческая группа в мае 2014 года из ультранационалистической партии «Патриот Украины» и неонацистской группы «Социальная национальная ассамблея» (СНС). Обе группы исповедовали ксенофобские и неонацистские идеалы и совершали физические нападения на мигрантов, выступающих против их взглядов. Официальной датой основания батальона специального назначения «Азов» принято считать 5 мая 2014 года.

Батальон «Азов» (запрещенная на территории РФ — террористическая организация) имеет в своей основе не только нацистские признаки, но и признаки неоязычества. «Их идеология проистекает из дохристианских и националистических традиций, ритуалов, обычаев. Они особенно жестоки, и это привлекает внимание новых адептов из молодежной среды», - говорит эксперт по сектам Владимир Рогатин. По его словам, 60% членов «Азова» являются последователями языческих культов [2]. Предположительно в батальоне воюют язычники не только из Украины, но также есть «братья по вере» из России, Белоруссии, стран Европы.

Изначально батальон создавался по нацистским принципам. Язычество уже позднее внес Ярослав Бабич. С приходом Бабича организация встала на путь сектизации. Во время сектизации происходит постепенное увеличение объема и роли сектантского компонента в деятельности организации с медленным исключением несектантского компонента.

Большинство участников батальона отвергают идеи христианства. Но при этом, как это ни удивительно, рядом с неоязычниками в одном батальоне воюют и ультранационалисты из христианской группировки. 5 рота батальона «Азов» (запрещенная на территории РФ — террористическая организация) называется «Сотня Иисуса Христа», в

которой приблизительно находится около 60 человек, организованная партией «Братство» Дмитрия Корчинского [3].

Следует рассмотреть идеологию участников батальона «Азов» подробнее.

В 2016 года на своей базе в городе Мариуполе, который расположен в Донецкой области Украины, бойцы батальона «Азов» (запрещенная на территории РФ — террористическая организация) обустривают капище Перуна и массово проходят обряд кровопускания. Перун — это верховный Бог дохристианского славянского пантеона. Перун был языческим небесным воином и покровителем воинов [2].

Затем в 2017 году участники батальона провели ритуал памяти павших воинов. Они устроили факельное шествие. То же повторилось и в 2022 году. Неоязычники провели обряд памяти мертвых в ночь с 21 на 22 декабря [4]. Это был день зимнего солнцестояния, поэтому он был выбран неспроста. Именно эта ночь является самой длинной в году, а день самый короткий. День зимнего солнцестояния — уникальный и особенный день в ряде языческих верований. Сторонники неоязычников уверены, что в этот день попасть в потусторонний мир гораздо проще, чем в любой другой день. Они сожгли имитацию древнего военного корабля викингов «Дракар». Согласно поверию, корабль сжигают вместе с телами умерших, однако о присутствии тел на корабле азовцев доподлинно неизвестно.

Андрей Билецкий, бывший командир полка, заявляет, что не исповедует язычество, однако во время периода своей политической карьеры он не раз вставал на защиту интересов языческих общин. Например, язычники общины «Родобожие» в 2017 году обратились в государственные органы для официальной регистрации организации. Сперва им было отказано, но после вмешательства депутата Билецкого «Родобожие» было официально зарегистрировано на территории Украины.

Мальцев считает, что участники батальона Азов все сильнее проникают в политическую жизнь Украины. Все больше выходцев из полка занимают должности в разных ветвях власти, это свидетельствует об укреплении неоязыческой веры в политике государства [4].

Власти Украины создают новую религию, которая в последствии вытеснит христианство. Уже известны случаи столкновения православной церкви с азовцами. Известны случаи демонстративного отбирания икон и библий у населения Донбасса с их последующим сожжением и жестокими избиениями неподчинившихся. Создается новая вера на основе национализма и неоязычества, считает профессор

Московского государственного лингвистического университета Р.Силантьев [5].

Смерть для неоязычников естественна и возведена в культ. Они обесценивают значение любой человеческой жизни. Исследование Велицкой Н.Н. показывает, что языческие представления о смерти и вечности, в котором учёный говорит об общем индоевропейском мотиве реинкарнации, который, возможно, был характерен и для славянской архаики. Велицкая приходит к выводу, что понимание языческих представлений о смерти наиболее важно положение о том, что смерти в нашем понимании у язычников нет. «Азов» превозносит культ смерти. Они готовы погибнуть за свою идею, общину, общность, за свой воинский орден [6].

Современные украинские неоязычники сочетают в себе как скандинавское язычество, так и славянские традиции и обряды, - считает автор книги «Черное Солнце Украины» А.В. Кочетков [7].

В данной организации есть и инглинги. Учение инглингов основывается на почитании богов – предков, которые есть прародители славян. Самым чтимым является бог Род, которые совмещает в себе все предыдущие поколения конкретного человека и предопределяет его жизненный путь. Инглинги также признают других вышних богов, которые отвечают за мироздание и порядок во Вселенной. Самым узнаваемым и распространенным символом веры является коловрат. Это свастический символ, напоминающий символ Третьего рейха [5].

При рассмотрении деятельности азовцев также важно упомянуть вотанизм. Это националистический подвид неоязычества Германии. Создано учение в начале 1990-х годов Д.Лейном. «В основе названия лежит имя Один – главного бога скандинавской мифологии. В переводе на немецкий Один – Вотан. Лейн опубликовал работы на темы превосходства «белой расы» и неоязычества. Этот человек придумал число-код 1488, используемый расистами в качестве лозунга, приветствия. В комбинации зашифровано приветствие Гитлеру и изречение о превосходстве белой расы». Постулаты учения Лейна звучат так: «мы супер-раса», «за чистоту крови», «есть чужаки, «скерлинги», их нужно уничтожать, пока они не уничтожили нас». То есть, это типичная религия ненависти, которую создают на базе язычества или сатанизма [5].

Таким образом, батальон «Азов» (запрещенная на территории РФ — террористическая организация) сочетает в себе различные сектантские характеристики, будь то неоязычество (скандинавское или славянское), христианское вероучение, учение инглингов и вотанистов. Одной из главных целей рассматриваемой террористической

организации представляется создание «идеальной украинской нации». Идея террористической организации «Азов» (запрещенная на территории РФ — террористическая организация) - продуманный план по созданию новой религии, сторонники которой представляют удобный аппарат для реализации политических целей.

Список литературы

1. Террористическая организация "Украинское военизированное националистическое объединение "Азов" внесена в "Единый федеральный список организаций, признанных в соответствии с законодательством террористическими" [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytij/terroristicheskaya-organizaciya-ukrainskoe-voenizirovannoe.html> (дата обращения: 06.02.2023).
2. Перуново племя. Как неоязычники создают "альтернативный русский народ" [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iriney.ru/okkultnyie/neoazychniki/novosti-o-neoazychnikax/perunovo-plemya.-kak-neoazychniki-sozdayutalternativnyij-russkij-narod.html> (дата обращения: 06.02.2023).
3. Мальцев В. Батальон «Азов» собирает на войну экстремистов разных религиозных взглядов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/facts/2014-08-06/5_donbass.html (дата обращения: 28.03.2023).
4. Мальцев В. Феномен «Азова». Как украинские националисты стали влиятельной политической силой / Группа информации по преступлениям против личности (IGCP). М.: Издательский центр фонда «Историческая память», 2017. С.82.
5. Петров И. К военной службе-Один: почему язычество стало фундаментом неонацизма. Эксперт по религиям назвал самый разрушительный культ на планете [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/1328204/ivan-petrov/kvoennoi-sluzhbe-odin-pochemu-iazychestvo-stalo-fundamentom-neonatizma> (дата обращения: 06.02.2023).
6. Чаусов А. История украинского неоязычества: ценность человеческой смерти [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tsargrad.tv/articles/istorija-ukrainskogo-neoazychestva-cennost-chelovecheskoj-smerti_536273 (дата обращения: 06.02.2023).
7. Кочетков А.В. Чёрное солнце Украины. М.: Книжный мир, 2020. С.474.

ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ПОЗИЦИИ РОССИЙСКИХ И АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ ДИПЛОМАТОВ В КОСОВСКОМ ВИЛАЙЕТЕ (1878–1908 гг.)

Заркович С. Весна

Доктор исторических наук

*Институт сербской культуры, Приштина-Лепосавич, Сербия,
старший научный сотрудник*

E-mail: vesna.zarkovic07@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассматриваются противоречивые позиции российских и австро-венгерских дипломатов в Косовском вилайете, на территории которого сталкивались интересы двух стран. После Берлинского конгресса 1878 года Османская империя все больше слабела, а интерес к определенным ее частям был более выражен среди великих держав. Ситуация, в которой оказалось Османское государство, способствовало формированию в Европе противоборствующих блоков держав, главными представителями которых на Балканах были Россия и Австро-Венгрия. Интересы двух стран напрямую отражались на отношениях сербов и албанцев. С одной стороны, Австро-Венгрия благосклонно относилась к албанцам, поощряла многочисленные бунты и мятежи, направленные против сербского населения, но и против турецких властей. Наоборот, Россия в соответствии со своими возможностями старалась защитить сербов. Также сильно различалась работа российских и австро-венгерских дипломатов, служивших в Косовском вилайете. Хотя речь шла об одной и той же территории, событиях и действующих лицах, в отчетах консулов двух стран имеются многочисленные разногласия.*

***Ключевые слова:** Косовский вилайет, Россия, Австро-Венгрия, Османская империя, дипломаты, противоположность.*

OPPOSING ATTITUDES OF RUSSIAN AND AUSTRIAN-HUNGARIAN DIPLOMATES IN THE KOSOVO VILAJET (1878–1908)

Zarković S. Vesna

PhD of historical sciences

Institute for Serbian Culture Priština-Leposavić, Serbia

Senior research associate

E-mail: vesna.zarkovic07@gmail.com

Abstract. *This paper discusses the conflicting positions of Russian and Austro-Hungarian diplomats in the Kosovo vilayet, through whose territory the interests of the two countries were conflicting. After the Congress of Berlin in 1878, the Ottoman Empire weakened more and more, and the interest in certain parts of it became more pronounced among the great powers. The situation in which the Ottoman state found itself contributed to the formation of opposing blocs of powers in Europe, whose main exponents in the Balkans were Russia and Austria-Hungary. The interests of the two countries directly affected the relations between Serbs and Albanians. On the one hand, Austria-Hungary favored the Albanians, encouraged numerous riots and rebellions directed against the Serbian population, but also against the Turkish authorities. Contrary to that, Russia, in accordance with its possibilities and opportunities, strived to protect the Serbs. Also, the work of Russian and Austro-Hungarian diplomats who served in the Kosovo vilayet differed to a large extent. Although it was about the same territory, events and actors, there are numerous discrepancies in the reports of the consuls of the two countries.*

Keywords: *Kosovo vilayet, Russia, Austria-Hungary, Ottoman Empire, diplomats, conflict.*

Первые видимые признаки расчленения Османской империи появились на Берлинском конгрессе в 1878 году, когда Австро-Венгрия получила мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины и территории за Мутровицей, а также на размещение своих гарнизонов в Новопазарском санджаке [1, с. 5]. Это была западная часть Османского государства, на которую смотрели в Вене с особым вниманием, поскольку считали, что оккупацией этой территории можно достичь цели выхода к теплому морю. Столкнувшись с решениями Конгресса, Порты через год осуществила новое административное деление и организацию власти. Таким образом, Новопазарский санджак, резиденция которого находилась в Сараево, был отделен от Боснийского и присоединен к Косовскому вилайету. Косовский вилайет был основан в конце января 1877 года с центром в Приштине. Через несколько лет, точнее в 1888 году, администрация была переведена в Скопье [2, с. 263–264]. Это организационное деление претерпело незначительные изменения до Балканских войн.

Вся ситуация способствовала формированию противостоящих друг другу блоков держав в Европе, главными представителями которых на Балканах были Россия и Австро-Венгрия. Отношение России к Боснии и Герцеговине и вообще к сербскому народу и его движениям были обусловлены интересами балканской политики,

прежде всего отношениями с Австро-Венгрией [3, с. 687]. Противоречивые интересы двух великих держав того времени были более выражены на территории Старой Сербии и Македонии по сравнению с другими провинциями Османской империи. Вопрос о Старой Сербии, неотъемлемой частью которой был Косовский вилайет, был интернационализирован именно потому, что эта территория находилась на пути германского проникновения на восток. В период с 1878 по 1908 год влияние России значительно ослабло, несмотря на усилия и попытки ее дипломатов восстановить и укрепить его. В отличие от российских, австро-венгерские дипломаты благоволили албанцам и видели в них главный инструмент для достижения своих целей. Через своих представителей в Царьграде Австро-Венгрия оказала влияние на султана Абдул-Хамида II и предоставила албанцам привилегированное положение по сравнению с сербами, которым она принесла самые большие жертвы в европейской части Османского государства [4, с. 209–210].

В последнее десятилетие XIX века Османскую империю охватил внутренний кризис, вызванный национальными движениями нетурецких народов. Ситуация стала очень серьезной и началась сначала с погромов армян, а затем с движения греков на Крите. Эти нерешенные проблемы угрожали тем, что подобные движения могли затронуть другие части Османского государства, в первую очередь Балканский полуостров. В решение этих проблем вмешались великие державы Россия и Австро-Венгрия, и благодаря их участию Крит в 1898 году получил автономию. Хотя их основной целью было предотвратить расчленение Османской империи, этим наиболее заинтересованным сторонам, интересы которых были связаны с территорией Балканов, удалось в мае 1897 года достичь соглашения о сохранении статус-кво. Согласно этому соглашению, было предусмотрено, что в случае несоблюдения согласованного положения, Царьград и проливы с внутренними районами до Марицы будут исключены из их взаимного соглашения как вопросы, представляющие общеевропейский интерес. В противном случае исключалась возможность завоевания какой-либо заинтересованной стороны, а также других стран. Учитывая, что Россия подчеркивала Дарданеллы как свой интерес, Австро-Венгрия требовала, чтобы в случае возможных изменений на Балканах территория Боснии и Герцеговины и Санджака, разделявшая Сербию и Черногорию, по-прежнему оставалась в ее владении [5, с. 154]. По взаимному согласию Россия и Австро-Венгрия оставляли возможность того, что в случае распада Османской империи в ее европейской части на участке между Яниной и Скадарским озером будет образовано

албанское государство. Инициатором этой идеи была Австро-Венгрия, желающая дать четкий сигнал балканским государствам о своей заинтересованности в этой части европейской Турции и одновременно нейтрализовать их территориальные притязания [6, с. 49].

Венские дипломаты осознавали российское влияние и серьезность ситуации в Старой Сербии, поэтому выступали за неразрывание отношений с Россией. Они были готовы на некоторые уступки, но ясно подчеркивали, что в отношении Дарданеллы, Австро-Венгрия не желает уступать контроль над Царьградом и проливом. Присутствие русских в Царьграде представляло бы для нее постоянную опасность, учитывая, что российское влияние распространялось через Македонию и Старую Сербию в направлении Боснии [7, с. 104; 8, с. 129]. Эти и подобные взгляды легли в основу австро-венгерской политики на Балканах. О планах Австро-Венгрии свидетельствует заявление графа Голуховского депутату в Белграде Константину Думбе в начале 1903 года, в котором он ясно подчеркнул: «Мы не можем ни при каких обстоятельствах терпеть соединение Королевства Сербского и Княжества Черногорского; мы бы предотвратили это даже ценой войны» [9, с. 18–19]. Подобные комментарии и идеи австро-венгерских политиков вызвали кризис и беспорядки в Старой Сербии, что отразилось на отношениях между албанцами и сербами.

Возникший кризис в Османской империи был использован албанцами в Косовском вилайете, и эта территория стала центром ежедневного насилия против сербского населения. Они были недовольны итогами греко-турецкой войны 1897 года, откуда вернулись с оружием, которое использовали для многочисленных нападений и убийств сербов. Однако тревога и опасения за дальнейший ход событий ощущались и среди албанцев.

Они не могли предвидеть ситуацию в Косовском вилайете и находили поддержку в противостоянии интересов великих держав и балканских государств. Состояние, в котором они находились, лучше всего иллюстрируется словами одного из их соотечественников: «Подобно тому, как Россия рассчитывает завершить строительство Сибирской железной дороги, а затем заняться Англией, так и мы должны постепенно попытаться разрешить этот конфликт мирным путем». Тогда наше положение будет проще. Если бы Австрия напала на нас, Сербия, Черногория и Болгария поддержали бы нас; если кто-то из них нападет на нас, нам будет легко победить, потому что они никогда не смогут договориться, и всегда хотя бы одна из них будет на нашей стороне». Кроме этого, среди албанцев того времени можно было услышать и другие рассказы, касающиеся их отношения к Англии,

России, Германии и Австрии [10, 1899, ролна 201, А/21, фасц. I, дос. III, Пов. № 4, Консул С. Симич - В. Джорджевичу, министру иностранных дел, Приштина, 17/29. января 1899 г.; 8, с. 104–105].

Было очевидно, что интерес Австро-Венгрии к событиям в Косовском вилайете возрастал. Было очевидно, что интерес Австро-Венгрии к событиям в Косовском вилайете возрастает. Об этом говорит тот факт, что Австро-Венгрия со временем увеличила количество своих представительств, так что помимо Призрена, где она имела консульство с 1870 года, оно открылось в Скопье в 1889 году и в Митровице в 1904 году. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что число донесений из этих регионов, отправляемых в Вену, многократно возросло и, например, в 1870 году из Призренского консульства было отправлено всего 11 донесений, а через 15 лет это число достигло более сотни. После 1908 года доклады правительству в Вене о событиях в Косовском вилайете были повседневной работой его дипломатов, служивших в Призрене, Скопье и Митровице [11, с. 111].

Россия также расширила сеть консульских представительств в европейской части Османской империи. Сначала она открыла консульства в Призрене и Шкодре, а позже в Скопье и Митровице. Работу консулов выполняли образованные и опытные люди, хорошо разбиравшиеся в ситуации в тех краях. Их деятельность, хотя и в значительной степени ограниченная, принесла большую пользу сербскому населению. Работа русских консулов заключалась не только в отправке донесений послу в Царьграде и правительству в Петрограде, но включала и активное участие в событиях, посредничество с турецкими властями, сотрудничество с консулами Королевства Сербия, подавление австро-венгерского влияния и пропаганды, которые крепили с каждым днем. В период от открытия консульства до Балканских войн на территории Косово и Метохии служило большое количество российских дипломатов, так что в Призрене было одиннадцать консулов и вице-консулов, а в Митровице шесть консулов и один вице-консул [12, с. 123–124].

Очень характерными были отношения Австро-Венгрии с консульствами других государств Османской империи. В силу отношений между двумя странами российское консульство в Скопье находилось в особом положении по отношению к австро-венгерскому. По словам Беляева, а затем и Разумовского генеральному консулу Королевства Сербия в Скопье Михаилу Ристичу, из российского посольства в Царьграде поступил приказ, согласно которому их консулы не могут въезжать во внутреннюю часть вилайета без австро-венгерского консула, за исключением случаев если он не примет

приглашение. Также существовала инструкция, согласно которой они должны были сотрудничать с Бохумилом Пари, австро-венгерским консулом в Скопье. Неподчинение этим приказам и инструкциям повлекло за собой определенные меры, которых не избежал русский консул в Митровице Орлов за поездку в монастырь Девич без Цамбауэра. Орлов получил строгий выговор, а копия письма с выговором была разослана из посольства в Царьграде во все российские консульства в Османской империи [13, с. 992].

В отличие от консула из Митровицы, российский консул в Призрене был более независим и работал самостоятельно. Он не ездил вместе со своим австро-венгерским коллегой и не отправлял в Царьград совместных и идентичных отчетов. Российский консул в Призрене Разумовский не был в дружеских отношениях с Прохазкой и советовал сербскому населению не обращаться к обеим сторонам одновременно, а выбрать только одну, и ту, которая, по их мнению, могла бы оказать им большую помощь. Он основывал свое понимание на убеждении, что сербы не в состоянии сравнивать двух дипломатов и их влияние на турецкие власти [14, 1907, ред 36, ПП Бр. 587, консул М. Ракич - Н. Пашичу, министру иностранных дел, Приштина 3/16. сентября 1907 г.; 15, с. 438].

Противоположные взгляды австро-венгерских и русских консулов, служивших в европейской части Османской империи, были заметны и в донесениях, которые они направляли в свои посольства в Царьграде. В конце 1907 года посланник Зиновьев получил донесения русских консулов из Митровицы и Призрена о крайне неблагоприятном положении в этих областях, на основании которых потребовал от султана прислать больше солдат в окрестности города Печ и другие места Старой Сербии. Австро-венгерский посланник в Царьграде не оказал поддержки своему российскому коллеге, что еще больше затруднило акцию по оказанию помощи сербскому населению и в то же время подготовило почву для ее проникновения в эти регионы [14, 1907, ред 112, Пов. Бр. 937, посланник Й. Ненадович – Н. Пашичу, министру иностранных дел, Царьград 3/16 ноября 1907 г.; 16, с. 803].

Агрессивная политика Австро-Венгрии в Косовском вилайете и на Балканах в целом, помимо России и Сербии, беспокоила и другие страны, в первую очередь Италию, имевшую амбиции по отношению к восточному побережью Адриатического моря. Италия открыла свое консульство в Призрене в 1907 г. [2, с. 277], что привело к соперничеству между австро-венгерским и итальянским консулом. Были опасения, что итальянский консул окажет влияние на римско-католических албанцев, тем самым подавив влияние Австро-Венгрии и

сведя к минимуму ее работу. Италия имела мощную поддержку в лице призренского бискупа Трошкина, который несмотря на то, что получал от Австро-Венгрии ежемесячное жалование в тысячу крон, открыто отстаивал итальянские позиции. Благодаря усилиям бискупа Трошкина в Призрене поселились несколько католических семей из Шкодера. По их поселению, бискуп пытался заложить основы сообщества итальянских сторонников, которые бы выступали против австро-венгерского влияния среди фандами [14, 1907, ред 36, ПП Бр. 587, консул М. Ракич - Н. Пашичу, министру иностранных дел, Приштина 3/16. сентября 1907 г.; 15, с. 438–439]. Из частых конфликтов с австро-венгерским консулом в Призрене он вышел победителем [16, с. 701].

В начале XX века в Косовском вилайете царил всеобщая анархия, и сербское население было вынуждено в большом количестве покинуть свою собственность из-за зулома. Они нашли убежище в Сербии, а также в других частях Османской империи. Из-за террора, которому подверглось не только сербское население, но и остальное христианское население, великие державы отреагировали и потребовали от султана проведения реформ в государстве. Инициаторами выступили австро-венгерский и российский императоры Франц Иосиф и Николай II, которые в октябре 1903 г. в Мюрцштеге согласовали программу проведения реформ в трёх румелийских вилайетах [17, с. 675]. Хотя эти наиболее заинтересованные стороны совместно участвовали в разработке проекта и его согласовании, на первый план вышли интересы Австро-Венгрии. В частности, она потребовала, чтобы пункт, касающийся тяжелого положения христиан в Старой Сербии и принятия мер против албанцев, не был официальной частью ноты. Такое отношение австро-венгерских чиновников не осталось незамеченным среди российских дипломатов, а ее представитель в Царьграде Иван Зиновьев заявил по этому поводу: «Для австрийского посла нет албанских зверств, потому что эти зверства совершаются не против католиков, которые, как и албанцы, ходят беззаботно с оружием и пользуются всеми правами, а против православных сербов, к которым относятся как к бесправным людям» [18, с. 66; 19, с. 309].

Предложение о реформах, в которых принимали участие другие великие державы, такие как Англия, Германия и Италия, в Сербии и России вызвало недовольство, но и страх в связи с возрастающим распространением германизма на Балканах [20, с. 243]. В совместной работе на первый план вышли разногласия между Россией и Австро-Венгрией, и в отличие от того, что соглашение предполагало равное представительство обеих сторон, было очевидно, что Австро-Венгрия стремилась ослабить российское влияние. На этом пути она имела

поддержку со стороны Германии, но также и со стороны Ватикана, который хотел предотвратить распространение православия на запад и видел в ней «оплот католицизма» [21, с.57].

Соглашение между Австро-Венгрией и Россией провалилось, прежде всего, из-за неискренности первой стороны, которая видела в нем лишь возможность полностью доминировать на Балканском полуострове, без какого-либо серьезного взаимодействия и противостояния, как ей это удалось в Боснии и Герцеговине после Берлинского конгресса. Несмотря на это, Двуетная монархия хотела добиться своих целей и нейтрализовать Россию. Это видно из его настойчивых заявлений о том, что после России она откроет свое консульство в Митровице. В отличие от трудностей, с которыми столкнулась Россия при открытии консульства и убийстве консула Григория Щербины в Митровице в 1903 году [22, с. 309–325; 23, с. 139–153], австро-венгерский консул Цамбауэр был встречен радушно. О личных впечатлениях и приеме он писал в отчетах правительству в Вене и посланнику в Царьграде. Он заявил, что столкнулся с добротой мусульманского населения и особо подчеркнул дружелюбное отношение беженцев из Боснии, численность которых составляла около 300-400 домов. В отличие от них, для сербского населения города, проживавшее, по его оценке, в 220 домах, он сказал, что они с пренебрежением относятся к открытию австро-венгерского консульства в Митровице. Желая дополнить картину настроений магометан, он не упустил возможности подчеркнуть в отчете тот факт, что на вокзале его сразу же встретила делегация из нескольких местных лидеров из Приштины, а также пяти членов из Митровицы, во главе с Сулейманом беком Ченгичем [24, с. 221–222].

То, как новоназначенный австро-венгерский консул докладывал о ситуации в Косовском вилайете, не отражало истинной ситуации на местах. Он представил преступления и убийства христиан, произошедшие до его прихода к должности в сельских местностях и в городах Приштина, Митровица, Печ, Нови-Пазар и Сеница, как отдельные действия. Он говорил о ситуации как об относительно мирной, чему, по его мнению, способствовал контроль над ношением оружия всеми группами, в том числе и магометанами [24, с. 222–223]. С другой стороны, его коллега Хала из Призрена указал графу Голуховскому на необходимость строго наказать албанцев-магометан за нападения на христиан и разоружить их. В тот момент запрет на ношение оружия соблюдался в Призренском санджаке, окрестностях Джаковицы и Печи, но не и в деревнях Печского санджака [24, с. 228–229].

По мнению поверенного в делах и советника посольства Австро-Венгрии в Царьграде Отто, доклады Цамбауэра были слишком мягкими и положительными относительно ситуации в районе консульства в Митровице [1907, ред 112, Пов. Бр. 793, посланник Ж. Балугджич - Н. Пашичу, министру иностранных дел, Царьград 7/20. сентября 1907 г.; 15, с. 457]. Консул Цамбауэр подчеркивал возможную опасность со стороны Сербии, контрабанду оружия, трансграничные инциденты и сокращение численности действующей армии, что, по его мнению, вызвало беспокойство мусульманского населения и османских властей. Он специально указывал на идентичное отношение «славянских турков» и албанцев, которые охарактеризовали ситуацию как катастрофическую как момент для выбора Австро-Венгрии из-за предоставленных прав, полной свободы вероисповедания и защиты законной собственности магометан в Боснии. Подобные известия воодушевляли Австро-Венгрию, у которой создалось впечатление, что она единственная уполномочена наводить порядок на этой территории [24, с. 233–234].

Возникшие обстоятельства и то состояние, в котором оказалось Османское государство, также сыграли на руку Австро-Венгрии. Революционное движение, охватившее Македонию в 1903 году, отразилось и на условиях северо-западной части Косовского вилайета, где христиане находились в гораздо менее благоприятном положении. Сербские дипломаты, по данным ряда источников, располагали сведениями о том, что анархия, вызванная магометанским фанатизмом, проявлялась в различных формах. Например, магометанское население Призрена предпочло бойкотировать христианских ремесленников и торговцев, которые, таким образом, оказались на грани существования. Представители османских властей не отреагировали, поскольку поддались влиянию мечетей, в которых читались проповеди о непокупке товаров у христиан. В пользу сербов выступил только российский консул, которому в данном случае помог его австрийский коллега. Ситуация была намного хуже в Печском санджаке, и особенно в деревнях, где албанцы ежедневно совершали зверства. Эта ситуация была в некотором смысле следствием распространения различных голосов по поводу реформ в Македонии, где положение христиан было гораздо лучше. Ничуть не легче жилось сербскому населению в Гниланской казе, откуда поступали различные жалобы, на которые каймакам как представитель власти не только не реагировал, но создавал впечатление, что он солидарен с преступниками [24, с. 243–255].

Австро-Венгрия, несмотря на свои внутренние трудности, умело использовала ослабление российского влияния из-за войны с Японией и работала над повышением своей репутации и влияния на Балканах. Поэтому граф Голуховский сделал экспозицию и разослал ее делегациям. Хотя он и признавал правильное поведение Сербии, обеспокоенность его и Австро-Венгрии по поводу якобы регулирования ситуации в Косовском вилайете обеспокаивала Михаила Вуича, депутата в Вене. Обстоятельства, такие как поездка Альбори в северо-западную часть Новопазарского санджака и крупные военные кредиты, напомнили ему слова Голуховского: «как Австро-Венгрия сама дополнит то, чего не хватает в балканских действиях из-за обязательств России перед Японией». Вуич истолковал это заявление двояко: во-первых, как урок, преподанный Турции, а во-вторых, что даже самые незначительные беспорядки, даже искусственно вызванные, могут дать Австро-Венгрии повод для вооруженной интервенции на территорию «за Митровицей» [13, с. 325].

Неискренность политики Австро-Венгрии в разрешении балканского кризиса отразилась и в заявлениях графа Голуховского, данных некоторым европейским политикам, в которых он утверждал, что «Австро-Венгрия ничего для себя на Балканах не ищет и не намерена предпринять что-либо самостоятельно». Представитель Королевства Сербия в Риме Милован Милованович опасался возможных беспорядков в Македонии, Старой Сербии или Албании весной 1904 года, которые, по его мнению, могли послужить поводом для Австро-Венгрии прибегнуть к положениям Берлинского договора и оккупации территории «за Митровицей». Обоснованность опасений по поводу намерений Двухединая монархии подкреплялась возрастающим усилением занятости России на Востоке [13, с. 102–103]. Он информировал правительство в Белграде о «лояльных и миролюбивых» заявлениях, поступивших от австро-венгерской стороны в строго конфиденциальных докладах, и одновременно обращал внимание итальянских политиков на огромное значение территории Новопазарского санджака для Сербии и других балканских стран. Он считал, что, оккупировав эту территорию, Австро-Венгрия отделит Сербию от Черногории, перекроет ей выход к морю и разместит военные гарнизоны на важнейшей стратегической позиции Балканского полуострова – в Косово. Заявления о том, что Вена не будет предпринимать никаких шагов по своей инициативе, представляли собой лишь оговорку относительно использования прав, полученных на Берлинском конгрессе [13, с. 106–108; с. 120]. Поэтому он предлагал Николе Пашичу принять меры по пресечению австро-венгерских

намерений, которые напрямую угрожали планам Королевства Сербия, связанным со Старой Сербией [13, с. 108–109].

Последствия австро-венгерской пропаганды были еще более заметными в Митровице и ее окрестностях, где сербское население терпело большие зверства. Российский консул Орлов настаивал перед своим австрийским коллегой в Митровице на совместных действиях по защите угнетенных, но реакция почти всегда отсутствовала. По его словам, в инициативе предпринять совместные шаги и удержать албанцев от совершения преступлений сотрудники австрийского посольства и сами консулы «выглядят так, будто глотают яд» [14, 1905, ред 217, № 626, консул М. Спалайкович – Й. Жуйовичу, Приштина 10/23 июня 1905 г.; 26, с. 269; 27, с. 147].

В такой позиции австро-венгерских представителей убедился митрополит Рашко-Призренский Никифор Перич, который во время своей поездки в западные части Косовского вилайета осенью 1906 года посетил Митровицу и консулов России и Австро-Венгрии. Они оба согласились с тем, что положение сербского населения тяжелое и что оно еще более усугубляется действиями албанцев. В отдельной беседе с митрополитом российский консул Орлов признал, что его работа была ограничена действиями его австро-венгерского коллеги, который в совместных докладах всегда ссылался на Мюрцштегское соглашение. Консул Цамбауэр на многочисленные замечания митрополита Никифора отстаивал позицию, «что по эту сторону горы Шар, согласно Мюрцштегскому соглашению, не проводится никаких реформ и что этот вопрос оставлен на усмотрение турок и правительства, которое он представляет...». Он считал турецкие власти неискренними и обвинял их в плохой ситуации. В качестве примера он привел решение Царьграда освободить Ису Болетини и других албанских мучителей из Митровицкой, Печской и Призренской казы. Однако митрополит разглядел намерения консула Цамбауэра, поскольку у него были другие знания, которые указывали на то, что албанские злодеи были освобождены благодаря участию Австро-Венгрии. Через год после беседы с консулом Цамбауэром ситуация во всем Косовском вилайете не изменилась, и митрополит на основе опыта пришел к выводу, что ни албанцы, ни турецкие власти не могли совершить столько зверств против сербского населения, их школ и церкви, если бы их не поощряли австро-венгры, главные творцы планов уничтожения сербов [28, с. 150–152].

Предсказания митрополита сбылись, поскольку сербское население в Косовском вилайете, особенно в Призренском и Печском санджаках, в больших количествах пострадало от фандов, которых

поддерживали католические монахи и австро-венгерские консулы. У консула Королевства Сербия в Приштине Мирослава Спалайковича был длинный список злодеев, которые могли беспрепятственно убивать и уничтожать сербов в этих регионах благодаря австро-венгерской защите [14, 1905, ред 26, ПП Бр. 1315, консул М. Спалайкович – Й. Жуйовичу, министру иностранных дел, 25 ноября/8 декабря 1905 г.; 29, с. 618].

Сербское население и дипломаты осознавали, что многочисленные зверства были результатом австро-венгерской пропаганды. Такое толкование следовало бы представить российским дипломатам, от которых ожидалась помощь. Консул Милан Печанац предложил использовать совместную поездку российских и австро-венгерских консулов из Митровицы в «верхние области», чтобы показать «как можно больше о работе Австро-Венгрии против нашего народа» [14, 1907, ред 865, Телеграмма консула М. Печанца – Министерству иностранных дел Королевства Сербия, 4/17 октября 1907 г.; 16, с. 604–605]. Идею более подробно информировать российского консула о вреде австро-венгерской пропаганды принял и митрополит Никифор. Он также планировал использовать эту поездку для решения церковно-школьных вопросов, против которых выступали турецкие власти. [14, 1907, ред 865, ПП Бр. 719, консул М. Печанац – Н. Пашичу, министру иностранных дел, Приштина 10/23 октября 1907 г.; 16, с. 629–630].

В конце 1907 года в Царьград поступили многочисленные донесения о плохом положении во всех частях Старой Сербии от иностранных представителей, а также от генерального инспектора пограничных войск Хильми-паши. Частые жалобы повлияли на решение султана поручить своему адъютанту Рыза-паша посетить эти регионы и сделать доклад. Высказанное в Царьграде наблюдение Рыза-паши в пользу албанцев оказалось необоснованным для российского посла, который предложил австро-венгерскому поверенному в делах, чтобы их консулы из Митровицы посетили те же регионы и представили отчеты в их посольства. На самом деле, работа двух консулов, противоположных мнений и позиций, должна была в некотором смысле послужить основой для более серьезных представительств России и Австро-Венгрии в Царьграде, в авторитетных кругах которого возрастал интерес к событиям в Старой Сербии, что привлекало внимание и представителей важнейших европейских газет [16, с. 639–640].

Список литературы

1. Јагодић Милош. Српско–албански односи у Косовском вилајету (1878–1912). Београд: Завод за уџбенике, 2009. 408 с.
2. Историја српског народа, књ. VI/1. Београд: Српска књижевна задруга, 1983. 679 с.
3. Терзић Славенко. На капијама Константинопоља – Русија и балканско питање у 19. веку. Београд – Нови Сад: Историјски институт – Православна реч, Београд–Нови Сад 2021. 742 с.
4. Косово и Метохија у српској историји. Београд: Српска књижевна задруга, 1989. 436 с.
5. Поповић Васиљ. Источно питање – борбе за опстанак Османлијске царевине у Леванту и на Балкану. Београд: Никола Пашић, 2007. 191 с.
6. Војводић Михаило. Прилике на Косову и Метохији и политика Србије 1881–1912 // Србија и Балканско питање (1875-1914). Нови Сад: Матица српска, 2000. С. 43–73.
7. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Zweibund und Dreibund 1900–1904. Erste Hälfte. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte m.b.H., 1924.
8. Зарковић Весна. Косово и Метохија у политици великих сила 1896–1908. Приштина – Лепосавић: Институт за српску културу, 2019. 398 с.
9. Ђорговић Владимир. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд: Библиотека града Београда, 1992. 867 с.
10. Државни архив Србије, Министарство иностраних дела, Политичко одељење.
11. Фундић Душан Б. Аустро–угарска и обликовање Албаније (1896–1914). Докторска дисертација у рукопису. Београд: Филозофски факултет, 2018. 301 с.
12. Милошевић Мирослав. Делатност руских конзула на Косову и Метохији у XIX и почетком XX века // Косово и Метохија кроз чињенице, тумачења и симболе. књ. 2. Приштина – Лепосавић: Институт за српску културу, 2023, 105–128 с.
13. Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914, књ. I, св. 2 / Приредио Андрија Раденић. Београд: Српска академија наука и уметности, 1998. 1060с.
14. Државни архив Србије, Министарство иностраних дела, Политичко – Просветно одељење.
15. Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914, књ. II, св. 4/1 / Приредили Алексиј Пејковић Љиљана, Анић Живота. Београд: Српска академија наука и уметности, 2008. 577 с.
16. Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914, књ. II, св. 4/2 / Приредили Алексиј Пејковић Љиљана, Анић Живота. Београд: Српска академија наука и уметности, 2008. 579–1131 с.
17. Мантран Робер. Историја Османског царства. Београд: Сlio, 2002. 983 с.
18. Мартиновић Сретен. Децембарски и Бечки програм реформи у Турској 1902/1903. године и став Русије према Албанцима // Обележја. бр. 3. Приштина: НИРО Јединство, 1985. С. 57–75.

19. Зарковић Весна. Велике силе, Стара Србија и споразум у Миршштегу 1903. године // Српска политичка мисао. бр. 1. Београд: Институт за политичке студије, 2019. С. 299–320.
20. Руски документи за Македонија и македонското прашање (1859–1918) / Избор, редакција и коментари Трајановски Александар. Скопје: Државен архив на Република Македонија, 2004. 475 с.
21. Гађиновић Радослав. Колaborациони однос Ватикана и Аустроугарске у припреми напада на Србију 1914. године // Српска политичка мисао. бр. 2. Београд: Институт за политичке студије, 2014. С. 55–76.
22. Батаковић Душан Т. Погибија руског конзула Г. С. Шчербине у Митровици 1903. године // Историјски часопис, бр. 34, Београд: Историјски институт, 1987. С. 309–325.
23. Секулић Весна, Отварање руског конзулата у Косовској Митровици // Баштина, св. 19. Приштина – Лепосавић: Институт за српску културу, 2005. С.139–153.
24. Politik und Gesellschaft im Vilayet Kosovo und im serbisch beherrschten Kosovo. Berichte der österreichisch-ungarischen Konsuln aus dem zentralen Balkan (1870–1914). Band 3 / Ed. Schmit Oliver Jens, Frantz Eva Anne. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020. 550 с.
25. Зарковић Весна. Насиља над Србима Гњиланске казе 1900–1903 године // Баштина, св. 58. Приштина–Лепосавић: Институт за српску културу, 2022. С. 243–255.
26. Перунички Бранко, Сведочанство о Косову 1901–1913. Београд: Научна књига, 1988. 537 с.
27. Зарковић Весна. Косовски вилајет у плановима Аустроугарске 1896–1908 // Косово и Метохија кроз чињенице, тумачења и симболе. књ. 2. Приштина – Лепосавић: Институт за српску културу, 2023. С. 129–154.
28. Документи о Рашкој области 1900–1912, / Приредио Петровић Милић Ф. Београд: Архив Србије, 1995. 418 с.
29. Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914, књ. I, св. 4/I / Приредила Алексић Пејковић Љиљана. Београд: Српска академија наука и уметности, 2014. 350 с.

РЕСУРСЫ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ВКЛЮЧАЯ ИНВАЛИДОВ И СТУДЕНТОВ С ОВЗ): АЛГОРИТМЫ МОБИЛИЗАЦИИ

Зиновьева В.И.

Кандидат исторических наук

*ФГБОУ ВО Томский государственный университет систем
управления и радиоэлектроники (ТУСУР), старший научный
сотрудник Научно-образовательного центра кафедры истории и
социальной работы*

E-mail: valentina.i.zinoveva@tusur.ru

Аннотация. Социальное функционирование человека зависит от равновесия его внутренних ресурсов и внешних обстоятельств, жизненных ситуаций, реальности. Концепция мобилизации ресурсов, выявление потенциала личности, формирование благоприятных межличностных отношений во внешней среде приобретает особое значение для самоактуализации личности на этапе профессионального обучения. Для лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, обучающихся с предоставлением специальных условий в вузе, мобилизация личностных ресурсов становится фактором достижения поставленных ими целей. В статье рассматриваются алгоритмы процесса мобилизации и координации в выявлении потенциальных ресурсов личности обучающегося, не используемых должным образом, формирование новых связей и отношений.

Ключевые слова: ресурсы личностного развития, процесс мобилизации и координации, студенты с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), инклюзия, Центр доступности образования (ЦеДО).

RESOURCES OF PERSONAL DEVELOPMENT OF UNIVERSITY YOUTH (INCLUDING DISABLED AND STUDENTS WITH DISABILITIES): MOBILIZATION ALGORITHMS

Zinovieva V.I.

Candidate of Historical Sciences

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR),

Senior Researcher at the Scientific and Educational Center of the

Department of History and Social Work

E-mail: valentina.i.zinoveva@tusur.ru

Abstract. The social functioning of a person depends on the balance of his internal resources and external circumstances, life situations, reality. The concept of resource mobilization, identification of the potential of the individual, the formation of favorable interpersonal relationships in the external environment is of particular importance for the self-actualization of the individual at the stage of vocational training. For persons with disabilities and disabilities studying with the provision of special conditions at the university, the mobilization of personal resources becomes a factor in achieving their goals. The article discusses the algorithms of the process of mobilization and coordination in identifying potential resources of the

student's personality that are not used properly, the formation of new connections and relationships.

Keywords: *personal development resources, the process of mobilization and coordination, students with disabilities and disabilities (HIA), inclusion, the Center for Accessibility of Education (CED).*

Исследование выполнено в рамках государственного задания FEM-2023-0013

Образование рассматривается сегодня как главное условие, при котором человек приобретает субъектность, ответственное отношение к себе, необходимое для того, чтобы самореализоваться в определенной деятельности. Это позволяет ему сформировать социальную идентичность в рамках той или иной социальной группы и активно проявить себя. В целях выравнивания возможностей доступа в образовательные учреждения высшей школы для молодых людей с разными группами инвалидности и категории ребенок-инвалид государство ввело льготы и преференции, включая квоты на бюджетные места на этапе их поступления. Вместе с тем, переход от одной системы (школы) к другой - вузы для многих из них представляет значительные трудности. Если ранее для учащихся поддержкой выступало налаженное взаимодействие семьи и школы, круг общения был ограничен, то в вузе другой порядок обучения и студент должен самостоятельно справляться со всеми проблемами. Кроме того, он оказывается в обстановке незнакомых ему людей и правил поведения. На первый план, таким образом выступают вопросы мобилизации личностных ресурсов в целях адаптации и приобретения профессиональных компетенций.

Проблема мобилизации и координации ресурсов личности всегда привлекала внимание широкого круга авторов. В работах М. Сипорина, А. Мердака рассматривалась тема оказания помощи в использовании ресурсов, задачи, факторы влияния, методы координации [1]. В качестве одной из целей воспитания сочетание внешних и внутренних ресурсов личности изучали Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, М. Ю. Кондратьев, Ю.М. Кондратьев [2]. Подходы к активизации ресурсов лиц с инвалидностью получил отражение в трудах Э.К. Наберушкиной, А.Н. Александровой и др. [3].

В целях адаптации и создания равных возможностей обучения в вузе студентам с инвалидностью и ОВЗ согласно ст. 79 Закона «Об образовании в РФ» предусматривается ряд преференций в форме специальных условий обучения, в числе которых индивидуальный план обучения, предоставление адаптированной программы по направлению

подготовки, помощь ассистента и др. Однако многие из-за незнания, отсутствия жизненного опыта, заниженной самооценки не представляют, как ими воспользоваться. Другой проблемой, не менее актуальной, является стремление скрыть свои физические недостатки, инвалидность или дистанцироваться от академической группы, что может привести к депрессии. Включение в общество предполагает «умение взаимодействовать с как можно более широким кругом людей, - предполагает борьбу с изоляцией и самоизоляцией от окружающих людей» [4].

Приемные комиссии вузов по существующему положению не требуют предоставлять Индивидуальную программу реабилитации и абилитации (ИПРА) и не должны расспрашивать о нозологиях. Проблема носит деликатный характер и сами термины: «инвалидность», «ограниченные возможности» имеют негативную коннотацию, что дополнительно травмирует такого студента. Чтобы этого избежать было бы правильнее неофициально именовать их в устной речи как студентов, обучающихся с применением (или предоставлением) специальных условий обучения. Сегодня представляется, что именно на этапе поступления важно обратить внимание на реальную подготовленность таких студентов к обучению по специальностям технического профиля, которую невозможно подменить просто интересом к электронным ресурсам. В противном случае результатом будет задолженности и академическая неуспеваемость.

По сведениям, предоставленным в конце весеннего семестра 2023 г. всего в вузе на дневной и вечерне-заочной форме обучалось 35 человек, из них задолженности по предметам имели 15 человек, причем у некоторых имелось по 3-4 не сданных предмета за осеннюю сессию. Эта статистика показывает неурегулированные механизмы взаимодействия с данной целевой группой, пассивность студентов, слабость горизонтальных связей между подсистемами в вузе. В силу этого проблемы образовательной инклюзии выступают на первый план, их решение требует организационно-технологической работы, создания алгоритма, который позволил бы снизить риски неуспеваемости.

Когда часть студентов оказывается в неблагоприятной ситуации, необходимо прибегать к мобилизации и координация ресурсов, как внутренних, потенциальных, так и внешних. Стремление к мобилизации означает преодоление раздробленности ресурсов, как несоответствующих текущим потребностям. При этом мобилизация – это выстраивание в определенном порядке таких факторов активизации, как интерес, мотивация, преданность делу и пр. Если мотивация - это

область превенции (предупреждения), то профилактика и интервенция (вмешательство) относится уже к той области, когда требуется решение проблем. С точки зрения социальной работы сам человек в трудной жизненной ситуации рассматривается как комплекс ресурсов, которые могут быть внешними или внутренними, официальными и неофициальными, реально существующими или потенциальными [1, с.26.]. Такой ресурс, как предоставление информации для студентов имеет универсальный характер, в том числе, при возникновении кризисной ситуации. В вузе внешним ресурсом будет считаться поддержка со стороны различных организационно-управленческих структур (кафедр, деканатов, отделов, общественных организаций), причем, это может быть просто внимание, моральное одобрение, выраженные в форме расспрашивания или перефразирования. Акцент на перефразировании способствует лучшему осознанию проблемы. Опора на применение внешних ресурсов – это задача, которая требует от студента инициативы, целеустремленности, жизненных сил и опыта, и все это развивает его внутренние ресурсы. В реальной жизни для получения доступа к необходимым ресурсам приходится иметь дело с теми, кто ими распоряжается, поэтому собственно навыки общения формируются посредством вовлечения молодых людей в общественные связи и взаимоотношения. Выстроить эти связи можно каждому с помощью той вузовской структуры, которая занимается организацией помощи в трудной жизненной ситуации, это специальные службы или центры. На настоящем этапе инклюзивного образования обучающиеся с применением специальных условий рассматриваются «не столько как объект заботы, сколько как развивающая личность» [5].

В рамках Центра доступности образования (ЦеДО), который был организован на кафедре Истории и социальной работы в ТУСУРе в 2011, такой алгоритм разрабатывается, сложилась практика индивидуальной работы со случаем. Во-первых, ежегодно, в начале первого семестра для студентов-первокурсников с инвалидностью и ОВЗ проводится ряд мероприятий по знакомству с вузом «Добро пожаловать в ЦеДО!», кинолектории, информационные площадки. На этих встречах происходит знакомство студентов целевой группы и волонтеров, разъясняются специальные условия обучения, которые им положены по Закону. Студенты могут сразу или позже написать заявления о согласии на эти условия. Студенты с ДЦП нуждаются в помощи в связи особенностями передвижения, студенты с ОВЗ, имеющие проблемы с восприятием информации – в помощи по разъяснению дисциплин. Такая помощь оказывается, как правило, студентами-волонтерами. Но есть и другая практика, когда студент,

получивший неудовлетворительные оценки на экзаменах не обращается за помощью, переоценивает себя и не справляется с задолженностями. Далее – теряется интерес к дисциплинам, студент перестает посещать занятия и дело идет к уходу из вуза. Причем, происходит это довольно быстро.

Таким образом сложных случаев достаточно много и для их решения невозможно обойтись без горизонтальных связей вузовских структур, мобилизации и координации личностных ресурсов в каждом конкретном случае.

Список литературы

1. Сипорин М. Ресурсы клиента: задачи социальных служб по их выявлению. // Энциклопедия социальной работы. В 3 т. Т. 3: Пер. с англ. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1994. – с. 25-28; А. Мердак, там же, с. 29 – 31.
2. Выготский Л.С. Проблемы развития психики // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. 368 с.; Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М. Психология отношений межличностные значимости - М.: ПЕР СЭ, 2006. - 272 с.; Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. - М.: Политиздат, 1975. -117 с.; Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 5-12.
3. Наберушкина Э.К. Ориентиры развития инклюзии в пространстве высшей школы // Человек. Общество. Инклюзия. 2017. № 4 (32). С. 23; Александрова Е.В. Основные социальные барьеры и их взаимосвязь с моделями инвалидности в современном российском обществе // Человек. Общество. Инклюзия. 2017. № 3. С. 15-16.
4. Суворов А.В. Инклюзивное образование и личностная инклюзия. // Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография / Отв. ред. С.В. Алехина. М.: МГППУ, ООО «Буки Веди», 2013. 179 с.
5. Самсонова Е.В. Карпенкова И.В. Личностно- и деятельностно-ориентированные подходы к тьютерской поддержке в инклюзивном образовании // Актуальные вопросы обеспечения условий инклюзивного образования в Российской Федерации: материалы VII Международной научно-практической конференции (Москва, 25-27 октября 2023 г.) / гл. ред. Е.В. Самсонова, Ю.А. Быстрова. – М.: МГППУ, 2023. С.35.

РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ПОПУЛИЗМА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННУЮ ПОЛИТИКУ

Кадралинов А.А.

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва,
студент*

E-mail: arsen_kadralinov@mail.ru

Калыбек Ж.Ж.

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва,
студент*

E-mail: zhansultanx88@gmail.com

Конысбек Н.Д.

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва,
студент*

E-mail: nkonysbek04@mail.ru

*Научный руководитель: Т.С. Каленова, кандидат исторических наук,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва*

***Аннотация.** Данная статья представляет всесторонний анализ разнообразных форм популизма и их влияния на современную политическую среду. В работе исследуется природа и сущность популизма, выделяются его основные черты, рассматриваются многообразные проявления этого феномена в разных странах. Особое внимание уделяется влиянию популистских течений на политические процессы и общественное мнение. В том числе, упорядочиваются и систематизируются все научные определения «популизма» и даётся единое объяснение данному понятию. В статье разбираются стратегии и тактики, применяемые популистами в разных частях политического спектра.*

***Ключевые слова:** Популизм, элита, народ, региональный популизм, правый популизм, левый популизм*

VARIOUS FORMS OF POPULISM AND THEIR INFLUENCE ON MODERN POLITICS

Kadralinov A.A.

*L.N. Gumilyov Eurasian national university,
student*

E-mail: arsen_kadralinov@mail.ru

Kalybek Z.Z.

L.N. Gumilyov Eurasian national university,
student

E-mail: zhansultanx88@gmail.com

Konysbek N.D.

L.N. Gumilyov Eurasian national university,
student

E-mail: nkonysbek04@mail.ru

Scientific supervisor: **Kalenova T. S., c.h.s.,**
Associate Professor of the L.N.Gumilyov ENU

Abstract. *This article presents a comprehensive analysis of various forms of populism and their impact on the contemporary political environment. The paper explores the nature and essence of populism, emphasizes its main features, and considers the diverse manifestations of this phenomenon in different countries. Special attention is paid to the influence of populist currents on political processes and public opinion. Among other things, to organize and systematize all scientific definitions of "populism" and to identify a single explanation of this concept. In addition, the article examines the strategies and tactics used by populists at different parts of the political spectrum.*

Keywords: *Populism, elite group, masses, regional populism, right populism, left populism*

Популизм, как феномен современной политики, превратился в одно из наиболее динамичных и распространенных явлений, определяющих мировую политическую картину. Он выходит за рамки национальных границ и воздействует на различные аспекты современной повестки. Популизм обрел беспрецедентную популярность, обретая характер ключевого аспекта политической дискуссии в разных уголках мира.

Понятие "популизма" в наши времена фигурирует во многих источниках, новостях, политических событиях, обретая по истине глобальный масштаб, что сказывается на понимании и определении этого термина, искажая его изначальную сущность. Усугубляется это тем фактом, что конкретное определение "популизма" меняется из года в год, ввиду его динамического характера. Задачей данной статьи

является, в том числе, раскрытие содержания популизма, через его формы и аспекты, и выявление его влияния на современную политику и современных политических деятелей.

Популизм описывается и как патология политического процесса, и как стиль публичной политики, и как синдром массовой демократии, и как особая доктрина. Одновременно существует точка зрения, согласно которой данное понятие лишено какой-либо пользы для концептуального политического анализа, ибо оно слишком расплывчато, чтобы отражать некий целостный смысл политики [1, с. 40].

Под популизмом подразумевается политическая доктрина или же понятие, которое придает центральный смысл "народу" или большинству и их интересам, противопоставляя его "элите". Он обещает непосредственное представительство и активную роль народа в политических процессах, игнорируя или критикуя устоявшиеся политические элиты. Сущность популизма заключается в создании очевидной дихотомии между "народом" и "элитой", с обязательством возврата власти "народу", таким образом угождая потребностям большинства.

Исследование различных форм популизма и его влияния на современную политику представляет собой актуальную задачу для политологов и социологов. Как и было подчеркнуто ранее, популизм не имеет универсального определения и может принимать разнообразные формы. Содержание варьируется в зависимости от разных факторов, в том числе, от политической системы, культурных особенностей, национальной принадлежности и особенностей политической среды стран. То есть, совокупность социальных и политических значений и определяет окончательную форму популизма.

Углубляясь в тему, целесообразно с самого начала обозначить значение того, чем является популизм, как он возникает, для чего существует и уже от этого отталкиваться в дальнейшем.

Популизм не идеология, а система социально-психологических установок, предполагающих особый тип реакции общества и элиты на быстрые и раздражающие социальные изменения, форма их психологического освоения и преодоления (метод, стиль, технология). Это тип негативной (протестной) социальной мобилизации, возникающей в результате кризиса завышенных общественных ожиданий в условиях эрозии привычной социальной идентичности [2, с. 114]. Популизм, в данном контексте, может рассматриваться как реакция на разрыв между ожиданиями общества и реальной социальной

динамикой, что приводит к формированию отрицательного настроения в обществе.

Следует отметить, что кризис завышенных общественных ожиданий выступает в роли катализатора для возникновения популизма. В условиях, когда ожидания граждан превышают способность социальных и политических институтов удовлетворить эти ожидания, создаются предпосылки для возникновения социального диссонанса. Эрозия привычной социальной идентичности дополнительно усиливает этот диссонанс, поскольку люди сталкиваются с возможной утратой чувства устойчивости и стабильности в социальной обстановке.

Популизм, таким образом, можно рассматривать как стратегию мобилизации недовольных слоев общества, использующую обострение социальных парадоксов и кризис идентичности в качестве инструментов. Этот тип социальной мобилизации может быть направлен как против элитных групп, обвиняемых в неспособности удовлетворить общественные ожидания, так и против институтов, которые де юре должны были бы обеспечивать социальную стабильность.

Важным элементом данного типа является также понимание популизма как реакции на эволюцию социальной идентичности. Разрушение традиционных социальных идентичностей может создать вакуум, который популистские движения могут заполнить, предлагая альтернативные формы идентификации на основе общественного протеста и недовольства.

Переходя к теме различных форм и видов популизма, можно в основном выделить дифференциацию по нациям, где в различных странах, есть свой отдельный менталитет и свои национальные особенности, которые выделяются на фоне других. Исходя из этого, различные ограниченные круги элит стран мира, зачастую используют иные технологии и формируют свои, уникальные, то-есть отличительные формы и виды влияния на общую массу людей. Это значит, что один из способов разграничения популизма, это деление его на регионы, страны и нации. В этой связи Пименова О. В. выделяет такие события и виды как фермерское движение в США и России в конце XIX века, Латиноамериканский популизм в середине XX века [3, с. 14].

Однако хоть и основное разделение идёт по странам и регионам, стоит учитывать, что в современном мире идёт так же деление и на идеологической основе. Появление различных течений и их активное развитие в современном демократическом обществе, неминуемо ведёт

к тому, что элитарные группы общества, будут использовать это в своих личных целях, используя старые механизмы воздействия, создавая новые течения популизма. Такими являются левый и правый тип популизма 1980-ых годов, описанный Пименовой О. В. [3, с. 14]. Последствия мы можем видеть в современном мире, когда для собрания электората, используются обе формы.

С точки зрения баланса между правым и левым популизмом в развитых странах, интерес представляют результаты референдума в Великобритании и предвыборной кампании 2016 года в США. Несмотря на поражение левого критика истеблишмента, Берни Сандерса, на праймериз Демократической партии, где он уступил Хиллари Клинтон - представителю традиционных элит, выборы в США выиграл республиканец Трамп. Трамп активно воспользовался правыми популистскими лозунгами и включил в свою антиглобалистскую повестку многие аспекты, схожие с позицией Сандерса [4].

Аналогичная динамика прослеживается в Великобритании, где правый популизм, связанный с выходом из Евросоюза, уверенно преобладает над левым популизмом, представленным текущим руководством лейбористской партии.

Во-вторых, макроэкономический (бюджетный) популизм остается редким явлением и, по существу, ограничивается, главным образом, Венесуэлой. Этот аспект играет важную роль при оценке перспектив макроэкономической устойчивости ведущих стран мира.

Экономические факторы могут являться основой популизма. Замедление экономического роста и длительная рецессия могут стать провокацией для популистских реакций на проблемы, хотя это не является строгим правилом, как это продемонстрировано 25-летней стагнацией в Японии. Устойчивый рост, хоть и является естественным, но в то же время недостаточным условием для преодоления популизма. Отсутствие ясных перспектив роста создает благоприятные условия для его проявления. Кроме того, существуют меры социальной политики, способные снизить риск воплощения популистских лозунгов. В частности, помощь в адаптации к новым условиям для тех, кто сталкивается с негативными последствиями экономического прогресса, оказывает значительное воздействие. Это включает в себя поддержку в области образования и других социальных сфер, что предпочтительнее прямого распределения средств.

Наблюдается усиление новой политической поляризации, заменяющей противостояние между правыми и левыми силами, то есть сторонниками свободного рынка или социализма, либерализма или этатизма. Противостояние между популизмом и традиционными

моделями модернизации становится более значимым. Обе стороны этого противостояния могут объединять как правые, так и левые политические партии. И если Трамп, представляет собой правое течение популизма, существует и левое течение, представителями которого являются Байден и его команда.

Не смотря на тип идеологии, популизм в политике представляет собой стратегию, направленную на завоевание поддержки широких масс населения путем использования простых и эмоционально заряженных обещаний. Целью популизма является создание образа лидера, стоящего на стороне "малого человека" и выступающего против предполагаемых элитных интересов. Примером такой популистской стратегии может служить кампания Джо Байдена на выборах президента США в 2020 году.

В ходе предвыборной кампании Джо Байден активно использовал популистские элементы в своей коммуникации с избирателями. Одним из ключевых аспектов его стратегии было обещание радикальных перемен в различных сферах общественной жизни. Байден выдвинул амбициозные идеи по борьбе с изменением климата, реформированию системы здравоохранения и снижению социального неравенства.

Кроме того, Байден активно выражал свое противостояние элитам и большим корпорациям. В его выступлениях прослеживалась критика богатых и влиятельных, что создавало образ лидера, защищающего интересы обычных граждан. Обещание вести борьбу с корпоративной несправедливостью, и с налоговыми лазейками для крупных компаний также входили в популистский набор идей Байдена.

Важным элементом его популистской стратегии было обращение к простому языку и народному стилю общения. Байден стремился создать образ "человека из народа", который понимает проблемы обычных граждан. Это включало в себя использование простых фраз, легкодоступных образов и подчеркивание своей приверженности общечеловеческим ценностям [5].

Важно отметить также, что популизм не имеет единой формы; он может проявляться как экономический, национальный или культурный популизм. Несмотря на разнообразие проявлений, все формы популизма имеют общие черты, такие как антагонизм с элитой, акцент на лидере и упрощение сложных проблем.

Подводя итоги, отметим, что феномен популизма оказывает влияние на политический ландшафт во всем мире. Посредством анализа различных форм популизма - от левого до правого – можно прийти к выводу о его способности создавать общественное мнение и формировать новые политические процессы. Таким образом, можно

считать, что популизм оказывает влияние на формирование и реализацию политических решений, а также на взаимоотношения между политическими лидерами и обществом. При этом учитывать контекстуальные особенности каждой страны, поскольку влияние популизма и его воздействие может проявляться по-разному в различных обществах.

Список литературы

1. Мусихин Г. И. Популизм: структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2009. №4(55). С. 40-53.
2. Медушевский А.Н. Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство и Россия // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» 2018. №3 (90) С. 113-138.
3. Пименова О. В. К вопросу о разновидности популизма в современном обществе // Социально-политические науки. 2019. №6. С. 13-21.
4. Мюллер Ян-Вернер. Что такое популизм? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 144 с.
5. Соколщик Л. М. Трамп ушёл, но популизм остался. - URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/440831932.html>

ХОРОТОП КАК ФИЛОСОФСКО-МИФОТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД РЕКОНСТРУКЦИИ СТРУКТУРЫ АНТИЧНОГО МИФА

Коробкина Е. Н

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
НИЦ «Центр перспективных конвергентных технологий и
коммуникаций»,
сотрудник лаборатории по изучению свертктекста
E-mail: e_koro@mail.ru*

***Аннотация.** В работе исследуется понятие о хоротопе как сакральном пространстве архаических Афин согласно мифу Платона об Атлантиде в диалогах «Тимей» и «Критий». Исследовательская парадигма доисторических Афин – и противостоящей им Атлантиде – распространилась современными учеными-историками на крито-микенскую цивилизацию. Мы же рассматриваем философскую пространственную парадигму изнутри, с точки зрения сакральной дилеммы памяти и забвения. Такое прочтение возможно, если рассматривать хоротоп архаических Афин как центр самого мифа о существовании «праафинского» государства, описанного Платоном в диалогах «Тимей» и «Критий», и, следовательно, мы применяем*

философский хоротопный метод для исследования, и, в большей мере, философско-мифотворческого воссоздания, или моделирования архаической структуры мифа.

Ключевые слова: хора, хоротоп, Платон, вечность, время, память, забвение, воспоминание, хоротоп-анализ текста

CHOROTOP AS A PHILOSOPHICAL AND MYTH-MAKING METHOD OF RECONSTRUCTING THE STRUCTURE OF ANCIENT MYTH

Korobkina E. N.

V. I. Vernadskiy Crimean Federal University

RC "Center for advanced convergent technologies and communications"

E-mail: e_koro@mail.ru

Abstract. *The paper explores the concept of the horotope as a sacred space of archaic Athens according to Plato's myth of Atlantis in the dialogues "Timaeus" and "Critias". The research paradigm of prehistoric Athens – and the Atlantis opposing it – has been extended by modern historians to the Cretan-Mycenaean civilization. We consider the philosophical spatial paradigm from the inside, from the point of view of the sacred dilemma of memory and oblivion. Such a reading is possible if we consider the horotope of archaic Athens as the center of the very myth of the existence of the "proto-Athenian" state, described by Plato in the dialogues "Timaeus" and "Critias", and, consequently, we use the philosophical horotope method for research, and, to a greater extent, philosophical and myth-making reconstruction, or modeling of the archaic structure of the myth.*

Keywords: *chorus, chorotop, Plato, eternity, time, memory, oblivion, remembrance, chorotop-text analysis*

Современная философия науки, руководствуясь открытием квантовой механики, в частности, принципом дополнительности Бора, создает интервальную парадигму в связи с проблемой парадоксальности познания. В рамках квантово-механического описания физической реальности оказалось возможным существование в двух взаимоисключающих состояниях реальности: волновом и корпускулярном. Философия интервальности вырабатывает методологию многомерного постижения реальности. Следствием этого становится представление об «интервале».

Как пишет академик Лазарев в своей работе о принципе многомерности мышления:

«Интервал символизирует собой не столько «аспект» предмета, сколько некоторую целостность, «возможный мир» в структуре реальности» [1, с. 162].

С точки зрения интервального взгляда многомерный объект при определенных обстоятельствах может быть одноплоскостным. Абстрагирование реализует членение реальности в виде одноплоскостных картин, задавая интеллектуальную перспективу видения мира. Субъектом в данном контексте используются различные «образы», модели реальности при условии, что они все одинаково необходимы, ибо в совокупности исчерпывают информацию об объекте. Апории познания разрешаются введением в интервальную рациональность феномена многомерного (интервального) разума.

Одним из постулатов интервальной рациональности, как считает профессор Лазарев, является возможность одновременного существования множества непересекающихся логик рассуждения, обуславливающих существованием разных онтологий, что свидетельствует о многомерной природе мира.

Следовательно, с точки зрения интервального подхода можно говорить о многомерной структуре самого философского текста.

Приведем как пример текст античной философии. Рассмотрим в этом контексте диалог Платона «Тимей» [3]. Его можно рассматривать как герменевтическую модель, внутри которой в диалоговой форме осуществлен анализ двух моделей: первичной, это модель архаического мифа о хорических Афинах, и дискурсной интерпретации этой модели в ходе ее реконструкции.

Миф Платона об Атлантиде и о противостоящих ей архаических Афинах содержится в двух его диалогах «Тимей» и «Критий».

В диалоге «Тимей» Критий рассказывает о поездке Солон в Египет. Рассказ повествует о том, как в городе Саис Солон встретил жрецов, по мнению которых греки не помнят о прошлом, не сохраняют о нем никаких свидетельств:

«И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена в нашей стране или у вас самих. Взять хотя бы те ваши родословные, Солон, которые ты только что излагал, — ведь они почти не отличаются от детских сказок» [3, с. 400].

Египтяне же сохранили память о древней истории Греции. Они знают, что Афины были основаны на тысячу лет раньше Саиса. Характеристика архаических Афин, данная в рассказе Крития, как «страны», в которой некогда жил «прекраснейший и благороднейший род людей» [3, с. 410].

Существует ряд современных гипотез о столь странной амнезии классических греков.

В. Я. Брюсов справедливо отмечает, что классические греки не помнили о крито-микенской цивилизации, а египтяне помнили. «Праафинское» государство, описанное Платоном, – это цивилизация, центрами которой были открытый А. Эвансом Кносс (столица Крита) и открытые Г. Шлиманом Микены. Египтяне поддерживали тесные контакты с этой культурой и вполне могли рассказать о ней Солону, на которого ссылается Платон.

На наш взгляд, объяснение этому существует на страницах самого «Тимея». Для этого обратимся к фигуре платоновской «хоры». Тимей называет «третий вид» хорой. У Платона между идеей – эйдосом – и его материальной копией располагается нечто, не обладающее никакой формой. Эта чистая инаковость, без которой идеи производили бы чистые копии, клонов, - и есть хора. Благодаря тому, что инаковость «деформирует идею», тем самым, позволяя состояться многообразию вещей в мире, осуществляется индивидуация вещей. Принцип «деформации идеи» хорой, можно рассматривать как диалектический принцип разделения и единства противоположностей. О хоре здесь можно сказать как о пороге хоризмоса [2, с. 102].

Скажем несколько слов об особой хорической темпоральности как о трансформационном переходе.

Феномен философии Платона *chōra* (хора) рассматривается им как «пространство», лишенное какой бы то ни было формы, воспринимающееся как чистая инаковость, как «обитель» рождающемуся времени, возникающему в хоре и вновь из нее исчезающему, как некое рождающееся в движении, в динамике подобие, образ вечности, не рожденной и не гибнущей, ничего в себя не воспринимающей и никуда не входящей, но разделяющейся с собой посредством хорического принципа трансформации. Мы видим, как вследствие трансформации хорой атемпоральной идеи вечности рождается динамичный образ вечности – время, «некое движущееся подобие вечности, пребывающей в едином, вечный образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем» [3, с. 477-478].

Как пишет Михаил Ямпольский в книге «Ткач и визионер»:

«Главная форма перехода и разделенности, которым способствует хора, это возникновение времени. Сократ указывает на это, когда говорит, что описание идеальной парадигмы города напоминает ему «красивых зверей, изображенных на картине, а то и живых, но неподвижных». Образы вечной «парадигмы» не знают времени, мир идей — это мир вечности. Копия идеи тоже не знает времени, а потому

звери на Сократовой картине неподвижны. Жизнь входит в идею только через вносящую в нее различие хору. Именно благодаря хоре происходит непостижимый переход от чисто пространственного стазиса образа к временному и историческому существованию» [5, с. 40].

Фигура платоновской хоры как предел, как хоризмос, как интервал между идеальным и объективным, изменяет и разделяет противоположности. Создает в продлении перекресток (крест), обозначенный понятием «хоротоп», место перекрестка, как мест сакральных, так и топосов объективной реальности, точкой перекрестья которых и является фигура «абсолютно иного» - хоры.

Так в своих пределах хоротоп становится пограничной зоной. В ней благодаря точке хоризмоса – или перехода противоположностей, можно наблюдать склонность пространства к «перемене мест».

Когда Хайдеггер пишет о том, что греки переживали пространственность не как протяженность, но как погруженность в хору [4, с. 66], в сакральное пространство мест, перед внутренним взором встает одиссея пространства. Встает как путь Одиссея, заданный изначально волей богов, по цепочке островов, каждый из них сакральный хоротоп, место, погружаясь в которое, как в хору, герои трансформируются этим местом согласно его внутренним мифологическим законам. И путь, от острова к острову, создает ту особую протяженность как погруженность в трансформационный переход. Дошедший до конца уже не тот, кем вышел вначале. В этом предназначенность хоры, постоянно изменять вошедшее в нее, в этом специфика хоротопа, как матрицы, сохранять сакральность хорического и создавать протяженность топосов мифологического пространства по принципу совмещающихся антитетических зон. Модальность времени этого сакрального пространства Одиссеи глубоко специфична.

Возвращаясь к сакральному пространству архаических Афин в диалоге Платона «Тимей», мы можем отметить принцип мифологизации реальности древними греками. И теперь уже согласно законам трансформации утраченного ими знания в миф об архаических Афинах. Те Афины, о которых греки забыли, становятся Афинами хорическими, ландшафт которых сакрально хоротопен. Центр репрезентирует миметические образы в форме мифических историй о якобы не существующем, но с точки зрения иного, с точки зрения хорического знания, данного Солону египетским жрецом, эти картины миметических образов наиболее реальное воплощение замысла демиурга и, соответственно, хоротоп архаических Афин и есть те

истинные Афины в миметической диаде космос-полис, современные же Солону Афины, – их бледная копия. Задача философа и поэта, исследователя, следовательно, создавать хоротопно образ того идеального государства, каковым у Платона и являются хорические Афины.

Таким образом, хоротоп как философско-мифотворческий метод реконструкции архаического мифа мы рассмотрели в контексте – и изнутри – самого первичного текста, в нашем случае это диалоги Платона «Тимей» и «Критий».

Отдельно следует отметить фактор особой темпоральности хоротопа, как модели архаического мифа. По примеру философии Платона мы рассматриваем особый образ времени.

Одиссея как образ времени-трансформации, данный хорой (chōra). Как особая темпоральность самой жизни с периодами сакрального преобразования в особом пространстве хоротопов, как трансформационных переходов из хорического времени – в темпоральную протяженность от рождения к смерти. Особый темпоральный формат бытия Одиссеи как пути героев сквозь особые трансформационные временные зоны – от рождения к смерти.

В пределах дилеммы: памяти-забвения мы рассматриваем трансформацию как событие воспоминания, метафору времени жизни как череду событий-вспоминаний. Каждое воспоминание человеком о его человеческом достоинстве, о его человеческой сущности, о каком-то из ее аспектов возможно только в процессе особой жизненной трансформации. Но, тем не менее, метафора одиссеи человеческой жизни – особый необратимый процесс, в ходе которого каждая обратимость – это регрессия в дочеловеческое. Необратимость забвения некоторых стадий – эволюция самой жизни, сущность которой отражает даже особая темпоральность хорического времени и его особого образа-места – хоротопа, в котором и происходят необратимые метаморфозы на пути следования от рождения к старости. Эта специфика видения древними греками человеческой жизни особым образом раскрывает для современных исследователей некоторые необратимые процессы человеческой памяти.

Мы можем сделать вывод, исследуя данную модель философского текста. Интервальный подход к диалектической дилемме памяти-забвения помогает выявить утраченную картину мира. Суть диалога заключается в утрате памяти древними греками о существовании архаических Афин, о чем в ходе диалога напоминает Солону египетский жрец. Исследование модели мифа о существовавших прежде Афинах

дает возможность исследовать метатекст как «возможный мир» в контексте текста.

В ходе таких диалогов: Солон и египетский жрец, диалог-воспоминание Критием изначального диалога между Солоном и египетским жрецом, интерпретация участниками платоновского диалога истории, рассказанной Критием, можно проследить, как происходит сам процесс платоновского «вспоминания». Его структурную модель диалоговых цепочек, сам процесс «вспоминания» из диалектической дилеммы: памяти-забвения путем последовательной реконструкции отдельных звеньев утраченного знания, теперь уже в форме архаического мифа, расширяющего собственную структуру в ходе циклической интерпретации все большим кругом участников, подобно расходящимся кругам на воде.

Список литературы

1. Лазарев Ф. В., Трифонова М. К. Философия. Учебное пособие. Симферополь: СОНАТ, 2003. 385 с.
2. Матей Ж.-Ф. Платон и зеркало мифа. Париж, 1996. 127 с.
3. Платон. Собрание сочинений. М.: Мысль, 1994, Т.3. 654 с.
4. Хайдеггер М. Введение в метафизику. Йельский университет, 1959. 302 с.
5. Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или о материальном и идеальном в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 616 с.

КОСОВСКИЙ КОНФЛИКТ: ДИНАМИКА И СОВРЕМЕННЫЙ СТАТУС

Лобынцева О. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
студент*

E-mail: olmalobintseva@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется динамика Косовского конфликта, включая его современное состояние. Подчеркивается, что Косовский конфликт по сей день остается неурегулированным, по причине двойственности норм международного права – с одной стороны, принципа права нации на самоопределение, с другой - принципа территориальной целостности государства. Разрешение косовского конфликта имеет большое значение для мира и стабильности в Балканском регионе. При этом отношения между Сербией и Косово остаются напряженными, что может привести к новым вспышкам насилия, так как обе стороны противостояния

занимают жесткие позиции. Поэтому перспектива разрешения конфликта в ближайшем будущем маловероятна.

Ключевые слова: Косово, Сербия, Косовский конфликт, религиозный фактор в вооружённых конфликтах, албанско-сербское противостояние, Балканский регион.

THE KOSOVO CONFLICT: DYNAMICS AND CURRENT STATUS

Lobyntseva O. A.

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
student*

E-mail: olmalobintseva@yandex.ru

Abstract. *The article analyzes the dynamics of the Kosovo conflict, including its current state. It is emphasized that the Kosovo conflict remains unresolved to this day, due to the duality of the norms of international law – on the one hand, the principle of the right of a nation to self-determination, on the other - the principle of territorial integrity of the state. The resolution of the Kosovo conflict is of great importance for peace and stability in the Balkan region. At the same time, relations between Serbia and Kosovo remain tense, which may lead to new outbreaks of violence, as both sides of the confrontation take tough positions. Therefore, the prospect of resolving the conflict in the near future is unlikely.*

Keywords: *Kosovo, Serbia, the Kosovo conflict, the religious factor in armed conflicts, the Albanian-Serbian confrontation, the Balkan region.*

Конфликт в Косово — это вековое противостояние албанского и сербского населения региона, выражающееся в столкновениях, дискриминации по этническому признаку, этнических чистках и гражданской войне. Косовский конфликт привлекает внимание СМИ, политиков и научной общественности вследствие восприятия этого конфликта как предмета международного спора и высокой степени его интернационализации.

И сербы, и албанцы наделяют Косово особой ценностью. Сербы считают Косово колыбелью своей государственности и православной церкви. Албанцы идентифицируют себя с иллирийскими племенами, издревле проживавшими на данной территории, что и составляет исторические предпосылки конфликта. Отметим также, что конфликт в Косово имеет в своей основе глубокие религиозные корни. При этом следует согласиться с Т.А.Сенюшкиной, что «религиозный фактор в

вооружённых конфликтах следует анализировать в комплексе множества других факторов, которые влияют на развитие военного противостояния» [6, с. 275].

Определяющую роль, как правило, «играют экономические и геополитические факторы. Религиозный фактор не является доминирующим в вооружённом конфликте, однако в силу его иррационального характера он может обострять объективно существующие противоречия, которые разрешаются военным путём» [6, с. 275].

В период Первой мировой войны Косово было включено в состав Королевства Сербия (1912-1918), а после - Королевства Югославия (1918-1941). Во время Второй мировой войны Косово входило в состав профашистской Албании и на его территории проводились репрессии сербского населения. Это привело к исходу сербов из региона.

В Социалистической Федеративной Республике Югославия Косово имело статус автономного района (согласно Конституции 1974 года), что давало возможность автономного управления и введения в систему образования албанских элементов.

Однако в 1980-х косовские албанцы выдвинули требования предоставления Косово статуса республики, равной другим республикам СФРЮ. Они ссылались на этнический состав региона: к началу 1990-х в Косово проживало около 81% албанцев и только 11% сербов. Это было связано с высокой рождаемостью у албанцев, средняя семья которых насчитывала 5-6 детей в то время, как в сербских семьях воспитывалось 1-2 ребёнка. Таким образом, демографический фактор стал решающим в динамике конфликта [2].

В 1990 году в рамках реализации программы президента Слободана Милошевича по защите прав сербов в Косово, была принята новая Конституция, лишившая регион автономии. Протесты албанцев против данных изменений были подавлены с использованием военной силы, что привело к эскалации конфликта.

Косовские албанцы, возмущенные упразднением политических институтов, создали параллельную администрацию, называя ее государством Республика Косово, равноценным Сербии и после референдума 1991 года объявили о независимости. Была создана собственная система налогообложения, образования и система социального обеспечения. Это параллельное государство не было признано никем, кроме Албании, хотя косовские албанцы надеялись на решение данного вопроса согласно Дейтонскому мирному договору 1995 г. Но международное сообщество пренебрегло этой проблемой, что привело к агрессивной радикализации албанцев в Косово. Была

создана Армия Освобождения Косово (АОК), которая начала бороться за независимость (1996-1997), совершая нападения на косовских сербов, полицейских и албанцев, подозреваемых в симпатиях к Сербии.

Эскалация вооруженных действий в 1998 году заставила приблизительно 242 000 человек покинуть свои дома. Для прекращения продолжающейся гражданской войны международное сообщество начало осуществлять дипломатические усилия для восстановления мира и вести переговоры с обеими сторонами конфликта.

13 октября 1998 г. было подписано соглашение о прекращении огня. Контроль за выполнением соглашения осуществлялся миссией ОБСЕ в сотрудничестве с воздушными силами НАТО. Сербские силы частично были выведены из Косово, но режим прекращения огня не соблюдался.

24 марта 1999 года войска НАТО начали бомбардировки Югославии в рамках операции «Союзническая сила». Авиаудары альянса продолжались 78 дней и пришлись не только на военную, но и на гражданскую инфраструктуру. Операция проходила без санкции Совета Безопасности ООН, что стало грубым нарушением международного права и фактически актом агрессии против суверенной страны. Эти события унесли жизни сотен невинных людей, стали началом конца существования Союзной Республики Югославия, а также нанесли колоссальный экологический ущерб территории современной Сербии. По Союзной Республике Югославии было выпущено около 50 000 бомб (около 15 тонн) с обедненным ураном. Сербские власти заявляют, что в результате бомбардировок было убито около 2 500 человек и около 12 500 человек ранены [3, с. 221].

20 февраля 2006 года начались переговоры о статусе Косово при посредничестве специального представителя Генерального секретаря ООН. Косовские албанцы требовали полную и безоговорочную независимость. Сербия стремилась сохранить формальный контроль над Косово и добиться специальных прав для косовских сербов в местах их компактного проживания.

17 февраля 2008 года парламент Косово в одностороннем порядке объявил о независимости данного образования. В ответ на это 8 октября того же года Генеральная Ассамблея ООН обратилась в Международный Суд с просьбой вынести консультативное решение о признании независимости Косово. Предстояло найти ответ на вопрос: соответствует ли одностороннее провозглашение Косово нормам международного права?

Международный Суд ООН пришел к выводу, что провозглашение Косово не нарушает никаких международных норм, актов, а также

резолюций Совета Безопасности. Данное заключение Международного Суда ООН не имеет обязательной силы, однако выводы, содержащиеся в заключении, могут повлечь за собой определенные последствия, так как оно создает международно-правовой прецедент [4].

На данный момент независимость Республики Косово признают более 100 из 193 государств-членов Организации Объединенных Наций. Активная фаза конфликта осталась в прошлом, однако в отношениях между Сербией и Косово продолжает присутствовать значительная напряженность, проявляющаяся в частых обострениях отношений Белграда и Приштины.

На севере самопровозглашенной Республики Косово расположены районы, населённые преимущественно сербским населением, что усложняет внутривластную ситуацию.

В октябре 2022 года от властей Косово последовало заявление об обязательной замене сербских номерных автомобильных знаков на региональные. Тогда мэры в четырех населенных пунктах на границах с Сербией ушли в отставку в знак протеста против решения Приштины.

Перевыборы были назначены на декабрь, но затем были перенесены на апрель 2023 года в связи с начавшимися протестами. Несмотря на это, сербы бойкотировали выборы, поэтому новыми мэрами были избраны люди албанского происхождения.

Конфликт резко обострился, когда вновь избранные мэры-албанцы попытались занять свои позиции в муниципалитетах. После того как сербы окружили здания администраций и воспрепятствовали началу работы мэров, понадобилось вмешательство военнослужащих миссии KFOR, которые в одном из населенных пунктов (Звечане) применили против протестующих слезоточивый газ и светошумовые гранаты, чтобы разблокировать спецназовцев косовской полиции. Реакция Сербии на обострение ситуации выразилась в приказе армии развернуться на границе с Косово, отданном президентом Александром Вучичем.

Большинство стран, включая и Россию, осудили дестабилизирующие действия Приштины и призвали избранных мэров проявить сдержанность, а также «продемонстрировать свою приверженность представлять и служить всем членам своих сообществ» [5].

Подводя итог сказанному, отметим, что Косовский конфликт по сей день остается неурегулированным, по причине двойственности норм международного права – с одной стороны, принципа права нации на самоопределение, с другой - принципа территориальной целостности и суверенитета. Разрешение косовского конфликта имеет большое

значение для мира и стабильности в Балканском регионе. Однако отношения между Сербией и Косово остаются напряженными, что может привести к новым вспышкам насилия, так как обе стороны противостояния занимают жесткие позиции. Поэтому перспектива разрешения конфликта в ближайшем будущем маловероятна.

Список литературы

1. Новаковска-Кристан А.; Жаковска М. Конфликт в Косово, рассмотренный в концептуальных рамках заинтересованных сторон. - URL: <https://connections-qj.org/ru/article/konflikt-v-kosovo-rassmotrennyu-v-konceptualnyh-ramkah-zainteresovannyh-storon>
2. Дмитриев А. В.; Милиоевич С. Демографическая агрессия: косовский прецедент и ситуация в России. Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3. № 2. - URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130841/>
3. Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим [коллективная монография] / отв. ред. Т.А.Сенюшкина; науч. ред. Е.А.Сенюшкин – Симферополь: Н.Оріанда, 2022. – 320 с.
4. Строева А.С. Проблема признания Косово // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4. С.275-281.
5. Химшиашвили П., Вишнякова В. Почему миссии НАТО пришлось вмешаться в противостояние в Косово. - URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/05/2023/6474588f9a79473bdbc4af28>
6. Сенюшкина Т. А. Религиозный фактор в вооружённых конфликтах // Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права : Сборник научных трудов XL Международного Харакского форума, Ялта, 05–07 ноября 2022 года / Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 273-276.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ИРАНА

Лошакова К.Д.

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
студент*

E-mail: lilawayne@mail.ru

***Аннотация.** Распад Советского Союза и крах мировой системы вызвали различные угрозы как для России, так и для Ирана. Появились новые государства, с которыми нужно сотрудничать. Однако СССР был для Ирана главным союзником после ирано-иракской войны. Этот вектор во внешней политике двух государств можно проследить и*

сегодня. Россия является правопреемницей Советского Союза, поэтому Иран продолжает поддерживать отношения с Россией. В статье рассматривается взаимодействие России и Ирана в рамках ШОС и ООН. Кроме того, анализируются экономические отношения и энергетическое взаимодействие, совместная деятельность в области культуры и образования, а также военное сотрудничество на примере военных учений и работы в рамках конфликта в Сирии.

Ключевые слова: *Россия, Иран, международные организации, экономика, энергетика, культура, военное сотрудничество.*

Распад СССР в 1991 г. вызвал обеспокоенность Ирана в связи с тем, что дружественные отношения с советской стороной определяли стабильность региона в северо-восточном для Ирана направлении. Кроме того, учитывая жесткую реакцию государств западного сообщества на инициативы Ирана после прекращения огня в ирано-иракской войне в 1988 г., СССР был самым привлекательным экономическим и военным партнером для Ирана в послевоенный период. В результате краха СССР на северных границах иранской стороны появилось три новых независимых государства – Азербайджан, Армения и Грузия. Столкнувшись с угрозами после распада СССР, Иран на протяжении всей постсоветской эпохи старается поддерживать хорошие отношения с Россией. Уровень партнерских отношений между государствами следует рассматривать в контексте положения обоих государств в международном пространстве и их геополитических целей. На уровень партнерских отношений между государствами влияет ряд факторов, определяющих их сближение, вызванное общими интересами.

В первую очередь, следует отметить российско-иранское сотрудничество в области международных организаций, среди которых ООН и ШОС. В основу сотрудничества заложено единое видение в развитии международного пространства, основанного на соблюдении международных нормативно-правовых актов и интеграции посредством международных организаций. Ключевой идеей является развитие многополярного международного пространства.

В рамках ШОС обе страны препятствуют распространению террористических угроз и террористической активности в целом. Особое внимание уделяется странам Среднеазиатского региона, таким как Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, где за последние годы были отмечены случаи террористических актов и экстремистских действий. Некоторые из этих стран также граничат с Афганистаном и Пакистаном, где террористическая угроза также

высока. Кроме того, как Россия, так и Иран оказывают поддержку в отношении восстановления Афганистана (Россия в рамках ШОС, а Иран в рамках тройственного союза Иран – Афганистан – Таджикистан). Кроме того, РФ и ИРИ сотрудничают в сфере безопасности, в частности, борьбы с терроризмом и наркоторговлей. В 2018 г. стороны подписали соглашение о сотрудничестве в борьбе с наркоторговлей, которое предусматривает обмен информацией и координацию действий [1].

Особое внимание уделяется развитию экономического сотрудничества, где следует обратить внимание на динамику товарооборота между государствами, которая приведена в таблице 1.

Таблица 1 – Товарооборот РФ и Ирана 2014-2022 гг.

Год	Экспорт России в Иран	Импорт России из Ирана	Общий товарооборот
2014	1,3 млн. дол. США	1,4 млн. дол. США	2,7 млн. дол. США
2015	0,7 млн. дол. США	0,2 млн. дол. США	0,9 млн. дол. США
2016	0,7 млн. дол. США	0,8 млн. дол. США	1,5 млн. дол. США
2017	1,1 млн. дол. США	0,9 млн. дол. США	2,0 млн. дол. США
2018	1,7 млн. дол. США	0,4 млн. дол. США	2,1 млн. дол. США
2019	1,7 млн. дол. США	0,5 млн. дол. США	2,2 млн. дол. США
2020	0,9 млн. дол. США	0,3 млн. дол. США	1,2 млн. дол. США
2021	1,5 млн. дол. США	0,5 млн. дол. США	2,0 млн. дол. США
2022	2,1 млн. дол. США	0,6 млн. дол. США	2,7 млн. дол. США

Составлено автором на основании источника [2].

В соответствии с представленными данными можно заметить положительную динамику с некоторыми отклонениями 2014 г. и 2020 г., что непосредственно связано с санкционным давлением стран западного сообщества в отношении РФ и последствиями пандемии COVID-19, соответственно. В структуре товарооборота наибольший удельный вес представлен энергетическими ресурсами (31%), затем следует химическая продукция (24%), далее металлургия (15%), сельскохозяйственная продукция (11%), пиломатериалы (6%) и другие компоненты, например, лекарственные препараты, текстильная продукция и другие [3].

Важным проектом является сотрудничество в области газа. Россия и Иран имеют обширные запасы природного газа и могут составлять конкуренцию друг другу на мировом рынке. Тем не менее, обе стороны находят возможности для сотрудничества в этой области. Таким

образом, в 2017 г. стороны подписали соглашение о поставке иранского газа в Азербайджан через территорию РФ. Важно отметить, что были проведены переговоры о строительстве газопровода между Ираном и Индией через территорию Пакистана, в которых российская сторона может принять участие. Также обе страны заинтересованы в развитии сотрудничества в области транспорта, включая железнодорожные и морские перевозки для освоения новых экономических маршрутов в условиях санкций [4].

Кроме того, РФ и Иран сотрудничают в области ядерной энергетики. В 2014 г. Россия и Иран подписали договор о строительстве двух блоков атомной электростанции в Бушере. В 2021 г. Россия сообщила о готовности начать строительство третьего блока. В рамках сотрудничества Россия также предоставляет ядерное топливо для атомных электростанций иранской стороны, например, Бушерской АЭС.

В той же степени следует отметить культурное сотрудничество между государствами, которое уходит корнями в прошлое и базируется на длительной основе взаимоотношений. Важный аспект культурного сотрудничества представлен обменами как музыкантов, так и художников. Обе стороны часто организуют совместные концерты, где выступают как известные, так и молодые таланты. В 2023 г. в Российском институте истории искусств прошел концерт иранской музыки «Восточная импровизация». В рамках культурного сотрудничества между государствами проводятся обмены литературными исследованиями, переводами литературных произведений, научных публикаций, организуются конференции, семинары и творческие встречи между писателями и поэтами [5].

Кроме того, культурное сотрудничество между Россией и Ираном не ограничивается только культурными мероприятиями. В рамках совместных проектов также реализуются образовательные программы и студенческие обмены, которые способствуют развитию отношений между государствами. Иранская и российская стороны ускорят работу по согласованию взаимного признания образования и квалификаций, ученых степеней и документов об образовании. Это существенно упростит получение образования и занятие профессиональной деятельностью для обладателей иностранных дипломов [6].

Необходимо уделить внимание сотрудничеству в военной сфере, так как на данный момент оно играет важную роль в геополитике. Сотрудничество в этой сфере неуклонно растёт, поэтому появляется интерес и беспокойство других стран. Важным направлением в военном сотрудничестве является поставка техники и вооружения.

Например, Россия поставляет Ирану российские системы С-300. Договор об их поставке был подписан в 2015 году, ранее это было невозможно в связи с санкциями.

Российская Федерация и Исламская Республика Иран взаимодействуют в военной сфере не только в области учений. Государства сотрудничают в сирийском конфликте достаточно активно, поскольку каждая из стран имеет свои интересы в этом регионе. Взаимодействие России и Ирана заключается в том, что они поддерживают правительство Сирийской Арабской Республики. Оно, в свою очередь, борется против оппозиции и террористических группировок. В рамках сотрудничества Россия и Иран поставляют технику и вооружение. В 2015 году российская сторона начала участвовать в конфликте на стороне правительственных войск Сирии. Так, Россия укрепляет своё положение на Востоке. Что касается Ирана, то он также преуспевает в этом регионе, так как является ключевым игроком в этом конфликте [8].

Российско-иранское сотрудничество имеет многосторонний характер. Страны активно взаимодействуют в рамках международных организаций, где ключевым вопросом является развитие международных отношений в многополярном мире. Также страны сотрудничают в рамках противодействия терроризму в Средней Азии и Ближневосточном регионе.

Кроме того, Россия и Иран работают в сфере энергетики. Большие объёмы газа могут стать определенным камнем преткновения в отношениях двух стран и формате сотрудничества в регионе. Однако Россия и Иран находят варианты урегулирования этого вопроса.

Также страны взаимодействуют в сфере экономического сотрудничества. Товарооборот представлен различными товарами. Необходимо отметить и тесное культурное сотрудничество, которое представлено различными мероприятиями, обменами студентов и вопросами образования.

Список литературы

1. Коновалов Д.Р. Россия и Иран: военное сотрудничество и проблемы безопасности в Центральной Азии // Вестник Казанского государственного университета. Серия: Исторические науки. – 2021. – Т. 157. – № 1. – С. 18–27.
2. Росстат. Внешняя торговля с Ираном // Росстат 22.04.2023. - URL: https://rosstat.gov.ru/statistic/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения 11.04.2023).
3. Коваленко А.Р. Иран и Россия: экономические связи и перспективы сотрудничества // Экономика и политика. – 2021. – № 2 (38). – С. 22–29.

4. Шевцов М.А. Российско-иранские отношения: политические и экономические аспекты // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – Т. 2. № 1. – С. 62–67.
5. Гончарова О.В. Культурное сотрудничество Ирана и России: история и современность // Научный диалог. – 2021. – № 2 (86). – С. 74–87.
6. За 4 года число студентов из Ирана в российских вузах выросло почти в 2 раза // Минобрнауки. - URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/60624/> (дата обращения 11.04.2023).
7. Иран получил половину купленных ЗПК С-300. - URL: <https://www.interfax.ru/world/526921> (дата обращения 11.04.2023).
8. Итоги двух лет российской операции в Сирии. - URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/29/735830-itogi-sirii> (дата обращения 10.05.2023).

ПАТРИОТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Мельничук А.И.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
студентка*

E-mail: belaevaonblood@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассматриваются понятия «национальный лидер» и «патриотизм», проанализирован процесс возрастания роли патриотизма в современных условиях.*

***Ключевые слова:** патриотизм, специальная военная операция России на Украине, В.В.Путин, национальный лидер, НАТО.*

PATRIOTISM IN MODERN RUSSIAN PRACTICE

Melnichuk A.I.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
student,*

E-mail: belaevaonblood@gmail.com

***Abstract.** The article discusses the concepts of "national leader" and "patriotism", considers the increasing role of patriotism in modern conditions.*

***Keywords:** patriotism, special military operation of Russia in Ukraine, V.V. Putin, national leader, NATO.*

Патриотизм как система эмоционально-чувственных компонентов индивида и его деятельности во благо своего Отечества не может формироваться стихийно. Этот феномен, его развитие находится под сильным воздействием ряда факторов – семьи, институтов государства, образовательной системы, господствующих в обществе духовно-идеологических отношений.

После распада Советского Союза содержание указанных факторов принципиально изменилось. Принятая государством идеология реформ России основывалась на ценностях либерализма. Демонтаж советской социально-экономической, политической и духовной систем проходил под флагом развития в стране рыночных отношений, широкого применения механизмов «шоковой терапии». Это привело к падению промышленного производства, резкому падению уровня жизни населения, росту бедности, разрыву в доходах бедных и богатых, увеличению безработицы. Основополагающими для российских граждан стали материальные блага, порожденные либеральной идеологией. Материальное благополучие в сознании людей стало доминировать над духовным богатством. Особенно это стало характерным для молодого поколения. На смену коллективизму пришел индивидуализм, идея сопереживания уступила место крайнему эгоизму. Такие социальные ценности, как любовь, семья, воспитание детей, были вытеснены половыми девиациями, однополыми браками. Идеи патриотизма, памяти предков, своей истории были променяны на обезличенное западничество [1, с. 576–580].

Осмысление процессов, происходящих в современной России, еще раз заставляет задуматься о роли национального лидера в истории нашей страны. Не вдаваясь в детали, можно говорить о том, что национальный лидер может способствовать и участвовать в разрушении страны, игнорировать ее национальные интересы и интересы своего народа. Но также, национальный лидер может создать условия для прогресса страны, подавать пример служения народу и государству. Исследования роли национального лидера в развитии России в исторический период с конца 1980-х годов по настоящее время показывают, что в наибольшей мере пользу России принес в основном В. В. Путин, вред в особо большей степени принесли М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин. Бесспорным лидером общественного политического сознания является Владимир Владимирович Путин, рейтинг которого по этому индикатору в январе – октябре 2023 года составляет свыше 75%. Феномен этого рейтинга складывается из многих составляющих, среди которых необходимо прежде всего назвать: политическую

активность по восстановлению российской государственности [2, с. 305–306].

Первым лицом государства В. В. Путин стал 31 декабря 1999 г., после отставки Б. Н. Ельцина, Владимир Владимирович был назначен исполняющим обязанности Президента. Впервые избран Президентом России 26 марта 2000 г., а затем переизбирался в 2004, 2012 и 2018 годах. На всем протяжении деятельности на посту Президента России, Владимир Владимирович подчеркивает высокую роль патриотизма в жизни и развитии российского общества и государства.

В. В. Путин, выступая в сентябре 2012 года перед представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи, подчеркнул: «Мы должны строить свое будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – это патриотизм» [3].

В.В.Путин, излагая суть настоящего патриотизма, отмечает, что это «...глубокое осознание личной причастности к судьбе страны, гражданская ответственность и стремление посвятить России, своим согражданам свой талант, готовность всегда быть со своей Родиной и в минуты торжества, и в периоды испытаний и невзгод» [4].

По данным ВЦИОМ за апрель 2023 года, большая часть россиян, девять из десяти, называют себя патриотами (91%), безусловными патриотами называют себя 52%, т.е. каждый второй. На протяжении всего периода наблюдений показатель не опускался ниже 80%, максимум был зафиксирован в 2018 г. – 92%. Не считают себя патриотами 5% россиян.

«Быть патриотом» для россиян – значит, в первую очередь, работать и действовать во благо, для процветания страны (48%), то есть патриотизм воспринимается как вклад в общее дело. На втором месте сегодня – защита страны от любых нападков и обвинений (38%). По всей видимости, это стало следствием недружественных высказываний в адрес страны на фоне СВО со стороны коллективного Запада.

Около трети опрошенных считают, что «быть патриотом» – это «говорить о своей стране правду, какой бы горькой она не была», «считать себя частью своей страны» (по 32%) и стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее (31%). Вариант «считать, что твоя страна – лучше, чем другие страны» сегодня выбирают 18%. Любовь к Родине в представлениях россиян объемлет и пространство ближнего круга, и масштабы всей страны. В первую очередь, наши сограждане говорят о любви к Родине через любовь к своей семье, близким, заботе о них (16%). 15% респондентов указали на малую родину, то место, где родился и вырос. Каждый десятый связывает любовь к Родине с любовью к людям,

взаимопониманием и взаимопомощью (10%). В числе проявлений большого масштаба – готовность защищать свою страну (9%), знать и любить историю, культуру и традиции страны, делать вклад в ее процветание и развитие (по 7%). По 6% россиян отметили, что любить Родину – это быть патриотом и не уезжать из страны. Молодежь 18–24 лет в большей степени, чем другие возрастные группы воспринимает любовь к своей стране как знание ее культуры и истории (18%) и как вклад в ее развитие (16%). В старшей возрастной группе доминирующим является образ малой родины (20%), а семья играет наибольшую роль в группе 45–59 лет (21%) [5].

Специальная военная операция России на Украине, которая началась 24 февраля 2022 года, свидетельствует о высоком уровне не только профессионализма, но и патриотизма российской группировки войск. Отметим, что 8 лет (с 2014 г.) оказались достаточным сроком, чтобы США, Великобритания и другие западные страны смогли подготовить вооруженные силы Украины к полномасштабной войне с Россией, выдрессировать в русофобском духе командно-офицерский состав, инкорпорировать в него нацистов и бандитов всех мастей, а также выстроить технологии прямого управления украинских командиров Пентагоном. В систему украинского образования были внедрены выработанные в нацистской Германии принципы идеологической обработки личного состава в целях воспитания примитивно мыслящих, обладающих комплексом национального превосходства и ненавидящих Россию солдат и офицеров. Служба безопасности Украины превращена в филиал ЦРУ и настроена на выполнение тех же функций, что и гитлеровское гестапо в части репрессий против нелояльного нацистам русского населения [6, с. 17–18].

Нельзя не отметить интенсивную 8-летнюю пропаганду, насильственно прививающую русофобию и крайний национализм всему украинскому обществу. Если в 2014 году подавляющее большинство Восточной Украины (Новороссия) и половина населения Центральной Украины были настроены к России положительно, хотя и не столь радикально «за», как жители Крыма и Донбасса, то в 2022 году этот баланс изменился – существенно усилился уровень ненависти к русским, а пророссийские симпатии были жестоко подавлены – часто путем прямых репрессий, насилия, пыток и избиений. Восемь лет непрерывно шла огромная работа по укреплению нескольких линий обороны на Донбассе, где и предполагались основные боестолкновения. Инструктора НАТО готовили слаженные и боеспособные части, насыщали их новейшими техническими разработками. Запад

приветствовал формирование карательных неонацистских формирований, занимавшихся на Донбассе прямым массовым террором против мирного населения. И именно там российское продвижение было наиболее затруднено. Украина была готова к войне именно потому, что сама хотела её начать со дня на день [7, с.1].

Изложенное позволяет констатировать, что украинская армия перед началом специальной военной операции России на Украине представляла достаточно мощную военную силу, которую нельзя недооценивать. Украинское общество идеологически было обработано в антироссийском духе, в духе ненависти к России. Одновременно подчеркнём, что России пришлось воевать фактически со всей военной машиной Запада, возглавляемой США.

Возвращаясь к предмету исследования – патриотизму – отметим, что в ходе специальной военной операции России на Украине, когда решение целей и задач осуществляется в боях, существенное значение имеет боевой дух, морально–волевые качества военнослужащих, их мотивация и умение применять сложную технику. Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на расширенном заседании коллегии Министерства Обороны Российской Федерации 21 декабря 2022 года сказал, что наши солдаты, сержанты и офицеры сражаются за Россию мужественно и стойко, уверенно, шаг за шагом решают поставленные задачи. Сражаются как герои Отечественной войны 1812 года, Первой мировой войны или Великой Отечественной войны [8].

Анализируя развитие и проявление патриотизма в современной России, в особенности в условиях специальной военной операции России на Украине, автор учитывает не только военный (боевой) патриотизм, но и патриотизм гражданского населения, его поддержку СВО, деятельность по производству боевой техники, вооружения и всего, что необходимо для фронта. Приведем еще одно высказывание В. В. Путина: «Горжусь – думаю, что все мы гордимся, – что наш многонациональный народ, абсолютное большинство граждан заняли принципиальную позицию в отношении специальной военной операции, поняли, в чем смысл действий, которые мы делаем, поддержали наши действия по защите Донбасса. В этой поддержке, прежде всего, проявился настоящий патриотизм – чувство, которое категорически присуще нашему народу. Он потрясает своим достоинством, глубоким осознанием каждым, я подчеркну, каждым, неразрывной связи своей собственной судьбы».

Подводя итоги, можно сказать, что формирование и развитие патриотизма в современной России находится под влиянием ряда

факторов и прошло 2 этапа: первый этап -1990-е годы и до начала срока Президента РФ В.В. Путина; второй этап - избрание Президентом России в 2000 году В.В.Путина и по настоящее время. Эти два этапа принципиально отличаются по содержанию. Первый этап проходил под флагом либерально-рыночной реформы, широкого применения механизмов шоковой терапии. Смена духовных ориентиров в 90-е годы прошлого века привела к отказу от такой ценности как чувство любви к своей Родине. Идеи патриотизма фактически подверглись осмеянию в контролируемых либеральными политиками СМИ. Избрание на пост Президента РФ В.В. Путина автор рассматривает как начало качественно нового этапа в формировании и развитии патриотизма в современной России. Фактором роста патриотических настроений в российском обществе, с точки зрения автора, является начавшаяся 24 февраля 2022 года специальная военная операция России на Украине, одной из задач которой является защита населения Донбасса и некоторых других областей Украины от нацистской идеологии и психологии, разрушения семьи, русской культуры. Анализ развития патриотизма показывает, что в современной России наблюдается устойчивый рост патриотизма, о чем свидетельствуют приведенные данные социологических исследований. Новый уровень патриотизма связан с ростом экономического, научно-технического и военного могущества Российской Федерации, которое будет формировать у людей гордость за достижения страны; с качественным улучшением работы СМИ, с формированием в СМИ информационной продукции, основанной на лучших традициях российской истории и современности; с существенным улучшением духовного, в том числе патриотического воспитания в вузах; с пропагандой воинского долга, верности служения российскому Отечеству в Вооруженных силах России.

Список литературы

1. Коваленко В.И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Изд-во Моск.ун-та, 2016. 704 с.
2. Левашов В.К. Политическая культура российского общества (Опыт социологического исследования) : монография / В.К. Левашов. М : ФНИСЦ РАН, 2020. 307 с.
3. Встреча с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи, 12 сентября 2012 г. - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470>
4. Латухина К.С. Владимир Путин вручил госнаграды выдающимся гражданам России // Российская газета. 29 августа 2012 г. - URL: <https://rg.ru/2012/08/30/putin.html>.

5. Патриотизм: мониторинг // ВЦИОМ: - URL: <https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitorin>
6. Глазьев С. Что происходит. Доклад Изборскому клубу // Свободная мысль. 2022. №5. С. 17–18.
7. Дугин А. Смена парадигмы // Завтра. 2023. №9. С. 1–5.
8. Заседание коллегии Министерства обороны. - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70159>.

ПРОБЛЕМА СОСТОЯНИЯ ДЕМОКРАТИИ И УСИЛЕНИЯ РУСОФОБСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ НА УКРАИНЕ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 2014 г.

Мельничук С. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
аспирант*

E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассматривается проблематика трансформации политической системы Украины после государственного переворота 2014 года. Проанализированы концепции авторов-классиков относительно понятия демократии и его практического выражения. Описаны изменения в законодательстве, которые оказали влияние на функционирование институтов демократии. Охарактеризовано влияние реформ на функционирование политической оппозиции. Рассмотрено значение изменений политической системы, как основы роста русофобии в государстве.*

***Ключевые слова:** демократия, Украина, реформы, государственные институты, цензура, русофобия.*

THE ISSUES OF THE STATE OF DEMOCRACY AND THE GROWTH OF RUSOPHOBIC TENDENCIES IN UKRAINE AFTER THE EVENTS OF 2014

Melnichuk S. V.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
PHD student*

E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com

***Abstract.** The article examines the problems of transformation of the political system of Ukraine after the 2014 coup d'etat. The ideas of classical authors regarding the concept of democracy and its practical expression are*

analyzed. Changes in legislation that influenced the functioning of democratic institutions are described. The influence of reforms on the functioning of the political opposition is characterized. The significance of changes in the political system as the basis for the growth of Russophobia in the state is described.

Keywords: *Democracy, Ukraine, reforms, state institutions, censorship, Russophobia.*

Вопрос о том, как определить демократию, остается актуальным на протяжении многих веков человеческой истории. Несмотря на то, что представления о демократии восходят к политической традиции Древней Греции, справедливо говорить о трансформации взглядов на данное общественное устройство. Наиболее простым способом описать демократию является минималистическое определение, основу которого сформулировал И. Шумпетер, а впоследствии данный подход неоднократно применялся исследователями. Он обозначил, что демократия – это «достижения политических решений, при которой индивиды обретают власть решать путем конкурентной борьбы за голоса народа» [1, с. 639].

Одним из первых общественное устройство, приближенное к современной демократии, описал А. Токвиль. В своей работе «Демократия в Америке», описывая данное строение общества, Токвиль продемонстрировал многогранность демократии. На примере молодого на тот момент государства, Соединенных Штатах Америки, он говорил о позитивном влиянии на общество системы политического равенства и выборной системы. Вовлеченность граждан в жизнь государства, по мнению Токвиля, несет в себе благо. Как он отмечал, «в мире не существует ничего иного, кроме патриотизма или религии, что могло бы заставить самых различных граждан в течение долгого времени сообща стремиться к общей цели» [2, с. 42]. Помимо выборов, Токвиль акцентировал внимание на значимости системы сдержек и противовесов, а также на влиянии уровня децентрализованности государства. В качестве опасного антипода демократии он видел тиранию большинства, которая лишает граждан свободы выбора во многих сферах жизни. Источник для возникновения тирании он видел в упадке культуры общества.

Руководствуясь минималистическим подходом, более расширенное определение демократии дал А. Пшеворский: «Режим, при котором существует больше, чем одна партия, а формирование законодательного органа и главы исполнительной власти осуществляется посредством выборов» [3, с. 23]. Помимо выборности

власти, Пшеворский фактически обозначил важным критерием наличие альтернативы в рамках избирательного процесса. По его мнению, ресурсы противоборствующих сторон оказывают значительное влияние на исход выборов. Пшеворский отмечал, что универсализированность избирательных институтов приводит к победе стороны, обладающей большими ресурсами.

Минималистическое определение выступает своего рода основой при оценке режима. Наличие свободных и альтернативных выборов позволит квалифицировать государство, как демократическое, не принимая во внимание какие-либо идеологические аспекты восприятия демократии. Также данное определение актуально при оценке политических режимов от авторитаризма к демократии, и наоборот. С нашей точки зрения, данный подход обладает рядом позитивных сторон, но современные политические реалии формируют условия, при которых оценка только по принципу избираемости власти не является достаточной. Как отмечала в своей работе О. Е. Пылаева, «Преимущества минималистского подхода все же не снимают с повестки дня принципиальный, с точки зрения выбора методологии, вопрос: насколько правомерно и правомерно ли сужение демократии до электоральной системы» [4, с. 204].

Развитие научного знания о политике, а также глобальные изменения политических процессов в XX и XXI веках привели к необходимости более глубокого понимания демократии. Р. Даль предложил «полиархию», как идеализированный вариант либеральной демократии, в работе «Политика, экономика и благосостояние» в 1953 году. Он отмечал, что демократия – многогранное и обширное явление. Даль выявил два способа определить демократию: «один – для описания цели или идеала, возможно даже недостижимого в реальности, другой – для описания отличительных характеристик действующих политических систем, называемых в современном мире демократическими или демократиями» [5, с. 193]. Описанная Далем модель в определенном смысле схожа с минималистической моделью, но он расширяет оценочные параметры.

Среди критериев он обозначал:

1) Руководящие государством лица избираются в ходе честных выборов.

2) Избираемые лица наделяются полномочиями на основании основного закона государства (конституции).

3) Население, достигшее совершеннолетия, имеет право принять участие в избирательном процессе.

4) Государство обеспечивает свободу СМИ, тем самым гарантирует возможность граждан получить информацию из разных источников.

5) Населению гарантировано право выражать собственное мнение и критиковать власть и оппозицию, без опасности политического преследования.

6) Населению гарантировано право создавать общественные организации, политические партии, а также проводить собрания.

На основании вышеописанных концепций, считаем возможным определить демократию, как политическую систему, институты которой направлены на наиболее обширное участие граждан в политических процессах.

Состояние демократии на Украине претерпело существенное изменение после государственного переворота 2014 года. Новые государственные элиты нуждались в легитимации собственных действий, а именно курса на конфронтацию с Россией. Для этого были предприняты шаги по продвижению среди населения идей русофобии.

С момента прихода к власти президента П. Порошенко, в период с 2014 по 2019 год, на территории Украины была запрещена работа 461 медиа-ресурса, которые были обвинены в работе на российское правительство [6]. Среди них оказались крупнейшие российские телекомпании – «Первый канал», «РТР Планета», «ВГТРК», «НТВ» и др. Позднее блокировку получили информационные агентства – «РИА Новости», «ТАСС», «Russia Today» и др. Фактически данная мера была направлена на стабилизацию формирования негативного образа России в сознании украинского общества. Отсутствие информации о России из России заполнялось информацией от украинских СМИ, следовавших курсу, который задавался властями.

Курс трансформации политической системы на сегодняшний день определяется администрацией президента В. Зеленского. За время нахождения Зеленского у власти значительные изменения привели к фактической монополизации власти. Фундаментом для этого стала победа партии «Слуга народа», союзной с Зеленским, на досрочных выборах в июле 2019 года. По итогам выборов «Слуга народа» получила 254 (из них 130 по округам) мандата, в союзе с «За будущее», у которой 21 мандат (все получены по округам) и «Доверие», у которых 20 мандатов (все получены по округам). Не союзные с Зеленским партии получили следующий результат: «Оппозиционная платформа — За жизнь» - 44 мандата, «Европейская солидарность» - 27 мандатов, «Батькивщина» - 25 мандатов, «Голос» - 20 мандатов.

По итогам выборов сложилась ситуация, при которой Зеленский обладал полной поддержкой парламента. В этих условиях фактически не существовало препятствий для принятия каких-либо законопроектов. Продвижение антироссийских нарративов на государственном уровне обрело ещё больший масштаб, в частности, и за счет поддержки данного курса «Европейской солидарностью» и «Батькивщиной». Взаимодействие с остальной оппозицией фактически отсутствовало, что прямо противоречило принципам демократической политической системы.

Ситуация с течением времени усугублялась, поскольку администрация президента и правящая партия были заинтересованы в фактической ликвидации любого влияния «Оппозиционной платформы». В частности, по решению суда была запрещена деятельность «NewsOne», «ZIK» и «112 Украина» [7]. Фактически, таким образом были устранены наиболее обширные по аудитории из оставшихся на тот момент СМИ, которые не поддерживали политику Зеленского и антироссийский курс.

После начала Специальной военной операции украинскими властями был принят ряд законов в большей степени ухудшивших состояние демократических институтов. Наиболее значительным изменением стал запрет двенадцати оппозиционных партийных объединений, среди которых была и парламентская «Оппозиционная платформа — За жизнь». 14 мая 2022 года президентом Украины был подписан закон, запрещающий деятельность политических партий, которых службы безопасности квалифицируют как «пророссийские». Официальные СМИ украинского парламента дали пояснения относительно причины запрета, в частности, якобы вследствие «сотрудничества с Россией» [8].

На сегодняшний день украинское информационное пространство оказалось под полным контролем правящей элиты. Информационная монополия предоставила властям возможность безгранично продвигать собственную повестку. В особенности это сказалось на популяризации русофобии, поскольку власти нуждались в легитимации собственного внешнеполитического курса. Именно отход от принципов демократической политической системы стал основой для легитимации посредством устранения влияния оппозиции.

Список литературы

1. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. М., 2007. 639 с.
2. Токвиль А. Демократия в Америке. - URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Tokville_Democracy_1.pdf (дата обращения: 05.11.2023).

3. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000. 319 с.
4. Пылаева Е. О. Минималистская трактовка демократии: границы теории // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XII Международной конференции. 19-20 марта 2009, Екатеринбург: [в 5 частях]. Ч. 4-5. Екатеринбург, 2009. С. 203-206.
5. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
6. На Украине заблокируют более 400 сайтов // РИА Новости URL: <https://radiosputnik.ria.ru/amp/20210225/ukraina-1598936126.html> (дата обращения: 05.11.2023).
7. Николаев П. Санкции против своих: на Украине закрыли три телеканала. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/02/03_a_13465088.shtml (дата обращения: 05.11.2023).
8. Служба безопасности Украины (СБУ) заявила об окончательном запрете в стране 12 "пророссийских партий" // ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16128719> (дата обращения: 05.11.2023).

МОЛОДЫЕ ГРАЖДАНЕ И ИХ РОЛЬ В ПОЛИТИКЕ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Марина Д. Миятович

Доктор юридических наук

*Институт сербской культуры Приштина - Лепосавич, Сербия,
научный сотрудник*

E-mail: marina.mijatovic@gmail.com

***Аннотация.** Данное исследование анализирует утверждение молодых людей в политике и их политическую приверженность как следствие социальных действий или политических действий. Политическая система, чтобы быть представительной, должна включать все части общества, а исключая молодежь из мира политики, значительная часть населения остается лишенной возможности влиять на решения, касающиеся одной группы. Молодежь теряет интерес, и в результате нарушается репрезентативность политической системы. Аргументами против вовлечения молодежи являются недостаточная зрелость, опыт и знания, необходимые для принятия важных решений на основе полученной информации. Можно сказать, что это утверждение справедливо для людей, не достигших избирательного возраста, но с другой стороны, люди, получившие право голоса, часто находятся под*

влиянием старших членов общества. Молодых людей также представляют как насильников, где создается впечатление, что они представляют угрозу сохранению мира и стабильности из-за того, как они выражают свое недовольство политической системой. На самом деле они чувствуют себя лишенными своих прав, подвергаются дискриминации и часто выражают свое недовольство посредством мирных протестов, социальной критики, организации и мобилизации через онлайн-платформы. Благодаря вышеизложенному, у нас есть еще одна причина вовлекать молодых людей в формальные процессы, чтобы они могли вникнуть в окружающую их повседневную жизнь и действовать конструктивно.

Ключевые слова: Молодежь, политика, утверждение, движение.

YOUNG CITIZENS AND THEIR ROLE IN POLITICS: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Marina D. Mijatovic

PhD of Law,

Institute for Serbian Culture Prishtina - Leposavic, Serbia

Research Associate

E-mail: marina.mijatovic@gmail.com

Abstract. *This study explains the affirmation of young people in politics and their political commitment as a consequence of social action or political action. A political system, in order to be representative, must include all parts of society, and by excluding young people from the world of politics, a significant part of the population remains deprived of influencing decisions concerning one group. Young people are losing interest, and the result is a violation of the representativeness of the political system. Arguments that appear against the engagement of young people are insufficient maturity, experience, and knowledge needed to make crucial decisions based on the information obtained. It can be said that this statement is true for people who are not old enough to vote, but for people who have acquired their right to vote, they are often influenced by older members of society. The young people are also presented as bullies where the image is created that they are a threat to the preservation of peace and stability due to the way they express their dissatisfaction with the political system. In fact, they feel deprived of their rights, discriminated against and often express their dissatisfaction through peaceful protests, social criticism, organization and mobilization through online platforms. Through the above, we have more reason to involve young*

people in formal processes so that they can come to grips with the everyday life that surrounds them and act constructively.

Keywords: *Young people, politics, affirmation, movement*

За последние десятилетия динамика отношений между гражданами и политикой претерпела глубокую трансформацию. Трансформация начинает свой путь в рамках новых политических направлений и поведения молодого поколения, но со временем она распространилась на более широкие сегменты населения в связи с тем, что старшие поколения уступают место младшим. Молодых людей сейчас оценивают на основе их политических взглядов и активизма. Сегодня политические вопросы сосредоточены на группах сверстников, а не на традиционных партийных связях. Социальные течения как таковые указывают на растущую важность гражданской активности и общения между гражданами, в то время как традиционные политические течения постепенно меняются и адаптируются к новым поколениям и их образу мышления о политике. У молодых людей есть желание и воля участвовать в политическом процессе, когда они чувствуют, что происходит что-то имеющее решающее значение или когда они убеждены, что кандидаты предлагают то, что в значительной степени удовлетворит их потребности и заслужит их доверие. Особенно это было заметно в 2008 году в США в предвыборной кампании 44-го президента США Барака Обамы, сумевшего завоевать доверие молодежи, предложив ей перемены под лозунгом *Change*, чувство принадлежности, в котором нуждались молодые люди, он обладал харизмой и вдохновляющей речью, подошел к молодежи с активной кампанией через социальные сети, что привело к повышению явки избирателей среди этой группы населения.

Интеграция молодежи в политические процессы требует особого внимания. Потребности молодых людей сегодня более выражены, в результате новых форм политического участия, но существует риск того, что они будут маргинализированы, если им будет отказано в доступе к лучшему и дополнительному образованию и профессиональному развитию, а это в дальнейшем повлияет не только на их профессиональный и политический, но и на экономический статус. Поскольку они зачастую не обладают адекватными политическими знаниями и возможностью сформулировать свои требования перед политиками, они меньше используют существующие возможности для политического участия. Мы осознаем тот факт, что спектр возможностей политического взаимодействия открывает двери для большей партиципации, но, с другой стороны, разрыв между

различными социальными группами не уменьшается, особенно среди тех, на кого больше всего влияют политические решения. Инклюзивная политическая среда могла бы обеспечить активное участие всех, как молодых людей, так и менее привилегированных групп, в формировании политики и принятии решений, которые их непосредственно затрагивают.

Согласно исследованиям, молодые люди добиваются значительного интеллектуального прогресса в возрасте от 12 до 14 лет. В этот период у них становится ярко выраженной способность мыслить гипотетически, абстрактно и логически. Параллельно с этим развиваются способности этической, социальной и политической ориентации, дающие им возможность решать социальные и политические вопросы. Следует подчеркнуть, что способность мыслить и судить об этических и социальных вопросах развивается постепенно, что включает в себя само понятие зрелости. В период подросткового возраста наблюдается более выразительное суждение, которое в дальнейшем развивается с опытом и образованием. Право голоса молодых людей, которое они приобретают по достижении совершеннолетия, отражает способность понимать и сознательно вносить свой вклад в политический процесс и социальные изменения. Участие в выборах как гражданское право и право голоса не являются актом милосердия, а представляют собой существенное право, требующее ответственности.

Особое внимание уделяется молодому поколению, право голоса которого, помимо ответственности, несет в себе и определенные обязательства, поскольку молодые люди хотят аутентичных представителей народа, способных ответить на вопросы и пожелания населения. В этом контексте демократия не только может, но и должна обновляться за счет вовлечения молодежи. Соответственно, молодым людям необходимо оказывать поддержку и образование, чтобы они могли в лучшей степени понять важность своего политического участия и ответственность, связанную с избирательным правом. Респонденты с начальным образованием, как и ожидалось, часто ощущают ограниченное влияние на политические события, что приводит к снижению уровня интереса к политике. В середине спектра находятся респонденты со средним образованием, где учащиеся трехклассной или четырехклассной средней школы занимают среднюю позицию в восприятии своего влияния и интереса к политике. Наиболее интересные результаты относятся к наиболее образованным респондентам, имеющим высшее образование. Эти респонденты часто считают, что их активизм может оказать существенное влияние на

политических игроков, а также они лучше всех информированы о текущих политических событиях. Этот феномен предполагает, что существует четкая связь между образованием и участием в политической жизни: высокообразованные люди, как правило, более активны в политической деятельности. Кроме того, политические лидеры должны сосредоточить внимание на потребностях молодежи, в целях построения аутентичной связи между выборными органами и гражданами, а не формировать молодых людей по уже сложившемуся шаблону и тем самым подавлять их потребности, то есть навязывать им потребности, которые они в конечном итоге примут как свои собственные. Молодые люди являются не просто пассивными наблюдателями политического процесса, а активными участниками, формирующими будущее своей страны. Сделала ли эпоха капитализма невозможным создание лучшего и более активного общества, создала ли она пассивное общество, которое слепо следует устоявшимся тенденциям и выражает негодование по поводу их? Независимо от того, будет ли ответ утвердительным или отрицательным, народу нужен лидер, а мало кто обладает лидерскими качествами, поэтому чаще всего на такие позиции приходят те, кто обладает навыком мошеннического поведения, принимаемого широкими массами, оправдываясь отсутствием или недостатком выбора.

Молодые люди включаются в работу политических партий в надежде на лучшую жизнь и в основном подвергаются деятельности конвенционального типа, в которой они видят потенциал для своего прогресса. Развитое гражданское сознание и понимание всей эффективности политического активизма не совпадает с гражданским и общественным участием, поэтому можно сделать вывод, что больше людей, которые не действуют, хотя и осознают свое окружение, но из-за отсутствия мотивации и безысходности выбирают путь пребывания в маргиналах общества. Это оправдано тем, что каждое действие требует гораздо больше усилий, настойчивости и, прежде всего, смелости. Путь от формирования взглядов до конкретных действий, очевидно, пронизан различными опосредующими факторами, способными существенно повлиять на решение личности быть активным или, наоборот, оставаться пассивным. Гражданское и политическое участие молодых людей часто является результатом процесса обучения посредством моделирования, что означает, что молодые люди усваивают политические модели поведения через своих родителей или ближайших сверстников. У родителей, активно интересующихся политическими вопросами, их дети с большей

вероятностью разовьют интерес к политике и станут политически ангажированными.

Следует отметить, что родители не формируют политические взгляды своих детей в прямом и явном виде, но косвенно через их действия, дискуссии и ценности, которые они передают. Их поддержка и поощрение могут побудить молодых людей к активному участию в политическом процессе, но, с другой стороны, отсутствие интереса или обескураживание могут привести к пассивности в политической деятельности. Этот процесс моделирования, основанный на наблюдении и подражании другим, является одной из наиболее эффективных форм социального обучения и играет ключевую роль в формировании политического поведения молодежи, а также указывает на важность роли семьи и социального окружения в развитии политического сознания и участия молодых поколений.

Процесс моделирования имеет более глубокие корни в эволюции человеческого общества, поскольку способность к социальному обучению и адаптации к окружающей среде была необходима для выживания и развития [2, р. 45]. Для гражданской активности молодежи ключевое значение имеет существование волонтерских служб и ассоциаций, предоставляющих возможности для волонтерства. Исследования подтвердили, что волонтерство имеет наибольший эффект, когда оно носит добровольный характер, позволяет активно участвовать и обеспечивает наставничество в дружественной обстановке, потому что только тогда молодые люди смогут по-настоящему развить свой энтузиазм и целеустремленность. Волонтерство в молодости имеет тесную связь с последующей гражданской активностью взрослых, поэтому нельзя отрицать, что волонтерство дает молодым людям возможность сделать первые шаги в мире гражданской активности и развить осведомленность о социальных проблемах. Кроме того, деятельность, которая вовлекает молодых людей в создание и управление проектами или действиями, еще больше побуждает их брать на себя ответственность за свои сообщества и общество в целом.

Помимо этих факторов, следует учитывать специфические обстоятельства, которые могут повлиять на гражданскую активность молодежи, в том числе наличие молодежных объединений в непосредственном окружении молодежи. Доступность таких ассоциаций, привлекательность их программ и позитивное отношение персонала к молодежи оказывают существенное влияние на решение молодых людей стать активными или пассивными гражданами [3, р. 45-49].

Интернет, как источник информации о политических событиях, предлагает широкий выбор контента и доступ к информации в режиме реального времени. Молодые пользователи Интернета могут быстро получить доступ к новостям, аналитическим материалам и комментариям по вопросам политики из различных источников. Быстрый и удобный доступ к информации делает Интернет естественным выбором для молодежи. Эта тенденция имеет более глубокие последствия для политической грамотности и участия молодежи, поскольку она дает возможность для выражения различных точек зрения и формирования критического мышления по политическим вопросам [6, р. 49].

Когда мы говорим о предрассудках относительно политической активности молодежи, они в основном связаны с возрастом, поскольку это одна из частых причин, которые мешают молодым людям принимать решения, поэтому решения остаются в руках самых старших членов ассоциаций или политических партий. Полная интеграция молодежи в процесс принятия решений зачастую достигается только в рамках вопросов, касающихся исключительно молодежных форумов. Однако важно отметить, что политические партии обычно одобряют только те решения и мероприятия, предлагаемые на уровне тех форумов, которые не оказывают существенного влияния на решающую политику партий. В следствии, деятельность молодежных форумов зачастую ограничивается вопросами, которые считаются менее важными. Эти мероприятия включают символические протесты и акции, культурные мероприятия, такие как чтение, кинопоказы, организацию молодежных встреч и гуманитарные акции. Также важно отметить, что поддержка и продвижение партийных лидеров во время избирательных кампаний является основным видом деятельности молодежи. Во время избирательных кампаний участники молодежных форумов часто используются в качестве ресурса для ношения партийных флагов и распространения предвыборных материалов [1, р. 3-4]. Анализируя молодежную политику, важно ответить на вопрос, удастся ли молодежной политике охватить молодых людей содержательным и актуальным образом. Существенная задача для молодежной политики заключается в максимизации влияния позитивной молодежной политики при одновременном снижении негативного воздействия политических решений на молодежь [10, р. 17].

Политическое влияние молодежи в Сербии сейчас находится на очень низком уровне, и эту тенденцию необходимо изменить, поскольку любое неблагоприятное решение, принятое в настоящем,

неизбежно будет иметь серьезные последствия для молодых поколений в будущем. Это основная причина, по которой молодые люди должны более активно участвовать в процессе принятия решений. Однако, с другой стороны, пассивность и задержка в принятии политических решений не являются устойчивыми. Ответственность за сложившуюся пессимистическую картину политической активности молодежи лежит на обеих сторонах - и на самих молодых людях, и на политических структурах.

Для улучшения положения молодежи необходимо, чтобы молодые люди взяли на себя большую степень вовлеченности и проявили инициативу по самоорганизации. Кроме того, крайне важно, чтобы молодые люди выступали с четко определенными требованиями и взглядами, чтобы их голоса были услышаны и приняты во внимание [8, p.15]. Принцип невмешательства является ключевой основой человеческих отношений и суверенитета. Быть нейтральным по отношению к политическому поведению означало бы поддерживать политику силы и закон более сильного, что несовместимо с принципами свободы слова и демократического общества [9, p. 815]. Укрепление идеи солидарности и сотрудничества подчеркивает важность совместного участия в предотвращении поведения, которое может угрожать участию молодежи в политической деятельности.

Молодые люди являются жизненно важным ресурсом для будущего общества, и их участие в политике может существенно повлиять на политический ландшафт и процесс принятия решений. Новые формы политического участия, такие как цифровая активность и участие в социальных движениях, предоставляют молодым людям возможность выразить себя и инновационными способами влиять на политические процессы. Для того, чтобы молодые люди стали более активно участвовать в политике, необходимо создавать инклюзивную политическую среду, обеспечивать образование в области политических процессов и поощрять диалог между поколениями. Также важно подчеркнуть, что политика – это не только вопрос выбора, но и процесс активной гражданской позиции, происходящий каждый день посредством обмена идеями и участия в социальных дискуссиях. В конечном счете, содействие активному участию молодых людей в политической жизни – это не только вопрос их будущего, но и сохранения демократических ценностей и поддержания динамичной политической системы, отражающей многообразие общества.

Список литературы

1. Балканска група за истраживање политика (БПРГ) // Млади у политици, 2018. С.1-9.
2. Чекрлија, Ђ., Турјачанин, В. & Пухало, С. Друштвене оријентације младих. Бања Лука: Национални институт за борбу против наркоманије, 2004.
3. Душанић, С., Лакић, С. & Турјачанин В. Грађанско и политичко учешће младих – психолошки приступ, Бања Лука, 2017. No. 176.
4. Johns Hopkins University - Anthropology of media The Obama Campaign: A Political Masterpiece, Скачал 21. септембра 2023.
5. <https://pages.jh.edu/AnthMedia/Projects/obama/The%20Obama%20Campaign/ethnography.html>
6. Кнежевић, М., Ђукановић, П. Млади – друштвени декор или друштвени капитал? Центар за грађанско образовање, Подгорица, 2016.
7. Крстић, Д. Ставови младих о друштвено политичким приликама у Србији. Friedrich Ebert Stiftung, CeSID, 2012.
8. Marković, K. Položaj mladih u politici i politika među mladima // Zašto glasam kako glasam ako uopšte glasam: zbornik radova sa konferencije. Friedrich Ebert Stiftung. Beograd. P. 115-126.
9. Радоњић, Р. Политичке доктрине, Цетиње: Штампарија ОБОД ад Цетиње, 2010.
10. Youth Partnership / Савет Европе и Европска комисија Основе омладинске политике, 2021. P. 1-24.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Мохов А.В.

Черноморский информационно-аналитический центр,

директор

E-mail: chiac@bk.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема военно-политических рисков в Черноморском регионе. Отмечается, что Черноморский регион на разных этапах своей истории испытывал геополитические трансформации, вызванные его важным стратегическим положением. Воссоединение Крыма с Россией вывело на новый уровень геополитические процессы в Черноморском регионе. Наряду с этим, в Чёрном море сегодня сосредоточены самые большие угрозы и риски для России в целом, для Крыма и Севастополя – в первую очередь.*

***Ключевые слова:** Черноморский регион, Крым, Севастополь, риски, угрозы, стратегия, геополитические процессы.*

MILITARY AND POLITICAL RISKS IN THE BLACK SEA REGION

Mokhov A.V.

*Black Sea Information and Analytical Center,
director*

E-mail: chiac@bk.ru

Abstract. *The article deals with the problem of military and political risks in the Black Sea region. It is noted that the Black Sea region at different stages of its history has experienced geopolitical transformations caused by its important strategic position. The reunification of Crimea with Russia has brought the geopolitical processes in the Black Sea region to a new level. Along with this, the Black Sea today contains the greatest threats and risks for Russia as a whole, for Crimea and Sevastopol in the first place.*

Keywords: *Black Sea region, Crimea, Sevastopol, risks, threats, strategy, geopolitical processes.*

В современной литературе Черноморский регион рассматривается довольно широко, включая Черное и Азовское моря, причерноморские государства, Балканы, придунайские страны, Закавказье, Северный Кавказ и Каспий. В регионе переплетаются в один геополитический узел интересы Турции, Центральной и Восточной Европы, европейских, центральноазиатских и закавказских стран СНГ и в некоторой степени Средиземноморья [1, с. 183]. Добавим к этому явный геополитический интерес к этому региону США и финансово-экономическую заинтересованность со стороны КНР.

По мнению крымского политолога А.Р. Никифорова, после 2014 года «наступила новая фаза в развитии Черноморского региона» [2]. Эта фаза качественно отличается от предыдущей, т.к. примерно 15-20 лет назад в США появилась концепция Большого Черноморского региона, в который были включены все страны Закавказья, помимо тех стран, которые непосредственно имеют выход к Черному морю. «Выталкивание России неприкрыто прочитывалось в их тогдашних документах. Главным “исполнителем” этого замысла являлся Европейский Союз. Немало делалось для того, чтобы создать ситуацию, при которой существовали тенденции сворачивания присутствия Российской Федерации в Севастополе и других местах базирования в Крыму», – отмечает А.Р. Никифоров. «Помимо вышеупомянутых политических акторов, свои интересы в Черноморском регионе тогда обозначил и Китай. Однако 2014 год внес серьезные коррективы в

планы мировых игроков. Накануне 2014 года уже имелись широкомасштабные проекты о том, как Китайская Народная республика через Украину зайдет в этот регион. Если бы это даже отчасти получилось, я думаю, мы бы увидели совсем другой геополитический расклад. События на Майдане, а затем наше возвращение в Россию смешали всю эту колоду. Американцы остались без концепции: Большой Черноморский регион в том виде уже отыгран, Россия явно усилила здесь свои позиции, увеличив береговую линию. Геополитическая ситуация в регионе резко изменилась, а ничего другого интеллектуально еще не было сформулировано» – считает А.Р. Никифоров [2].

Эксперт Валдайского Клуба Игорь Истомин указывает на активизацию деятельности НАТО и его военного присутствия в Черноморском регионе, которое наблюдается с 2014 года. При этом он отмечает, что эта активность «осуществляется в рамках более широкого курса, связанного с обострением отношений между Россией и Западом, и принятой Североатлантическим альянсом политикой сдерживания. Черноморское направление традиционно находится несколько в тени в сравнении с Балтийским регионом. В частности, потому, что на южном фланге отсутствует непосредственная сухопутная граница между Россией и государствами – членами Североатлантического альянса. Тем не менее именно в Черноморском регионе расположен один из главных лоббистов политики сдерживания – Румыния» [3].

Об увеличении военной активности НАТО в регионе свидетельствуют военно-морские учения Северо-Атлантического Альянса и его партнёров. Так, с 28 июня по 10 июля 2021 г. проводились маневры *Sea Breeze-2021*, в которых приняли участие 32 боевых корабля, 40 самолетов и 5 тыс. военнослужащих из 17 государств — членов НАТО, а также партнеров альянса. Эти учения стали крупнейшими с 1997 г. [4].

Ранее, 23 июня 2021 г., произошел резонансный инцидент с британским эсминцем *Defender D36*, который вошел в 12-мильную зону вблизи побережья Крыма и был остановлен российским пограничным кораблем, после чего ретировался. Для пресечения действий английских моряков российские военные произвели предупредительную стрельбу по курсу судна. Кроме того, самолетом *Су-24М* было выполнено бомбометание на расстоянии менее, чем 1 км от британского корабля [5].

Значительную роль в усилении военной напряженности в регионе играют в том числе и регулярные (с некоторого времени) полеты

самолетов стран НАТО в рамках так называемого патрулирования воздушного пространства Румынии.

Не менее серьезный вопрос — экспертные мнения со стороны западных аналитических центров о необходимости инициирования в Черном море постоянного морского патрулирования. Так, в частности, специалисты *Heritage Foundation* и *European Affairs in the Margaret Thatcher Center for Freedom* считают, что США должны занять лидирующие позиции в Североатлантическом союзе в разработке стратегии региональной безопасности и эффективных способов работы с государствами, имеющими выход к Черному морю. При этом НАТО стремится создать черноморское морское патрулирование по образцу миссии воздушной полиции в странах Балтии. Прообразом такого «морского патрулирования» можно считать деятельность группы американских эсминцев (из 4 кораблей, место базирования ВМБ Рота, Испания), объединенных в рамках миссии *FDNF-E (forward-deployed Naval Forces-Europe)*, в задачи которых входит в том числе и посещение региона Черного моря (по планам *NATO Integrated Air and Missile Defence, IAMD*). При этом данные «визиты» сопровождаются посещением американскими эсминцами портов стран — участниц Североатлантического альянса, а также его союзников.

Объединенная противовоздушная и противоракетная оборона НАТО (*IAMD*), инициированная в том числе для противодействия «иранской ракетной угрозе», к настоящему времени фактически позволяет разнородным соединениям стран НАТО (корабли, самолеты, БПЛА, наземные комплексы ПВО) отрабатывать широкий комплекс задач, направленных не столько на «сдерживание» Ирана, сколько на подготовку к более широким сценариям противостояния, в том числе в Черноморском регионе.

Активные действия авиации стран НАТО над акваторией Черного моря, проведение многонациональных военно-морских учений, провокационные действия отдельных кораблей стран-членов Североатлантического альянса вблизи российских территориальных вод — все это демонстрирует, что руководство НАТО наращивает свои военные возможности в регионе.

В то же время при анализе геополитической ситуации в Черноморском регионе нельзя не учитывать интересы Турции, которые не всегда совпадают с целями НАТО.

Несмотря на то, что Турция остаётся членом НАТО, она «ведёт курс на дистанцирование от западных союзников, особенно после попытки военного переворота в 2016 году. Несмотря на то, что наблюдающееся партнёрство между Россией и Турцией обременено

рядом серьёзных противоречий, Анкаре невыгодно обострять отношения с Москвой в условиях, когда она видит в евро-атлантических партнёрах едва ли не главную угрозу своему политическому режиму», - считает И.Истомин [3].

Располагая внушительным флотом (165 кораблей и катеров), Анкара активно использует национальные ВМС для отстаивания своих интересов как в территориальных спорах с Грецией (в частности, по вопросу определения границ в Эгейском море), так и в рамках проведения операций в Средиземном море, у побережья Ливии, а также в Черном море. Реализуя собственную морскую программу, Турция последовательно наращивает свой военно-морской потенциал.

Так, в частности, в январе 2021 г. прошла церемония спуска на воду головного фрегата *Istanbul F515* в серии из четырех кораблей, строящихся по проекту *TF-100* программы *MILGEM (Milli Gemi* — национальный корабль). Новые фрегаты, по сути, — модификация корветов типа *Ada*, построенных в Турции в 2007–2019 гг. В дальнейшем планируется перейти к строительству еще более крупных кораблей — фрегатов проекта *TF-2000*.

Кроме того, Анкара располагает и универсальными десантными кораблями собственной постройки — в частности, в 2019 г. состоялся спуск на воду УДК (*TCG Anadolu L408*), а его ввод в эксплуатацию состоялся в 2021 г. Этот корабль может классифицироваться как легкий авианосец, поскольку в рамках его строительства предполагалось размещение на борту самолетов *F-35B* (однако после скандала с приобретением российской системы ПВО С-400 Турции было отказано в поставках американских самолетов).

Таким образом, к настоящему времени турецкие ВМС располагают кораблями различных классов, в том числе собственного производства. Все это дает возможности Анкаре использовать свой оборонный потенциал для проецирования морской мощи и достижения собственных целей и интересов в Черноморском регионе.

Наряду с этим обострение территориальных конфликтов с Грецией, в том числе на морском шельфе к югу от Кипра, а также проведение операций по поддержке Правительства национального согласия Ливии в обход санкций ООН в 2020 г., способствовали накоплению противоречий между Турцией и союзниками по блоку НАТО (прежде всего Грецией и Францией). Не способствовало расширению партнерских связей и санкционное давление США.

Все это объективно свидетельствует о том, что Турция в Черноморском регионе может действовать самостоятельно, без оглядки на действия западных партнеров. Тем не менее участие турецких

фрегатов в учениях НАТО, а также привлечение турецких самолетов к работе по планам воздушного патрулирования демонстрирует совпадение интересов между западными партнерами и Анкарой. Кроме этого, Турция располагает и мощным дипломатическим рычагом для оказания давления на черноморские страны через реализацию принципов доктрины Монрё. Ограничение транзита военных и гражданских судов через проливы является одним из инструментов для демонстрации своей позиции и используется Анкарой при необходимости.

В этой связи особый ряд рисков связан с провокациями в отношении российских территориальных вод и воздушного пространства, а также с проведением незапланированных учений, что в совокупности дает результаты для анализа возможностей российских вооруженных сил в части противодействия авиационным и морским угрозам. По всей видимости, именно «оценка этих возможностей — ключевая цель увеличения военной активности Североатлантического альянса в регионе» [6].

России крайне необходима новая, Черноморская стратегия, четко определяющая интересы и цели РФ в Черноморском регионе, к военно-политической экспансии которого уверенно стремятся США. Такое мнение высказал председатель исполнительного комитета Черноморской ассоциации международного сотрудничества (ЧАМС) Ярослав Иванченко [7]. В регионе, по его мнению, может родиться прямой конфликт России и США, которые уже разработали свою черноморскую стратегию. Особая роль в черноморской стратегии США отводится Грузии, которая по замыслу должна быть постоянным очагом напряженности с Россией. Кроме того, в августе 2023 года в сенат США был внесен «Закон о безопасности на Черном море 2023», которым оно объявляется зоной стратегических интересов США. Документ предполагает усиление и постоянное военно-морское присутствие США в Черном море. Эти выводы можно дополнить мнением В.Васильева, который считает, что «усиление присутствия Соединенных Штатов и Североатлантического альянса в Черном море в будущем означает возможность столкновения военно-морских сил и авиации России и НАТО в этом регионе» [8].

Выводы.

1. Основные военно-политические риски для России в Черноморском регионе в настоящее время связаны с тем, что Чёрное море приобретает особое значение для Североатлантического альянса.

2. Можно ожидать, что присутствие военно-морских и военно-воздушных сил стран НАТО в Черноморском регионе будет расширяться.

3. Однако для полноценного использования имеющихся военно-морских возможностей блока необходимо будет изменить некоторые принципы доктрины Монтрё, что невозможно без учета турецких интересов.

4. Учитывая противоречия внутри альянса, а также самостоятельность турецкой внешней политики, ожидать таких изменений в ближайшей перспективе вряд ли возможно.

Список литературы

1. Самохин А.А. Особенности геополитической ситуации в Черноморском регионе в начале XXI в. // Глобализация и регионализм. — М., 2001.
2. [Безопасность в Черноморском регионе: реалии, угрозы, прогнозы.](https://crimea.ria.ru/press/20210225/1119290516/Bezopasnost-v-Chernomorskom-regione-realii-ugrozy-prognozy.html) - URL: <https://crimea.ria.ru/press/20210225/1119290516/Bezopasnost-v-Chernomorskom-regione-realii-ugrozy-prognozy.html>
3. Истомин И. Причерноморье как театр военно-политического сигнализирования. — URL.: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/prichernomore-kak-teatr/>
4. Участвующие в Sea Breeze корабли покинут Черное море лишь после болгарских учений. — URL.: [Участвующие в Sea Breeze корабли покинут Черное море лишь после болгарских учений \(interfax.ru\)](https://interfax.ru/news/sea-breeze-20230323)
5. Минобороны раскрыло подробности перехвата эсминца Defender в Черном море — URL.: [Минобороны раскрыло подробности перехвата эсминца Defender в Черном море - ТАСС \(tass.ru\)](https://tass.ru/obozrenie/20230323-1119290516)
6. Попцов Д., Егорченков Д. Черноморский регион: военная активность НАТО и фактор Турции. - URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/chernomorskiy-region-voennaya-aktivnost-nato-i-faktor-turtsii/?sphrase_id=131828010
7. Черноморская стратегия: зачем она России и чем поможет Крым. — URL.: <https://crimea.ria.ru/20231020/chernomorskaya-strategiya-zachem-ona-rossii-i-chem-pomozhet-krym--ekspert-1132213629.html>
8. Раскрыта стратегия США по Черному морю и Крыму. -URL.: <https://www.mk.ru/politics/2023/03/23/raskryta-strategiya-ssha-po-chernomu-moryu-i-krymu.html>

ПРАВОПОРЯДОК В ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКЕ «БЕЛЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ». 1918-1920 ГГ.

Наумова Н.И.

Кандидат исторических наук

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
доцент*

E-mail: tomnin@yandex.ru

Аннотация. В условиях Гражданской войны на Юге и Востоке России были созданы структуры с максимальной концентрацией высших властных полномочий в одних руках во главе с военными – генералом А.И. Деникиным и адмиралом А.В. Колчаком, которые ставили общенациональную задачу по формированию общероссийской власти и борьбы с большевиками. Предполагалось обеспечение военных действий на фронте и решение гражданских проблем в тылу. Население территорий под управлением А.В. Колчака и А.И. Деникина насчитывало миллионы человек. В официальных заявлениях содержалось утверждение о создании управления, которое обеспечит законность и правовой порядок, защиту личности в условиях анархии, военных действий, роста уголовных преступлений. Для решения этих проблем были созданы Особое совещание на Юге, Совет министров на Востоке как высшие органы гражданской власти, а также управления с функциями министерств внутренних дел, юстиции, судебные органы, милиция, Сенат. Их деятельность определялась законами. Выполнение поставленных целей оказалось трудно выполнимой задачей.

Ключевые слова: Гражданская война, А.И. Деникин, А.В. Колчак, репрессии, гражданское управление, правовой порядок, закон.

LEGAL ORDER IN THE IDEOLOGY AND POLITICS OF “WHITE GOVERNMENTS”. 1918-1920

Natalia I. Naumova

Cand. Sc. (History)

National Research Tomsk State University,

Associate Professor

E-mail: tomnin@yandex.ru

Abstract. During the Civil war, several institutions were created in the south and east of Russia with the maximum concentration of powers in one

hand, headed by the military – General Denikin and Admiral Kolchak, who set a task of forming the all-Russian government and fighting the Bolsheviks. They planned to make provision of military operations at the front and the solution of civil problems on the rear. The population of the territories under the administration of Kolchak and Denikin numbered millions of people. The official announcements stated the creation of a department that would ensure the rule of law and order, protection of the individual in conditions of anarchy, military operations, and the growth of criminal offenses. To solve these problems the General Command in the south, the Council of Ministers in the east as the highest bodies of civil powers, as well as departments with the functions of the Ministry of Internal Affairs, of Justice, judicial bodies, the militia, and the Senate were created. Their activity was determined by laws. Nonetheless the fulfillment of the set goals turned out to be exigent.

Keywords: *Civil war, A.I. Denikin, A.V. Kolchak, repressions, civil administration, legal order, law.*

Проблема насилия и ненасилия, соблюдение законов в чрезвычайных условиях, в частности, в годы Гражданской войны, изучалась историками и юристами. Но самостоятельным объектом исследования государственные институты противников большевиков, правовые аспекты политики не являлась предметом исследования. В 1990-е гг. появились работы, в которых отмечалось, что политика белогвардейцев строилась не только на насилии и репрессиях (Я. Бутаков, В.Ж. Цветков, В. Зимина, А. Никитин, С.П. Звягин и др.) В работах подчеркивалось снижение влияния права в этих чрезвычайных обстоятельствах в политике белогвардейских властей.

В годы Гражданской войны (1918-1920 гг.) на территории России действовали различные антибольшевистские движения. Самыми организованными военно-политическими силами являлись «белые» движения, представленные на Юге Добровольческой армией во главе с генералом А.И. Деникиным. В декабре 1918 г. он возглавил Вооруженные силы Юга России. На Востоке страны было сформировано Российское правительство во главе с адмиралом - Верховным правителем России А.В. Колчаком. Главы этих структур – военные - обладали высшими властными военными и гражданскими полномочиями. Общие условия: распад государственности, анархия, борьба с большевизмом, военные действия определили форму организации власти - военную диктатуру. Подобная форма власти не означала игнорирование закона. Представители «белого» движения Юга и Востока России ставили общенациональные задачи – борьбу с большевизмом и формирование общенациональной государственности,

воссоздание «единой неделимой» России. Это позволило осуществить попытку координации позиций. А. И. Деникин признал адмирала Колчака в качестве Верховного правителя России, продемонстрировав образование единой государственной власти. Но реальная политика производилась на региональном уровне. На Юге России и Востоке были созданы похожие по назначению и функциям. государственно-управленческие структуры.

Население территорий под контролем А.И. Деникина и А.В. Колчака насчитывало миллионы человек (летом 1919 г. под управлением южной власти находилось более 40 млн. человек; на Востоке на территории, подчиненной Российскому правительству Колчака, проживало более 11 млн. человек). Предполагалось, что управление обеспечит военные действия и решение гражданских проблем в тылу. Необходимо было преодолеть дезорганизацию тыла, беззаконие, когда была сломлена старая правоохранительная система. Обращения к Верховному правителю земских собраний, городских дум, общественных организаций практически на всем протяжении существования его власти содержали именно такие пожелания. Выражались надежды на то, что власть «проявит себя как твердый охранитель закона, права, свободы», обеспечит «государственный правопорядок», «воссоздаст справедливость и законность», ограждающих права личности и имущества. А.В. Колчак подтверждал, что в этом заключается «его коренная задача» [1]. Лидеры белого движения подчеркивали, что только насилем проблемы не решить, необходимы другие меры.

С начала оформления белого движения на Юге стали формулироваться цели и принципы его организации, придавая ему государственный характер. Государство рассматривалось идеологами белого движения как главное условие существования общества, общественной жизни. Создание государственности в чрезвычайных условиях было трудной задачей. Лидеры уже зимой 1918 г. пытались наметить основные черты власти и ее принципы в переходный период, которая должна была сменить «большевистское самодержавие».

Государственное строительство предполагало политико-юридическое обоснование его целей, структуры, функций, что разрабатывалось юристами на Юге и Востоке, которые затем вошли в состав Особого совещания, Совета министров или возглавили Ведомства Юстиции, Внутренних дел.

Составной частью правления должно было стать обеспечение порядка, равенство перед законом, защита личности, восстановление права собственности. А.И. Деникин в мае 1918 г. заявил, что целью

борьбы с большевизмом является установление единства государственного и правового порядка [2, с. 55-56]. Адмирал А.В. Колчак в своем первом обращении к населению 18 ноября 1918 г. определил цели своей политики: «установление законности и правопорядка», победа над большевизмом [3, с. 23]. Понятие «порядок» точного определения не имело, но противопоставлялось анархии, которая возникла после разрушения основ государственности. А.В. Колчак использовал понятие «правовой порядок» в качестве целей политики власти. Позднее в ряде документов отмечалась необходимость установления гражданского порядка на основе соблюдения законности.

Как показывает опыт политической деятельности белогвардейских правительств, реализация и установление порядка должно было оформиться в создании структур центрального и местного государственного управления с теми же функциями, создания правоохранительных органов, законодательства на основе качественной его разработки. Воплощение зависело от уровня подготовки управленческих кадров, соблюдения нормативных документов, разделения функций гражданских и военных властей.

В первую очередь законодательно стали определяться структуры высшей государственной власти, полномочия Особого совещания на Юге, Совета министров на Востоке, которые стали выполнять законодательные и исполнительные функции. И в этом использовались в той или иной степени традиции прежних властей. Были созданы Управления на Юге (с функцией министерств), Министерства на Востоке в соответствии с основными направлениями внутренней и внешней политики: иностранных дел, связи, торговли и промышленности, внутренних дел, просвещения. Отделу юстиции на Юге подлежали рассмотрению наиболее важные уголовные и гражданские дела, требующие уточнения, смягчения участи, а также личные дела судебных учреждений. Это позволяло в той или иной мере контролировать приговоры в соответствии с законом [4, с. 47-48].

Была восстановлена деятельность Правительствующего Сената на Юге и Востоке России. А.В. Колчак определил значение Сената после реформ Временного правительства «как устоя правового государства, где не только личные, имущественные, но и публичные права населения получили защиту» [5, с. 317]. Верховный правитель, члены правительства принесли присягу на верность служения Российскому государству, как своему Отечеству, «не щадя жизни» своей, «не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни враждой, ни корыстью» ради процветания «Государства Российского» согласно законам.

Сформированы были органы прокуратуры, что предполагало контроль за исполнением законов. Главкомандующий Вооруженными силами на Юге России ставил задачу сформировать единое правовое пространство Юга России.

Местные органы власти и самоуправления действовали на основе нормативных документов, принятых Особым совещанием на Юге и Советом министров на Востоке, регулируя локальную экономическую, социально-бытовую жизнь населения, ее формы и методы. Власти определяли нормативные основы выборов органов самоуправления, объемы полномочий председателей земских управ, городских дум.

Была создана судебная система. Мировые суды, съезды мировых судей, Окружные суды в Сибири, а также Апелляционные и Кассационные суды. Сохранены были наиболее близкие к населению волостные суды, с «целью борьбы с произволом». Примерно такая же система действовала на Юге. Для борьбы с политическими противниками были созданы военно-полевые и прифронтовые суды для уменьшения произвола.

Были сформированы структуры правоохранительных органов на Юге и Востоке России - Государственная стража и милиция, на которые возлагались задачи по обеспечению безопасности населения, охрана порядка.

Созданная система власти не смогла действовать эффективно и обеспечить закон и порядок в силу ряда обстоятельств. Высшие управленческие структуры не имели четкого разделения полномочий, что не позволяло принимать полноценные решения, быстро реагировать на ситуацию. Большинство управленческих кадров не имели профессиональной подготовки. Власть зачастую использовала военных, которых отличал правовой нигилизм на гражданских должностях, вовлекала в сбор налогов, проведение мобилизации, что не всегда контролировалось гражданской властью [6, с. 200]. Военные допускали должностные преступления, произвол. Но судебные - следственные органы проявляли нерешительность в преследовании должностных преступлений [6, с. 292.]. Прокурорский надзор не всегда участвовал в предварительном и других этапах расследования. Существовавший режим не смог защитить права граждан от преступлений. Принимались чрезвычайные меры, насилие. Использовались карательные отряды против партизан. А. В. Колчак допускал возможность временного применения насилия в условиях военных действий [7, с. 52]. Порядок в тылу зачастую устанавливался насилием.

Список литературы

1. Правительственный вестник. Приветствия Верховному правителю. Омск. 1919. 6,15,30 марта,10,15 апреля; 15, 18 июня; 17, 20 июля; 25 сентября.
2. Бутаков Я.А. Белое движение на юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 г.). М.: Изд-во РУДН, 2000. 190 с.
3. Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 г.- январь 1920 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та. Выпуск 1. 150 с.
4. Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го-декабрь 1919 года). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 1003 с.
5. За спиной Колчака: Документы и материалы/под ред. А.В. Квакина. – М.: Аграф, 2005. – 512 с.
6. Никитин А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М.: Национальный институт бизнеса, 2004. 336 с.
7. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «ШТОРМ НАД КАСПИЕМ»

Когут В.Г.

*Кандидат политических наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
руководитель базовой кафедры евразийской интеграции;
Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС,
доцент кафедры теории истории государства и права
E-mail: g.nuryshev@yandex.ru*

Нурышев Г. Н.

*Доктор политических наук,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, профессор
кафедры международных отношений и политологии
E-mail: g.nuryshev@yandex.ru*

Аннотация. В настоящее время исследователи называют резкое усиление геополитического противоборства на постсоветском пространстве Новой Большой игрой, важной частью которой является геополитический проект «Шторм над Каспием». Военная операция США и НАТО нацелена на провоцирование военных

конфликтов за счет «управляемого хаоса» жесткой сингулярности по всему Каспийско-Черноморскому региону.

Ключевые слова: *постсоветское геополитическое пространство, Новая Большая игра, Шторм над Каспием, управляемый хаос, жесткая сингулярность, геополитический актор, геостратегический вакуум.*

GEOPOLITICAL PROJECT «STORM OVER THE CASPIAN»

Kogut V.G.

*Candidate of Political Sciences,
St. Petersburg State University of Economics,
Head of the Basic Department of Eurasian Integration;
St. Petersburg University
State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations,
Associate Professor of the Department of Theory of the History of State and
Law
E-mail: g.nuryshv@yandex.ru*

Nuryshv G.N.

*Doctor of Political Science
Professor of the Department of International Relations and Political
Science
Professor, Department of International Relations and Political Science,
St. Petersburg State University of Economics
E-mail: g.nuryshv@yandex.ru*

Abstract. *Currently, modern researchers call the sharp increase in geopolitical confrontation in the post-Soviet space the New Great Game. An important part of the New Great Game in the post-Soviet geopolitical space is the geopolitical project “Storm over the Caspian”. The US and NATO military operation is aimed at provoking military conflicts through the “controlled chaos” of a hard singularity throughout the Caspian-Black Sea region.*

Keywords: *Post-Soviet geopolitical space, New Great Game, Storm over the Caspian Sea, controlled chaos, hard singularity, geopolitical actor, geostrategic vacuum.*

В настоящее время современные исследователи резкое усиление геополитического противоборства на постсоветском пространстве все чаще стали называть Новой Большой игрой (The New Great Game),

считая *соперничество* между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии как Большую игру XIX века.

Такой способ описания новых геополитических конфликтов, возникших после распада Советского Союза, удобная метафора для Э. Уолберга, американского исследователя геополитических процессов на Ближнем Востоке, Центральной Азии и России [1, с. 5]. Поэтому по мнению российского исследователя А.В. Михалева «Новая Большая игра» как способ мышления и метафора стала распространяться на все постсоветское пространство. Сегодня появились работы, посвященные Новой Большой игре в Арктике, на Украине, Кавказе и Центральной Азии. В 2016 году появилась серия работ о Большой игре и конфликте на Украине. Таким образом, по справедливому мнению, А.В. Михалева, «география Новой Большой игры расширяется, стремясь охватить почти всю мировую политику» [2, с. 22].

Сегодня важной частью Новой Большой игры на постсоветском геополитическом пространстве является геополитический проект под кодовым наименованием «Шторм над Каспием». Этот проект был разработан под эгидой Массачусетского технологического института под руководством его профессора Дэниела Файна. В проекте была предусмотрена высадка войск НАТО или американо-турецкого экспедиционного корпуса в кавказских портах в случае ухудшения ситуации на Северном Кавказе, в Калмыкии или осложнения отношений России с Грузией или Азербайджаном. Впоследствии идеологи «Шторма над Каспием» рекомендовали создать северокавказскую конфедерацию.

Военная операция США и НАТО нацелена на провоцирование военных конфликтов за счет «управляемого хаоса» жесткой сингулярности во всем Каспийско-Черноморском регионе, а также их консервацию под военно-политическим патронажем Атлантического блока. Для этого проект предполагает размещение военных баз в Армении, Грузии и прикаспийских государствах под предлогом охраны нефтегазовых месторождений, экспортных трубопроводов, портов и сопутствующей инфраструктуры. Предусмотрена корректировка геополитического проекта «Шторм над Каспием» в зависимости от текущей геополитической обстановки в Каспийско-Черноморском регионе и Центральной Азии [3].

Так Украине, занимающей антироссийскую позицию, геополитический проект англосаксов отводит роль части русофобского «санитарного кордона» в стратегии «кольца анаконды», призванной оторвать Россию от континентальной Европы, лишить ее геополитической субъектности. Поэтому от итогов борьбы за Украину

будет зависеть судьба всего постсоветского геополитического пространства [4]. Не случайно, попытка подмены англосаксами национальной идентичности за счет резкой смены геополитического кода русско-православной цивилизации на западную протестантско-католическую привела к расколу государства, его геополитического фундамента и потере геополитической субъектности Украины [5].

Независимо от исхода Специальной военной операции России, содержательный замысел «Шторма над Каспием» предполагает, что Украина как лимитрофное квазигосударственное образование должно быть сохранено ради удержания возле российских границ зоны «управляемого хаоса и вражды» и для разрушения России как геополитического актора.

Поэтому, не случайно, сегодня быстрыми темпами началась украинизация всего постсоветского пространства [6]. Об этом свидетельствуют и современные геополитические процессы на Кавказе. Последние военные действия Азербайджана делегитимизируют статус новых российских регионов, а также Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья, лишают их будущего в нынешнем формате. Поэтому военные успехи Баку открыто приветствуют Грузия, Казахстан, Молдова, Украина. Для этих стран карабахский прецедент означает, что территория, получившая статус сепаратистской, может и должна быть возвращена военной силой [7].

Сегодня существует огромная опасность, что в результате политики Еревана, полностью контролируемого США, на южных рубежах России возникнет крупномасштабный геополитический конфликт, который Москва не сможет игнорировать, так как он превзойдет по масштабам конфликт на Украине и может охватить весь Ближний Восток [8]. В результате, последует полная утрата реального суверенитета и окончательная потеря Арменией геополитической субъектности с переходом под военный зонтик США. Нынешний премьер-министр Армении постарается максимально ускорить реализацию своего антиармянского и антироссийского геополитического курса. Этот курс компрадорской власти делает свою страну плацдармом коллективного Запада для войны с Россией [9].

В этой связи перед Ереваном уже поставлены вполне конкретные требования по выводу российских военных 102 военной базы в Гюмри и с аэродрома Эребуни близ Еревана, а также в дальнейшем по выходу из ОДКБ и ЕАЭС. Геостратегический вакуум в Армении будет очень быстро использован для турецкой экспансии, которая позволит разыграть антироссийскую карту на Северном Кавказе при реализации геополитического проекта США и НАТО «Шторм над Каспием»,

предполагающий размещение военных баз в Армении, Грузии и по берегам Каспия. Проект нацелен на консервацию старых и провоцирование новых конфликтов в Каспийско-Черноморском регионе под военно-политическим патронажем альянса [10].

Таким образом, современная геостратегия, проводимая Азербайджаном, создает серьезные геополитические вызовы России. Новая расстановка геополитических сил после армяно-азербайджанского конфликта дает Анкаре повод для того, чтобы разыгрывать антироссийскую карту на Северном Кавказе, включая проект «Республики Ичкерия». Управляя Ереваном и Баку, Анкара становится ключевым игроком в северокавказской политике, поддерживая территориальные претензии Азербайджана к Дагестану [11].

Не случайно, в связи с этим, что отмечается неуклонный рост турецкого влияния в медиаэфи́ре и в соцсетях на Северном Кавказе. Безусловно, антиизраильский митинг во главе с президентом Турции Р.Т. Эрдоганом в аэропорту имени Ататюрка произвел на северокавказскую аудиторию сильное впечатление, чем воспользовались геополитические противники России — ЦРУ, СБУ, Центр информационно-психологических операций Вооружённых сил Украины для организации беспорядков в Махачкале [12].

Обострение геополитической ситуации на Южном Кавказе способствует американским планам в Центральной Азии. Как показывают события в Казахстане, Запад провоцирует новые конфликты в этом геостратегическом регионе. В кулуарах сессии Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке вечером 19 сентября 2023 года завершился первый саммит лидеров стран Центральной Азии и США, именуемый С5+1. Как показал саммит, Вашингтон пытается ослабить связи Центральной Азии с Россией и Китаем.

Поэтому американские власти готовы предложить странам Центральной Азии финансирование альтернативных торговых маршрутов в Европу. Вашингтон рассматривает варианты возвращения туда своих военных баз [13]. Западные политики в рамках проекта «Шторм над Каспием» провоцируют крупный конфликт на Ближнем Востоке. 6 ноября 2023 года министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, выступая на Международном форуме «Россия», предупредил о близящейся большой войне. Он заявил, что «англосаксы буквально подталкивают Ближний Восток к грани большой войны» [14]. Де-факто, сегодня России объявлена длительная, кровавая и жестокая война на уничтожение. Нас ждёт неизбежное расширение её масштабов до мирового уровня. Такова логика Новой Большой игры [15].

В таких условиях Новой Большой геополитической игры особую роль приобретает укрепление единства российского геополитического пространства, обеспечение территориальной целостности государства, его геополитического потенциала. Отсюда растёт значение внутренней геополитики. Успешное решение ее неотложных задач в современных условиях, прежде всего, зависит от политической элиты страны. К сожалению, значительная часть российского истеблишмента, особенно в сфере экономики и культуры, является либеральной, прозападной и не связывает свое будущее с Россией.

Поэтому, по нашему мнению, российский ответ на экономическое и дипломатическое давление Запада оказался непоследовательным и половинчатым, что создаёт в информационном социуме нездоровые и вредные настроения. Как следствие, цели внутренней геополитики Русского мира и капиталистической России совпадают лишь временно, оставаясь в стратегическом плане диаметрально противоположными. Отсюда логичен вывод, что не случайно битва за умы значительной части украинского населения, оболваненного бандеровской пропагандой, оказалась катастрофически проиграна «агитационной машиной» Русского мира.

Исходя из сложившейся ситуации, когда боевые действия стран НАТО с Россией под каким-нибудь предлогом могут стать реальными, необходимо решительное оздоровление российского истеблишмента и повышение эффективности государственного аппарата. Современная геополитическая обстановка требует перехода страны на военные рельсы с концентрацией всех ресурсов, имеющихся у России. Сегодня необходимо чётко провозгласить политику собирания русских земель в единую и могучую державу [16].

Таким образом, можно сделать вывод, что Новая Большая игра на Украине в срочном порядке требует от России формирования всеобъемлющей целостной программы перевода государственных и муниципальных органов управления, экономики, политики, идеологической и патриотической работы на военные рельсы, а также реализации форсированного комплекса мероприятий по интеграции постсоветского геополитического пространства.

Список литературы

1. Walberg E. Post Modern Imperialism: Geopolitics and the Great Games. Atlanta: Clarity Press, 2011. 300 p.
2. Михалев А. В. Новая Большая игра как неоколониальный дискурс // Дискурс-Пи, 2019. №3(36). С.10-25.
3. Арешев А. «Шторм над Каспием» – уже над Ереваном. – URL: https://ruskline.ru/opp/2023/09/23/nagornyi_karabah_voennaya_operaciya_bak

- u byla podderzhana turciei i nikolom pashinyanom(23.09.2023).https://ruskline.ru/opp/2023/09/23/nagornyi_karabah_voennaya_operaciya_baku_byla_podderzhana_turciei_i_nikolom_pashinyanom(дата обращения:11.03. 2023).
4. Дугин А. «Большая геополитическая игра» на Украине. – URL: <http://новости-украины.ru-an.info/новости/война-на-украине-часть-большой-геополитической-игры/>(дата обращения: 11.03.2023).
 5. Гулевич В. Геополитическая судьба Украины – URL: https://odnarodyna.org/article/geopoliticheskaya-sudba-ukrainy?utm_source=politobzor.net (дата обращения:30.03.2023).
 6. Третья мировая война между Россией и западным миром уже началась – URL: https://topcor.ru/24891-tretja-mirovaja-vojna-mezhdu-rossiej-i-zapadnym-mirom-uzhe-nachalas.html?utm_source=politobzor.net(дата обращения:05.04.2023).
 7. Ананьев А. Геополитические игры на Южном Кавказе после падения Карабаха. – URL: https://dzen.ru/a/ZSOo1goE37_uqoG?referrer_clid=1400&(дата обращения:09.10.2023).
 8. Пшеничников И. Война за Армению началась: Десант США уже в Ереване. – URL: <https://dzen.ru/a/ZRKxUkbf5DvzFCLQ>(дата обращения:26.09.2023).
 9. Прохватиллов В. Дипломатический «Шалтай-Болтай» Пашиняна и его последствия для Армении.– URL:<https://dzen.ru/a/ZQSDyWRLl2IY04WB> (дата: обращения:15.09.2023).
 10. Арешев А., Балиев А. «Шторм над Каспием» США, Азербайджана и Турции: всё ближе к Армении. – URL: <https://nashaarmenia.info/2020/07/28/шторм-над-каспием-сша-азербайджана/> (дата обращения:01.10.2023).
 11. Давтян В. Сегодня сдали Арцах, завтра взорвется Северный Кавказ. – URL: <https://www.golosarmenii.am/article/191086/segodnya-sdali-arcah—zavtra-vzorvetsya-severnyj-kavkaz>(22.09.2023).
 12. Жителей Дагестана заводят хитрой манипуляцией после бунта. – URL: <https://dzen.ru/a/ZUZVtuh8kibcsm4t>(дата обращения:14.03.2023).
 13. Гасымов Н., Романов Р. В Нью-Йорке впервые прошел саммит лидеров стран Центральной Азии и США. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/09/21/996235-v-nyu-i-orke-vpervie-proshel-sammit-tsentralnoi-azii-i-ssha> (дата обращения:14.03.2023).
 14. Лавров С.В. Англосаксы толкают Ближний Восток к большой войне.– URL: https://ria.ru/20231106/lavrov1907699712.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения:14.03.2023).
 15. Партия капитулянтов в России не имеет перспектив. – URL: https://www.worldandwe.com/ru/page/partiya_kapitulyantov_v_rossii_ne_imeet_perspektiv.html?utm_source=politobzor.net(дата обращения:01.04.2023).
 16. Русов С. Третья мировая война началась. – URL: <https://topwar.ru/193400-tretja-mirovaja-vojna-nachalas.html>(дата обращения:14.03.2023).

АДАПТИВНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Оботнина А.А.

*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,
аспирант*

E-mail: anjes16@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена сущность адаптивного управления как управленческого подхода, который позволит минимизировать влияние факторов неопределенности и обеспечить жизнестойкость организационной структуры в различных средовых условиях. Установлено, что важными компонентами адаптивного управления является развитая аналитическая функция, гибкое планирование и обучаемость. Кроме того, при реализации адаптивного подхода важно обеспечить оперативность принятия управленческих решений, открытость и мотивированность персонала к модификации утвержденного плана в процессе его исполнения с учетом актуальных аналитических данных о внутренней и внешней среде, последующий комплексный анализ обратной связи по результатам реализации плана и фиксирования эффективных управленческих действий, что формирует основу совершенствования системы и улучшает долгосрочные результаты управления организацией в различных структурных и параметрических условиях функционирования.

Ключевые слова: адаптация, адаптивные системы, адаптивное управление, адаптивный менеджмент, маркетинг, нестабильность.

AADAPTATION AS A STRATEGIC PROPERTY OF A MANAGEMENT SYSTEM DURING OF INSTABILITY PERIODS

Obotnina A.A.

*Plekhanov Russian University of Economics,
PHD student*

E-mail: anjes16@mail.ru

Abstract. The article researches of adaptive management essence as a management approach that will minimize the uncertainty factors impact and provide the organizational structure stability under different conditions. Determined that important components of adaptive management are advanced analytical function, flexible planning and learning ability. During the implementation of adaptive strategy, it is important to ensure efficiency

in making management decisions, openness and motivation of personnel to modification of the approved plan during its execution, which will take into account internal and external environment factors, comprehensive analysis of feedback of the implementation plan results. This approach forms the basis for improving the system and improves long-term organizational management results in various structural and parametric operating conditions.

Keywords: *adaptation, adaptive systems, adaptive management, adaptive strategy, marketing, instability.*

Современные условия общей макроэкономической нестабильности требуют от руководителей различных организационных структур выработки наиболее эффективного подхода в стратегическом и тактическом управлении. Актуальная значимость данной задачи обусловлена повышением в кризисных условиях важности стабильного рыночного функционирования организаций различных сфер и отраслей деятельности.

К числу факторов неопределенности, которые требуют адаптивного подхода в управлении следует отнести отсутствие релевантных и полных изначальных сведений об экономической, политической, международной, социальной среде функционирования в прогнозном периоде. Начальная неопределенность как невозможность достоверно спрогнозировать внешние факторы определяет ограниченность в выработке краткосрочных и среднесрочных управленческих решений, а также стратегических планов. Следовательно, параметры управляющих воздействий на объект управления должны вырабатываться в процессе управления, приспособляясь или адаптируясь к средовым факторам.

В период экономической нестабильности важный антикризисный функционал в обеспечении конкурентоспособности и рыночной эффективности организаций принимает на себя маркетинг. Перечень таких антикризисных функций современного маркетингового подразделения (департамента, дирекции, отдела или службы) формируют:

1) Непрерывное аналитическое сопровождение руководства в ходе принятия и реализации управленческих решений.

2) Гибкое реагирование на изменения в рыночной среде путем выработки своевременных и целесообразных маркетинговых планов и действий, основанных на релевантной и актуальной информации о рынке и целевой аудитории.

3) Поддержание имиджа организации как надежного, устойчивого и ответственного рыночного субъекта.

Наиболее эффективное выполнение такого функционала способен обеспечить адаптивный подход в управлении (адаптивное управление). Адаптивность является динамическим свойством открытых организационных систем, которое позволяет им приспосабливаться к нестабильным и априорно неопределенным условиям функционирования. Такое свойство обеспечивает выживаемость и эволюционизм в развитии организаций.

Концепция адаптивного управления активно разрабатывалась исследователями, которые представляли такие науки, как биология, математика, авиация, кибернетика, информатика, системология, менеджмент и ряд других. Существует достаточно большое количество междисциплинарных научно-исследовательских подходов к определению сущности «адаптивного управления», наиболее интересные из которых с точки зрения комплексности отражения дефиниции представлены в таблице ниже.

Автор	Подход к определению «адаптивное управление»
Срагович В.Г., 1981	«алгоритм адаптивного управления опирается на информацию о состояниях управляемого процесса, поступающего по каналам обратной связи, и обеспечивает достижение заданной цели любым объектом класса, несмотря на то, что остается неизвестно, каков в точности объект – элемент этого класса»; «адаптивным управлением называется обучаемая система, которая всякий объект приводит к цели управления» [1, с. 11, 42]
Кобелев Н.Б., 2003	«управление с обратной связью и отличается наличием специального адаптивного (приспособительного) механизма, накапливающего и анализирующего информацию о прошлых управленческих ситуациях, вырабатывающего новое поведение на основе прошлого опыта в соответствии с заложенными целями и критериями» [2, с. 33]
Тихомирова О.Г., 2012	«форма и методы управления предпринимательскими структурами, предполагающие возможность и способность системы управления изменять параметры и структуру регулятора и управляющей подсистемы

	в целом в зависимости от изменения внутренних параметров объекта управления или внешней среды (возмущений), а также от изменений стратегических целей» [3, с. 497]
Бушмелева Г.В., 2012	«вид хозяйственного управления по обеспечению конкурентоспособности промышленных предприятий в системе стратегического развития, позволяющее сводить к минимуму действие возмущающих факторов на ресурсы» [4, с. 10]
Андриевский Б.Р., 2016	«основано на идее модификации алгоритма управления в реальном масштабе времени в случае, когда параметры, определяющие динамику объекта, известны лишь частично или изменяются во времени» [5, с. 62]
Трунов М.С., 2019	«совокупность управленческих воздействий, связанных с корректировкой параметров системы, ее структуры, границ и целей развития, обеспечивающих поддержание оптимальной траектории развития системы и непрерывности ее воспроизводства в условиях нестабильной среды функционирования» [6, с.132]

Проведенный анализ выборки дефиниций «адаптивного управления» позволил определить следующие существенные компоненты данного понятия: «обучаемая система» (Срагович В.Г.), «управление с обратной связью» и «специальным адаптивным механизмом» (Кобелев Н.Б.), «форма и методы управления» (Тихомирова О.Г.), позволяет «сводить к минимуму действие возмущающих факторов на ресурсы» (Бушмелева Г.В.), основано «на идее модификации алгоритма управления в реальном масштабе времени» (Андриевский Б.Р., Поляхов Н.Д.), обеспечивает «поддержание оптимальной траектории развития системы и непрерывности ее воспроизводства (Трунов М.С.).

Стратегические преимущества, которые организация получает при внедрении адаптивного управления:

- жизнеспособность и конкурентоспособность в условиях нестабильной среды;
- организационная и управленческая гибкость;
- непрерывная обучаемость.

Механизм реализации адаптивного управления можно представить в виде следующих этапов, каждый из которых

настраивается под особенности и специфику конкретной организационной структуры:

1. Качественный и количественный анализ актуальных средовых факторов.
2. Построение прогнозных и альтернативных им моделей на основании выявленных факторов угроз и неопределенностей как во внешней, так и внутренней организационной среде.
3. Верификация текущих адаптивных возможностей и направлений управления.
4. Определение целей, критериев и ресурсов управления на плановый временной промежуток.
5. Реализация плана управления.
6. Промежуточный анализ результатов и их сверка с текущими аналитическими данными о внешней и внутренней среде; при необходимости внесение корректировочных правок в плановые задачи.
7. Обработка итоговой обратной связи и оценка эффективности реализованного подхода в управлении.
8. Архивирование наиболее успешных тактик и стратегий.
9. Интервальное повторение описанного цикла управленческих действий в целях системного снижения влияния неопределенности и повышения эффективности организационной системы.

Адаптивный подход в управлении основывается на первоначальном продумывании базового и альтернативного плана действий, который будет максимально соответствовать средовым условиям. Данный и последующий этап реализуется на базе максимально полных и актуальных аналитических данных о рыночной среде. Далее осуществляется выполнение принятого плана с параллельным отслеживанием промежуточных результатов и их сопоставления с плановыми. При реализации адаптивного управления важно обращать внимание на скорость принятия решений, гибкость в процессе реализации утвержденных планов, мотивацию персонала к открытости новым навыкам и активному внутреннему взаимодействию, развитие системной аналитической работы, в том числе в рамках анализа полученных результатов и понимания, какие из них работают, а какие и по каким причинам оказались недостаточно эффективными.

Формируемая в процессе адаптивного управления база данных управленческих решений, в свою очередь, позволит постепенно настроить наиболее эффективный подход в управлении, который будет

обладать управленческой маневренностью и быстротой управленческих реакций на новые «возмущения» во внешней и внутренней среде, что создаст прочный фундамент долгосрочной устойчивости организационной структуры.

Таким образом, адаптивное управление можно охарактеризовать как наиболее эффективный подход в управлении организационными структурами в период нестабильности, реализуемое таким образом, чтобы снизить факторы неопределенности и обеспечить эволюционное развитие и долгосрочную конкурентоспособность организации при различных средовых условиях.

Список литературы

1. Срагович В.Г. Адаптивное управление. М.: Наука, 1981. 384 с.
2. Кобелев Н.Б. Основы имитационного моделирования сложных экономических систем: учебное пособие. М.: Дело, 2003. 336 с.
3. Тихомирова О.Г. Адаптивное управление предпринимательскими структурами как открытыми динамическими системами // *Фундаментальные исследования. Экономические науки*. 2012. №9. С. 495-499.
4. Бушмелева Г.В. Ресурсно-факторное адаптивное управление промышленными предприятиями в конкурентной среде. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Ижевск, 2012. 48 с.
5. Андриевский Б.Р., Поляхов Н.Д., Путов В.В., Шелудько В.Н. Адаптивное управление роботизированными подвижными объектами // *Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*. 2016. №5. С. 61-77.
6. Трунов М.С., Улезько А.В., Савченко Т.В. Адаптивное управление: сущность и механизмы реализации // *Вестник Воронежского государственного аграрного университета*. 2019. № 4 (63). С. 132-137.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕНОМЕНА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ «РУБЕЖНОСТИ» УКРАИНЫ

Пашковский П. И.

Доктор политических наук,

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
доцент кафедры политических наук и международных отношений*

E-mail: petr.pash@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема феномена геополитической «рубежности» как фактора позиционирования Украины в международных отношениях в рамках украинского научного дискурса начала XXI в. Показано, что Украина является средней*

региональной державой, которая характеризуется «рубежным» геополитическим положением. На современной украинской территории пересекаются евроатлантический, евразийский, исламский массив и, соответственно, «суперэтнические рубежи» западноевропейской, славянской и исламской цивилизаций. Охарактеризованы концепции генезиса мировоззренческих и социокультурных различий внутри украинского общества в региональном измерении. Обосновано, что внешнеполитическая ориентация Украины всегда выступала производной взаимодействия евроатлантической, евразийской и черноморской (юго-восточной) парадигм, что обуславливает необходимость придерживаться «ориентационного приоритета» в международно-политическом позиционировании. Отсюда следует, что украинскому государству целесообразно руководствоваться внеблоковой стратегией. По мнению украинских исследователей, вступление Украины в союзнические отношения с одним из конкурирующих полюсов может привести к стратегическому конфликту с другим центром силы и негативным для украинской государственности последствиям. Чтобы этого не произошло, Украине рекомендовалось проводить внешнюю политику на основе нейтрального статуса и принципов «оптимальной многовекторности».

Ключевые слова: Украина, Россия, США, ЕС, геополитическая «рубежность», международные отношения.

ORIGIN AND CHARACTERISTICS OF THE PHENOMENON OF GEOPOLITICAL «BORDERLINESS» OF UKRAINE

Pashkovsky P. I.

Doctor in Political Science,

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

Associate Professor of the Department

of Political Science and International Relations

E-mail: petr.pash@yandex.ru

Abstract. *The article considers the problem of the phenomenon of geopolitical «borderliness» as a factor in the positioning of Ukraine in international relations within the Ukrainian scientific discourse of the early XXI century. It is shown that Ukraine is an average regional power, which is characterized by a «borderliness» geopolitical position. On the modern Ukrainian territory, the Euro-Atlantic, Eurasian, Islamic massif and, accordingly, the «super-ethnic frontiers» of the Western European, Slavic*

and Islamic civilizations intersect. Concepts of the genesis of ideological and sociocultural differences within Ukrainian society in the regional dimension have been characterized. It is substantiated that the foreign policy orientation of Ukraine has always been a derivative of the interaction of the Euro-Atlantic, Eurasian and Black Sea (South-Eastern) paradigms, which necessitates adherence to the «orientation priority» in international political positioning. It follows from this that it is expedient for the Ukrainian state to be guided by a non-bloc strategy.

Keywords: *Ukraine, Russia, USA, EU, geopolitical «borderliness», international relations.*

В условиях острой фазы конфронтации России и коллективного Запада особую значимость приобретает изучение её причин, факторов и сценариев урегулирования. На этом фоне системообразующей проблемой в контексте обеспечения безопасности национальной безопасности представляется выявление специфики геополитического положения Украины, учитывая состояние её социокультурной среды и внешнеполитических ориентаций населения [1–6]. Данные аспекты нашли отражение в трудах ряда украинских исследователей, опубликованных в начале XXI в. (до событий конца 2013 – начала 2014 гг.), которые, отличаясь обстоятельностью и прагматизмом, к сожалению, не нашли практического применения.

Понятие геополитической «рубежности» в украинском научном дискурсе указанного периода определялось в качестве ситуации пересечения (наложения друг на друга) в границах определённой территории крупных геополитических массивов и «суперэтнических рубежей», производной которой становилась культурная, ментальная и мировоззренческая гетерогенность местного социума [7]. В этом отношении Украина сформировалась как средняя региональная держава, геополитическое положение которой характеризуется «рубежностью» в плане расположения на пересечении евроатлантического, евразийского и исламского массивов, а также соответствующих «суперэтнических рубежей» западноевропейской, славянской и исламской цивилизаций [8; 9].

Согласно одной точки зрения, современные культурные и мировоззренческие различия между населением западных и восточных регионов Украины являются производной раздела этой территории между Россией и Польшей в период «Руины» (1657–1687 гг.), вследствие чего произошло историческое размежевание на Левобережную и Правобережную Украину [7]. Другое, как представляется, более аргументированное, мнение основывается на

ретроспективном анализе, заключаая, что разделительные линии сформировались в X–XV вв. и проходят не между Западом и Востоком страны, а между территориями, где местное население и их потомки жили в составах разных государственных образований и землями, колонизированными в рамках Российской империи и СССР, главным образом в последние 300 лет [10].

Исторический опыт показывает, что внешнеполитическая ориентация украинского государства всегда выступала производной взаимодействия трёх парадигм: евроатлантической, евразийской и черноморской (юго-восточной). Характеризуясь как угрозами, так и возможностями, ни одна из них не была доминирующей [8]. Этот фактор, ставший следствием геополитической и социокультурной «рубежности», обуславливает необходимость придерживаться «ориентационного приоритета», определяющего три возможных варианта международно-политического позиционирования Украины: нейтральный и внеблоковый статус; европейский и евроатлантический вектор; евразийский вектор [11].

В этом отношении Украине, как среднему региональному государству, характеризующемуся геополитической и социокультурной «рубежностью», жизненно важно учитывать возможности и намерения «больших акторов» (Российской Федерации, США и ЕС) [12], реализовывая внеблоковую стратегию. Вступление украинского государства в союзнические отношения с одним из конкурирующих полюсов, считали украинские авторы, вероятно, приведёт к стратегическому конфликту с другим центром силы, превращению украинской территории в арену столкновения геополитических соперников и дальнейшим негативным последствиям вплоть до исчезновения украинской государственности. Избежать этого, по мнению украинских исследователей, можно было в случае осуществления Украиной внешней политики, руководствуясь нейтральным статусом и принципами «оптимальной многовекторности» [13].

Обозначенные выводы подтвердились социологическими исследованиями: геополитическая и социокультурная «рубежность» Украины обуславливала «расколотость» украинского общества в контексте внешнеполитических ориентаций в региональном измерении [14]. В частности, проводимые разными украинскими научными центрами мониторинги на протяжении нескольких десятилетий (до событий конца 2013 – начала 2014 гг.) традиционно показывали, что евроинтеграционных устремлений придерживается большинство жителей западных и около половины – центральных областей Украины.

В свою очередь, наибольшее число приверженцев интенсификации взаимодействия с Россией и евразийского вектора интеграции населяло украинский Юг (большинство), Восток (большинство) и отчасти Центр (примерно половина) [10; 15; 16]. Единственным направлением международно-политического позиционирования, способствующим консенсусу внутри общества Украины, по данным украинских социологов, было достижение согласия через компромисс [17], что могло состояться только вне каких-либо внешних союзов, подтверждая вывод о целесообразности нейтрального статуса и политики «оптимальной многовекторности».

Очевидно, что реализация рассмотренных рекомендаций позволила бы предотвратить последующие трагические события, однако украинское руководство, во многом вследствие западного влияния, выбрало иной путь. Вместе с тем, обозначенные идеи и выводы интересны не только в плане ретроспективного анализа и теоретических изысканий, но и, как представляется, могут быть полезны в стратегической перспективе: в процессе обустройства украинских территорий в рамках урегулирования конфликта и после его завершения.

Список литературы

1. Братчик А. С., Курылев К. П. Процесс формирования антироссийской политики на Украине: история и современность // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 5. С. 450–463.
2. Жильцов С. С. Политика Запада в отношении Украины: итоги и вызовы для России // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9. № 2. С. 138–150.
3. Иванов И. С. Украинский кризис через призму международных отношений. Москва: НИ РСМД, 2015. 208 с.
4. Пашковский П. И. Генезис и специфика общественных противоречий в контексте проблемы внешнеполитического позиционирования Украины // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4. № 3. С. 137–146.
5. Пашковский П. И. Геополитическая «рубужность» как фактор позиционирования Украины в международных отношениях: опыт украинского дискурса начала XXI века // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10. № 2. С. 173–184.
6. Пашковский П. И. «Конфликт поколений» в контексте внешнеполитического выбора Украины как проявление личностной депривации // Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты: Коллективная монография. Отв. ред. В. М. Мелихов, О. Н. Макаренко, Г. Г. Егоров. Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2014. Т. 2. С. 364–372.

7. Дергачев В. А. Геополитический словарь-справочник. Киев: КНТ, 2009. 592 с.
8. Кульчицкий С. В., Парахонський Б. О. Новітній український державотворчий процес. Київ: Наукова думка, 2004. 504 с.
9. Никифоров А. Р. Культурно-исторический анализ украинского политического пространства // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2012. Т. 24. № 4. С. 244–253.
10. Геополитические ориентации населения и безопасность Украины. По данным социологов. А. А. Беленок, А. И. Вишняк, А. А. Зоткин [и др.]. Сост. Н. А. Шульга. Киев: Бізнесполіграф, 2009. 88 с.
11. Кудряченко А. І. Зовнішньополітичні виклики сучасної України. Стратегічні пріоритети. 2007. Т. 4. № 5. С. 172–177.
12. Камінський Є. Є. Світ переможців і переможених. Міжнародні відносини і українська перспектива на початку ХХІ століття. Київ: Центр вільної преси; 2008. 336 с.
13. Шергин С. А. Геополитическая идентичность и геополитические интересы Украины на современном этапе глобализации и модернизации // «Ялтинская система» и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности. Материалы международной научной конференции (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей, 17–21 февраля 2010 г.). Сб. науч. ст. / Под. ред. С. В. Юрченко. Симферополь: АнтикВА, 2010. С. 84–99.
14. Юрченко С. В. Украина: проблема выбора внешнеполитической концепции // Причерноморье. История, политика, культура / Под общ. ред. В. И. Кузищина. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2010. Вып. IV. Серия В. Международные отношения. С. 21–26.
15. Арсенко А., Суїменко Є. Зовнішньополітичні орієнтації населення України // Українське суспільство 1992—2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. В. Ворони, М. Шульги. Київ: Інститут соціології НАН України, 2013. С. 141–154.
16. Україна: час вибору. Київ: Центр Разумкова, Центр НОМОС, Центр політико-правових реформ, 2013. 40 с.
17. Кононов И. Проблема национальной безопасности Украины и внешнеполитический выбор украинских элит // Международный круглый стол «Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины»: Сб. материалов / Под. ред. А. Мальгина. Симферополь: СОНАТ, 2008. С.130–137.

ФОРМА ПРАВА И ЕЁ РОЛЬ В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСКАЖЕНИЯХ

Предеина М. Ю.

Кандидат философских наук

E-mail: m.y.predeina@gmail.com

Аннотация. Мы чувствуем себя обманутыми «международным правом». Это хорошо, и должно быть продолжено теоретической критикой права. – Право есть выражение частного интереса в абстрактно-всеобщей форме. Форма скрывает действительную частную подоплёку и представляет преступление против права как преступление против всех. Суть дела – в частном интересе, который скрыт в праве. – Если частный интерес не противоречит всеобщему и выражает его, он может выступить открыто, в конкретно-всеобщей форме. (Как большевики, бравировавшие рабочим характером права и государства.) Поэтому предметом критики данной статьи является определённое право – право в его абстрактной форме. Как следует из изложенного, критика формы права дана с учётом идей Гегеля и Маркса, как в части недостаточности абстрактного мышления, так и в части выявления роли форм в искажениях общественной практики и познания. – Критика дана преимущественно на историческом материале.

Ключевые слова: право, теория права, идеология, абстракция права, форма, права человека.

FORM OF LAW AND ITS ROLE IN IDEOLOGICAL DISTORTIONS

Predeina M. Yu.

Candidate of Philosophical Sciences

E-mail: m.y.predeina@gmail.com

Abstract. We feel cheated by "international law". This is good, and should be continued by a theoretical critique of law. – Law is an expression of private interest in an abstract, universal form. The form hides the real private background and presents the crime against the law as a crime against everyone. The essence of the matter is in private interest, which is hidden in law. – If a particular interest does not contradict the general and expresses it, it can act openly, in a concrete-general form. (Like the Bolsheviks, who flaunted the working character of law and the state.) Therefore, the subject

of criticism of this article is a certain right – the right in its abstract form. As follows from the above, the criticism of the form of law is given taking into account the ideas of Hegel and Marx, both in terms of the insufficiency of abstract thinking, and in terms of identifying the role of forms in the distortions of social practice and cognition. – Criticism is given mainly on historical material.

Keywords: *law, theory of law, ideology, law as an abstraction, form, human rights*

Народное сознание отличает трезвый (циничный) взгляд на право: «С сильным – не дерись, с богатым – не судись», «Закон, как дышло, – куда повернул, туда и вышло». Теоретическое (вернее, идеологическое) сознание, напротив, занимает в отношении права позицию убеждённого идеализма. Конечно, бывают диссиденты: «Справедливость (читай: закон – М. П.) – это то, что пригодно сильнейшему» (Фрасимах) [1, с. 46]; «... право есть лишь возведённая в закон воля вашего (правящего – М. П.) класса» (К. Маркс и Ф. Энгельс) [2, с. 443]. В этих определениях теория в лице своих диссидентов не говорит ничего такого, чего не знал бы народ; новшество в том, что говорит – *теория*. Протестант из народа – преступник, и он будет призван к порядку, пусть и путём усекновения головы. Протестант от теории, хоть протест против абстракции права не есть отрицание права, призывает к порядку данную систему права, ставит её на место в истории права, общества. Пока данная система права не опровергнута *теоретически*, т. е. пока не вскрыта ограниченность её конкретными историческими условиями, она в безопасности, и может носить маску непреходящей, или: абсолютной, справедливости.

Абстракция права обманывает теоретиков права и защищает *господствующую* систему права.

Данная статья рассмотрит примеры теоретической критики абстракции права и некоторые исторические казусы, проистекающие из попыток честного сознания идти путём абстракций.

Гегель и форма. Именно Гегель начинает поход против абстрактного мышления в небольшой и полемически заострённой статье «Кто мыслит абстрактно?» (1807, опуб. 1835) [3]. Гегель – большой охотник до шуток, особенно правовых, его не устраивают абстракции «убийца» или «преступление», поскольку они не приближают, а отдаляют нас от познания соответствующих феноменов. Абстракция – это лень или ошибка мышления, ошибка от лени. Однако абстракция должна иметь объективные основания. – «Но нравственное сознание – полнее, его вина – чище, когда оно *заранее знает* закон и

силу, против которой оно выступает, считая её насилием и несправедливостью, нравственной случайностью, и, как Антигона, совершает преступление сознательно» [4, с. 266]. Это – одна из правовых провокаций Гегеля: оправдание преступления из «Феноменологии духа» (1807). Антигона должна выбирать между двумя логиками, человеческой и божественной. Человеческая логика, по существу, есть нравственная случайность, произвол царя Креонта, но она имеет *форму закона*. Божественная логика есть нравственная необходимость, но подчинение ей имеет форму преступления. Это ещё одна любимая мысль Гегеля: *являющийся мир есть являющийся мир наизнанку*. То, что есть преступление, является в форме закона, а то, что есть закон, – в форме преступления. А то, что мир является вывернутым наизнанку, проистекает из *формы его явления*, формы права.

Форма права ответственна за искажение познания.

Если мы определим поступок Антигоны как преступление, мы решительно ничего не узнаем о её поступке.

То, что произвол Креонта закреплён в форме права, делает поступок Антигоны преступлением. Однако произвол Креонта не есть произвол с *определённой* точки зрения: запрещая придать земле тело бунтовщика против царской власти, он нарушает закон богов, но укрепляет царский престол. *Форма права действительно производит правовую и нравственную коллизию.*

Право больше не совпадает со справедливостью. Хотя всё то, что было сказано о праве, может быть сказано о справедливости. *Практическим следствием* произведённой критики является невозможность наивного оправдания поступка через его соответствие праву, приходится выбирать между требованиями права и требованиями уже, конечно, не божественного, а разума или логики истории.

Маркс и права человека. Исторически королевское право было нарушено ради прав человека. Не вступаясь ни в коей мере за королевское право, «молодой» Маркс показывает («К еврейскому вопросу», 1844 [5]), что права человека, понимаемые уже просветителями как естественные, суть есть права *эгоистического* человека, члена гражданского (буржуазного) общества. Естественное право просветителей есть *теоретическое* основание критики (и упразднения) королевского права, но данное *абстрактно*, вне понимания собственных конкретных исторических условий, вне понимания того, *чьи интересы* оно выражает.

Права человека суть права буржуа.

Выражение прав буржуа в *абстрактно-всеобщей форме* прав человека повлекло за собой любопытные правовые и политические коллизии. – *Между буржуа и санкюлотом*. Абстрактно буржуа и санкюлот равно люди и равно обладают правами человека, конкретно осуществление права одного делает невозможным осуществление права другого. 21-го сентября 1792-го (на другой день после открытия Конвента) по предложению Дантона был вотирован закон о защите частной собственности: «*Отречёмся здесь от всяких преувеличений, – говорил Дантон, – объявим, что всякая земельная, личная и промышленная собственность будет всегда поддержана*» [6, с. 330]. А 18-го апреля 1793-го члены Парижской коммуны приходят к решётке Конвента с петицией, в которой среди прочего сказано: «*Пусть нам не возражают ссылкой на право собственности. Право собственности не может быть правом доводить до голода своих сограждан. Плоды земли, так же как и воздух, принадлежат всем людям*» [6, с. 527]. {Идёт борьба за максимум цен.} Коммунары, конечно, обнаруживают «непостижимый» нигилизм в отношении права собственности, но *правовым* основанием их нигилизма является утверждение Декларации прав человека и гражданина: «*Свобода есть право делать всё то, что не вредит другому*» [цит. по 5, с. 400]. Там, где право собственности буржуа вредит санкюлоту, оно перестаёт действовать. (Но тогда оно *не может* действовать!) С другой стороны, там, где право санкюлота быть сытым вредит буржуа, оно тоже перестаёт действовать!

Чьё право должно быть действительным?

Ханна Арендт, сравнивая Французскую и Американскую революции («О революции», 1963 [7]), обвиняет французов в том, что они *превращают права человека в права санкюлота*. Не обнаруживает ли она тем самым, что *непревращённые права человека есть права буржуа*? Естественно, что именно нарушение прав буржуа превращается тут в нарушение прав человека {изящно!} и клеймится как «тоталитаризм».

Абстрактно-всеобщая форма прав человека позволяет скрыть действительную политическую борьбу общественных сил за ними стоящую.

Робеспьер и абстракция. Увы, и для честного сознания! Историки обыкновенно умалчивают, что максимум цен был введён *на все товары, включая труд*. {Я нашла обстоятельный рассказ об этом лишь у Е. В. Тарле «Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции», 1919 [8].} Робеспьер, очевидно, исходит тут из *абстракции права*, требующей не допускать изъятий ни для одной категории товаровладельцев, *все товаровладельцы равны перед*

законом максимума цен, он не знает и не хочет знать об их действительных общественных (классовых) различиях. Для него абстракция гражданин, в которой угасают все частные различия, является действительностью; в её недействительности ему ещё придётся убедиться.

Абстракция может служить руководством к действию, но действие в этом случае обыкновенно не достигает желаемой цели.

{Термидор у Робеспьера.}

Момент истины, или: Выводы. Джорджо Агамбен («Номо sacer. Чрезвычайное положение», 2003 [9]) разбирает случай убийства Тиберия Гракха, неквалифицированного как «убийство» благодаря приостановке права, «чрезвычайному положению». Оно не было сокрыто, но в момент убийства права не было, и потому не было и убийства (как нарушения права). Агамбен, кажется, верит, что «чрезвычайное положение» есть антитеза «нормальному». – Однако, что было целью убийства Тиберия Гракха? Защита крупной земельной собственности, которой угрожало законодательство Тиберия Гракха. (Тиберий Гракх, очевидно, как и Робеспьер, верил в абстракцию права и государства.) Почему до того не было «ЧП»? Потому, что крупной земельной собственности законодательство не угрожало. – Земельная собственность защищается либо законодательством, либо приостановкой законодательства. Не суть важно.

«Ради нашей демократии можно принести любую жертву, – цитирует Агамбен американца Росситера, – тем более временно пожертвовать самой демократией» [цит. по 9, с. 20]. Абсурд! Чтобы ты жил долго и счастливо, я тебя убью. Но только если мы допускаем, что чья-то жизнь или «наша демократия» действительно является нашей целью. Но что, если «наша демократия» никогда не была нашей целью? Что, если «наша демократия» была лишь политическим (и правовым) прикрытием для достижения нашей подлинной цели, беспрепятственного осуществления наших буржуазных прав? «ЧП» или «наша демократия» – два средства для одной цели.

Приостановка права есть момент истины, раскрывающий то, что обычно скрывает право.

{И правы, похоже, диссиденты от теории права}.

Абстракция права нужна тому, кто может достичь своего интереса только сокрыв его.

Список литературы

1. Платон. Государство. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 4. С. 419-459.

3. Гегель Г. В. Ф. Кто мыслит абстрактно? // Г. В. Ф. Гегель. Работы разных лет: в 2-х тт. М.: Мысль, 1970. Т. 1. С. 388-394.
4. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Академический проект, 2016. 494 с.
5. Маркс К. К еврейскому вопросу // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 382-413.
6. Олар А. Политическая история Французской революции. М.: Соцэкгиз, 1938. 979 с.
7. Арентс Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
8. Тарле Е. В. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции. Петроград: Книгоиздательство В. С. Клестова, 1919. 127 с.
9. Агамбен Дж. Номо сасег. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.

СОБЫТИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ: ПО МОТИВАМ ФИЛОСОФИИ АЛЕНА БАДЬЮ

Преденна М. Ю.

кандидат философских наук

E-mail: m.y.predeina@gmail.com

***Аннотация.** Марксизм (и марксисты) в паузе исторического действия, когда всё уже закончилось – и ещё ничего не началось. Опыт Алена Бадью: быть верным Событию. Так можно было бы озаглавить эту статью, иди речь о длительном и длящемся исследовании и Бадью как примере мышления в исторической паузе. – Алел Бадью не одинок, он представитель того поколения левой французской интеллигенции, для которого Май 68-го стал Событием – а наступившие тридцать-сорок лет безвременья стало (куда деваться?) временем, когда нужно было работать и мыслить. Алел Бадью – или, допустим, Жан-Люк Годар – люди, сохранившие верность Событию, несмотря на безвременье. – Но, разумеется, их исторический момент не мог не наложить отпечаток на их мышление. Цель этой статьи – не критика и не апологетика Алел Бадью, а изучение особенностей его исторического (=политического) мышления в связи с теми условиями, в которых Бадью и др. должны были мыслить. Поскольку условия эти не являются исключительно французскими, представляется, что статья эта может быть полезна и для уяснения особенностей мышления нас самих.*

***Ключевые слова:** марксизм, Алел Бадью, событие, историческое время, межвременье (междувременье), логика истории, вымысел*

EVENT AND HISTORICAL TIME: BASED ON THE PHILOSOPHY OF ALAIN BADIOU

Predeina M. Yu.

Candidate of Philosophical Sciences

E-mail: m.y.predeina@gmail.com

Abstract. *Marxism (and Marxists) is in a pause of historical action, when everything has already ended – and nothing has yet begun. Alain Badiou's experience: being faithful to the Event. This could be the title of this article, if we were talking about a long and ongoing study and Badiou as an example of thinking in a historical pause. – Alain Badiou is not alone, he is a representative of that generation of left-wing French intelligentsia for whom May '68 became an Event – and the thirty to forty years of timelessness that followed became a time when it was necessary to work and think. Alain Badiou – and Jean-Luc Godard always comes to mind – people who remained faithful to the Event, despite timelessness. – But, of course, their historical moment could not help but leave an imprint on their thinking. The purpose of this article is not criticism or apologetics of Alain Badiou, but to study the features of his historical (=political) thinking in connection with the conditions in which Badiou and others had to think. Since these conditions are not exclusively French, it seems that this article can also be useful for understanding the peculiarities of our own thinking.*

Keywords: *Marxism, Alain Badiou, event, historical time, timelessness, logic of history, fiction*

Если будет позволено пошутить, философия – это двуликий Янус, одно лицо – Гегеля, другое – Бадью.

Бадью и межвремя (междувремя, безвремя). Прежде всего, из какого момента (исторического времени) пишет Бадью? – Из момента паузы между историческими событиями (или: *Событиями*), когда всё уже закончилось – и ещё ничего не началось. Обычное время для философии. – Философия пишет себя в потёмках. – Сова Минервы Гегеля или *Дозорный на крыше в ночи* Алена Бадью. Пора объяснить шутку.

Сова Минервы Гегеля вылетает ночью – и познаёт ночь как разумную и неизбежную, как ту, что отныне и навсегда (пожалуй что) сменила день угасшего события (или: *События*, если по духу Бадью). «*Познать разум как розу на кресте современности*» [1, с. 55]. Пишет Гегель. Станный (болезненный), но знакомый Гегелю образ. Гегелевское *Aufheben*, унизить – и возвысить, положить конец – и

удержать. Ночь *после события* удерживает событие и не равна ночи *до*. Она *удерживает* событие – и *кладёт конец* ему. В ней есть разум – но *разум ночи*. – Лицо Гегеля (*как лицо Януса*) обращено вслед растворяющемуся в ночной тьме событию. (На запад – куда ушло солнце.)

Другое дело – *Дозорный* Бадью, он высматривает в ночи проблески грядущих событий. «Однако философ, – пишет Бадью, – который не может смириться с тем, чтобы его собственное ночное положение было следствием ночи конкретных истин, пытается разглядеть вдалеке, на горизонте, проблески предвестий» [3, с. 28]. Лицо Бадью (*как лицо Януса*) обращено на восток – *навстречу Событию-Солнцу*.

«О, если б моему труду бессонному

Благой конец пришёл. Блесни же, зарево!» [3, с. 29].

Говорит, как Дозорный Эхсила («Агамемнон»; пер. С. Апта), Ален Бадью.

(Правда, дозорный Эхсила ждёт не солнца – а *пламени костра*, извещающего: пал Илион.)

Событие и историческое время. Однако, что Сова Гегеля, что Дозорный Бадью обретаются в потёмках. *Уже* в потёмках – или *ещё* в потёмках. Но (*пока*) в потёмках. – А в потёмках неизбежны ошибки. Философия не может не ошибаться. (А днём не до философии.)

Конкретные истины Гегеля движутся: *ночь после суть истина дня до*. Конкретные истины Бадью покоятся: день *суть истина дня* и день *суть истина ночи после*. *День суть истина*. – Конкретна ли истина Бадью?

Истина не конкретна, а событие – вернее, *Событие* – изъято из исторического времени. Из логики исторического дела, являя собой цезуру в ней – *как дар Случая*.

«Политическое событие, например, штурм Тюильри в 1792 году или март 1871 года, когда у парижан попытались отобрать пушки, с чего и началась Парижская коммуна, – это такое же проявление возможности (Республики, рабочей власти), которую ранее невозможно было представить» [4, с. 18]. – Или: «*событие по своей сущности является непредвидимым...*» [4, с. 20]. Тут разница между Бадью и, допустим, Марксом. Для Маркса март 1871-го как именно *март 1871-го*, конечно, случаен, т. е. случайно проявление возможности рабочей власти *именно в марте 1871-го и именно по этому поводу*, но не случайно проявление возможности рабочей власти, – то, что возможность рабочей власти проявится (так или иначе, сегодня или завтра) *для Маркса* предвидимо из самой логики дела, достаточно уже обозначившей себя в событиях 1848-го года. Тут разница не между Бадью и Марксом – а разница между

человеком, пребывающим *между* «уже не...» и «ещё не...», и человеком *исторического времени*. Для Бадью время – как *историческое* – перестало течь. (Франсуа Артог, напр., описывает данный ему – а, стало быть, и Бадью – «режим времени» как «*расширенное настоящее*», или: вечно длящееся настоящее, настоящее без начала и без конца.)

Цель этой статьи – не критика Бадью, а обнаружение *объективных особенностей исторического (политического) мышления в состоянии «между»*, – т. е. того состояния, которое является *нашим* состоянием так же. (*Бадью как зеркало нашего мышления «между»*.)

Вымысел и Событие. Для Маркса Парижская Коммуна, безусловно, *тоже* событие – и даже *цезура* в обычном течении времени, но цезура, *согласная с логикой дела*, логикой дела, которая *идёт через цезуры*, т. е. революции. Для Маркса, как и для Бадью, событие – напр., Парижская Коммуна, – чтобы осуществить себя, *удержать себя в бытии*, требует усилий субъекта, *того субъекта, которого ещё нет*. Для Маркса, как и для Бадью, событие делает субъекта, как и субъект – событие. (*Дело-действие Фихте*.) «Как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно *только в практическом движении* <курсив мой – М. П.>, в *революции*; следовательно, революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества» [5, с. 70]. Пишет Маркс. Событие – то, чего нет и вместе с тем есть, как цезура, через которую *усилиями субъекта* входит новая действительность и *новый субъект*. – Другими словами, в корне не верно представлять дело так, что логика дела освобождает субъекта от усилий, в т. ч. родить самого себя.

Разница заключена в том, что субъект Маркса, вытаскивая себя за волосы (или: рождая самого себя), может опереться и опирается *на знание* логики дела *в отличие от субъекта Бадью*.

Тут разница – и не в головах Маркса и Бадью, а в условиях, в которых их головы мыслят. Для Маркса капитализм есть непрестанный выход за пределы – и есть один Предел, за который капитализм выйти не может, – сам Капитал. Парижская Коммуна есть первая попытка выйти за этот Предел (некапиталистическим способом), неудачная – но ещё не обременённая неудачей как проклятием. (Разбитые армии быстро учатся.) Для Бадью, как и для любого марксиста, логика, очевидная для Маркса, очевидна тоже. Но логика дела больше ничем не может помочь. Раз за разом мы расширяем лбы, пытаясь выйти за

Предел, который есть Капитал. – Мы застряли, логика дела застопорилась, историческое время перестало течь. – Парижская Коммуна, Октябрь, Культурная революция в Китае, Май 68-го – всё это события, проблески возможного, цезуры в бытии, для Алена Бадью или Жака Рансьера, для Жилия Делёза или Жан-Люка Годара (если отвлечься от особенностей языка каждого) все эти события ценны не потому, что они победы (они не победы, побед не было) – а потому, что они проблески возможного, мгновения иных человеческих отношений. – Для них *из сегодня* события эти – аргументы того, что Предел (как Капитал) *можно* штурмовать и, кто знает, можно и сокрушить: если не штурмовать – то не сокрушить, это точно. Если для всех прочих события эти – аргумент того, что ничего не возможно, то для них – *что возможно*.

Они *удерживают* эти события, если не в бытии – то от забвения.

И, да, для них – для большей части их – события эти уже совершили метаморфоз в художественный вымысел, утратив определённости события исторического времени.

«Предельной верой должна быть вера в вымысел» [3, с. 103]. Цитирует Бадью одного поэта, американца Стивенса.

Некоторые выводы. Субъект, которого ещё нет, Алена Бадью, чтобы вытащить себя за волосы (родить себя самого) не должен – *но вынужден* опираться на вымысел, *Событие как вымысел*, художественную иллюзию. – Мало сказать, что это плохо. Нужно понять, *почему* это есть нечто большее, чем произвол Алена Бадью – *неизбежность*. Если прямая исторического времени перешла в бесконечно описываемую окружность вокруг Капитала как Предела (Капитал бесконечно грозит кризисами и войнами – и тем укрепляет себя), то в какой ещё форме *может* сохраниться воспоминание об истории – как штурме Капитала? Воспоминание о Событии? – Я отнюдь не отрицаю рисков такой формы, но думаю, что эта форма говорит гораздо больше о нас и нашем времени, чем об ошибках Бадью.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Кто мыслит абстрактно? // Г. В. Ф. Гегель. Работы разных лет: в 2-х тт. М.: Мысль, 1970. Т. 1. С. 389 – 394.
3. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. 112 с.
4. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. 192 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс. Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7 – 544.

РОССИЯ И «НОВАЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ» СТРАН АФРИКИ

Прибылов Д.М.

*Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского
студент*

E-mail: dmpribylov2003@gmail.com

*Научный руководитель: **Киселёва Н.В.**, кандидат политических наук,
доцент кафедры политических наук и международных отношений*

Аннотация. В докладе анализируется проблема, характеризующая современные геополитические и экономические реалии на африканском континенте. Вопрос влияния мировых гегемонов на страны так называемого «третьего мира» актуален с момента колонизации европейскими странами африканских земель. В свете значительных изменений геополитического пространства и расклада сил, следует отметить, что Африка – это перспективный стратегический партнер России для построения многополярного мира, построенного на сотрудничестве национальных государств и предотвращении нового витка колонизации.

Ключевые слова: Африка, африканистика, ЭКСМО, БРИКС, Зона франка, мировой порядок, Россия и Африка, дипломатия, международные отношения, Европа и Африка.

RUSSIA AND THE "NEW DECOLONIZATION" OF AFRICAN COUNTRIES

Pribylov D.M.

*V.I. Vernadsky CFU University
student*

E-mail: dmpribylov2003@gmail.com

*Scientific supervisor: **Kiseleva N.V.**, Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department of Political Sciences and
International Relations*

Abstract. The paper analyzes the problem that characterizes the current geopolitical and economic realities on the African continent. The question of the influence of world hegemony on the third world states has been relevant since the colonization of African lands by European countries. Based on the research done, it should be concluded that Africa is a promising strategic

partner of Russia for building a multipolar world built on the cooperation of nation states and preventing a new round of colonization.

Keywords: *Africa, African studies, EKSMO, BRICS, Franc zone, world order, Russia and Africa, diplomacy, international relations, Europe and Africa.*

Вопрос влияния мировых гегемонов на африканские «страны большого юга» актуален с момента колонизации европейскими метрополиями этих территорий. Сегодня, когда период деколонизации, казалось бы, остался в прошлом, часто обсуждается проблема неокolonизации и новой деколонизации бывших колоний, в том числе и стран Африки.

Изучение африканского континента в современной России имеет более глубокий смысл, чем просто наличие особого объекта изучения или наличие природных ресурсов. Вот несколько аспектов, почему изучение Африки важно:

1. Африка – это неотъемлемая часть мировой истории, культуры и политики. Изучение Африки позволяет сопоставлять ее опыт с опытом других регионов и стран, а также проводить анализ и прогнозирование развития мировых процессов на основе комплексного изучения различных фактов и данных. Это помогает лучше понимать современный мир и принимать более обоснованные решения.

2. Изучение Африки позволяет расширить свои знания о мире, посмотреть на события и проблемы с разных углов зрения. Культурное познание Африки помогает лучше понять разнообразие мировой культуры и ее влияние на формирование индивидуальной и коллективной идентичности.

3. Развитие Африки и решение ее проблем являются глобальными вызовами, которые требуют сотрудничества и взаимодействия между разными странами. Развитие африканистики помогает понять особенности и проблемы данного региона, а также определить возможности для сотрудничества и развития.

4. Россия имеет долгую историю сотрудничества с африканскими странами, и изучение африканистики помогает укрепить межкультурные отношения и проводить успешный диалог на разных уровнях - политическом, экономическом, культурном и образовательном.

5. Академический потенциал и развитие науки. Африка представляет собой огромный потенциал для научных исследований и развития различных научных областей, таких как экономика, политология, антропология, языкознание и многие другие. Развитие

африканистики способствует развитию науки и академическому сообществу в России [7].

В эпоху мировой политической турбулентности, когда наблюдается тенденция деглобализации и дезинтеграции многих политических, культурных и даже экономических процессов, страны Африки не остаются от этих событий в стороне и, даже наоборот, задают ритм для всего остального мира в отношении стремлений к повышению уровня суверенитета и независимости во внутренней и внешней политике. Так, некогда мощная «Зона франка» и Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС) в последнее время преодолевают значительные трудности. В этом отношении, трудностей больше всего у бывшей метрополии стран Северо-Западной Африки – Франции, которая не намерена терять свое влияние в экономической зоне от Магриба до Берега Слоновой кости и от западного Сахеля до центральной его части. Недавние события в Нигере 26 июля 2023 года дали ясно понять, что настроения внутри государства не совпадают с доктриной сохранения партнерских отношений с Францией, и в Нигере преобладают настроения дезинтеграции из Французской сферы влияния. Множество угроз и ультиматумов последовало буквально сразу же с момента начала переворота, однако ни ЭКОВАС, ни Франция так и не решились вводить вооруженный контингент в Нигер, где шансы Парижа на дальнейшую эксплуатацию экономического потенциала и ресурсов таяли с каждой секундой [12].

События в Нигере – это не единственный пример борьбы африканских народов за самостоятельное определение своей внешней политики. 24 августа 2023 года, по итогам XV саммита БРИКС, было объявлено о вступлении в союз еще 6 стран, 2 из которых – это страны Африки. Это Египет со своим выгодным географическим расположением, соединяющий Европу и Азию по Суэцкому каналу, и Эфиопия с самым быстрым темпом роста ВВП за всю историю наблюдения Всемирным Банком за этим статистическим показателем у Эфиопии, почти 14% [1]. Таким образом, членами БРИКС станут уже 3 страны африканского континента (рис. 3,4), а сколько стран будет в том же самом ЭКОВАСе или «Зоне франка» через год, это уже большой вопрос.

Рисунок 1. Страны-резиденты БРИКС (BRICS) в 2023 г. [сост. авт.]

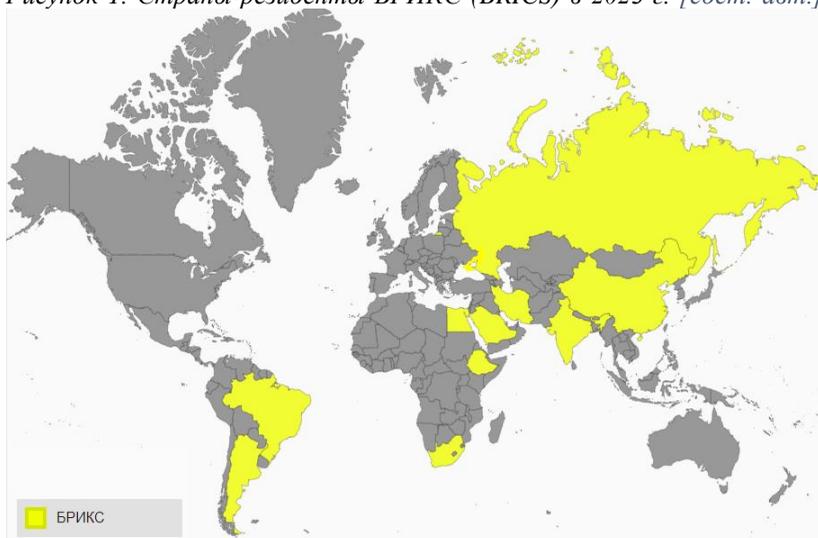

Рисунок 2. Страны-резиденты БРИКС (BRICS) после 01.01.2024 [сост. авт.]

Для России Африка – это перспектива тесного сотрудничества во всех сферах. Важно сохранять и приумножать тесные партнерские

отношения со странами, на землях которых зарождалась человеческая цивилизация в целом [6].

Что же касается Российских геостратегических интересов, истоки ее взаимоотношений с африканским континентом уходят еще во времена Российской Империи XIX века, когда у берегов залива Гаджура русские колонисты под руководством казака Николая Ивановича Ашинова – российского путешественника, предприняли попытку по освоению русской колонии Сагалло, которая в перспективе должна была получить название «Новая Москва». Но впоследствии проект по колонизации этих земель был заброшен вследствие многих причин: нерентабельность компании, сложность логистики и несоответствие проекта внешней политике России того времени. Идеи о российском влиянии в Африке были оставлены на долгое время [8].

В период Первой мировой войны, когда Тройственный союз развязал войну во многом из-за того, что Германия запоздала в колониальной гонке, Россия также не рассматривала Африку как расширенную арену продвижения собственных политических интересов, так как была занята внутренними проблемами. Затем умирающую Империю ждало смутное время, политические, экономические и социальные кризисы, а также губительная Гражданская война, которая угрожала не только внешнеполитическому статусу России на мировой арене, но и ставила под угрозу ее существование как государства. В таком положении о влиянии на другие страны и на Африку тем более можно было забыть надолго. Однако с течением времени уже молодое советское государство, пережив не менее суровую и кровопролитную Великую Отечественную войну, снова вернулось к вопросу о политическом влиянии на «Черном континенте». Если быть точнее, советское влияние начало распространяться в разгар Холодной войны [10].

Проблемы взаимоотношений между двумя мировыми державами СССР и США также распространялись и на Африку. В первые годы 1960-х после конфликта в Конго советское руководство не проявляло интереса к делам Африки за исключением арабских стран. Однако с конца 1960-х руководство Сомали стало проявлять интерес к сотрудничеству с Москвой. В 1969 году в результате переворота к власти пришел генерал-майор Мохаммед Сиад Барре, который предпочел создать режим сильной власти [3]. После переворота в Сомали региональные кланы не получили места в центральном правительстве, что привело к вооруженному конфликту. Правительство Сомали использовало помощь, полученную от СССР, для борьбы с оппозицией. В это время Сомали стало главным партнером СССР в

Африке, и страна провозгласила себя «социалистическим государством».

Поддержка Советского Союза распространялась и на молодые государства в южной части Африки, которые получили независимость после распада колониальной империи Португалии. В 1974 году в Португалии произошел переворот, в результате которого новое правительство признало независимость своих колоний, включая Мозамбик, Анголу, острова Зеленого Мыса и Сан-Томе и Принсипи.

Мозамбик был одной из самых отсталых колоний. Большая часть мозамбикских рабочих работала в Южно-Африканской Республике, а доходы страны зависели от сборов за транзит через ее территорию и порты золота, добытого на территории Южной Родезии, не имевшей выхода к морю [4].

Также под политическое влияние СССР попала Ангола, когда в этой относительно богатой колонии Африки после политического конфликта между несколькими внутренними группировками наступил внутривнутриполитический и экономический коллапс.

Западные страны опасались, что Советский Союз будет использовать свои связи с этими африканскими странами для расширения своего влияния в регионе и установления там военных баз (рис. 5). Кроме того, Западу не нравились социалистические тенденции, которые проявлялись в новых режимах [11].

Однако экономическое бремя помощи африканским странам становилось все тяжелее для Советского Союза. Поставки оружия и экономическая помощь требовали значительных затрат, что приводило СССР к значительным финансовым трудностям. Более того, некоторые из африканских стран не могли преодолеть управленческие и экономические проблемы, что мешало им стать надежными партнерами для Советского Союза.

Рисунок 3. Влияние СССР в Африке [сост. авт.]

Сегодня Россия является крупным стратегическим партнером ряда стран «третьего мира» [6]. Такие страны как Египет, Эфиопия, Конго, ЮАР, Судан и Мали имеют тесные связи с Российской Федерацией во многих сферах: от агропромышленного сектора до российского военного контингента [2].

Таким образом, Россия является далеко не последним игроком на этой большой геостратегической арене, где бывшие западные метрополии привыкли к своей гегемонии. Однако сейчас, в эпоху провалившегося плана глобализации и однополярного мира, Африка играет одну из важных ролей в этом новой политической игре. Но ее сценарий по-прежнему пытаются диктовать африканским странам западные государства с их ностальгическими колониальными амбициями [5]. Задача по редекolonизации и освобождению от продолжительного европейского ига лежит не только на самих странах

Африки, но и на России, Китае и на всех заинтересованных в отношениях, построенных не на эксплуатации экономического ресурса континента, а на отношениях, построенных на взаимоуважении, точках соприкосновения интересов и обмена во всех сферах общества.

Список литературы

1. ВВП Эфиопии // Sularu : сайт. – URL: <https://www.sularu.com/vvp/ETH#:~:text=>
2. Власти раскрыли топ-5 торговых партнеров России в Африке // rbc.ru : сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/09/2023/6516a0959a79473878cc7d3c?ysclid=ln9jvgajpd841678165>
3. Войны на Африканском роге. Советское военное присутствие в Сомали // topwar.ru : сайт. – URL: <https://topwar.ru/23464-voyny-na-afrikanskom-roge-sovetskoe-voennoe-prisutstvie-v-somali.html?ysclid=ln9lihvaw7820394317>
4. Вооруженная борьба народа Мозамбика за свободу и независимость (1965-1979 гг.) // Военная литература : сайт. – URL: <http://militera.lib.ru/h/20c2/12.html?ysclid=ln9k55ngc9848415233>
5. Дзвоник И.А. Формирование системы регулирования экономики в развивающихся странах: макроэкономический аспект : специальность 08.00.01 Политическая экономия : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Дзвоник Игорь Алексеевич. – Киев, 1992. – 26 с.
6. Шубин В. Зачем Южной Африке БРИКС и зачем БРИКСУ Южная Африка // Индекс безопасности. № 2 (105). Т.19. С.57-70.
7. Желтов А. Ю. Изучение Африки и современный мир, или африканистика не только про Африку // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 29-39.
8. Новая Москва: русская колония в Африке // sozero.livejournal.com : сайт. – URL: <https://sozero.livejournal.com/252493.html?ysclid=ln9ldno119918501942>
9. Путин сообщил о планах нарастить присутствие России в Африке // rbc.ru : сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5db029329a7947345e7fb9cf>
10. Россия — Африка: старые друзья и перспективные партнеры // ТАСС : сайт. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/10621831?ysclid=ln9k1devxy728592188>
11. Котов А.С. Участие советских офицеров в гражданской войне в Анголе (1975 - 1991). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-sovetskih-ofitserov-v-grazhdanskoy-voyne-v-angole-1975-1994-gg/viewer>
12. Шитов В.Н. Интеграция в Африке южнее Сахары // Мировое и национальное хозяйство. – 2020. – № №4(53). – С. 1.

NATIONALISM AS A THREAT TO UNITY IN THE ORTHODOX CHURCH, IN THE STORY "ZA VERATA" BY GRIGORIJE BOŽOVIĆ

Dragana R. Rajović

*Institute of Serbian Culture Priština - Leposavić
researcher – intern*

E-mail: draganarajovic71@gmail.com

Abstract. *In this paper, we deal with the analysis of the nationally motivated murder committed by Atanas Colakis, the hero of Grigorije Božović's short story Za verata. Colakis kills an Albanian Orthodox priest who participated in an attempt to nationally separate the Orthodox Albanians of southern Albania from Greek influence, paradoxically convinced that he is committing the murder in the name of the Orthodox faith. The ethnic criterion for the introduction of autocephaly and autonomy in the Orthodox Church, which was introduced by Greece in the 19th century, played a crucial role in Orthodoxy in the modern era. In the wave that then engulfed all the countries in the Balkans, autonomy and autocephaly became inseparable from national identity. The way in which this historical phenomenon was reflected in the lives of ordinary people was vividly depicted by Božović in the above-mentioned short story.*

Keywords: *Grigorije Božović, national identity, Orthodox Church, ethnophiletism, xenophobia.*

НАЦИОНАЛИЗМ КАК УГРОЗА ЕДИНСТВУ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РАССКАЗЕ ГРИГОРИЯ БОЖОВИЧА "ЗА ВЕРУ"

Драгана Р. Райович

*Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич, Сербия
научный сотрудник – стажер*

E-mail: draganarajovic71@gmail.com

Аннотация. *В этой статье мы занимаемся анализом убийства на национальной почве, совершенного Атанасом Колакисом, героем рассказа Григория Божовича "За веру". Колакис убивает албанского православного священника, который участвовал в попытке отделить православных албанцев южной Албании от греческого влияния, парадоксальным образом убежденный, что совершает убийство во*

имя православной веры. Этнический критерий для введения автокефалии и автономии в Православной Церкви, который был введен Грецией в 19 веке, сыграл решающую роль в православии в современную эпоху. На волне, охватившей тогда все страны на Балканах, автономия и автокефалия стали неотделимы от национальной идентичности. То, как это историческое явление отразилось в жизни простых людей, было ярко изображено Божовичем в вышеупомянутом рассказе.

Ключевые слова: Григорий Божович, национальная идентичность, православная церковь, этнофильство, ксенофобия.

A lot of bile and ink has been spilled during the centuries-old debate about the relationship between religion and nations, about the superiority of one or the other, about their closeness or exclusivity.

Vladeta Jerotić

The system of autocephaly and autonomy in the Orthodox Church has changed throughout history. At first, the basic criterion for autocephaly was the importance of the cities (seats) themselves, which became the centers of autocephalous churches. Based on this system, the *Pentarchy* system was developed in Byzantium as an order based on five local patriarchates: Roman, Constantinople (New Rome), Alexandria, Antioch and Jerusalem. In the 15th century, Russia was added to this list on another basis, which later enabled new criteria for the introduction of autocephaly. The ethnic criterion that played a key role in modern Orthodoxy was introduced in the 19th century by Greece. The criterion was introduced in 1833, for the purposes of the autocephaly of Greece in relation to Constantinople. This independence was recognized by the Ecumenical Patriarchate no sooner than 1850. In the wave that then engulfed all the states in the Balkans, autonomy and autocephaly became inseparable from national identity. Due to the appearance of the Balkan Wars in which the Orthodox nations fought each other, the Ecumenical Patriarchate convened a synod of Eastern Patriarchs in 1872, which condemned the appearance of ethnophyletism. The Church of Constantinople was (and still is) ethnically Greek, but distanced itself from the rise of Greek nationalism in its time. Furthermore, following the tradition of Byzantium, supporting the Slavs in developing their own language and culture, the Ecumenical Patriarchate preserved its superior character, retaining the title of *primacy in Honor* [3, p. 60–64]. This historical phenomenon was thematized by Grigorije Božović in the short story *Za verata*.

Grigorije Božović can undoubtedly be considered the most important writer from Kosovo and Metohija from the beginning of the 20th century. With his opus, Božović strongly influenced the creation of Serbian national consciousness, national culture and history. The largest part of his storytelling and travel writing oeuvre is entirely focused on Kosovo and Metohija, i. e. Old and Southern Serbia, and it is possible to view his work completely and exclusively in a historical context. Judging by the basic characteristics of his work, we can classify him as a stylistic formation of modernity in Serbian literature of the 20th century.

In a fruitful creative life, Grigorije Božović published 243 short stories, gathered in eight collections: *Iz Stare Srbije* (1908, Mala knjiga, Mostar), *Pripovetke* (1924, Narodna Misao, Belgrade), *Pripovetke* (1926, SKZ, Belgrade), *Roblje zarobljeno* (1930, Geca Kon, Belgrade), *Teška iskušnja* (1935, Geca Kon, Belgrade), *Pod zakonom* (1939, Geca Kon, Belgrade), *Neizmišljeni likovi* (1940, Geca Kon, Belgrade), *Pripovetke* (1940), SKZ, Fond Slobodan Jovanovića, Belgrade). Among the published texts, there are 220 original works, while 23 short stories from the last book published during the author's lifetime (Short Stories, SKZ, Fond Slobodan Jovanović, Belgrade, 1940) were published in his earlier books.

Apart from the collections of short stories in which almost all the short stories he wrote during his lifetime were collected, Božović was one of the most prolific travel writers in Serbian literature. Most of his travelogues were first published in *Politika*, and then in collections. During his lifetime, he published five collections of travelogues: *Uzgedni zapisi* (1926), *Crte i reze* (1928), *Urezane istine* (1930), *Čudesni kutovi* (1930), *Sa sedla i samara* (1930) [4, p. 9–11].

The hero of Božović's short story *Za verata*, Atanas Colakis, outraged by his sense of national belonging to the Greek people, "a Greek-converted Slav Čolak, from Kožana on the Greek border" [2, p. 75], believing that he was doing it "in the name of faith", kills an Albanian Orthodox priest who participated in an attempt to nationally separate the Orthodox Albanians of southern Albania from Greece. Paradoxically, Colakis kills an Orthodox priest in the name of the Orthodox faith, considering it his duty, because the priest, according to his standards, abused the hospitality and love of the Greek people and the Church.

He, the dog, studied Greek scholia, ate Greek money, ate our bread, and now he started making Arnautis from the Greeks... Well, you won't, priest! You know, whoever wants me to bring you a beer will go downstairs.. Take it slowly, come to Vucji potok. Instead, crazy as ants. One, two, three and done. And I threw the revolver here, so that I wouldn't find it if the police ran... Sir, God helps those who are for verat. Tolkomina was there, and no

one saw me. *More*, I stopped shouting that the killer should be caught. And then, as you can see, I calmly came here to bring you a beer... Come on, for real... you're saking?... I'll beat someone for you, some time now! [2, p. 78].

Colakis sincerely believes that God himself helped him in the assassination, because he committed the crime in the name of religion. In several places, the *Bible* refers to tolerance towards others, regardless of whether we share the same religious beliefs with them. All the Gospel lessons aimed at tolerance, which was already hinted at in the *Old Testament*, boil down to "forgiving our neighbors, not only for insults and hatred, but also for different ones, even if they were, according to our firm conviction, really wrong, misguided, or just different, beliefs " [5, p. 168]. In the *Gospel according to Matthew*, it is written: "And I say to you: love your enemies, bless those who curse you, do good to those who hate you, and pray to God for those who persecute you; That you may be sons of your Father who is in heaven; because He commands his sun, and shines on both the bad and the good, and gives rain to the righteous and the unrighteous" [6, p. 5: 44–45]. Atanas Colakis did not have the spiritual strength to rise above the national. The famous Austrian psychiatrist, Viktor Frankl, who survived the hell of the Holocaust, distinguished between *rigid and firm* faith. Colakis' faith is rigid and makes him fanatical. "Whoever does not stand firm in faith grasps with both hands for rigid dogmas, who, on the contrary, stands firm in faith, has his hands free - and offers them to others with whom he stands in existential communication" [according to 5, p. 167]. Colakis has a primordial need for belonging and identity, but these needs are not realized in him. A national principle without faith is contrary to the *Gospel*. For a true Christian, belonging to a nation is not unimportant, but in relation to faith in Christ, it would have to take second place. In this context, it is questionable whether the hero of our story is an Orthodox Christian, or whether he is fundamentally turned to paganism, tribally bound by kinship ties to people of his origin, and as such distrustful and xenophobic.

In his false religious conviction, in Colakis, a pagan and a Christian fight to the end. Disappointed that he fatally wounded, but did not kill, the priest Hristo Vajani in the assassination attempt, he will offer to take care of his wounded brother in Christ. Although he will use this opportunity to finish the "job" he started, Colakis does not forget that his victim is an Orthodox Christian, so he will also get him a wax candle, which according to Orthodox customs is lit on the bier of the deceased.

When everything is quiet, he will slowly, slowly, "like a good mother", remove the bandages from priest's wounds. He will bend down to the riddled chest, then he will gently poke at the bloody marks, to make it easier for the sufferer. He will also give him a glass of fragrant cognac. He will open his

eyes with difficulty and look at him gratefully. But when the air begins to fill the priests's lungs through the wounds, the priest will easily die on his arm, thinking that it is a brotherly arm. Thus, Arnauts will no longer be built from Greeks. He will also get a wax candle, and die as a Christian. All this is, admittedly, a difficult duty, but for *verat...* [2, p. 79]

The Orthodox Church, like the Catholic Church, feels concern for all people and nations, regardless of religion and nation. For an Orthodox Christian, every man is a brother, created in God's image. Like the cross, which has both the horizontal and vertical dimensions, man must also have two dimensions in the form of religion and nation. Without faith, as a vertical, man remains one-dimensional, and in that case he deifies his nation, which takes on the contours of a false religion. "The life of faith and the testimony of faith implies a real certainty of belief and a real benevolence towards everyone" [7, p. 11]. Colakis, in worshiping his nation, forgot about the Risen Christ, in whose name he committed the crime.

Grigorije Božović, using historical facts, in an artistically convincing way evoked the historical phenomenon of the application of ethnic criteria for the introduction of autocephaly and autonomy in the Orthodox Church. Without literary embodiment, this historical phenomenon would remain unclear and blurred in the minds of readers of both that time and this time.

Literature

1. Божовић, Григорије. *Приповетке*, Народна мисао, Београд, 1924.
2. Божовић, Григорије. *Косовска прича*, Политика – Народна књига, Београд, 2005.
3. Биговић Радован (ур.). *Теолошки погледи, верско научни часопис*, 1–4. Београд: Православље, новинско-издавачка установа Српске патријаршије, 1998.
4. Јевтовић Миленко. *Личност и књижевно дело Григорија Божовића*, књига 2, *Стари Колашин, Нови свет, Институт за српску културу*, Зубин Поток – Приштина, 1996.
5. Јеротић Владета. *Вера и нација*, *As libri* – Задужбина Владете Јеротића, Београд, 2012.
6. *Свето писмо, Старога и Новга зајвета, Библија*, Свети архијерејски синод српске православне цркве, 2012.
7. Тупеша Ненад(ур.). *Годишњак, часопис Православног богословског факултета Светог Василија Острошког Универзитета у Источном Сарајеву*. Фоча, 2016.

ПОЛИТИКА И ЮГОСЛАВСКИЕ РЕЖИССЕРЫ 1970-Х ГОДОВ: СЛУЖЕНИЕ ОБЩЕСТВУ ИЛИ ОБСЛУЖИВАНИЕ ВЛАСТИ

Ралович И. М.

*Доктор искусствоведения
Институт сербской культуры Приштина - Лепосавич
научный сотрудник
E-mail: ralovic@gmail.com*

Аннотация. Автор указывает на некоторые показательные примеры запрета и цензуры в киноискусстве семидесятых годов XX века в Югославии. Обычно полагают, что в 1973 году была достигнута кульминация противостояния идеологии и киноискусства, что фильм «Пластиковый Иисус» стал официальным перекрестком в карьере важнейших режиссеров того периода в стране, но статья показывает и то, что Культурная политика государства в более ранний период была направлена на аналогичные процессы. Исследователи заметили важное противоречие – с одной стороны, создание произведения искусства было разрешено, а с другой – это же произведение преследовалось и замалчивалось сразу после выхода на политическую и социальную арену. Важнейшим выводом статьи является тот факт, что, несмотря на распространенное мнение, что такого рода практика имела место преимущественно в восточноевропейском кинематографе, оказывается, что и в других странах, как на пример, в Германии, существовала своего рода цензура для кинематографистов, и что творчество гонимых художников даже в эмиграции претерпевало ту или иную форму срыва, застоя, запрета.

Ключевые слова: цензура, фильм, Александр Петрович, Живоин Павлович, Лазарь Стоянович, Душан Макавеев, Желимир Жилник.

POLITICS AND YUGOSLAV DIRECTORS OF THE 1970S: SERVING THE SOCIETY OR SERVING THE GOVERNMENT

Ralović I.M.

*PhD of Cultural Science
Institute for Serbian Culture Prishtina - Leposavic
Research Associate
E-mail: ralovic@gmail.com*

Abstract. The author points to some significant examples of prohibition and censorship in film art in the seventies of the 20th century in Yugoslavia.

It is usually assumed that in 1973 the culmination of the confrontation between ideology and film art was reached, that the film Plastic Jesus became an official crossroads in the careers of the most important directors of that period in the country, but this paper also shows that the state's cultural policy in the earlier period was directed towards similar processes. The researchers noticed an important - on the one hand, the production of the art work was enabled, while on the other hand, the same work was persecuted and silenced immediately after entering the political and social arena. The most important conclusion of this paper is the fact that, despite the common opinion that this practice occurred mainly in Eastern European cinemas, and in other areas, such as Germany, there was a kind of censorship for filmmakers, and that the work of persecuted artists also suffered in emigration in some form of breakdown, stoppage, bans.

Keywords: *censorship, film, Aleksandar Petrović, Živojin Pavlović, Lazar Stojanović, Dušan Makavejev, Želimir Žilnik*

Чтобы лучше понять общественно-политический климат, который в семидесятые годы XX века переживал пик запретов и цензуры в киноискусстве, желательно следить за культурной политикой государства посредством запретов и цензуры, к чему государство было склонно в предшествовавшие ему десятилетия и в других искусствах. С самого начала установления коммунистического правительства в Югославии существовал орган, ответственный за киноискусство, которое югославские власти видели как «самое популярное и массовое из всех искусств, на которое поэтому возложены самые ответственные задачи» и являющееся «средством распространения культуры, развития правильных взглядов на мир, воспитания вкуса и любви к истинным жизненным ценностям», и которое «должно уважать основные принципы нашего общества» [1, с. 44]. «Система киноцензуры была создана сразу после входа в Белград войск Красной Армии и югославских партизан в 1944 году» и являлась частью запретов и контроля над культурной и художественной жизнью страны, и только киноискусство «официально подвергалось цензуре» [1, с. 56].

Сразу после освобождения в 1944 году в оккупированном Белграде писатели Григорий Божович, Светислав Стефанович и Велисав Спасич были расстреляны за «сотрудничество, писательскую, художественную и научную деятельность», а также профессора, художники, актеры-любители, журналисты, карикатуристы [2, с. 253]. Между молотом и серпом были осуждены литератор Сима Пандурович и актриса Жанка Стокич, театральные режиссер и писатель Йосип Кулунджич (1945 г.); собрание произведений «осужденного военного

преступника» Слободана Йовановича были запрещены к продаже решением судебных властей (1946 г.); фильм Владимира Погачича «Рассказ о фабрике» перед показом подвергся цензуре со стороны глав Управления государственной безопасности Александра Ранковича и Светислава Стефановича; был запрещен журнал «Еж» (1947 г.); по требованию США фильм «Греческие дети» Радивоя 'Лолы' Джукича был удален из публичного поля (поскольку он «распространяет идеи коммунизма») (1948); художественный фильм «Озеро» (1949 г.) того же режиссера был запрещен; документальный фильм Ольги и Жоржа Скригиных «Крагуевац, или Великие жертвы» (1950 г.); то есть, если ориентироваться только на кинопроизведения, список запретов до начала съемок фильма «Три (Папоротник и огонь» относится к произведениям «Цигули Мигули» Бранка Марьяновича, с согласия Тито «из-за наступления на народную власть» (1952 г.); документальный фильм Йована Йовановича «Эстафета Тито в реабилитационном учреждении» из-за «оскорбления репутации» президента республики (1953 г.); «Далматинская свадьба» Беговича запрещена к показу на территории ФНРЮ, поскольку она «неточно изображает условия в нашей стране, жизнь нашего народа и его убеждения», а немаловажное значение для запрета имело и то, что в фильме играл всемирно известный актер Светислав - Иван Петрович, игравший в немецких фильмах во время войны (1954 г.); фильм Душана Макавеева «Печать» (1955 г.) был запрятан; фильм Живоина Павловича «Шеки снимает, будьте осторожны» был признан неприемлемым за «оскорбление чиновников» (1956 г.); фильм Николы Радошевича «Атомная сказка» (1957 г.) был запрещен Комиссией по рассмотрению фильмов (Иво Андрич, Милка Минич, Зденко Ченгич, Душан Тимотиевич, Милисав Лукич), поскольку он «дает намек на то, что люди являются политическими марионетками», а самого режиссера, снявшего первый фильм против атомного оружия через 11 лет после Хиросимы, когда он отказался изменить сценарий, его допросили, посадили в тюрьму, лишили гражданских прав и запретили режиссировать; фильм Душана Макавеева «Не нужно верить памятникам» (1958 г.) был удален из публичного поля; документальный фильм Живоина Павловича «Поезд номер 4686» был уничтожен, «поскольку автор снял на вокзале вывеску с надписью «Заечар» (съемка вокзалов была запрещена, поскольку они считались военными объектами)» (1959 г.); два года спустя был удален из публичного поля фильм Живоина Павловича, Кокана Ракоњца и Марка Бапца «Капли, воды, бойцы» (1961 г.); документальный фильм «Кафана» режиссера Крсто Шканата запретили к показу, а также короткометражные фильмы Драгослава Лазича «Задушнице» и Пуриши

Джорджевича «Песня»; из публичного поля был удален документальный фильм Душана Макавеева «Парада» но после цензуры и редактирования его разрешили к показу (1962 г.); в следующем году фильм «Город» режиссеров Живоина Павловича, Марка Бапца и Кокана Ракоњца был запрещен как «плохой с эстетической точки зрения и идеологически и политически вредный»; из публичного поля был удален фильм Павловича «Возвращение» (три года спустя он смог переработать и завершить фильм) и фильм Петровича «Дни» (1963 г.) [2, с. 253–260].

В первые десять лет в состав цензурных комиссий часто входили люди репутационные и порядочные, с респектабельной биографией (Иво Андрич, Александр Вучо, Оскар Давичо, Добрица Чосич, Милан Богданович, Владимир Дедиер, Велибор Глигорич, Милан Дединац, Владислав Рыбникар, Скендер Куленович, Владимир Погачич, Вико Распор, Воин Дакович, Оскар Данон, Антоний Исакович, Эли Финци, Слободан Глумац, Лео Матес, Митра Митрович, Радош Новакович...), большинство из которых составляли высокопоставленные партийные и государственные чиновники [1, с. 56–57]. Горан Милорадович доказывает, что цензуру в первое десятилетие (1945–1955) осуществляли сто человек, и он опознал большинство из них. Это учреждение формально просуществовало еще шестнадцать лет, после чего его функции были переданы кинопроизводственным и дистрибьюторским компаниям [3, с. 105]. Несмотря на большой первоначальный успех югославо-итальянского фильма «Мастер и Маргарита» («Il maestro e Margherita», 1971 г.) Александра Петровича (и получение главных наград в 1972 году в Пуле, а затем многочисленных других премий на фестивалях по всему миру, среди прочего, итальянская версия фильма получила международную награду за продвижение литературы в кино, т. е. за лучшую адаптацию литературного произведения), судьба фильма Петровича в Югославии, как отмечает Гулдинг, мало чем отличалась от судьбы пьесы мастера [4, с. 142].

Официального запрета не было, фильм был изъят из внутреннего проката вскоре после его показа в Белграде и исчез «как камень, брошенный в темную глубину» [Драшкович в 5, с. 346]. Нельзя сказать, что фильм «Мастер и Маргарита» запрещен, но его не показывают, писал Жак Дониоль-Валькроз (Jacques Doniol-Valcroze) для журнала «Экспресс» (L'Express) 29 октября 1973 года, а годы спустя это оправдывалось решением трудового коллектива, ответственного за кинопоказ, «основанным на обвинении [...] в том, что фильм социально бесполезен» [4, с. 141].

Тот факт, что фильм был создан, частично профинансирован зарубежным продюсером, затем показан, высоко оценен и награжден на фестивалях, но не имел проката в стране, прекрасно иллюстрирует, по словам Судара, ключевое противоречие - с одной стороны, стало возможным создание таких произведений, как фильмы Петровича, а с другой стороны, то же произведение преследовалось и замалчивалось сразу после выхода на политическую и социальную арену [6, с. 494]. Одно из объяснений этого парадокса Радина Вучетич через анализ материалов Архивов Сербии интерпретирует тем, что в различные периоды в Республиканских кинокомиссиях были выдающиеся члены, «среди которых был и подвергшийся цензуре Душан Макавеев, поэтому неудивительно, что эта комиссия позднее одобрила раскритикованные и из публичного поля были удаленные фильмы «Утро» Пуриши Джорджевича, «Когда я буду мертвым и белым» Живоина Павловича и «Молодой и здоровый, как роза» Йована Йовановича» [1, с. 57]. По мнению Петровича, в случае запрета фильма «Мастер и Маргарита» речь идет о «чудовищном примере манипулирования политическими партиями» [7]. Петрович, подобно Булгакову, представил свой крест как запретного художника, отказывающегося служить господствующей идеологии и иллюзиям социальных утопий.

Время Петровича, как и время Булгакова, требовало необычайного, почти самоубийственного личного мужества. В связи с этим Михайло Илич классифицировал этот фильм как самоубийственный фильм: «Подрывные фильмы, снятые методом SERBIAN CUTTING, еще называют самоубийственными, потому что авторы этих фильмов были изгнаны из сербского кино резкими действиями властей: Мича Попович «Делие», Желимир Жилник «Ранние работы» и «Свобода или комиксы», Михайло П. Илич «Естественные границы» и «Человек на трапедии», Лазарь Стоянович «Пластиковый Иисус» и Александр Саша Петрович «Мастер и Маргарита» [8, с. 109]. Майкл Холквист (Michael Holquist) отметил, что цензоры намерены конструировать, а не запрещать, что их желание состоит в том, чтобы устранить интерпретативный потенциал текста, зафиксировать значения, отбросить двусмысленности. «То, что они хотят производить — это особый вид текста, который можно читать только одним способом: его грамматическая (или логическая) форма будет безупречно соответствовать всем риторическим и (или семиотическим) импликациям» [9, с. 22]. В этом смысле этот фильм Петровича стал поворотным моментом не только для режиссера, но и для югославского кинематографа. Нападки на фильм «Мастер и Маргарита» ознаменовали переход от «более мягкой» эпохи к

«жесткой» [1, с. 341]. а в художественном смысле так называемая черная волна уступила место красной волне [6, с. 315], [10, с. 229], и в фильме от желтой маргаритки в начале любовной истории мы приходим к красной розе, предвещающей падение мастера, смерть, катастрофу. Югославский кинематограф и карьера Саши Петровича на некоторое время разошлись после первых показов фильма «Мастер и Маргарита».

Тот факт, что фильм «Дни» (1963 г.) не был показан за пределами Югославии, был воспринят Петровичем как доказательство того, что это был его первый запрещенный фильм, хотя запрет распространялся только на международную дистрибуцию. Еще сильнее он почувствует цензуру в 1973 году, в деле вокруг фильма «Пластиковый Иисус» (Лазарь Стоянович, 1971 г.), как профессор, под руководством которого был создан фильм. Сначала, как мишень, Стоянович стал объектом расследования, а затем в январе 1973 года была развернута кампания в кинематографических учреждениях, принимавших участие в создании спорного фильма. Помимо прочего, в отношении Петровича было возбуждено дисциплинарное производство как наиболее ответственного, помимо автора фильма, и 10 апреля 1973 года его отчислили из Академии театра, кино, радио и телевидения, где он работал профессором кинорежиссуры. После кампании в СМИ, партийных собраний и судебного процесса, 14 июня 1973 года Стоянович был приговорен к трем годам тюремного заключения.

Такого рода эпилог был практически переписан из советской сталинской практики, и подобные процессы происходили в семидесятые годы и в других восточноевропейских кинематографах. Хотя речь шла о фильме, дело велось вне поля культурной политики и длилось недолго, но его жестокость и далеко идущие последствия были обратно пропорциональны его продолжительности и сегодня это воспринимается как пример репрессий правительства против искусства. Оказалось, что Петрович не только заплатил высокую цену в этой «афере» и оказался полностью маргинализированным, но и наказанием стало политическое преследование. Его «безжалостно приговорили к расстрелу», как написал один из его друзей [11, с. 7]. «Они напали на меня за предательство самых священных ценностей югославского социализма, Иосипа Броза и т. д.», говорил Петрович [12]. Фильм «Пластиковый Иисус» стал перепутьем в карьере крупнейших режиссеров того периода в нашей стране. Кафедра кинорежиссуры белградской Академии театра, кино, радио и телевидения была реорганизована, из нее также был исключен Живоин Павлович, чтобы его фильмы не оказывали негативного влияния на студентов. Ему предложили должность референта для учебных пособий, которую он

принял с вызывающей самоиронией и мазохизмом [13]. «У меня не было намерения угодить преследователям и покинуть факультет» [14, с.119], в отличие от Петровича, нашедший выход в изгнании и которому «будучи вовлеченным в более крупный скандал, пришлось пройти гораздо более трудный путь» [15, с. 55]. В качестве основной и реальной причины запретов, сделавших его своего рода рекордсменом нашего кинематографа, Павлович еще в 1967 году заявил для журнала «Поля» что это был всего лишь страх [16, с. 194]. Для «Литературной газеты» в 1988 г. Павлович признался, что осознавал, какие фильмы он снимает и какие последствия его могут ожидать: «Следует знать, что каждое индивидуальное творение есть в то же время непослушание. Побой надо терпеть. Настойчивость доказывает, что вы правы» [17, с. 20]. Инвентарь идеологических и политических оспариваний своего литературного и кино творчества Павлович представил в специальном выпуске журнала «Литературная критика», посвященного феномену цензуры (Цензура – примеры бесстыдства), вышедшего в 1990 году. «Впрочем Павлович не остановился, он сохранил континуитет, я бы сказал, что он с радостью его удвоил: он отдыхает от кино, пишет книги, совмещая свой третий дар, живопись, с обоими предыдущими, и книги и эмульсия наполнены сценами особой выразительности», — говорит Боро Драшкович [5, с. 351], то есть, как заявил сам Павлович – «к гору разгневанных преследователей и к ужасу ленивых подданных» [17, с. 31] – он продолжал снимать фильмы и издавать книги на протяжении целых восьми лет, пока продолжался его статус чиновника (в течение которых в рамках новой работы он изготавливал панно, декорировал коридоры и классы в новом корпусе Факультета драматических искусств), до момента получения звания профессора кафедры драматургии, где он преподавал теорию и практику киносценария.

Хотя 1973 год считается решающим в преследовании (новых)(черных) представителей волны, Петрович считал, что похоронная процессия началась раньше: «Принято считать, что похороны нового югославского фильма начались и состоялись в 1973 году. Это неправда. Траурная процессия была сформирована ранее [...]. Уже в 1967 году, после вручения премии в Каннах, раздавались голоса о «кризисе» новоюгославского фильма, о необходимости расплаты [...] в звездный момент на звезды надо плевать» [5, с. 344].

После запрета фильма «Мастер и Маргарита» и репрессий со стороны государства в отношении авторов черного фильма он больше не снимал фильмы в стране и был вынужден покинуть Югославию вместе с Жилником и Макаевым. Режиссер Желимир Жилник дает следующие показания:

«Саша Петрович несколько лет был во Франции, Макавеев тоже, а я был в Германии. Мое поколение уже знало, что после этой волны «ресталинизации» культурный климат и система ценностей в Югославии в 1972–1973 годах указывали на то, что она стала другой страной, а не той, что была в 1968–1969 годах. Система, которую мы считали открытой, внезапно излучила невероятное самоуничтожение. Мы говорим о художественной практике, но это была не единственная область, где полностью изменилась система ценностей. Изменения также произошли и в политических элитах, в экономике и т.д. Но в любом случае для меня раскопки могилы той страны, которая развалилась в 91-м, начались на 20 лет раньше» [18].

Период с 1973 по 1977 год отмечен как низшая точка отечественного художественного кинопроизводства ещё с начала шестидесятых годов [4, с. 149], а сами «эзекюторы черной волны» осознавали изменения» [1, с. 351]. Несмотря на то, что Петрович по сей день находится на вершине мирового кинематографа, он тогда остался в стороне, несмотря на хороший сценарий фильма о Банович Страхице. Это означало бы, что установка государства, воплощенная в государственном предприятии, заключалась в том, что рукопись была качественной, сценарист, несомненно, был знатком высшего уровня, но непригодным в качестве режиссера. На вопрос, почему он не снимается в нашей стране, Петрович в 1977 году ответил читателям «Дуги», что «фильмы здесь выигрываются, как выигрыш в лотерею». После «Скупщики перьев» я два года ждал нового фильма, а потом еще три года до следующего. Это правда, что время никого не ждет, даже Александра Перовича [...] Я написал сценарий «Сокол» по мотивам народной песни «Банович Страхица». Я терпеливо жду. Но, как мы говорили, время никого не ждет» [19, с. 21]. Ожидание не принесло результата. В 1981 году Петрович рассказал журналисту «Политики», что он написал сценарий для того, чтобы самому его режиссировать:

«И мне неоднократно говорили в компании, которой я передал сценарий, что нет средств для того, чтобы я снял этот фильм. Я говорил, что это будет не слишком дорого, У меня были свои расчеты, но уговаривать их было бесполезно. В конце концов дело дошло до того, что сценарий следует либо запрятать в ящик стола, либо его должен взять кто-то другой» [20].

Запреты и цензура кинорежиссёров в нашей среде во многом показательны. Оказалось, что аналогичные процессы почти одновременно происходили и в ряде других, прежде всего восточноевропейских кинематографов. Весной 1968 года советский критик Большаков (Иван Григорьевич) опубликовал в журнале

«Комсомольская правда», что, по его мнению, «период развития чехословацкого кинематографа, представленного всеми этими Форманами, Менцли, Немцами и иже с ними, не будет, несмотря ни на что, длиться долго», и именно в 1973 году в Праге был составлен список запрещенных фильмов, в который вошли почти все лучшие фильмы шестидесятых годов и завершившийся списком фильмов, запрещенных навсегда» [21, с. 279]. Временные запреты и саботаж при прокате в стране и за рубежом, вмешательство цензуры и сокрытие снятых фильмов от мира были широко известной практикой в социалистических странах и серьезно угрожали карьере талантливейших кинематографистов нескольких поколений. Мира и Антонин Лим называют подобные явления «резней» особенно критикуя резню в СССР, жертвой которой стала Чехословакия. Запреты и вмешательство в работу поставили Петровича и Павловича в семью европейских режиссеров, разделявших схожие творческие проблемы и возмущали власть своим искусством, к которому принадлежали великие Андрей Арсеньевич Тарковский и Андрей Сергеевич Кончаловский.

Следующий художественный фильм Петровича появился на Каннском кинофестивале под флагом другой страны. Речь идет о фильме «Групповой портрет с дамой» (*Gruppenbild mit Dame/ Portrait de groupe avec dame*), снятом в 1976 году в Германии в совместном французско-немецко-швейцарском производстве как единственный неюгославский фильм этого автора. А тем временем Петрович был вынужден сделать свой талант доступным продюсерам, проектам и фильмам вне художественной сферы. В семидесятые годы и во время запрет на работу в стране, Франция поручила Петровичу написать сценарии к фильмам «Эмануэль 2» (анонимно), «Банкир – Вампир» и сюжет к полнометражному документальному фильму о Дж. Ф. Кеннеди.

Нападкa на фильм «Групповой портрет с дамой» в Германии была образцом, применимым и в случае с Макаевым и Жилником, которые также попадали в процесс идеологического осуждения, а их творчество даже в эмиграции претерпело срыв, застой, цензуру или новый поворот, то есть оно столкнулось с теми же трудностями, от которых бежало. Михайло Илич пишет, что «стилистическая смесь правдивого фильма, прямого фильма, киноколлажа, киноэссе [...] Макаеева постоянно питается критическим отношением к политической реальности и сатирической насмешкой над социалистическими табу и гражданскими святынями», и что на Западе ему по-другому отомстили за то, за что ему не простили на родине, «потому что его еретический дух и исконный анархизм одинаково сбивали с толку продюсеров в мире

освобожденного капитализма» [8, с. 7]. А Жилник говорит, что в Мюнхене снимал провокационные фильмы и, что «Публичная казнь» (Öffentliche Hinrichtung, 1974 г.) и «Рай. Одна империалистическая трагикомедия», (Paradies. Eine imperialistische Tragikomödie, 1976 г.) были «запрещены в Германии специальной цензурой под названием «Freiwillige Selbstkontrolle» (добровольный самоконтроль)».

Вот почему я покинул Германию во второй половине 1976 года. Сегодня эти фильмы демонстрируются в Германии как первая реакция на «железный занавес», затронувший их в те годы, и в связи с напряженностью, вызванной «Rote-Armee-Fraktion». [...] Когда я вернулся из Германии, не было возможности найти поддержку кинофондов и кинокомпаний [22].

Югославский кинематограф получил второй импульс в конце второй половины 1970-х годов, но достижения, закончившиеся к концу «нового фильма», оставили след и ознаменовали последующую творческую карьеру большинства представителей предыдущего периода. Целое поколение лишилось времени своего взросления. Многие замолчали или отдалились от родины, их продуктивность снизилась, многие важные режиссеры (Пуриша Джорджевич, Матьяж Клопчич и Крето Папич) больше никогда не достигли уровня своих предыдущих фильмов, мало снимались (Бата Ченгич), либо они не снимались в Югославии (Желимир Жилник), либо в первую очередь посвятили себя преподаванию (Бранко Бауэр и Франс Штиглич), а самые важные артисты (Макавеев и Петрович) смогли записаться в своей стране только через более чем пятнадцать лет [21], поэтому они больше не достигли ожидаемых достижений и влияния.

Список литературы

1. Vučetić, Radina. Monopol na istinu: partija, kultura i cenzura u Srbiji šezdesetih i sedamdesetih godina XX veka. Beograd: Clio, 2016.
2. Nikolić, Kosta, Cvetković Srđan, Tripković Đoko (priređivači). Bela knjiga – 1984: obračun sa „kulturnom kontrarevolucijom“ u SFRJ. Beograd: Službeni glasnik: Institut za savremenu istoriju, 2010.
3. Милорадовић, Горан, «Лица у тами. Друштвени профил филмских цензора у Југославији 1945–1955. године». Годишњак за друштвену историју, год. XI, бр. 2–3, 2004, Београд 2006. С. 101–122.
4. Goulding, Daniel J. Jugoslavensko filmsko iskustvo, 1945–2001: oslobođeni film. S engleskoga preveo Luka Bekavac. Zagreb: V.B.Z., 2004.
5. Petrović, Aleksandar. Novi film 2: Crni film 1965–1970, Beograd: Naučna knjiga, 1988.
6. Судар, Властимир. Портрет умјетника као политичког дисидента: живот и дјело Александра Петровића. Превео с енглеског Властимир Судар. Београд: Филмски центар Србије, 2017.

7. Studentski list 10. 10. 1981: Babić Jelena, Skomeršić Danilo, Studentski list, 10. 10. 1981.
8. Ilić, Mihailo P. Serbian cutting. Filmski centar Srbije, Beograd 2008.
9. Holquist, Michael. "Introduction: Corrupt Originals: The Paradox of Censorship». PMLA, Modern Language Association. Vol. 109, No. 1, Jan. 1994. C.14–25. URL : <https://www.jstor.org/stable/463008?refreqid=excelsior%3A43b2d66abfc3a9fe859faa87e8f101b8>.
10. Munitić, Ranko. Adio, jugo-film!. Beograd: Srpski kulturni klub: Centar film; Kragujevac: Prizma, 2005.
11. Ређеп, Драшко. «Сценарио? Оно што се гледа». Петровић Александар. Соко. Зрењанин: Агора, 2011. S. 7–18.
12. Zum reporter 2–9. 9. 1982: Jovanović, Lela. «Verovatno opasan tip». Intervju: Saša Petrović. Zum reporter. Nedeljni ilustrovani list. Broj 830, od 02. 09. do 09. 09. 1982, godina XVIII, S. 53–55.
13. Volk, Petar. Let nad močvarom Aleksandar Petrović, svojim životom, delom i filmovima. Beograd: Institut za film; Novi Sad: Prometej, 1999.
14. Pavlović, Živojin. Planeta filma: sećanja. Pripredila Snežana Lukić Pavlović. Beograd: Zepter, 2002.
15. DeKjur, Greg. Jugoslovenski crni talas: polemički film od 1963. do 1972. u Socijalističkoj Federativnoj Republici Jugoslaviji. Prevela s engleskog Gordana Vaškot. Beograd: Filmski centar Srbije, 2011.
16. Павловић, Живојин. Ђавољи филм: огледи и разговори. 2. допуњено изд. Нови Сад: Прометеј; Београд: Југословенска кинотека, 1996.
17. Пантић, Михајло, (ур). Писци говоре. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 2007.
18. Izostavljena istorija / Omitted History. Transkript debate održane 18. 11. 2005. godine povodom otvaranja izložbe «Trajni čas umetnosti, Novosadska neoavangarda '60-ih i '70-ih godina XX veka», u Muzeju savremene umetnosti u Novom Sadu. Frankfurt am Main: Revolver, Archiv für aktuelle Kunst, 2006.
19. Duga 23. 7. 1977: «Zašto ne snima u našoj zemlji». Intervju: Žika Lazić je pitao Sašu Petrovića. Duga: ilustrovana revija, br. 89, 23. 7. 1977. Beograd.
20. Политика 28. 4. 1982: Глигоријевић, Мило «Југословенска цена славе. Како је Александар Петровић удесио да Београђани виде делове његовог филма који је на чудан начин склоњен од јавности? Познати редитељ даје онеспокојавајућу слику сопственог статуса и данашњег стања југословенске кинематографије.» Политика. Београд. 28. 4. 1982.
21. Lim, Mira i Antonjin J. Lim. Najvažnija umetnost: istočnovevropski film u dvadesetom veku. Prevela s engleskog Maja Ilić. Beograd: Clio, 2006.
22. Prejdová, Dominika. «Ljudi sa margine društva su pokretačka sila života na Balkanu», intervju sa Želimirom Žilnikom. <https://www.zilnikzelimir.net/sr/interview/ljudi-sa-margine-drustva-su-pokretacka-sila-zivota-na-balkanu>

ВЛАСТЬ КАК ФОКУС ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ

Ратегова Е.И.

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
студент*

E-mail: Kaaarya28@yandex.ru

***Аннотация.** В современном политическом контексте власть представляет собой основной элемент, определяющий возможность воздействия на принятие решений и контроль за ресурсами. Это понятие тесно связано с политикой, ибо является средством, с помощью которого формируются и реализуются политические стратегии. В основе понимания власти лежит не только её физическое или материальное проявление, но и способность воздействия на поведение других людей. Стоит отметить, что нравственные принципы являются основой общественных ценностей, норм и убеждений, определяющих то, что общество считает правильным и неправильным. В контексте политики моральные принципы играют значительную роль в формировании законов, политических решений и социокультурных ориентиров, на которых строится структура государства.*

***Ключевые слова:** Власть, политика, нравственность, влияние, противоречие, согласование.*

POWER AS THE FOCUS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN MORALITY AND POLITICS

Rategova E. I.

*Saint Petersburg State University of Economics,
student*

E-mail: Kaaarya28@yandex.ru

***Abstract.** In the modern political context, power is the main element determining the possibility of influencing decision-making and control over resources. This concept is closely related to politics because it is a means by which political strategies are formed and implemented. The understanding of power is based not only on its physical or material manifestation, but also on the ability to influence the behavior of other people. It is worth noting that moral principles are the basis of social values, norms and beliefs that determine what society considers right and wrong. In the context of politics,*

moral principles play a significant role in the formation of laws, political decisions, and socio-cultural guidelines on which the structure of the state is built.

Keywords: *Power, politics, morality, influence, contradiction, coordination.*

В современном политическом контексте власть представляет собой основной элемент, определяющий возможность воздействия на принятие решений и контроль за ресурсами. Это понятие тесно связано с политикой, ибо является средством, с помощью которого формируются и реализуются политические стратегии. В основе понимания власти лежит не только её физическое или материальное проявление, но и способность воздействия на поведение других людей.

Власть присутствует в различных сферах общества: политике, экономике, общественном управлении, социальных отношениях и т.д. Она может проявляться как в форме института политических структур (например, государство, правительство, парламент), так и в виде нематериальной власти, основанной на влиянии, авторитете, экспертизе, образе мышления и идей.

Важной характеристикой власти является возможность контроля за ресурсами, будь то экономические, политические, информационные, культурные или другие ресурсы. Взаимосвязь власти и политики состоит в том, что власть играет ключевую роль в формировании политических процессов и принятии решений, которые влияют на жизнь общества в целом.

Политика, в свою очередь, часто использует власть как инструмент для достижения своих целей. Она связана с процессом управления обществом, формулированием законов и принятием решений в рамках различных институтов и структур. Это означает, что власть и политика тесно связаны друг с другом и их взаимодействие определяет механизмы управления обществом.

Стоит отметить, что нравственные принципы являются основой общественных ценностей, норм и убеждений, определяющих то, что общество считает правильным и неправильным. В контексте политики моральные принципы играют значительную роль в формировании законов, политических решений и социокультурных ориентиров, на которых строится структура государства.

Политика, как способ управления обществом, обязана учитывать нравственные нормы и ценности при разработке стратегий и принятии решений. Принципы справедливости, честности, уважения прав человека, равенства и ответственности должны служить основой для

разработки законов и политических механизмов, чтобы обеспечить благополучие и справедливость для всех членов общества.

Иногда между моральными принципами и политическими решениями возникают конфликты. Например, политические действия, которые могут приносить выгоду определенным группам или стремиться к геополитическим целям, могут противоречить основным моральным нормам, таким как защита прав человека или этические аспекты ведения войны.

Тем не менее, недопустимо игнорировать моральные принципы в политике, поскольку они являются основой для формирования справедливого и гармоничного общества. Политические лидеры и государственные институты должны стремиться к соблюдению этих принципов в разработке законов и принятии решений.

Важным аспектом роли нравственных принципов в политике является создание баланса между реалиями политических интересов и этическими нормами. Это требует участия общества в формировании и контроле за принятием решений, а также прозрачности и открытости в политических процессах.

В истории и современной политике часто возникают ситуации, когда власть, как инструмент управления и контроля, сталкивается с моральными принципами и нормами. Это столкновение создает противоречия и дилеммы, поскольку политические цели могут иногда не совпадать с нравственными стандартами и ценностями общества.

Одним из ключевых противоречий является ситуация, когда политическая власть используется в интересах определенных групп или личных амбиций, что противоречит общепринятым моральным нормам. Это может выражаться в коррупции, нарушениях прав человека, ущемлении свободы и неравенстве, что в свою очередь вызывает недовольство и социальные конфликты.

Ещё одним противоречием является ситуация, когда политические решения, принимаемые в интересах общества в целом, могут столкнуться с определенными моральными убеждениями или принципами некоторых групп. Например, вопросы, касающиеся этической приемлемости абортов, эвтаназии, военных действий и других сложных вопросов, могут вызывать разногласия, так как несмотря на общественную пользу, они могут противоречить некоторым религиозным или этическим убеждениям.

Также существует разногласия между моралью и реальными политическими действиями, особенно в сфере внешней политики. Например, дипломатические отношения, ведение военных конфликтов, применение санкций и другие внешние действия могут противоречить

определенным моральным устоям или принципам, хотя в рамках политической реальности они могут быть необходимы для защиты интересов страны.

Однако следует отметить, что не всегда власть и мораль абсолютно несовместимы. Существуют сценарии, когда политические решения могут быть приняты, учитывая моральные принципы и ценности, основанные на справедливости, равенстве и уважении прав человека. Лучшие лидеры стремятся совмещать эти аспекты, учитывая как политические, так и моральные аспекты при принятии решений.

В контексте политики и управления обществом, использование власти требует сбалансированного подхода, который сочетает в себе реальные политические потребности с уважением и соблюдением моральных принципов. Такой подход направлен на то, чтобы власть не только служила интересам узкой группы, но и учитывала потребности всего общества.

Сбалансированный подход к использованию власти предполагает, что политические лидеры и органы власти должны учитывать моральные принципы и ценности при принятии решений. Это означает, что при разработке законов, политических стратегий и решений, необходимо оценивать их соответствие основным моральным нормам, таким как справедливость, равенство, уважение прав человека и ответственность.

Также подход включает в себя прозрачность и открытость в политических процессах. Это предполагает, что принятие решений должно осуществляться с учетом общественного мнения и участия граждан, обеспечивая обсуждение и принятие решений на основе демократических принципов.

Важно также учитывать, что использование власти должно быть ограничено законами и институтами, чтобы предотвратить злоупотребление и сохранить баланс интересов различных групп в обществе. Это включает соблюдение правовых норм и судебного надзора, что является неотъемлемой частью сбалансированного подхода к употреблению власти.

Балансирование интересов различных сторон также играет важную роль в использовании власти. Сбалансированный подход стремится удовлетворить потребности и интересы не только определенных групп, но и всего общества. Это означает, что при принятии решений необходимо учитывать возможные последствия и влияние на разные слои общества.

Вопрос о согласовании власти, морали и политики представляет собой сложную проблему, требующую глубокого анализа и поиска

путей интеграции моральных принципов в политические процессы. Это важный аспект, поскольку взаимодействие этих сфер определяет качество управления обществом и его развитие.

Один из путей согласования власти, морали и политики заключается в разработке этических кодексов или норм, которые бы являлись основой для принятия политических решений. Это предполагает установление четких и объективных правил, которые учитывают моральные принципы при разработке политики и законов.

Также важным аспектом является образование политических лидеров и общественных деятелей в области этики и морали. Обучение этике и моральным принципам в процессе подготовки политических кадров способствует осознанному и целенаправленному использованию власти с учетом нравственных аспектов.

Демократические институты и механизмы участия граждан также могут служить путем согласования власти, морали и политики. Общественное участие, обсуждение и учет мнения граждан в процессе принятия решений способствуют интеграции моральных принципов в политические процессы, делая их более ответственными перед обществом.

Еще одним важным путем согласования является поиск компромиссов и согласованных решений, которые учитывают разнообразные моральные установки различных групп в обществе. Это включает в себя уважение и учет различных точек зрения, нацеленных на достижение компромисса, который бы учитывал разнообразие моральных убеждений.

Наконец, эффективное согласование власти, морали и политики требует постоянного обсуждения и диалога в обществе. Открытость и возможность обсуждения моральных аспектов политических решений способствуют пониманию и приемлемости принимаемых решений.

Таким образом, пути согласования власти, морали и политики включают в себя разработку этических норм, образование, участие общества, поиск компромиссов и постоянный диалог. Их комплексное применение может способствовать созданию более этичной и сбалансированной политики, отвечающей интересам общества в целом.

Список литературы

1. Ирхин Ю.В. Взаимосвязь политики, морали и права / Ю.В. Ирхин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1. С. 7–15.
2. Ромашов Р.А. Политогенез. СПб.: Алетейя. 2020. 300 с.
3. Шмитт К. Государство: право и политика. М.: Территория будущего. 2013. 444 с.

4. Жакунова Т.С. Политика и мораль. М.: Рос. акад. управления. 1992. 94 с.
5. Damian A. Issues in Moral Philosophy. New York etc.: McGraw-Hill. 1986. 754 p.

ОБРАЗ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ»

Рашкин М.Н.

*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова,
аспирант*

E-mail: mn-rashkin@yandex.ru

***Аннотация.** Актуальность вопроса определяется постоянно обновляющимся концептом образа России, и неудивительно, ведь с точки зрения исторической составляющей можно отчетливо проследить характерные идеи и образы русского народа на протяжении столетий. На протяжении указанных временных интервалов наша страна представлялась в глазах мирового сообщества в различных интерпретациях и не всегда однозначных, но нельзя не согласиться с мнением, что один факт остается стабильным на всем протяжении необыкновенной Русской истории, который демонстрирует идентичность и самобытность любого государства, и это – Культура. В начале XXI века огромное влияние на формирование образа России в контексте культуры получил актуальный общественно-политический феномен – «культуры отмены», благодаря которому можно интерпретировать всевозможную поведенческую и мыслительную деятельность русского народа, в основе которой находятся базовые особенности мировоззрения, традиций и менталитета. Данная статья посвящена особенностям формирования образа России в контексте «культуры отмены», как внутреннего политического сознания, так и имиджевого представления России во внешнеполитическом контекстах.*

***Ключевые слова:** культура отмены, социальная справедливость, имидж, культурное наследие.*

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF «CANCEL CULTURE»

Rashkin M.N.

*V.G. Timiryasov Kazan Innovation University,
PHD-student*

E-mail: mn-rashkin@yandex.ru

Abstract. *The relevance of the issue is determined by the constantly updated concept of the image of Russia, and it is not surprising, because from the point of view of the historical component, one can clearly trace the characteristic ideas and images of the Russian people over the centuries. During the indicated time intervals, our country was presented in the eyes of the world community in various interpretations and not always unambiguous, but one cannot but agree with the opinion that one fact remains stable throughout the extraordinary Russian history, which demonstrates the identity and originality of any state, and this is - Culture. At the beginning of the 21st century, a current socio-political phenomenon – «cancel culture» – gained enormous influence on the formation of the image of Russia in the context of culture, thanks to which it is possible to interpret all kinds of behavioral and mental activities of the Russian people, which are based on the basic features of their worldview, traditions and mentality. The article is devoted to the peculiarities of the formation of the image of Russia in the context of «cancel culture», both internal political consciousness and the image representation of Russia in foreign policy contexts.*

Keywords: *cancel culture, social justice, image, cultural heritage*

Исторические факты свидетельствуют о применении феномена «отмены» еще с древнейших времен, так древние греки проводили голосование с целью определения наиболее опасного гражданина и изгоняли его из общества на годы [1].

Зарубежное понятие «культуры отмены» появилось относительно недавно, но достаточно быстро набрало огромную популярность в России благодаря сети интернет и, в частности, социальным сетям. Его принято рассматривать как реакцию на события и информацию о социальной и политической несправедливости, которая вызывает негативные чувства и заставляет проявлять свою социальную позицию. Междисциплинарный анализ данного феномена показал, что данный инструмент позволяет достигнуть определенных социально-политических целей в умелых руках посредством определенных манипуляций [2].

Стоит отметить, что данное понятие появилось как нечто безобидное и несло характер социальной справедливости. Например, в Китае этот феномен возник на позитивных началах, где людей объединял интерес к произведениям культуры. В американском обществе подобный феномен вырос на негативной почве и стал называться «cancel culture», задачей которого являлось преследование лиц, не получивших заслуженного наказания [3].

В статье Помысова А.Ю., Саидгараева Р.Р. и Хизбуллина Р.Р. «Культура отмены: взгляд молодежи» приведен анализ опроса среди студентов нескольких университетов Казани, целью которого было понять, как российская молодежь относится к данному феномену.

В рамках проведенного опроса 63% респондентов оказались знакомы с понятием «культура отмены». Интересным является факт: 60% респондентов высказались, что как потребители они смогут отказаться от продукции бренда, если он будет замешан в громком скандале и станет объектом социального осуждения, фактически подтверждая результативность применения «культуры отмены» по отношению к молодежи.

Анализ полученных показателей подтверждает выводы авторов статьи о том, что данный феномен в России изучен недостаточно и в дальнейшем может получить распространение в рамках изучения поведения социальных групп в области философии, культурологии, социологии и психологии [4].

Рустамова Л.Р. и Иванова Д.Г. отмечают, что принимая во внимание достигнутые масштабы, явление «отмены» может быть определено как механизм выработки новой политической культуры, которая призвана «посредством подрыва имиджа объекта исключить его из существующих норм международного общения, то есть делегитимировать его» [5, с. 438].

В дипломатической практике к культуре обращаются в контексте укрепления взаимоотношений между странами/народами и для предотвращения вражды. Но, как ни странно, именно российские культурные деятели были одними из первых, кто столкнулся с явлением «культуры отмены», что можно считать отступлением от основополагающих правил культурной дипломатии [5].

К примерам негативных последствий применения «культуры отмены» в отношении России можно отнести отстранение от участия в различных международных фестивалях, приостановку сотрудничества в театральной сфере, исключение музыкальных коллективов, вмешательство в духовную сферу жизни общества, уничтожение памятников культурного наследия, что, безусловно, оказывает пагубное влияние на внешнюю политику и влечет за собой уничтожение «русского следа» из мирового культурного наследия [6].

Еще одним пагубным последствием применения «культуры отмены» для России является пересмотр исторического наследия. В школах западных стран открытым текстом заявляют, что именно США являются единоличным победителем немецко-фашистского режима. В Японии демонстративно умалчивается ужасающий факт применения

ядерной бомбы так называемыми «союзниками» в городах Хиросима и Нагасаки. В этом контексте России необходимо прорабатывать различные сценарии дальней эскалации событий и искать методы борьбы с опасными проявлениями «культуры отмены» [7].

Данные события можно отнести к «культурному терроризму», который влечет за собой хаос и разруху. Стоит подчеркнуть, что за всем этим стоят не отдельные личности, а целые международные институты, которые связаны с правительством стран Запада [5].

Возникает очевидный вопрос, как быть в данной ситуации? Следует искать новые пути интеграции культурной дипломатии, продемонстрировать новый взгляд на мировые события. Хорошим инструментом может послужить проведение международных благотворительных концертов классической музыки и театральных представлений. Как показывает исторический опыт, данные инструменты продемонстрировали положительное влияние во времена «Железного занавеса».

Опрос ВЦИОМ в 2022 году показал, что 33% наших соотечественников не увидели ничего нового в попытках «отменить» Россию, 25% опрошенных считают, что вред будет незначительным, 23% видят в такой политике лишь стимул для развития русской культуры, и только 12% ответили, что данные события наносят большой вред. 10% россиян согласны с применением аналогичной практики к западной культуре, а 46% респондентов категорически отказались от ответных санкций [8, с. 91].

Анализ предоставленных результатов подтверждает факт того, что российские граждане обладают иммунитетом к феномену «культуры отмены». Великая культура и история, литература и искусство становятся стержнем, который позволит сохранить идентичность и целостность России.

Также значимым инструментом борьбы с «культурой отмены» для России может выступить разнообразие религиозных конфессий, которое открывает широкие возможности для диалога России с Азиатскими государствами, а также странами Ближнего и Среднего Востока. Толерантность и дружелюбность взаимоотношений между различными конфессиями в России формирует положительный образ страны и демонстрирует благоприятное воздействие на сферу внешней политики. Подходящим примером искренности таких взаимоотношений являются уже традиционные события, происходящие накануне Пасхи в городе Пушкин Московской области. Мусульманская община ежегодно проводит субботник возле одного из храмов города, чтобы сделать подарок православным.

Далее мы рассмотрим понятие «культура отмены» внутри России, с точки зрения внутреннего политического сознания. В очередной раз обратимся к такому универсальному инструменту интерпретации, как история, ведь именно она выступает своего рода «строительным материалом» для конструирования разных типов социальных идентичностей [9].

К примеру, система образования в XX веке показала себя, с одной стороны, мощным инструментом воспитания патриотизма, интернационализма и нравственности. Были достигнуты высокая мотивированность учащихся, удовлетворение колоссального запроса государства на новые кадры в условиях резкого роста промышленности, армии и науки. Имеющиеся ресурсы позволили Советскому Союзу первым в мире отправить человека в космос, ставились глобальные государственные планы развития (ГОЭЛРО, строительство Беломорканала, Транссибирской магистрали и пр.), которые воспринимались обществом с энтузиазмом и с мотивирующими лозунгами «Пятилетку – в четыре года!». Но, с другой стороны, были и значительные минусы у такой системы образования: низкое качество гуманитарного образования, ограниченность высшего образования, ограниченность иностранной научной литературы, идеологическая цензура и прочее. В связи с чем, в результате реформационных преобразований, в начале XXI века правительством было принято решение полностью приравнять систему высшего образования к европейским стандартам, что повлекло за собой внесение изменений в образовательные программы и учебную литературу.

Но в связи с санкциями по отношению к России начали возникать различные сложности в международном научно-техническом сотрудничестве и как результат - в 2022 году Министерством науки и высшего образования РФ принято решение выхода российских вузов из Болонской системы образования.

К «культуре отмены» в России можно отнести события 1917 года, которым советское руководство уделяло огромное внимание в контексте идеологической составляющей. Неслучайно в конце XX века в стране было большое количество улиц и заводов, многие кинематографические произведения были посвящены событиям Октябрьской революции. Но начало перестройки стало отправной точкой переосмысления устоявшегося нарратива.

Политическое руководство страны стало обращаться скептически к данному историческому факту, предпочитая акцентировать свое внимание на событиях Великой Отечественной войны. Значение революции подверглось радикальной переоценке. То, что в советское

время интерпретировалось как исторический рывок, позволивший России стать лидером прогресса, трансформировалось в «катастрофу», прервавшую «нормальный» путь развития страны. В 1999 году В.В.Путин отметил: «Россия исчерпала свой лимит на политические и социально-экономические потрясения, катаклизмы, радикальные преобразования. Только фанатики или глубоко равнодушные, безразличные к России, к народу политические силы в состоянии призывать к очередной революции» [10, с. 68].

Согласно опросу Левада-Центра, в 2007 году более 50% респондентов считали результаты революции положительными, 19% опрошенных отметили ее катастрофичность. В 2012 году ВЦИОМ повторно провел аналогичный опрос, результатом которого стали следующие показатели: 27% респондентов считали, что события 1917 года стали мощным источником социального развития, 18% опрошенных считали ее катастрофой для России. Согласно опросу 2017 года, больше всего наши сограждане гордятся победой в ВОВ (примерно 76%), а революцией - всего 6% граждан [10, с. 84].

Данные показатели подтверждают факт успешного применения феномена «культуры отмены» политическим руководством России.

Мы становимся свидетелями продвижения «культуры отмены» практически на всех популярных цифровых ресурсах, в кинематографе, музыке, архитектуре, религии и интернете. И было бы странно не предполагать, что найдутся акторы, которые не воспользуются столь эффективным инструментом для усиления контроля над обществом и для борьбы за превосходство.

Дашинимаев Г.Ю. отмечает, что феномен «культуры отмены», начавшись как реакция на беззаконие и несправедливость, активно используется для достижения своих интересов, формирует образ будущего, образ новой этики, где общество может войти в новый этап своих общественных норм, что само по себе является важным этапом в развитии России [11, с. 23].

Подводя итоги, хочется отметить, что «культура отмены» – это политический инструмент, который используется для достижения своих целей. Не следует воспринимать данное понятие, как социальную справедливость. В голову приходят слова Д.Лихачева: «Ни одна страна в мире не окружена такими противоречивыми мифами о ее истории, как Россия, и ни один народ в мире так по-разному не оценивается, как русский» [12].

Список литературы

1. Грунин Г.А. Новая этика как социокультурный феномен: исследовательские возможности глубинного интервью // Сборник статей молодых ученых

- «Труды молодых исследователей ВИУ РАНХ и ГС». - Волгоград, 2023. С. 78-85.
2. Тарсаков И.Ю. Культура отмены как инструмент манипулирования // Медиачтения СКФУ: взгляд молодых исследователей: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 19–20 мая 2022 г.) / отв. ред. О.И. Лепилкина, А.М. Горбачев. – Ставрополь, 2022. С. 125-126.
 3. Стрекалов Г.С., Филиппович Ю.С. О некоторых особенностях феномена «культура отмены» // Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал. The Collection of Humanitarian Researches. Electronic scientific journal. С. 36-41.
 4. Помысова А.Ю., Саидгараева Р.Р., Хизбуллина Р.Р. Культура отмены: взгляд молодежи // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-исследовательской конференции (г. Грозный, 10-11 декабря 2021 г.) / г. Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ, 2021. С. 241-245
 5. Рустамова Л.Р., Иванова Д.Г. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. С.434-444.
 6. БКС Экспресс - URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/chto-takoe-kultura-otmeny-kto-i-pochemu-stal-personami-non-grata> (дата обращения: 02.09.2023).
 7. Бабалова М. Владимир Путин: Пресловутая «культура отмены» превратилась в «отмену культуры» // Российская газета. - URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html> (Дата обращения: 02.09.2023).
 8. Чугров С.В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 88-98.
 9. Малинова О.Ю. Политика идентичности. Символическая политика: сборник научных трудов. – М., 2017. 356 с.
 10. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
 11. Дашинимаев Г.Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. 2021. № 1. С. 19-24.
 12. Лихачев Д.С. Мифы о России старые и новые // Наука и жизнь. 2007. № 1. - URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/8660/> (дата обращения: 17.09.2023).

«МАТЕРИНСКИЙ АРХЕТИП» РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА

Рожковский В.Б.

Доктор философских наук

Ростовский юридический институт МВД России

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется идея А.С. Панарина о «материнском архетипе» русской православной культуры, воплощающемся в личностно-социальных ценностях сострадания и жертвенности. Показывается, что в духовно-исторических ориентирах этот архетип позволяет России быть «родиной гонимых» для других народов, в особенности ставших жертвами колониальной и неоколониальной политики западных элит, и может служить в качестве одного из оснований ее идентичности как самобытного государства-цивилизации, претендующего в современном глобальном противостоянии с Западом на новые принципы мирового порядка.

Ключевые слова: материнский архетип, русская православная культура, А.С. Панарин, жертвенность, антиколониализм.

THE "MOTHER ARCHETYPE" OF RUSSIAN ORTHODOX CULTURE IN THE CONTEXT OF THE MODERN GLOBAL CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND THE WEST

Rozhkovsky V. B.

Doctor of Philosophy

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines

E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

Abstract. The article analyzes the idea of A.S. Panarin about the "maternal archetype" of the Russian Orthodox culture, embodied in the personal and social values of compassion and sacrifice. It is shown that in spiritual and historical orientations, this archetype allows Russia to be the "homeland of the persecuted" for other peoples, especially those who have become victims of the colonial and neocolonial policies of Western elites, and can serve as one of the foundations of its identity as an original state-civilization, claiming new principles of the world order in the modern global confrontation with the West.

Keywords: maternal archetype, Russian Orthodox culture, A.S. Panarin, sacrifice anti - colonialism.

В наше время череда значительных политических потрясений и конфликтов, вольно или невольно вовлекающая нас в те или иные оценки, меняющая сознание даже на обыденном уровне, вместе с тем, самой масштабностью и яркостью внешних явлений может заслонить понимание глубинной логики исторического бытия. Принять внешние явления за прямое выражение этой глубинной логики и всецело руководствоваться вопросами «сегодняшнего дня», – меньше всего такой прагматичный подход позволяет понять действительные вызовы, обращенные к России.

Так, политические заявления Президента Российской Федерации В.В. Путина в 2022-2023 гг. о том, что именно наша страна в XX веке возглавила антиколониальное движение [1] и в настоящее время активно включилась в антиколониальную борьбу в противостоянии с коллективным Западом (в лице западных элит, остающихся по своей сути колонизаторскими) и его идеологией однополярной гегемонии, опрометчиво рассматривать лишь в качестве тактических задач сегодняшнего дня, связанных с поддержкой Россией антиколониальной проблематики во внешнеполитических отношениях. Некоторые ученые отмечают, что «левоосвободительный дискурс и левые ценности», характерные для антиколониальной политики Советского Союза, «не являются сколько-нибудь значимыми во внутрироссийской официальной идеологической политике и значительно более весомую роль играет продвижение правоконсервативных ценностей» [2]. При этом настоящие исторические вызовы России, состоящие, во-первых, «в открытости к левоосвободительному дискурсу», а во-вторых, в возможности «сотрудничества несистемных левых и правых политических сил» [2], касаются не просто нахождения властью идеологического консенсуса «правых» и «левых» и единообразия внешне и внутривнутриполитического дискурса. Они предполагают преодоление идеологии колониализма за счет принципиально отличной от нее ценностной парадигмы, органичной для России и способной получить широкий отклик среди народов стран-жертв колониальной и неоколониальной политики Запада. Назрела необходимость более глубокого изучения фундированности антиколониализма в отечественной истории и культуре, ее философско-идейных смыслов. В ходе такого исследования удастся получить ответ на вопрос, может ли быть рассмотрена современная антиколониальная миссия России как органическое выражение объединяющей общество Русской идеи в ее культурно-цивилизационном и духовно-ценностном измерении.

В этом плане творческие идеи А.С. Панарина, сформулированные еще в конце 90-х – начале 2000-х годов в ряде его работ, и отражающие, прежде всего, понимание глубинной логики исторического развития, или говоря словами Н.А. Бердяева, «внутреннего измерения» России, приобретают особенную актуальность. К таким идеям принадлежит идея об исторически присущем русской культуре и цивилизации «материнском архетипе», определяющем ее прошлое, настоящее и будущее бытие как самобытного государства-цивилизации. Эта идея характеризует, безусловно, не столько то, что оказывается на поверхности социальной и политической жизни, сколько свидетельствует о действии глубинного духовно-ценностного импульса в душе России – культурного архетипа, имеющего свойство с особенной силой проявляться именно в периоды испытаний и потрясений.

Указанный архетип не имеет у А.С. Панарина статуса рационального понятия и связан с фиксацией особого рода антиномий народного религиозного сознания. Рассматривая сущность культуры в религиозном – христороцентричном смысле, А.С. Панарин различал в ней два фундирующих творческих начала: образ справедливого ветхозаветного Бога-Отца, «Бога-законника» и образ Бога-Христа, «Бога милосердия», обретающего на уровне народного православного сознания «материнские черты» [3, с. 158]. Неслучайно почитание «Всемилоостивого Спаса» сопрягается в духовных молитвенных практиках и традициях с особым почитанием Богородицы. По мнению отечественного мыслителя, существует достаточное богословско-домостроительное обоснование различия образа ветхозаветного Бога абсолютной правды и евангельского Спасителя, Который испытал все обстоятельства и страдания земной жизни человека. В исторической «...эволюции народного духа ощущается... логика ухода от Бога-законника к Богу милосердия» [3, с. 158]. Именно образ евангельского Спасителя в Его кенотической Жертве и исключительного ходатайства Богородицы к Нему ради любви и благодатного снисхождения ко всем людям становится центром притяжения в русской культуре и социальной жизни. Христианско-материнское в культуре проявляется в особо присущих русской душе милосердию и состраданию, жертвенности и дарении. Проясняя «онтологию дарения», А.С. Панарин, по сути, и говорит о смыслах христианской сопричастности кеносису Бога, явленного в актах личностной жертвенности, как свободной потребности, образующей новую социальную ткань жизни. В этом отношении он выделяет особый антропологический тип личности, идеал которой сложился в русской православной культуре, – личности «космоцентричной», а не «социоцентричной» [3, с.127], не исчерпываемой социальными качествами самодостаточного (свободного от религиозно-духовных

интенций) «индивида». Отечественный мыслитель выделяет и связанную с материнским архетипом особую открытость русской души во внешний мир, позволяющую России в духовно-историческом смысле быть «родиной гонимых» – собирательницей и защитницей всех тех народов и культур, которые испытывают социальные и политические притеснения.

В наше время данный архетип отражается, с одной стороны, в заявленной от лица государственной власти социально-политической стратегии поддержания антиколониального движения, как и в целом в идее культурно-исторической и социально-политической самоценности цивилизаций и борьбе против ценностного и культурно-цивилизационного доминирования и политической гегемонии коллективного Запада. Именно в силу лично-жертвенной «накаленности» своей души Россия исторически была чужда в обычном понимании завоеваний и как бы неспешна на применение внешней силы, всякий раз проверяя и предвзято ее применение религиозно-нравственными соображениями. С другой стороны, данный архетип обращен и во внутриполитическую жизнь России – против так называемого внутреннего колониализма со стороны либеральных элит в отношении собственного народа. По А.С. Панарину, «материнский архетип» противостоит «отцовскому» историческому логосу, выражающему такое начало в отношениях элит и собственного народа и историческом сосуществовании цивилизаций, где господствует идея «прогресса», побеждают «сильные» (Ф. Ницше), «господствующие или передовые классы» (К. Маркс), и в целом определяют ход истории передовые, «исторические» народы (Г. Гегель). В отличие от «материнского» архетипа, представляющего собой христианскую участливость «к труждающимся и обремененным», «отцовский» архетип есть, по его мнению, языческий дух земного самоутверждения. Народное православное сознание, в котором преобладают черты материнской, семейной «соборности», противостоит эгоистическому, религиозно выхолощенному сознанию представителей элит, экономически, культурно и политически обособляющихся и возвышающихся над большей частью населения планеты, и отстаивающих идею прогресса (прогрессизма) вне связи с традиционными христианскими ценностями.

Материнский архетип выражает действие онтологии христианской кенотической жертвенности в русской культуре. Описание этого действия дано в произведениях А.С. Панарина достаточно многогранно, в различных исторических перспективах. Он тем самым оригинально развивает линию русской религиозно-философской традиции, солидаризируясь с интенциями этой идеи в лице «славянофилов» – И.В. Киреевского и А.С. Хомякова и обращая идею материнского архетипа к современности.

Рассматривая русскую культуру как культуру православно-христианскую, мы находим в ней, прежде всего, лики русских христианских святых, но также и целый ряд причастных по своей онтологии и родственности культурному архетипу личностей воинов, священников, писателей, врачей, ученых, учителей. Культурно-социальное пространство здесь порождала такая онтология, которая в целом избыточна для обыденной жизни людей, где главенствуют земные ценности и приоритеты. Право и историческое призвание на этот онтологический избыток в культуре, который невозможно учесть в секулярных концепциях культуры, представляется, дает особенное, неожиданное со стороны врагов, преимущество России в цивилизационных противостояниях. Оправданным является само понятие «русская православная культура», которая отличаются особым одухотворенно-жертвенным способом бытия личности, стремящейся во всех сферах своей жизни и творчества «быть со Христом». Однако нравственный максимализм и цельность христианского идеала приводят к тому, что культурное воспроизведение жертвенности оказывается сколь свойственным личностному опыту русских подвижников, столь и в значительной мере лишь «подсознательным» для социума в целом, перетекая в архетипические глубины народной жизни. Поэтому данные духовные ориентиры и миссия русской культуры предполагали в ее историческом существовании немалое пространство риска.

Христианский опыт жертвенности включает в себе универсальный антропологический смысл и, вместе с тем, он мистически иномирен и динамичен, вплоть до противостояния всякой социальной и культурной усредненности. Он не позволяет истории превратиться в однородную плоскость земной культуры и предопределяет антиномии между мистической жизнью и внешней сферой культуры. Осмысляя данные антиномии, в свое время Н.А. Бердяев указывал на присутствие в «русской душе» христианского «мужественного вселенского логоса» и иного, внешнего ему начала – «женственной национальной стихии», «русской земли в ее языческой первородности» [4], что, по его мнению, предопределяет противоречивость и трагизм русской души в реальной истории, неспособной к полноценному выходу в сферу культурного творчества. Некоторые русские мыслители (Г. Флоровский и др.) справедливо упрекали Н.А. Бердяева в упрощении и в определенном смысле ошибочной интерпретации соотношения христианского – языческого, религиозно-мистического – культурного и социального (творческого) в метафизике русской души. Мы видим, что, отстаивая идею православного материнского архетипа, А.С. Панарин переописывает антиномии христианского – языческого в русской культуре, которые были

представлены Н.А. Бердяевым и включали в себя, в том числе, уничижительные характеристики «рабьего» и «бабского» в русской душе. А ведь именно по этим характеристикам Н.А. Бердяева в существенной степени судили о психологии русского человека западные ученые в прошлом веке. Религиозно-нравственный максимализм в поиске «личного спасения» и Правды на земле, способность к состраданию и самопожертвованию, упование на чудо и Благодать и т. п. свидетельствовали, по убеждению А.С. Панарина, не о женско-пассивном характере религиозности, противоположном области культуры и социальной активности, а о больших онтологических возможностях, о духовной свободе и высоком горизонте доверия человеку в русской культуре.

Для А.С. Панарина и в опыте советской России, в условиях открытого противостояния религиозной вере и Церкви, сохранялись христианские импульсы работы материнского архетипа, поскольку сохранялась в русском народе действенность качеств жертвенности и сострадания, например, в ходе Великой отечественной войны. Вряд ли, конечно, при этом большинство советских людей сознательно обращались к Богу, хотя даже в 30-е годы воинствующего атеизма, согласно статистике, значительная часть населения СССР считали себя верующими, но и в их жертвенном подвиге сохранялась неявным образом интенциональность жертвенности; подвиги советского человека можно считать выражением измененной, секулярной формой христианской жертвенности [5, с.22]. Человек в советской России проживал больше, чем планировалось навязанной ему идеологией. Однако социально-действенная жертвенность советского человека, получая энергию из архетипических глубин русской души, осуществлялась в иной форме, в форме, подобно «прометеевской», жертвенности нового «сверхчеловека» в массовом обличье.

Онтологию потребности в личностной жертвенности и сострадании другим нельзя рассматривать как постоянно являющуюся и внешне положительно выразимую в истории. Говоря в 90-е годы прошлого столетия о феномене «новых русских» с их приоритетами экономической «выгоды» и «эдиповой» инфантильностью в отношении служения высшим ценностям, являющими феномен отрицания в массах антропологического типа «советского Прометея», А.С. Панарин тем самым свидетельствовал о «лишних людях», «нелегитимных подпольщиках», неспособных составить подлинной социальности и подлинной духовно-культурной элиты, но составивших, тем не менее, влиятельные либеральные псевдоэлиты. Не получившие духовно-культурной легитимности, возможной в России только в перспективе кенотического архетипа, они в наше время самоизобличаются самым актом бегства из страны. Интенциональность

сострадания и жертвенности в материнском архетипе противостоит ценностям либеральной отечественной и западной псевдоэлиты.

Новая социальная ткань России, становящаяся основой здорового общества, формируется, как это часто бывало в русской истории, в тяжелых событиях противостояния, требующих жертвенного напряжения и нравственного исцеления всех душевных сил, – с 2014 года, со времени «Русской весны». И явлена она в многочисленных примерах поведения русского воина, священника, врача, военного корреспондента, волонтера..., в которых дано не просто пренебрежение опасностью, но и воплощение ими фундаментального христианского отношения, выраженного, в частности, в самообязательстве *«своих не бросаем»*. И притом вплоть до такой духовной мобилизованности, когда *«идти до конца»* означает необходимость по-евангельски *«жизнь положить за други своя»*, и в то же время – проявить гуманное отношение к побежденным (пленным, поверженным). За последние годы общество в России постепенно становится другим, не лишенным чувства «нерва» своей страны, равнодушным к ценностям, проходящим испытание «на линии фронта». Как и в прежние времена, русский человек проявляет себя героически, своим жертвенным подвигом духовно компенсируя и недостатки в «системе», и феномены «средних людей». Наличие такой новой социальной ткани вызывает непонимание и неприятие у западных идеологов и элит, а также мыслящих себя в их идеологическом русле отечественных псевдоэлит и массы инфантильных «средних людей». Эти элиты порождены в ином ценностном и цивилизационном пространстве задолго до современных вооруженных конфликтов. А.С. Панарин отмечал, что они следуют и оценивают все происходящее согласно породившей их «лаистской» или «светской» логике, которая отстаивает идею «развития и расширения «нейтральной» сферы, ускользающей от духовно-религиозной цензуры и от максималистских оценок» [6, с.292]. Такие элиты, был убежден А.С. Панарин, невозможно перевоспитать «языческой эстетикой» державного величия и силы, избавив от присущего ей нигилизма, апатии, инфантилизма, ибо «сила как таковая есть элемент языческий» [6, с.285]. Говоря о материнском архетипе, ни в коем случае нельзя свести его к некоей непримиримой противоположности «мужской» силе (организующему, экстравертному началу в социально-политической жизни). Культивирование этого архетипа означает не отвержение «силы», или волевой организации как таковой или уход от активной социально-культурной жизни в кроткую религиозную мистику, а лишь отрицание возможности преодоления современных исторических вызовов «голой силой», на уровне лишь силового (вооруженного) противостояния или применения сильной власти. «Дуалистичность российской культуры» [7,

с.346] есть не недостаток ее, а преимущество, хотя и сопряженное с особенными рисками. Сегодня именно преобразование заново осознавшей в себе политическую мощь и национальное – культурно-цивилизационное достоинство страны «энергией религиозности» [7, с.376], творческой причастностью к христианскому архетипу является ключевым моментом ответа на вызовы истории в противостоянии с Западом.

Список литературы

1. Стенограмма обращения Президента Российской Федерации (30.09.2022 г.) [Электронный ресурс]. - URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-obraschenija-prezidenta-rossiiskoi-federacii-30-09-2022.html> (дата обращения 3.11.2023)
2. Барабанов О. Левые или правые: возможна ли антиколониальная борьба под правоконсервативными лозунгами [Электронный ресурс]. - URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/levye-ili-pravye/?ysclid=loi90bs04h228903865> (дата обращения 3.11.2023)
3. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. – 492 с.
4. Бердяев Н.А. Судьба России. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-berdyayev/sudba-rossii-174567/chitat-online/?ysclid=loml9i3uhj673397583> (дата обращения 3.11.2023)
5. Рожковский В.Б. Превращенная форма христианской жертвенности: феномен советского человека // Философия права. 2015. № 1. С.21-25.
6. Панарин А.С. Будущее постлиберальной России // Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. – 336 с.
7. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2004. – 640 с.

КРАТКИЙ ОБЗОР ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ В ДАРДАНИИ

Мария М. Савич

*Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,
сотрудник - специалист*

E-mail: marijasavic84@gmail.com

***Аннотация.** В статье дается небольшой обзор воинских частей, их расположения и роль на Дарданской земле. Центр этой территории целиком включает в себя нынешнюю территорию южной сербской провинции Косово и Метохия, которая во время римского владычества относилась к Верхне-Мезийской провинции, а затем имела статус самой провинции. Учитывая административно-правовую реформу, а также военную реформу, проведенную в конце третьего века, роль Дарданской области, когда речь шла об армии, особо не отличалась,*

она сводилась скорее к экономической роли в плане обеспечения мирной эксплуатации природных ресурсов и их безопасной транспортировки, а также тылового обеспечения воинских частей на границе.

Ключевые слова: Дардания, Косово и Метохия, армия, коммуникации, античный период.

Abstract. *This paper elaborates the summary of military units, their arrangement and role on the Dardanian soil. The center of this territory includes in its entirety the present-day area of the southern Serbian province of Kosovo and Metohija, which during the Roman domination belonged to the Upper Mesian province, and later gained the status of a province itself. Considering the administrative and legal reform, as well as the military reform, carried out at the end of the third century, the role of the Dardanian area, when it comes to the army, did not differ much, it was reduced more to an economic role in terms of ensuring the peaceful exploitation of natural resources and their safe transport, as well as logistical support for military troops at the border.*

Keywords: *Dardania, Kosovo and Metohija, army, communications, ancient period.*

Дардания — название римской провинции, возникшей в результате административно-правовых реформ, проведенных императором Диоклетианом после его прихода к власти. В нее входила сегодняшняя часть южной Сербии с Косово и Метохией. До вышеупомянутых реформ территория провинции Дардания входила в состав римской провинции Верхняя Мезия, ее южной части. Учитывая, что дарданская территория включала южную часть Верхне-Мезийской провинции, то западная, южная и восточная границы совпадали с границами провинции, тогда как северная граница является предметом различных толкований. В науке принято мнение, что северная граница проходила вблизи Западной Моравы и включала территорию древнего Наисуса, к востоку от реки Велика Морава [1, с. 156]. Дарданская область была включена в состав новосозданной римской провинции Мезия, скорее всего, около 15 г. н.э., во время правления Тиберия. Позднее, во времена правления императора Домициана, в связи с облегчением военной обороны провинция Мезия была разделена на Нижнюю и Верхнюю, в результате чего Дарданская область вошла в состав провинции Верхняя Мезия, занимавшей всю территорию нынешней Сербии с северной границей по реке Дунай [2, с. 77]. В доримский период территорию Дардании населяли старые балканские племена — дарданцы, в честь которых южная часть Верхне-Мезийской

провинции называется «Дарданской», а позже, в Период поздней античности, и сама провинция носит их имя.

Процесс романизации проходил по-разному, сначала затронув видные места на границе, за счет строительства и развития дорожной сети, первоначально носившей военный характер, потому что он использовался военными легионами в процессе укрепления римской власти в завоеванных центрально-балканских областях и установления границы на берегах Дуная [3, с. 22]. Романизация обычно означает распространение латинского языка, римской культуры и обычаев. Коренное население, особенно аристократия, быстро восприняло римскую культуру, а латинский язык стал доминирующим. Установлением и укреплением мира и безопасности на границах становится возможным стабильное политическое и экономическое развитие Империи, которое будет сохраняться до времен Севера. Первыми на завоеванную территорию прибыли воины, которые были преимущественно выходцами из западной части Римской империи, а в ходе консолидации римской власти, уже со второго века, в воинские ряды вступало и коренное население в составе вспомогательных римских воинских частей. Особенно число провинциалов увеличилось в период с конца второго века и в течение третьего века. Со времен Севера военные вместе с семьями могли поселиться в окрестностях военных лагерей, что привело к стиранию различия между военными и гражданскими лицами [4, с.117-121]. Ветераны войны и члены их семей составляли значительную часть населения завоеванных провинций и, следовательно, также на Дарданской территории. Их прибытие в эту область Верхне-Мезийской провинции был обусловлен государственными интересами, особенно природными ресурсами, которыми была богата Дарданская территория. Она была особенно известна своим богатством металлических руд серебра, свинца и цинка, а также наличием плодородных почв, особенно котловина Метохия, пригодна для различной сельскохозяйственной деятельности. Учитывая, что в данный период на территории Верхней Мезии дислоцировались два легиона со штабами: в Белграде Легион IV Флавия Феликса, а в Костолаце Легион VII Клавдия. Члены вышеупомянутых легионов присутствовали также в южной части провинции, на Дарданской территории, где оставили многочисленные следы своего присутствия в виде надгробий и votivных памятников. Армия была развернута для обеспечения бесперебойного движения и перевозки товаров и услуг по дорогам, которые пересекались на этой территории и образовывали пересечение основных коммуникаций, связывавших границу на Дунае с другими частями Империи [3, с. 20; 5, с. 16-18].

Армия руководила работой рабов на рудниках, а также охраной царских владений. О присутствии солдат-легионеров свидетельствует существование станций консульских бенефициариев, что подтверждается на основании сохранившихся надписей в виде votivных алтарей, обнаруженных вдоль маршрутов, связывавших экономические районные центры с основными коммуникациями. Они были подтверждены в последовательности из Нови-Пазара через Слатину в Косовскую Митровицу и Вучитрну, затем через Качаник в Скопье и на маршруте из Приштины в Призрен. Их существование на Дарданской территории, вероятно, связано с горнодобывающей деятельностью в этом богатом рудой области, поскольку добытый здесь и не обработанный металл вывозился дальше по основным дорожным коммуникациям в определенные части Империи. При перевозке драгоценных металлов серьезную угрозу представляли группы разбойников, грабителей, так называемые латроны, штаб которых предположительно находились в долине реки Тимок и в окрестностях Призрена, из-за деятельности которых вдоль боковых дорог также располагались станции бенефициариев [6, с. 241-262; 7, с.534; 8, с. 7-54; 9, с. 90-95; 10, с. 263-271; 11, с. 23-29,67,81; 12, с. 249-256; 13, с. 77-180; 14, с. 47; 15, с. 223]. Кроме легионеров, в состав службы безопасности входили также члены группы вспомогательных легионов, то есть территориальной милиции, набранной из местных членов коренного населения. Это вспомогательное воинское соединение, I Аврелиева когорта дарданцев, базировавшееся в Наисе, насчитывала около 1000 всадников, использовавшихся в целях поддержания порядка и мира путем патрулирования и контроля дорог [16, с. 240; 17, с. 62; 3, с. 51]. Считается, что эта когорта по крайней мере некоторое время проживала в Метохии близ Ораховаца [16, с.245].

В это время армия принципата была профессиональной и пограничной, а это значит, что большая часть воинских частей располагалась на границе, в то время как во внутренних областях члены легионов и вспомогательных воинских частей присутствовали в районах, преимущественно богатых полезными ископаемыми, а также в районах, которые были пересечениями важных дорог. Они занимались патрулированием, то есть обеспечением безопасности дорожного движения, надзором за шахтами и административной работой в местном сообществе. В период установления римского господства над завоеванными областями Дарданская область играла важную роль в сборе войск из южных частей, их размещении и снабжении для военных нужд [3, с. 48], а затем эта область имела важную экономическую и логистическую роль, когда речь идет о снабжении армии на границе.

В период Домината, когда при Диоклетиане и Константине произошла военная реформа, организация армии совершенно отличалась от более раннего периода Принципата. Армия теперь стала мобильной, региональной, правитель мог перебросить в любую часть государства, находившуюся под угрозой, а граница Империи обеспечивалась войсками, постоянно находившимся на границах провинций. Основной особенностью этих военных реформ является разделение армии на мобильные части и пограничные войска. Кроме того, Диоклетиану приписывают административно-правовые реформы, согласно которым бывшая южная часть Верхне-Мезийской провинции по большей части принадлежала вновь образованной провинции Дардания, входившей в префектуру Иллирик. Как и каждая римская провинция, она имела также свой военный гарнизон, которым командовал дукс с помощью президума [18, с. 77]. Командующему региональной армией префектуры Иллирик были подчинены три легиона псевдокомитатенсов, имевших гарнизоны на территории Дардания, а именно: Скупенс, Ульпианенсес и Меренсес. Легионы названы в честь городов Дардания (Скупы, Ульпиана и Мирион). Основной задачей этих частей была охрана стратегических коммуникаций и значительных укреплений на заднем плане в мирное время, а которые могли использоваться и в составе оперативных частей [19, с. 151].

Если речь идет о Периоде поздней античности и римской армии на территории провинции Дардания, данных вообще мало. Частые набеги варваров через границу повлияли на необходимость изменения военной организации для облегчения защиты империи [20, с. 608-686]. Провинция не подвергалась непосредственному нападению противника, но период кризиса и смуты отразился и в культурном смысле, что и является причиной отсутствия надписей, которые на примере предшествующего периода Империи давали многочисленные ценные данные. Имея в виду плодородную котловину Метохии и учитывая археологические остатки зернохранилищ так называемых хоррео [21, с. 39], свидетельствующие о хранении и распределении зерна на этой территории, эта область, вероятно, материально-технически поддерживала военные войска на границе. Эта территория не была местом войн, но, вероятно, служила экономической опорой государства и армии, как путем сбора налогов, продовольствия, так и обеспечения беспрепятственного движения товаров и услуг, которое происходило с использованием основных коммуникаций, проходивших через нее. Для того чтобы такая деятельность проходила беспрепятственно, важно было сохранять порядок и мир посредством

контроля и патрулирования, за которые отвечали вспомогательные воинские части.

Список литературы

1. Papazoglu F. Srednjobalkanska plemena u predrimsko doba. Sarajevo: Akademija nauka i umetnosti Bosne i Hercegovine, 1960.
2. Мирковић М. Економско – социјални развој у II и III веку // Историја српског народа I. Београд: Српска књижевна задруга, 1994.
3. Петровић В. Дарданија у римским итинерарима-градови и насеља. Београд: Балканолошки институт, 2007.
4. Mirković M. Rimski gradovi na Dunavu. Beograd: Arheološko društvo Jugoslavije, 1968.
5. Тасић Н. Увод у праисторију, антику и рани средњи век Косова и Метохије. Београд: Археолошко благо Косова и Метохије, Галерија српске академије наука и уметности, 1990.
6. Dušanić S. Novi Antinojev natpis i Metalla municipii Dardanorum // *Živa antika XXI*, sv.1. Скопје, 1971. S. 241-261.
7. Душанић С. Хетероклитичко metalli у натписима рудничког новца // *Živa antika XXI*. Књ.2. Скопје: Филозофски факултет, 1971. S. 535-553.
8. Душанић С. Организација римског рударства у Норику, Панонији, Далмацији и Горњој Мезији // *Историјски гласник 1 – 2*. Београд: Друштво историчара Србије, 1980. S. 7 – 54.
9. Душанић С. Проспографске белешке о рударству у Горњој Мезији: Породице имућних досељеника на рудничком тлу. *Старинар LVI*, Београд: Археолошки институт, 2008. S. 85-100.
10. Мирковић М. Бенефицијарна станица код Новог пазара // *Жива антика XXI*. Sv.1. Скопје, 1971. S. 263-271.
11. Čerškov E. Rimljani na Kosovu i Metohiji. Priština – Beograd: Arheološko društvo Jugoslavije, 1969.
12. Мирковић М. Римски пут Naissus-Skupi и станице Ad Fines // *Жива антика*. X-1,2. Скопје, 1960. S. 249-256.
13. Вулић Н. Споменик LXXI. Београд: Српска краљевска академија, 1931. S. 77- 180.
14. Вулић Н. Антички споменици наше земље // *Споменик XLVII*. Београд: Српска краљевска академија, 1934.
15. Вулић Н. Споменик XCVIII. Београд: Српска академија наука, 1941-1948.
16. Dušanić S. Mounted Cohorts in Moesia Superior // *Akten des XI Internationalen Limeskongresses*. Budapest, 1978b, S. 237-246.
17. Петровић П. Ниш у античко доба. Ниш, 1999.
18. Ђокић Н., Савић М. Римска војска у Мезији Прими и Дарданији по подацима из *Notitia Dignitatum* – а. Лесковачки зборник 57. Лесковац, 2017. S. 63 – 104.
19. Савић М., Ђокић Н. „Дарданија у Нотицији Дигнитатум“ // *Наука без граница 2*, Увиди и изазови. Косовска Митровица: Филозофски факултет Универзитета у Приштини, 2018. S.145 – 168.
20. Jones A. H. M. *The History of Late Roman Empire*, II. Oxford, 1964.

21. Срејовић Д. Касноантичка житница у Маскару // Балканика XIII – XIV. Београд, 1983.

ТРАНСФОРМАЦИЈА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Семенец Е.В.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
студентка;*

*Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН)
РАН, младший научный сотрудник Центра междисциплинарных
исследований*

E-mail: semenecz.lena@vandex.ru

***Аннотация.** В работе концептуализируются особенности политики идентичности Республики Казахстан при Президенте Касыме-Жомарте Кемелевиче Токаеве. Изменение конфигурации власти в Казахстане в 2022 году повлекло за собой реформирование проводимой политики, в том числе в сфере конструирования идентичности. В рамках данной статьи автором были проанализированы нормативно-правовые документы, определяющие ключевые направления реализации политики идентичности (языковая, культурно-символическая, национальная и миграционная политики) Республики Казахстан, а также основные программные заявления Президента К.-Ж. Токаева по данному вопросу. Это позволило комплексно оценить состояние политики в данной сфере и определить направленность официального дискурса казахстанской политики идентичности на сегодняшний день. Кроме того, рассматривается проблема соотношения между гражданской и этнической идентичностями жителей Казахстана. В заключении отмечена тенденция к этнизации политики идентичности в современном Казахстане.*

***Ключевые слова:** политика конструирования идентичности, символическая политика, государственная идентичность, гражданская идентичность, этническая идентичность, Республика Казахстан.*

TRANSFORMATION OF THE STATE IDENTITY POLICY: THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Semenets E.V.

*Saint Petersburg State University, student; Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION RAN)
Junior Researcher at the Center for Interdisciplinary Research
E-mail: semenez.lena@yandex.ru*

Abstract. *The research conceptualizes the features of the state identity policy of the Republic of Kazakhstan under President Kassym-Jomart Kemeluly Tokayev. The change in the configuration of power in Kazakhstan in 2022 led to the reform of the policy, including in the field of identity construction. The author analyzed the regulatory and legal documents defining the key directions of the implementation of the identity policy (language, cultural and symbolic, national, and migration politics) of the Republic of Kazakhstan, as well as the main policy statements of President K.-J. Tokayev on this issue. This made it possible to comprehensively assess the configuration of the politics and determine the direction of the official discourse of Kazakhstan's identity policy today. In addition, the problem of the correlation between the civil and ethnic identities of citizens of Kazakhstan is considered. In conclusion, the trend towards the ethnization of identity politics in modern Kazakhstan is noted.*

Keywords: *identity construction policy, symbolic policy, state identity, civic identity, ethnic identity, Republic of Kazakhstan.*

Политика идентичности выступает одним из ключевых направлений внутренней политики для достижения консолидации общества, минимизации потенциальных рисков социальной напряженности и укрепления стабильности политической системы. Для Республики Казахстан (далее – РК) данный вопрос особенно актуализировался после январских протестов 2022 года, что повлекло за собой преобразования в политической структуре, кадровые перестановки в аппарате государственного управления и последующие конституционные изменения. Целью данной работы является выявление особенностей и тенденций развития государственной политики идентичности Казахстана на современном этапе при К.-Ж. Токаеве.

В рамках данной статьи термин «политика идентичности» трактуется с позиции социального конструктивизма – как проводимый государством курс, направленный на формирование, корректирование и развитие идентичности в границах определенного политического сообщества [1, с. 759].

Для начала следует отметить, что в первые годы после обретения независимости Казахстан столкнулся с необходимостью определения

вектора развития политики идентичности. Немалое значение в выборе между конструированием этнической и гражданской идентичности имел национальный состав населения на момент распада СССР – этнические казахи, по данным последней советской переписи в 1989 году, составляли лишь 39,7% населения Казахской ССР [2, с. 69]. Данное обстоятельство затрудняло формирование единой идентичности на этнической основе и стало основанием построения модели политической или гражданской идентичности. Подобная модель нацелена на консолидацию различных этнических групп как граждан определенного политического сообщества для мобилизации их поддержки политической элиты и легитимации принимаемых решений. Тем не менее проводимая РК политика была также нацелена на повышение роли титульной нации, и на данный момент эта тенденция усиливается.

В рамках данной работы был проведен анализ изменений основных политико-правовых документов, затрагивающих сферу формирования идентичности. Для начала стоит отметить направление языковой политики РК. На данный момент только около 80% граждан владеют государственным казахским языком и лишь 50% используют его в повседневной жизни [3]. Поэтому одним из приоритетных направлений политики является овладение государственным языком всеми гражданами [4]. Как и во многих республиках бывшего СССР, в Казахстане много русскоязычного населения. Официально русский является языком межнационального общения и может употребляться в государственных организациях и органах МСУ наравне с казахским [5]. Тем не менее, в Концепции развития языковой политики 2023-2029 [6] сказано, что в условиях формирования мононационального государства требуется активное расширение роли казахского языка, являющегося «главным фактором государственной идентичности РК, гарантом и целостностью нации». К 2029 году планируется достичь следующих показателей: доля населения, владеющего казахским – 84%, доля работников государственных организаций и национальных компаний, владеющих государственным языком на уровне В1 – 43%, доля документооборота на казахском – 94%, доля казахоязычного контента в государственных средствах массовой информации – 90%. Данная тенденция официального усиления казахского языка подкрепляется неформальными практиками, к примеру, осуществлением местными националистами «языковых патрулей», проверяющих, на каком языке говорят в различных учреждениях [7].

Говоря о культурной и символической политике, следует отметить нацеленность на повышение значимости казахской истории, культуры

и традиций. В рамках реализации Концепции культурной политики 2023-2029 [8] планируются мероприятия по переименованию порядка 6460 «идеологически устаревших» топографических названий: будет осуществляться замена советских наименований на иные, связанные с казахской культурой. Также к 2030 планируется увеличение количества казахстанских театральных постановок до 600 единиц (от уровня 2022); казахстанских фильмов в кинопрокате – до 35%; фильмов на казахском в общем кинопрокате страны – до 30%.

Отдельно следует отметить некоторые политические решения, связанные с первым Президентом РК – Нурсултаном Назарбаевым. К таковым относится отмена Конституционного закона «О Первом Президенте Республики Казахстан – Елбасы», согласно которому за Назарбаевым закреплялось множество привилегий и титул «лидера нации» [9], удаление в 2022 году из перечня государственных праздников Дня Первого Президента Республики Казахстан [10], а также переименование столицы из Нур-Султан обратно в Астану [11]. Данные изменения позволяют говорить о попытках руководства страны дистанцироваться от проведения политики идентичности с опорой на личность первого Президента.

В национальной политике следует отметить Концепцию развития Ассамблеи народа Казахстана 2022-2026 [12]. Ассамблея была создана как орган, участвующий в разработке и реализации политики по обеспечению общенационального единства. Нынешний вектор декларирует обеспечение единства на основе казахстанского патриотизма, объединяющей роли государственного языка, идеи "единство в многообразии" и интеркультурализма. Кроме этого, деятельность АНК должна способствовать популяризации культурного наследия и истории формирования полиэтничного народа Казахстана, в том числе через развитие этнических СМИ.

Отдельным направлением является миграционная политика. Концепция миграционной политики на 2023-2027 [13] в качестве одной из наиболее актуальных задач обозначает стимулирование притока в страну квалифицированных кадров, в особенности кандасов – этнических казахов. Для этого запланирован пересмотр "визы для востребованных профессий", составление рейтинга ключевых компетенций для трудовых квот, введение карты "Ата жолы" для этнических казахов и "Neo Nomad Visa".

Для более комплексного рассмотрения государственной политики в сфере конструирования идентичности были рассмотрены также Послания Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. Данные программные заявления задают общее восприятие

рамки идентичности и определяют основные дискурсивные направления. Токаев признает государствообразующую роль казахского народа [14] и при этом неоднократно декларирует приверженность принципу «единство в многообразии» [14], [15], [16]. В целом, Президент чаще говорит о казахстанцах как гражданской нации. Образ «Нас» как нации отражается через такие характеристики как образованность, стремление к труду, профессионализм, дисциплина, ответственность, справедливость и честность [17], что выражается в концепции «Адал азамат» («Ответственный гражданин») [18]. Развитие общенациональной идентичности, согласно Токаеву, должно происходить на основе исторического наследия и культурного потенциала страны [15]. При этом в своих выступлениях Токаев также описывает образ «Нас» как государства с многовековой историей, которая «берет начало с эпохи Тюркских каганатов, Золотой Орды и Казахского ханства» [19]. Подобное представление является важным инструментом по присваиванию культурно-значимых символов собственной истории и формированию канонического образа прошлого.

Отдельно также можно выделить выступление Токаева на втором заседании Национального курултая «Әділетті Қазақстан – Адал азамат» 17 июня 2023, где он обозначил основные направления развития политики идентичности [20]: приведение к единому стандарту государственной символики, укрепление исторического самосознания, популяризация культурного наследия для конструирования позитивного имиджа Казахстана, воспитание молодежи в традициях национальной идентичности, уважении к своей истории и культуре, развитие креативной индустрии для трансляции корректных ценностей и моделей поведения населению, а также привлечение экспертно-аналитического сообщества к разработке и реализации политики.

В заключении следует отметить, что на сегодняшний день в Казахстане разрабатывается и осуществляется комплексная государственная политика идентичности, однако в первую очередь она направлена на усиление роли казахского языка, истории и культуры. Таким образом, происходит фактическое целенаправленное конструирование этнической идентичности, несмотря на декларируемые положения о важности развития нации гражданской. В условиях увеличения доли титульной нации при сокращении доли некоторых других этносов, например, русских, и попытках государства дистанцироваться от них, можно говорить о тенденции к этнизации. В целом, несмотря на наличие определённых нормативных и институциональных изменений, произошедших после отставки

Президента Назарбаева и январских протестов 2022, главный тренд фактической политики идентичности сохраняется. Смена официальной риторики Президентом Токаевым в последние годы и политические реформы, проведенные в 2022, в основном не изменили вектор политики идентичности, за исключением четко наметившегося тренда на дистанцирование от личности первого президента Н. Назарбаева. В рамках будущих исследований отдельного внимания требует вопрос эффективности проводимой государством политики идентичности.

Список литературы

1. Попова О.В. Модели и технологии формирования политики идентичности в «новых» государствах // Социальные изменения в глобальном мире. Шестая международная научная конференция: сборник материалов. Университет им. Гоце Делчева, Юридический факультет, Штип, Республика С. Македония (г. Штип, 5-6 сентября 2019 г.) / Ред. Марија Амповска. Штип: Изд-во ун-та им. Гоце Делчева, 2019. С. 757–772.
2. Балькова А. М. О численности населения Казахстана по материалам переписей 1959-1989 гг. // Казахи Евразии: история и культура: сборник научных трудов международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию города Омска и 150-летию со дня рождения А.Н. Букейханова (г. Омск, 19-20 октября 2016 г.) / Ред. Н.А. Томилов. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2016. С. 65-71.
3. Итоги Национальной переписи населения 2021 года // Бюро национальной статистики Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения 20.10.2023).
4. Выступление К.К. Токаева на XXXII сессии Ассамблеи народа Казахстана «Справедливый Казахстан: единство, стабильность, развитие» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokaeva-na-xxxii-sessii-assamblei-naroda-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-edinstvo-stabilnost-razvitie-273234> (дата обращения 21.10.2023).
5. Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-І «О языках в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.05.2023 г.) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151_ (дата обращения 20.10.2023).
6. Концепция развития языковой политики в Республике Казахстан на 2023-2029 годы // Управление внутренней политики акимата Северо-Казахстанской области [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/sko-sayasat/documents/details/481125?lang=ru> (дата обращения 20.10.2023).
7. Тил майдани: кто и зачем организовал в Казахстане языковые патрули // Известия -14 августа 2021 [Электронный ресурс]. URL:

<https://iz.ru/1206995/igor-karmazin/til-maidani-kto-i-zachem-organizoval-v-kazahstane-iazykovye-patruli> (дата обращения 21.10.2023).

8. Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 250 “Об утверждении Концепции культурной политики Республики Казахстан на 2023 – 2029 годы” // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000250> (дата обращения 20.10.2023).
9. Конституционный закон Республики Казахстан от 13 февраля 2023 года № 198-VII ЗРК “О признании утратившим силу Конституционного закона Республики Казахстан “О Первом Президенте Республики Казахстан – Елбасы”” // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000198> (дата обращения 20.10.2023).
10. Закон Республики Казахстан от 29 сентября 2022 года № 143-VII ЗРК “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам кинематографии, культуры и праздников” // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000143> (дата обращения 20.10.2023).
11. Указ Президента Республики Казахстан от 17 сентября 2022 года № 1017 “О переименовании города Нур-Султана – столицы Республики Казахстан в город Астану – столицу Республики Казахстан” // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001017> (дата обращения 20.10.2023).
12. Указ Президента Республики Казахстан от 15 сентября 2022 года № 1014 “Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022-2026 годы” // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014> (дата обращения 21.10.2023).
13. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2022 года № 961 “Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023 – 2027 годы” // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961> (дата обращения 22.10.2023).
14. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана 2 сентября 2019 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana (дата обращения 25.10.2023).
15. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана 1 сентября 2021 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana>

- [gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-183048](#) (дата обращения 25.10.2023).
16. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана 16 марта 2022 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения 25.10.2023).
 17. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 1 сентября 2020 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g (дата обращения 25.10.2023).
 18. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана» 1 сентября 2023 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskij-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588> (дата обращения 25.10.2023).
 19. Выступление Президента Касым-Жомарта Токаева на торжественной церемонии вручения государственных наград и премий // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://akorda.kz/ru/vystuplenie-prezidenta-kasym-zhomarta-tokaeva-na-torzhestvennoy-ceremonii-vrucheniya-gosudarstvennyh-nagrad-i-premyi-2492626> (дата обращения 25.10.2023).
 20. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на втором заседании Национального курултая «Әділетті Қазақстан – Адал азамат» // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/575464?lang=ru> (дата обращения 27.10.2023).

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В УСЛОВИЯХ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сенюшкин Е.А.

*Кандидат политических наук,
Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского,
доцент*

E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru

***Аннотация.** На фоне многолетнего доминирования глобализационных процессов сегодня актуализируются такие тенденции, как усиление фрагментации мировой политической и экономической систем, увеличение барьеров между странами и*

снижение их взаимосвязанности, возрастание значения региональных объединений, а также изменение роли национального государства в управлении обществом. Данные процессы чаще всего описываются при помощи понятия «деглобализация», которая представляет собой социальный феномен, обратный глобализации. Основное внимание автора уделено проблеме управления рисками в условиях деглобализации. Утверждается, что тема деглобализации имеет дискуссионный характер, при этом понятие деглобализация может использоваться в качестве когнитивного конструкта, при помощи которого под видом деглобализации могут скрываться новые формы глобальной экспансии, направленные на незащищённые национальные экономики.

Ключевые слова: управление рисками, деглобализация, региональные центры силы, когнитивные конструкты, новые формы глобальной экспансии, национальные интересы, БРИКС, Африка.

RISK MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DEGLOBALIZATION

Senyushkin E.A.

*Candidate of Political Sciences,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Associate Professor*

E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru

Abstract. *Against the background of the long-term dominance of globalization processes, such trends as increased fragmentation of the global political and economic systems, increasing barriers between countries and reducing their interconnectedness, increasing importance of regional associations, as well as changing the role of the national state in the management of society are becoming relevant today. These processes are most often described using the concept of "deglobalization", which is a social phenomenon that is the reverse of globalization. The author focuses on the problem of risk management in the context of deglobalization. It is argued that the topic of deglobalization has a debatable character, while the concept of deglobalization can be used as a cognitive construct, with which new forms of global expansion aimed at unprotected national economies can be hidden under the guise of deglobalization.*

Keywords: *risk management, deglobalization, regional centers of power, cognitive constructs, new forms of global expansion, national interests, BRICS, Africa.*

Состояние мировой политической системы в начале XXI века чаще всего описывается исследователями при помощи таких понятий как турбулентность, неустойчивость, рискогенность, в связи с чем «возникает запрос на реформирование и повышение эффективности механизмов управления рисками» [1, с. 208]. В этих условиях особую актуальность приобретают академические исследования, посвящённые теме управления рисками. В свою очередь, риски проистекают из противоречивого характера глобализации, которая повергает национальные государства в состояние нестабильности и неопределённости. Как отмечает М.В.Толчинский, «рискам подвержена вся социальная действительность, все социальные слои и группы, и это несет несомненную угрозу развитию стран и народов как на глобальном, так и на локальном и региональном уровнях. Неразвитость гражданского общества и его институтов, экономическая нестабильность, меняющиеся политические, культурные, нравственные ценности, ощущение социальной незащищённости делают современное общество «обществом риска». Все эти процессы, накладываясь на неоднозначность самой глобализации, ведут к непредсказуемым последствиям» [2, с. 3-4].

Впервые термин «деглобализация» стал использоваться в научных публикациях 1980-х г.г., однако широкое распространение он получил в начале XXI в. Импульсом для повышения исследовательского интереса к феномену деглобализации стал международный финансовый кризис 2009 г., после которого число публикаций на эту тему резко выросло. Пандемия COVID-19 привела к возобновлению дискуссий о деглобализации, которая представляет из себя «комплексное явление, затрагивающее разные сферы жизни: экономику, политику, культуру, науку и образование» [3].

Деглобализация – относительно новый феномен, исследование которого на данный момент не является исчерпывающим. В проблемном поле исследований на эту тему можно отметить такие вопросы как соотношение процессов глобализации и деглобализации, комплекс их детерминант и компонентов, включая геополитические факторы, роль в этих процессах наций-государств и государств-цивилизаций, значение транснациональных корпораций. Проблема деглобализации рассматривается также в связи с процессами регионализации и трансрегионализации, в том числе в контексте формирования макрорегионов.

Так как Россия после распада СССР активно включилась в глобализационные процессы, ряд экспертов отмечают, что ущерб от

деглобализации может быть весьма существенным и иметь долгосрочные последствия для развития российской экономики. Наряду с этим, некоторые авторы отмечают, что «деглобализация может иметь и положительные эффекты для экономики в виде снижения неравенства внутри страны» [4].

Особое значение в современных условиях приобретает исследование рисков, связанных со странами БРИКС. В связи с этим на политическом, теоретическом и экспертно-аналитическом уровне активно обсуждаются следующие вопросы: «Как потенциальное расширение состава участников скажется на деятельности БРИКС? Как сотрудничество в рамках БРИКС помогает России реализовать свою повестку? Каковы перспективы развития БРИКС+? Сможет ли «клуб» сыграть весомую роль в глобальном управлении в обозримой перспективе? [1, с. 211]. В качестве причин рисков, связанных с БРИКС, исследователи указывают на недостаточное стимулирование внутреннего спроса в некоторых странах, бедность и социальное неравенство, проблемы в финансовой кооперации в рамках БРИКС, сложность процесса принятия взаимовыгодных решений.

Отдельное направление для исследований проблемы управления рисками в условиях деглобализации связано с анализом противоречий в образованиях нового типа, созданных за пределами близких ареалов БРИКС, МИКТА (Мексика, Индонезия, Южная Корея, Турция, Австралия), Транстихоокеанское партнерство и др., которые описываются такими понятиями как «трансконтинентализм», «международный трансрегионализм», «кроссрегионализм» и др. Ряд рисков связан с восприятием деглобализационных процессов в развивающихся странах, в том числе на Африканском континенте. Африка, с одной стороны, все более громко заявляет о себе и о необходимости учета своих интересов в поддержании устойчивого развития, с другой — во все большей мере становится ареной столкновения интересов глобальных и региональных держав.

В целом можно констатировать, что проблема деглобализации имеет в современных политологических исследованиях дискуссионный характер, что требует более глубокого и всестороннего анализа. Также следует учитывать, что понятие деглобализация может использоваться в качестве «когнитивного конструкта, при помощи которого под видом деглобализации могут скрываться новые формы глобальной экспансии, направленные на незащищённые национальные экономики» [5, с. 190].

На более обобщённом уровне теоретической рефлексии проблема управления рисками может быть рассмотрена в контексте методологических проблем российской политической науки в целом,

что нацеливает на уделение особого внимания вопросам «методологического характера при разработке стратегических приоритетов научных исследований в сфере российской политической науки» [6, с. 104].

Подводя итог сказанному, отметим, что для эффективного и своевременного управления рисками в условиях деглобализации с целью обеспечения национальных интересов России исключительно важной является задача выстраивания взаимовыгодных и равноправных отношений с формирующимися сегодня региональными центрами силы на долгосрочную перспективу с учетом всей совокупности интересов развития РФ и происходящих в мире геополитических трансформаций.

Список литературы

1. Сенюшкин Е.А. Риски глобального управления в условиях многополярности // Политическое пространство и социальное время: Стратегический вектор общественного развития в условиях полицентричного мира. Сборник научных трудов XXXIX Международного Харакского форума 26–28 апреля 2022 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной; [науч. ред.: Е.А.Сенюшкин] – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. – С.208-212.
2. Толчинский М.В. Риски глобализации: социально-философский аспект. Автореф. дис...канд.филос.н. - 09.00.11. - Социальная философия. Ялта, 2012. 22 с.
3. Гушин Е. Риски деглобализации в условиях пандемии. – URL: https://www.vavt-imef.ru/wp-content/uploads/2020/06/Monitoring_50_text1.pdf
4. James Harold. Deglobalization: The Rise of Disembedded Unilateralism. The Annual Review of Financial Economics. - URL: <https://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev-financial-110217-022625>
5. Мохов А.В., Сенюшкина Т.А. Концептуализация понятия «деглобализация» в современных политологических исследованиях // Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права. Сборник научных трудов XL Международного Харакского форума 5–7 ноября 2022 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сенюшкин]. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2023. – С. 190-195.
6. Сенюшкина Т.А., Сенюшкин Е.А. Управление рисками как методологическая проблема российской политической науки // XII Южно-российский политологический конвент «Современные риски и кризисы: политический анализ и прогноз» : материалы Всероссийской онлайн-конференции с международным участием /отв. ред. Р. А. Пупыкин, А. В. Тупаев, К. П. Пилюгина ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2022 – С. 102-104.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Сенюшкина М.А.

*Кандидат экономических наук,
доцент, Заслуженный работник образования Автономной
Республики Крым, почётный член Крымской Академии наук
E-mail: marsen2@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется проблема влияния экономических ценностей на принятие внешнеполитических решений в России. Отмечается, что сегодня назрела необходимость в такой системе международных отношений, которая обеспечивала бы безопасность, сохранение культурно-цивилизационной самобытности, равные возможности развития для всех государств независимо от их географического положения, размера территории, демографического, ресурсного и военного потенциалов, политического, экономического и социального устройства. Этим требованиям соответствует многополярная система международных отношений, которая должна учитывать фундаментальные ценности стран и народов, включая их преломление в политике, культуре, праве и экономике. По мнению автора, экономическое содержание внешнеполитических решений должно играть вспомогательную роль, обеспечивая синхронизацию с политическими процессами, которые и призваны создать условия для духовного и культурного сбережения и развития российского народа.

Ключевые слова: экономические ценности, внешнеполитические решения, внешняя политика России, конструирование ценностей, государство-цивилизация, национальные интересы.

ECONOMIC VALUES AS A FACTOR OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY

Senyushkina M.A.

*Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Honored Worker of Education of the Autonomous
Republic of Crimea, Honorary Member of the Crimean Academy of
Sciences
E-mail: marsen2@yandex.ru*

Abstract. *The article examines the problem of the influence of economic values on foreign policy decision-making in Russia. It is noted that today there is a need for such a system of international relations that would ensure security, preservation of cultural and civilizational identity, equal development opportunities for all states regardless of their geographical location, size of territory, demographic, resource and military potentials, political, economic and social structure. A multipolar system of international relations meets these requirements, which must take into account the fundamental values of countries and peoples, including their reflection in politics, culture, law and economics. According to the author, the economic content of foreign policy decisions should play a supporting role, ensuring synchronization with political processes that are designed to create conditions for the spiritual and cultural preservation and development of the Russian people.*

Keywords: *economic values, foreign policy decisions, Russian foreign policy, value construction, state-civilization, national interests.*

В современных условиях расширения конфликтного пространства в мировой политической системе исследование влияния экономических ценностей на внешнюю политику приобретает особое значение. Не только геополитика, но и экономика является ключевым звеном наблюдающихся трансформаций в глобальном масштабе. По мере обострения международных конфликтов экономический фактор начинает дополнять геополитические процессы. Существует и обратное влияние (как считали К.Маркс и М.Вебер, экономика первична по отношению к политическим процессам). Добавим к этому, что современная геоэкономика – это вторая сторона медали под названием «геополитика».

В современных международно-политических процессах решающую роль играют ценности. Как отмечает А.В.Костина, «ценности в XX–XXI вв. становятся центральным понятием, определяющим идеологию государства, его стратегию национальной безопасности. Однако само понимание ценности в различных странах различается, и если в России ценности трактуются как мир духовных сущностей, связанных с историей и традицией народа и пронизывающих бытие современного общества, то в рамках американской политики ценности понимаются как потребности, универсальные для человека как природного существа, а значит, и универсальные в рамках разных цивилизаций» [1, с. 80]. «Разные ценности и связанные с ними нормы и правила становятся всё более ощутимым барьером, разделяющим центры силы» [2], - отмечает О.

Барабанов. В этом же направлении рассуждает П.А.Цыганков: «Соперничество ценностей тесно связано с борьбой интересов. Поэтому... оно чревато конфликтами» [3, с. 25].

Ценности имеют особое значение при принятии внешнеполитических решений. Однако стоит обратить внимание и на проблему конструирования ценностей: «Действительно ли они являются изначально, примордиально присущими человеку и обществу? Или же они становятся вторичным продуктом социальной инженерии, отражающим всё ту же политику по продвижению интересов?» [2].

С другой стороны, борьба за рынки сбыта и надежные источники снабжения «всегда была и остается одним из основных, а нередко и единственным мотивом внешнеполитических устремлений больших и малых держав и их коалиций. Ни царская Россия, ни Советский Союз в этом отношении не составляли исключения. И все же в нашей внешней политике экономический интерес (по крайней мере, в XX веке) традиционно не был главенствующим. На первом месте неизменно стояла безопасность страны в самом прямом, оборонном смысле этого слова, на втором – ее политическое влияние в мире и лишь на третьем – выгода, то есть положительный экономический эффект от разнообразных связей с другими странами и континентами», - считает Н.П.Шмелёв [4].

Идеи авторов, публикации которых мы проанализировали выше, приобретают особый исследовательский ракурс в контексте осмысления экономических и аксиологических аспектов новой Концепции внешней политики России, которая является документом стратегического планирования и представляет собой систему взглядов на национальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере, базовые принципы, стратегические цели, основные задачи и приоритетные направления внешней политики Российской Федерации [5].

Структура новой Концепции внешней политики РФ имеет трёхчастную иерархическую систему: интересы – цели – задачи, что является, по мнению О.Барабанова, «правильным как с теоретической, так и с логической точки зрения» [6]. В контексте нашего исследования особый интерес представляет вопрос о том, как эти три части связаны с экономическими ценностями.

Прежде всего, следует отметить, что новая редакция Концепции внешней политики опирается на позиционирование России как самобытного государства-цивилизации: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие

предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [5].

Акцент, сделанный в новой концепции внешней политики на цивилизационной самобытности российского государства, актуализирует новое прочтение идейного наследия Н.Я.Данилевского, который в своей книге «Россия и Европа», сформулировал теорию культурно-исторических типов (цивилизаций). Согласно Данилевскому, каждая цивилизация имеет самобытный характер и развивается по собственным законам [7, с. 5]. Согласно пятому закону культурно-исторического движения Н.Я.Данилевского, «период цивилизации каждого типа сравнительно очень короток, истощает силы его и вторично не возвращается» [7, с. 131]. Под периодом цивилизации Н.Я.Данилевский понимает «время, в течение которого народы, составляющие тип,... создав, укрепив и оградив свое внешнее существование как самобытных политических единиц ..., проявляют преимущественно свою духовную деятельность во всех тех направлениях, для которых есть залогов в их духовной природе, не только в отношении науки и искусства, но и в практическом осуществлении своих идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния...». Как видим, Н.Я.Данилевский рассматривает в качестве основы цивилизационной самобытности духовное начало, при этом следует согласиться с Т.А.Сенюшкиной, которая утверждает, что «одним из базовых элементов народного идеала является правда, которая пронизывает мировоззренческий каркас русской политико-правовой культуры» [8, с. 299].

Экономика, также как и политика, право и другие сферы общественной жизни, оказывает существенное влияние на приоритеты внешнеполитической доктрины любого государства. И здесь Россия не является исключением. Особенность современного этапа заключается в том, что сегодня мы наблюдаем углубление кризиса экономической глобализации. Существующие проблемы, в том числе на рынке энергоресурсов и в финансовом секторе, вызваны деградацией многих прежних моделей и инструментов развития, «безответственными

макроэкономическими решениями (включая бесконтрольную эмиссию и накопление необеспеченных долгов), противоправными односторонними ограничительными мерами и недобросовестной конкуренцией» [5]. Злоупотребление отдельными государствами своим доминирующим положением в некоторых сферах усиливает процессы фрагментации мировой экономики и неравенство в развитии государств. Распространяются новые национальные и трансграничные платежные системы, растет заинтересованность в новых международных резервных валютах, формируются предпосылки для диверсификации механизмов международного экономического сотрудничества. Активизируется формирование региональных и трансрегиональных механизмов экономической интеграции и взаимодействия в различных сферах, поиск новых форматов партнерства для решения общих проблем. В связи с этим новая концепция внешней политики России констатирует, что «только объединение потенциалов и добросовестных усилий всего международного сообщества на основе баланса сил и интересов способно обеспечить эффективное решение многочисленных проблем современности, мирное поступательное развитие больших и малых государств, человечества в целом» [5].

Концепция определяет национальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере, на основе учёта долгосрочных тенденций развития ситуации в мире: 1) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации от деструктивного иностранного воздействия; 2) поддержание стратегической стабильности, укрепление международного мира и безопасности; 3) укрепление правовых основ международных отношений; 4) защита прав, свобод и законных интересов российских граждан и защита российских организаций от иностранных противоправных посягательств; 5) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия; 6) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; 7) содействие устойчивому развитию российской экономики на новой технологической основе; 8) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации; 9) охрана окружающей среды,

сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата.

Исходя из национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации внешнеполитическая деятельность государства направлена на достижение стратегических целей, в том числе и в экономической сфере, среди которых отметим «укрепление позиций России в мировой экономике, достижение национальных целей развития Российской Федерации, обеспечение экономической безопасности, реализацию экономического потенциала государства» [5].

Добавим к этому, что «главным критерием управляемости глобальными процессами для России должен быть российский народ, его сохранение и развитие как с биологической точки зрения (имеется ввиду воспроизводство населения), так и с культурной, духовной и ценностной. Экономическое содержание при этом должно играть вспомогательную роль, обеспечивая синхронизацию с политическими процессами, которые и призваны создать условия для духовного и культурного сбережения и развития российского народа» [9, с. 226].

Подводя итог сказанному, отметим, что сегодня назрела необходимость в такой системе международных отношений, которая обеспечивала бы безопасность, сохранение культурно-цивилизационной самобытности, равные возможности развития для всех государств. Этим требованиям соответствует многополярная система международных отношений, которая опирается на фундаментальные ценности стран и народов, включая их преломление в политике, культуре, праве и экономике.

Список литературы

1. Костина А.В. Ценности как фактор национальной безопасности // Философия и современность. 2023. № 1. С. 80-92.
2. Барабанов О. Правила и ценности. - URL.: <https://ru.valdaiclub.com/programmes/2022-2023/pravila-i-tsennosti/>
3. Цыганков П.А. Ценности в мировой политике: теоретические споры, международная практика, позиции России // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2012. № 3. С.25-30.
4. Шмелёв Н.П. Экономическая составляющая российской внешней политики. – URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-sostavlyayuschaya-rossiyskoy-vneshney-politiki>
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.). – URL.: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru>

6. Барабанов О. Новая концепция внешней политики РФ: структура и семантика. - URL.: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novaya-kontseptsiya-vneshney-politiki-rf-semantika/>
7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
8. Сеньюшкина Т.А. Правда как ценность русской политико-правовой культуры // Политическое пространство и социальное время: аксиология власти и общественный идеал. Сборник научных трудов XLI Международного Харакского форума 25–27 апреля 2023 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сеньюшкиной; [науч.ред.: Е.А. Сеньюшкин] – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. С.293-300.
9. Сеньюшкина Т.А. Критерии и контуры управляемости в условиях формирования нового мирового порядка // Политическое пространство и социальное время: Стратегический вектор общественного развития в условиях полицентричного мира. Сборник научных трудов XXXIX Международного Харакского форума 26–28 апреля 2022 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сеньюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сеньюшкин] – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 220-227.

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНЦЕПТ

Сеньюшкина Т.А.

Доктор политических наук

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И.Вернадского»,

профессор

E-mail: senyushkinata@cfuv.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема многополярности с точки зрения цивилизационного подхода. Показано, что фундаментом многополярности выступает рост экономического, военного, политического потенциала незападных государств и ослабление позиций США как глобального лидера. Концептуальный анализ процессов, связанных с формированием многополярного мира с точки зрения цивилизационного подхода, фокусируется на определении цивилизаций в качестве новых акторов и центров силы на мировой арене. Особое внимание уделяется понятию государства-цивилизации, которое используется в Новой Концепции внешней политики Российской Федерации. Вслед за А.С.Панариным автор приходит к выводу о том, что современные вызовы имеют геополитический, цивилизационный и социокультурный характер, что требует*

существенных преобразований современного теоретико-концептуального каркаса политической науки в целом и теории международных отношений, в частности.

Ключевые слова: цивилизационный подход, многополярность, государство-цивилизация, методология политической науки, диалог культур, Концепция внешней политики РФ, А.С.Панарин, теория международных отношений.

MULTIPOLARITY AS A CIVILIZATIONAL CONCEPT

Senyushkina T.A.

Doctor of Political Sciences,

V.I.Vernadsky Crimean Federal University

Professor

E-mail: senyushkinata@cfuv.ru

Abstract. *The article examines the problem of multipolarity from the point of view of the civilizational approach. It is shown that the foundation of multipolarity is the growth of the economic, military, and political potential of non-Western states and the weakening of the US position as a global leader. The conceptual analysis of the processes associated with the formation of a multipolar world from the point of view of the civilizational approach focuses on the definition of civilizations as new actors and centers of power on the world stage. Special attention is paid to the concept of the state-civilization, which is used in the New Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Following Alexandr Panarin, the author conclude that modern challenges have a geopolitical, civilizational and socio-cultural character, which requires significant transformations of the modern theoretical and conceptual framework of political science in general and the theory of international relations in particular.*

Keywords: *civilizational approach, multipolarity, state-civilization, methodology of political science, dialogue of cultures, Concept of Foreign policy of the Russian Federation, A.S.Panarin, theory of international relations.*

Тиктанические сдвиги в современной системе международных отношений актуализируют потребность в адекватной теоретической рефлексии на тему кардинальных изменений во внешней политике российского государства. Одновременно с этим становится очевидной

необходимость в концептуальном обновлении теории и практики политической науки в целом, и теории международных отношений, в частности. С учётом того, что в «постсоветской политической науке проблемы методологического характера являются одними из наиболее очевидных» [1, с. 102], цивилизационный взгляд на многополярность также сталкивается с рядом концептуальных проблем.

Анализ исследований, выполненных в рамках этой темы, показывает, что, несмотря на большое количество публикаций, сегодня не существует «общепринятой концепции многополярности, которая бы применялась в качестве референтного источника для международной и дипломатической деятельности» [2]. По мнению Солуянова В.С. «многополярность предстает не как утверждение, которое необходимо подтверждать, отстаивать, или опровергать, но как предмет обсуждения, дискуссия вокруг которого отражает тенденции мирового развития и способствует комплексному пониманию происходящих в мире процессов» [3, с. 439].

В качестве основных концептуальных подходов к осмыслению многополярности современные авторы используют реализм, неореализм, цивилизационный подход, региональный подход, конструктивизм и др. При этом с позиций реализма «многополярность может рассматриваться как объективное отражение тенденций мирового развития. Фундаментом многополярности выступает рост экономического, военного, политического потенциала незападных держав и ослабление позиций США как глобального лидера. Неореализм рассматривает многополярность как свойство международной системы, оказывающее влияние на поведение государств. Цивилизационный подход фокусируется на определении цивилизаций в качестве новых акторов и центров силы на мировой арене. Региональный подход акцентирует внимание на усиливающихся процессах регионализации, создании региональных интеграционных систем, которые в условиях роста потенциала региональных держав и ослабления позиции США в мире способствуют формированию многополярности. Конструктивизм рассматривает многополярность как внешнеполитический дискурс и проект ряда государств, в первую очередь России» [3, с. 424].

Как правило, многополярность ассоциируется с альтернативой однополярному миру, который сформировался после развала СССР и последовавшего вслед за этим разрушения биполярного мира. Один из актуальных аспектов многополярности связан с цивилизационной

структурой общественного развития и культурным многообразием, которые рассматриваются в контексте государственного суверенитета.

Новым методологическим подходом к осмыслению роли России в мире стала концепция «государства-цивилизации», на которую было обращено внимание в выступлении Президента РФ Владимира Путина на XX Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» [4]. «Основные качества государства-цивилизации – многообразие и самодостаточность. В основе его – культура и традиции, укрепленные в географии, историческом опыте, как давнем, так и современном, и в ценностях народа. Это сложный синтез, в процессе которого и возникает самобытная цивилизационная общность. Ее неоднородность, многообразие – это залог устойчивости и развития», – было отмечено В.В.Путиным на заседании Валдайского клуба. «Убежден, человечество движется не к фрагментации на конкурирующие сегменты, не к новому блоковому противостоянию, чем бы его ни мотивировали, не к бездушному универсализму новой глобализации – а, напротив, мир находится на пути к синергии государств-цивилизаций, больших пространств, общностей, осознающих себя именно таковыми», – подчеркнул В.В.Путин [4].

Понятие государства-цивилизации используется в Новой Концепции внешней политики России [5]. Т.к. данная Концепция является документом стратегического планирования и представляет собой систему взглядов на национальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере, базовые принципы, стратегические цели, основные задачи и приоритетные направления российской внешней политики, можно утверждать, что цивилизационный подход к политической теории и практике приобретает сегодня для России стратегическое значение. По мнению И. Тимофеева, можно говорить о начале «смены концептуальной рамки российского внешнеполитического мышления. Причём смены как в сравнении с постсоветскими доктринальными документами, так и с базовыми установками советского периода» [6]. Наряду с этим, «новой концептуальной рамке предстоит серьёзная конкуренция с тремя крупными политическими теориями. Речь о «большой тройке» – либерализме, социализме и консерватизме. Каждая такая теория имеет свои концепции (интерпретации) международных отношений и внешней политики. Сдвиг в сторону понятия цивилизации может стать альтернативным направлением мысли, которое, тем не менее, потребует тщательной интеллектуальной проработки» [6].

В российском философско-политологическом дискурсе концепт «Государство-цивилизация» исследуется на протяжении последнего десятилетия рядом авторов. В частности, в 2016 году в Институте философии РАН была опубликована монография «Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ», авторами которой являются В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко [7]. Ключевым понятием этой монографии является «государство-цивилизация». По мнению авторов, разработка этого понятия «помогает более глубоко понять специфику таких больших в территориальном отношении стран, как Бразилия, Индия, Иран, Китай, Россия. Важное место в монографии отводится проблеме поиска Россией собственного пути развития. В этой связи проводятся широкие аналогии с историческим путем развития Китая, его современными достижениями» [7].

В цивилизационном подходе к модели многополярного мира определяющую роль играет концепт «диалог культур», который был введен в научный и практический оборот автором теории диалога культур М.М. Бахтиным. Ключевым постулатом теоретической концепции М.М. Бахтина является то, что потребность в диалоге культур обостряется в переломных моментах истории и развития общества [8].

Уникальность текущего этапа обусловлена глобальной нестабильностью, сломом устоявшегося миропорядка, во многом обусловленного недооценкой так называемого «цивилизационного» фактора развития, игнорированием принципиальных противоречий, обусловленных вариативностью цивилизационно-ценностной картины мира [9], приведшими к началу исторического перехода от однополярного мироустройства к многополярному.

В модели многополярного мира центры принятия решений формируются не на базе отдельных стран, а внутри цивилизаций — «коллективных общностей, объединенных причастностью к одинаковой духовной, исторической, культурной, ментальной и символической традиции, ... члены которой осознают близость друг к другу, независимо от национальной, классовой, политической и идеологической принадлежности» [10].

В завершение приведём высказывание А.С.Панарина, который считал, что вызов, перед лицом которого мы сегодня оказались, имеет «геополитический, цивилизационный и социокультурный характер, что требует существенных преобразований нашего реформационного

видения» [11, с.113]. Настало время для объективного анализа ошибок, допущенных при проведении реформ в 1990-е годы. При этом «работа над ошибками» должна проводиться с учётом системного понимания фундаментальных факторов функционирования российской общественной системы. В дополнение к этим словам укажем на необходимость обновления современного теоретико-концептуального каркаса российской политической науки в целом, и теории международных отношений, в частности.

Список литературы

1. Сенюшкина Т.А., Сенюшкин Е.А. Управление рисками как методологическая проблема российской политической науки // XII Южно-российский политологический конвент «Современные риски и кризисы: политический анализ и прогноз»: материалы Всероссийской онлайн-конференции с международным участием /отв. ред. Р. А. Пупыкин, А. В. Тупаев, К. П. Пилюгина ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2022. С. 102-104.
2. Савин Л.В. Многополярность и внешняя политика России // Постсоветские исследования. 2020. Т.3. № 1. С. 9-18.
3. Солуянов В.С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 424–445.
4. Полный текст выступления Владимира Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023. – URL.: <https://www.kp.ru/daily/27564/4833298/>
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.). – URL.: [Концепция внешней политики Российской Федерации \(утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.\) - Министерство иностранных дел Российской Федерации \(mid.ru\)](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/foreign_policy_mainpage.asp?newsID=23727)
6. Тимофеев И. Государство-цивилизация и политическая теория. – URL.: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/gosudarstvo-tsvivilizatsiya-i-politicheskaya-teoriya/>
7. Спиридонова В.И. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко; Отв. ред.: В.И. Спиридонова, В.Н. Шевченко. - М. : ИФ РАН, 2016. 122 с.
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
9. Якунин В.И. Цивилизационные основания мирового политического кризиса // Вестник Московского государственного областного

- университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 7-20.
10. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. — М.: Евразийское движение, 2012. 532 с.
 11. Панарин А.С. Атлантизм и Евразийство: два сценария для России // Россия: Опыт национально-государственной идеологии / В.В.Ильин, А.С.Панарин, А.В.Рябов; под ред. В.В. Ильина. – М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 113-217.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНОКОНФЛИКТНОГО И ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛОВ В УСЛОВИЯХ СВО: ВЗГЛЯД ИЗ КРЫМА

Синкевич И.С.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
студентка*

Email: inna.sinkevich.02@mail.ru

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются особенности проявления этноконфликтного и интеграционного потенциалов в Республике Крым в условиях проведения Специальной военной операции. Автор отмечает некий «иммунитет» региона в отношении межнациональных конфликтов, который проявляется непосредственно в мерах профилактики, а также в полиэтничном составе населения, который проживает вместе на небольшой территории на протяжении всей истории республики. Условия полиэтничности населения делают неизбежной необходимость находить пути интеграции и взаимопонимания для межкультурного и этнополитического взаимодействия. При этом фактор этноконфликтного потенциала требует особого внимания, так как на некоторых этапах истории проявлялись конфликтные ситуации. Конфликтный потенциал межэтнических взаимодействий, как правило, проявляется в языковой и религиозной сферах, а также в различной интерпретации одних и тех же исторических событий.*

***Ключевые слова:** Крым, СВО, мигранты, беженцы, межнациональный диалог, этноконфликтный потенциал, интеграционный потенциал.*

FEATURES OF THE MANIFESTATION OF ETHNIC CONFLICT AND INTEGRATION POTENTIALS IN THE CONDITIONS OF THE SVO: A VIEW FROM THE CRIMEA

Sinkevich I.S.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, student

Email: inna.sinkevich.02@mail.ru

Abstract. *This article examines the peculiarities of the manifestation of ethnic conflict and integration potentials in the Republic of Crimea in the context of a Special military operation. The author notes a certain "immunity" of the region in relation to interethnic conflicts, which is manifested directly in preventive measures, as well as in the multiethnic composition of the population, which has lived together in a small area throughout the history of the republic. The conditions of the multiethnic population make it inevitable to find ways of integration and mutual understanding for intercultural and ethnopolitical interaction. At the same time, the factor of ethnic conflict potential requires special attention, since conflict situations have manifested themselves at some stages of history. The conflict potential of interethnic interactions, as a rule, manifests itself in the linguistic and religious spheres, as well as in different interpretations of the same historical events.*

Keywords: *Crimea, SVO, migrants, refugees, interethnic dialogue, ethnic conflict potential, integration potential.*

Республика Крым всегда отличалась привлекательностью своего территориального расположения. Особенно это стало проявляться после общекрымского референдума 2014 года, когда началось восстановление и обновление инфраструктуры региона, что сделало его еще более благоприятным для проживания и миграции. При этом следует отметить, что в Крыму существует определённый этноконфликтный потенциал, так как на некоторых этапах истории проявлялись острые противоречия в этой сфере. Конфликтный потенциал межэтнических взаимодействий, как правило, проявляется в языковой и религиозной сферах, а также в различной интерпретации одних и тех же исторических событий [1].

Далее мы рассмотрим особенности проявления этноконфликтного и интеграционного потенциалов в Республике Крым в условиях проведения Специальной военной операции.

После начала СВО Крым стал одним из приоритетных регионов для миграции украинского населения. Миграционные процессы не могли не оказать влияния на ряд важных факторов, в том числе на межнациональный диалог. С февраля 2022 года на территорию республики начали прибывать беженцы с ЛНР, ДНР, а в последствии и с Херсонской и Запорожской областей. В связи с этим были

организованы пункты временного размещения в крупных городах региона, для обеспечения всем необходимым. Параллельно с этим началась ежедневная работа правоохранителей с данными гражданами, они были проинформированы о порядке размещения, оформлении документов, возможностях трудоустройства и выплатах, положенных в качестве мер поддержки [2]. В соответствии с решением Правительства Российской Федерации, уже в марте начались выплаты единовременной материальной помощи в размере десяти тысяч рублей на каждого человека [3]. Также на территории полуострова с первых дней функционируют пункты сбора гуманитарной помощи как для прибывших сюда беженцев, так и для мирных жителей, которые остались на территории зоны проведения спецоперации.

Говоря о сложностях, характерных для межнациональных отношений в Крыму, стоит отметить попытки дестабилизации извне. В рамках СВО особое внимание уделяется борьбе с информационной составляющей, посредством использования новостных каналов, публикаций в социальных сетях, борьбе с распространениями фейков и т.д. Как сообщается Федеральным агентством по делам национальностей «После начала проведения СВО внешние модераторы усилили информационную активность, направленную на пропаганду среди населения идеи «возвращения Крыма в состав Украины», акцентируя внимание на крымских татарах и прибывающих на полуостров гражданах Украины. Но предпринимаемые попытки не находят отклика среди населения, состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в республике остается стабильным» [4]. Данное заявление было сделано в августе 2023 года, по итогам встречи руководителя ФАДН Игоря Баринова с главой республики Крым Сергеем Аксеновым. Отдельно Игорь Баринов акцентировал внимание на вопросе привлечения ветеранов спецоперации к реализации государственной национальной политики. Он отметил межнациональную сплоченность бойцов нашей армии в зоне Специальной военной операции и выразил уверенность, что именно эти люди могут рассказать о единстве многонационального народа России и о том, как укрепляется российская нация [4].

Также о неудачных попытках дестабилизации межнациональной ситуации на полуострове высказался председатель Государственного комитета по межнациональным делам республики Айдер Типпа. Он отметил, что угроза дестабилизации существовала, начиная еще с 2014 года, с начала спецоперации эти попытки участились, однако они не удалась, прежде всего, потому что в нашей стране межнациональные и межконфессиональные отношения прочно развиваются на основе мира,

взаимопонимания и взаимоуважения между представителями разных национальностей и вероисповеданий [5].

Отвечая на вопрос корреспондента РИА Новости Крым о том, повлияла ли спецоперация на межнациональные отношения в регионе, Айдер Типпа акцентировал внимание на том, что «проведение специальной военной операции направлено на защиту суверенитета и обеспечение безопасности нашей страны и ее граждан. Она не повлияла, а укрепила наше единство. Это единство способствует сохранению мира и согласия, придает силу духа и мужество нашим защитникам, которые сегодня участвуют в военной операции» [5].

Отдельное внимание председатель Государственного комитета по межнациональным делам Республики Крым уделил деятельности органов власти для сохранения межэтнического согласия и снижения напряженности. Помимо реализации госпрограммы и разработки законов, осуществляются выплаты различных компенсаций, постройки социально значимых объектов. Совместно с Домом дружбы народов и Медиацентром имени Исмаила Гаспринского проводятся концерты, фестивали, благотворительные акции, дни культуры народов и другие мероприятия. Кроме того, издается социально-значимая литература, поддерживается и развитие национальных СМИ. Наряду с этим, в Крыму действуют государственные и муниципальные программы по профилактике межнациональных конфликтов, а для укрепления связей между национальными общественными объединениями, религиозными организациями и исполнительной властью постоянно действует Совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям при главе Крыма. Касательно содействия Крыма интеграции новых регионов в многонациональную «семью» народов нашей страны он отметил работу Дома дружбы народов. При организации и проведении мероприятий всегда приглашаются творческие коллективы с новых территорий. Также активное взаимодействие налаживается с национально-культурными объединениями новых субъектов. Государственный комитет по межнациональным делам оказывает посильную помощь в интеграции беженцев и мигрантов, в частности это касается вопросов продления или получения миграционной визы, гражданства или оформления виз для переезда и получения работы [6].

Подводя итог сказанному, стоит отметить некий «иммунитет» региона в отношении межнациональных конфликтов, который проявляется непосредственно в мерах профилактики, а также в полиэтничном составе населения, который проживает вместе на небольшой территории на протяжении всей истории республики. Условия полиэтничности населения делают неизбежной необходимость

находить пути интеграции и взаимопонимания для межкультурного и этнополитического взаимодействия.

Список литературы

1. Синкевич И.С. Управление этноконфликтным потенциалом Крыма как фактор региональной безопасности. Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права Сборник научных трудов XI Международного Харакского форума. под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной. Симферополь, АРИАЛ, 2023 – С. 284-289
2. Следователи Крыма и Севастополя оказывают правовую и гуманитарную помощь беженцам, прибывающим с территорий Донбасса и Украины URL: <https://crim.sledcom.ru/news/item/1669249/>
3. Минтруд Крыма информирует об организации помощи беженцам ДНР и ЛНР на территории Республики Крым URL: <https://mtrud.rk.gov.ru/articles/9d924e54-afdf-4b89-b27c-7f56bca60ded>
4. В Крыму оценили попытки дестабилизировать межнациональные отношения URL: <https://crimea.ria.ru/20230828/v-krymu-otsenili-popytki-destabilizirovat-mezhnatsionalnye-otnosheniya-1130992810.html>
5. Готовы к любым провокациям: трудно ли сохранять национальный мир в Крыму URL: <https://crimea.ria.ru/20231104/gotovy-k-lyubym-provokatsiyam-trudno-li-sokhranyat-natsionalnyy-mir-v-krymu-1132573844.html>
6. С начала 2023 года в Крым приехали 130 тысяч мигрантов URL: <https://crimea-radio.ru/s-nachala-2023-goda-v-krim-priekhali-130-tisyach-m/>

ДИНАМИКА ЭТНОРЕЛИГИОЗНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПЕРИОД СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РОССИИ НА УКРАИНЕ

Синкевич И.С.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
студентка*

Email: inna.sinkevich.02@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрена динамика этнорелигиозной напряженности в период Специальной военной операции России на Украине. Исследуется феномен этнической ненависти, причины и способы ее разжигания, в том числе её религиозная составляющая, в частности вопрос внутривосправославного конфликта на Украине.

Ключевые слова: Россия, Украина, этническая ненависть, русофобия, внутривосправославный конфликт на Украине.

DYNAMICS OF ETHNO-RELIGIOUS TENSION DURING THE PERIOD OF RUSSIA'S SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE

Sinkevich I.S.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, student

Email: inna.sinkevich.02@mail.ru

Abstract. *This article examines the dynamics of ethno-religious tension during the period of Russia's Special Military Operation in Ukraine. The phenomenon of ethnic hatred, the causes and methods of its incitement, including its religious component, in particular the issue of the intra-Orthodox conflict in Ukraine, is being investigated.*

Keywords: *Russia, Ukraine, ethnic hatred, Russophobia, intra-Orthodox conflict in Ukraine.*

В современном обществе приоритетное положение занимает декларация принципа равноправия индивидов, вне зависимости от этнического фактора, вероисповедания, пола. Деятельность по профилактике дискриминации и пропаганды, направленной на возбуждение национальной, расовой ненависти необходима для обеспечения стабильности в сфере межнациональных отношений. На современном этапе происходит дивергенция принятых международными организациями деклараций, а принципы, указанные в данных документах, соблюдаются лишь условно, на деле наблюдаются значительные проявления дискриминации.

Данная проблема не могла не коснуться настолько сложного и многосоставного феномена как Специальная военная операция России на Украине. При этом конфликт проявляется не только на территории двух стран. Его влияние, точно так же, как и проявления русофобии и украинофобии, наблюдаются во многих странах.

Разжигание этнической ненависти – это процесс создания негативного образа этнической группы с целью вызвать у группы, к которой обращается эта пропаганда, негативные эмоции и чувства антипатии, а иногда и ненависти. В результате этого процесса могут возникать межэтнические конфликты, насилие по этническому признаку и даже военные действия. Проявление этнической ненависти осуществляется как в реальной жизни, так и в виртуальной, охватывая огромное количество людей и обостряя ситуацию.

Причины этнической ненависти могут быть различными: исторические, культурные, религиозные, экономические и т.д.

Обозначить причины конфликтов, опираясь на одну сферу или теорию, нельзя потому, что, во-первых, каждый конфликт имеет свою специфику, а во-вторых, казуальные основы их могут меняться в ходе эскалации конфликтов, особенно если они затяжные [1].

В качестве единого подхода к пониманию причин конфликтов можно выделить ресурсный подход. Враждебные настроения в большинстве своем направлены на распределение ресурсов. Этническая группа может претендовать на все ресурсы на определенной территории, включая саму территорию, тогда национализм проявляется как особая политическая идеология, политическое движение. В качестве ресурсов выступают все возможные властно-статусные, материальные, экономические и духовные блага [2].

Уровень проявления агрессии зависит от силы личностных или групповых переживаний, связанных с представлениями о справедливости-несправедливости распределения ресурсов, интенсивности страха дефицита ресурсов и активности стремления защитить или перераспределить ресурсы.

Чувство принадлежности к нации, к этносу, чувство национальной гордости неискоренимо. Другое дело - гипертрофия и деформация национального чувства, что составляет ядро национализма. Национальное отделимо от националистического тонкими, подвижными, не всегда уловимыми гранями. Однако если национальное открыто, дружелюбно, националистическое – агрессивно и злобно [3]. Одной из опасных черт этнической ненависти является то, что она способна мобилизовать большие группы людей и привести к серьезным социальным конфликтам.

Все возрастающая роль религиозно-этнического фактора в современных международных отношениях и мировой политике уже не вызывает сомнений, так как является предметом многочисленных научных исследований, политического анализа и учитывается в проведении конкретных политических акций и разработке внешнеполитических концепций влиятельных государств мира. При этом некоторые исследователи считают, что успехи и неудачи государства на мировой арене определяются не только правильностью или ошибочностью логики действий участников политических процессов, но и учетом морально-нравственных принципов [4].

Первая причина, по которой религия и принадлежность к этносу играют важную роль в жизни общества, - это то, что они представляют собой виды идеологических систем и уже поэтому оказываются включенными в политическую жизнь общества. Вторая причина определяется человеческим фактором, т.е. вызвана амбициями,

интересами и деятельностью кругов духовенства, когда достаточно просто и убедительно ради высокой цели обосновывается необходимость учета нравственных и религиозных норм, норм морали, культуры и традиций в том или ином политическом решении или социальном действии.

Современное украинское общество характеризуется изменениями, связанными с агрессивной политикой по отношению к православным священникам и пастве, нагнетанием русофобских настроений.

Еще в 2018 году в противовес УПЦ была создана Православная Церковь Украины (далее – ПЦУ) – чисто политический проект для «сдерживания России», инструмент для борьбы с Русским миром, с целью противодействия влиянию на Украине Московского Патриархата, в частности, и православия, в целом [5].

Затем Верховная рада приняла поправки в закон «О свободе совести и религиозных организациях» 1991 года, инициированные депутатами от «Народного фронта» и «Самопомощи». Согласно поправкам, религиозные организации, центр которых находится в России, обязаны сообщать об этом в своем полном официальном названии. Фактически закон обязал Украинскую православную церковь изменить свое название на «Российскую православную церковь в Украине». В противном случае устав УПЦ утрачивает юридическую силу, что, как следствие, влечет приостановку всех действующих договоров на аренду храмов и других помещений, пользование землей и т.п. Глава юридического отдела УПЦ протоиерей Александр Бахов отмечал, что подобный механизм позволяет украинским властям отобрать у УПЦ храмы, передав их ПЦУ.

2 декабря 2022 года президент Украины Владимир Зеленский сделал заявление, в котором говорилось о том, что деятельность УПЦ может быть запрещена. Президент Украины объяснил данное заявление тем, что принятие властными органами решения последовало из-за аффилиации руководства УПЦ с Московской патриархией, как он выразился – «центром российского влияния» за рубежом [6].

Он заверил, что против всех священнослужителей, уличенных в сотрудничестве со своими духовными братьями в России, будут введены санкции, устав религиозной организации – проверен на соответствие национальному законодательству. Указывалось, что данными решениями планируется гарантировать Украине духовную независимость.

Каноническая церковь, которая, по мнению украинской власти, всегда являлась духовным филиалом РПЦ, оказалась под угрозой, самой сильной с момента ее образования – 1991 года. Политическое

руководство впервые решилось на прямое воздействие на деятельность церкви, а для придания «легитимности», был найден повод. В середине ноября 2022 года в Свято-Успенской Киево-Печерской лавре разразился скандал. Священнослужитель Михаил Емельян опубликовал ролик, на котором прихожане монастыря распевали песню о возрождении «матушки-Руси». На видеоматериале с богослужения прозвучали слова: «Звон плывет, плывет над Россией, пробуждается матушка-Русь». «Патриоты незалежной» быстро отреагировали – спустя несколько часов наместник лавры отстранил от службы священника Захария, который позволил песне прозвучать на литургии. СБУ, в свою очередь, возбудила против него уголовное дело по статье «оправдание вооруженной агрессии». По версии СБУ, активисты во главе со священнослужителем продвигали «тезисы пропагандистского характера, которые восхваляют русский мир» [7].

22 ноября СБУ устроила обыск в монастыре. Вместе с полицией представители силового ведомства досмотрели 850 церковных построек и 350 человек, находившихся на месте. Около полусотни из них прошли «углубленные контрразведывательные опросы», в том числе с использованием полиграфа. Сообщалось, что «Мероприятия проводятся для недопущения использования лавры как ячейки «русского мира», проверки данных об использовании помещений УПЦ для укрывательства диверсионно-разведывательных групп (...), защиты населения от провокаций и террористических актов» [8].

В течение последующей недели органами СБУ были проведены обыски в Сарненско-Полесской, Черновицко-Буковинской, Кировоградской и Александрийской, Тернопольской и Ивано-Франковской епархиях. По их данным, при обыске были обнаружены «методички из Москвы», материалы пропагандистского характера, крупные суммы денег, а также граждане России, чьи личности скрыли [9].

Высокопоставленные клирики тоже подверглись оперативным мероприятиям, после которых были возбуждены уголовные дела по статье о государственной измене, распространении материалов с призывами к перевороту и о нарушении равноправия граждан на основе религиозной принадлежности. Работу с «духовными диверсантами» поставили на поток, а итоги этой деятельности освещались в украинских СМИ. На сайте украинского президента появилась петиция с требованием полностью запретить деятельность УПЦ [10]. К 28 ноября петиция собрала 25 тысяч подписей и, согласно украинскому законодательству, получила статус обязательной к рассмотрению президентом.

Практика публичного порицания России и Русской православной церкви (РПЦ) после начала специальной военной операции России на Украине действительно стала для иерархов УПЦ регулярной. Ведь формальные отношения с «материнской» церковью давно прекращены.

Еще весной 2022 года из устава и других основополагающих документов организации были исключены все положения, указывающие на зависимость от Московского патриархата. В частности, был удалён тезис о том, что УПЦ официально входит в состав РПЦ на правах автокефалии. Однако с точки зрения церковного права нюансы остались.

Для остальных поместных церквей мира УПЦ по-прежнему является частью Русской патриархии. Киевские иерархи так и не попросили мир признать себя независимыми. И хотя молитвенные поминовения патриарха Кирилла в монастырях и храмах прекратились, собственного патриарха церковь так и не избрала. Прошения раскольнической ПЦУ к Константинополю о лишении главы РПЦ патриаршего престола, которые поступили летом, УПЦ также не поддержала. Иными словами, статус Украинской православной церкви до конца остается неясным.

Это, как и многое другое, неоднократно давало повод наиболее радикальной части украинских элит утверждать, что само существование УПЦ – прямая угроза украинской государственности. И после скандала в Киево-Печерской лавре призывы к запрету церкви возобновились с новой силой.

Конфликт между Россией и Украиной продолжается уже несколько лет и сопровождается яркими проявлениями этнической ненависти. Изучение данного феномена в рамках актуальной политической повестки является важным для понимания механизмов разжигания, его последствий, а также для разработки стратегий противодействия этому явлению.

Одним из основных факторов является противостояние России украинскому национализму, что приводит к проявлению русофобии как среди украинского населения, так и среди населения третьих стран. Это выражается в оскорблениях, унижении, убийствах и других формах насилия в отношении русских. Кроме того, негативную роль в разжигании этнической ненависти играют СМИ и социальные сети, которые распространяют дезинформацию и используют подстрекательство.

А.Н. Савельев определяет русофобию следующим образом: «Русофобия – неприязнь, ненависть, враждебность или иные негативные чувства по отношению к России, русским или их языку,

истории и культуре» [11, с. 6]. Схожее определение даёт С.Г. Кара-Мурза: «...руссофобия Запада – широкий спектр отрицательных чувств и установок по отношению к русским, от страха до ненависти» [12].

Российские туристы, посетившие зарубежные страны, сталкивались с проблемами и неприятными событиями разного характера: крупные международные сети отелей отказывались заселять в номера россиян, кафе и рестораны отказывали в обслуживании, некоторые государства, входящие в Шенгенскую зону, прекратили выдавать россиянам туристические визы.

Что касается украинского проявления руссофобии, то 8 мая 2022 года, бывший президент Украины Петр Порошенко провел аналогию между нацизмом и рашизмом: «Победили нацизм – победим и рашизм». [13].

Верховная рада Украины официально ввела в национальный документооборот термин «рашизм», сообщил депутат Алексей Гончаренко. Как следует из результатов голосования, представленных в ходе трансляции из украинского парламента, за принятие новой терминологии проголосовали единогласно - 281 депутат, присутствовавший в зале. Голосов «против» и «воздержался» не было. В голосовании не участвовали 57 парламентариев [48].

Приверженность к руссофобии в ряде зарубежных стран с начала СВО стала будто бы общепризнанной идеологией, в то время как к украинским беженцам относились с первых дней с жалостью и сожалением. Однако позиция жителей европейских стран по отношению к украинским беженцам меняется. Милосердие постепенно сменяется гневом и раздражительностью, украинофильство – украинофобией, причиной является злоупотребление этим самым «милосердием».

Очевидно, что для решения конфликта необходимо, прежде всего, обратиться к корневым причинам, вызвавшим этническую ненависть. Важно также пресекать проявления насилия и распространения дезинформации, проводить профилактические мероприятия по предупреждению межнациональных и межрелигиозных конфликтов, а также взаимно уважать культурную и этническую разнообразность и права всех групп населения. Как высказался Президент РФ В.В. Путин относительно проявления руссофобии за рубежом, в ходе прямой линии 14 декабря 2023 года, «Мы у себя должны делать всё для того, чтобы ничего подобного у нас не возникало, и пресекать должны на корню любые попытки раскатать общество изнутри. Так и будем делать» [14].

Список литературы

1. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
2. Ильясов Ф. Н. Группа и групповое поведение // Социальные исследования. 2016. №1. С. 1–20.
3. Иванов В.Н. Межнациональная напряженность в национальном аспекте. М.: Политиздат, 1992. 251 с.
4. Робертсон Р. «Возвращение» религии и конфликтная ситуация мироустройства // Век глобализации. 2010. № 1. С. 30.
5. Трёхлетие банды ПЦУ: время вкушать «скудные и горькие плоды беззакония и предательства» // Антимайдан. 16.12.2021. - URL: https://antimaydan.info/2021/12/trehletie_bandy_pcu_vremya_vkushat_skudny_e_i_gorkie_plody_bezzakoniya_i.html
6. Зеленский анонсировал меры, направленные на запрет Украинской православной церкви // ТАСС. 2.12.2022. - URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16481525>
7. СБУ возбудила уголовное дело после того, как в храме Киево-Печерской лавры исполнили песню «Звон плывёт, плывёт над Россией» // RT на Русском. 15.11.2022. - URL: https://t.me/rt_russian/136634
8. Нападки на Украинскую Православную Церковь перешли на новый уровень террора // Смотрим. 22.11.2022. - URL: <https://smotrim.ru/article/3055847>
9. В Черновицко-Буковинской епархии УПЦ прокомментировали [обыски СБУ](#) // Политика Страны 26.11.2022. - URL: <https://t.me/stranaua/77205>
10. Петиция о запрещении Украинской православной церкви собрала 25 тысяч подписей и теперь должна быть рассмотрена президентом // Политика Страны. 28.11.2022. - URL: <https://t.me/stranaua/77623>
11. Савельев А.Н. Русофобия в России. 2006– 2007 гг. Аналитический доклад. М., 2008.
12. Кара-Мурза С.Г. Кто такие русские? М., 2011.
13. Как и зачем Украина выдумала русофобский термин «рашизм» // Рамблер. 04.05.2023. - URL: https://news.rambler.ru/conflicts/50682498/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
14. Путин прокомментировал ситуацию с русофобией в мире. - URL: <https://ria.ru/20231214/rusofobiya-1915800517.html>

ОСОБЕННОСТИ КРИЗИСА ПОСТНЕОКОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗАПАДА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Слинько А.А.

*Доктор политических наук
Воронежский государственный университет,
заведующий кафедрой международных отношений и мировой
политики*

E-mail: aleksandr_slinko@mail.ru

Слинько О.Л.

*Воронежский филиал РАНХиГС,
начальник отдела аспирантуры*

E-mail: Olga.slinko@mail.ru

***Аннотация.** В статье анализируются особенности современного этапа мирового политического кризиса в зеркале предвыборной кампании в Соединенных Штатах Америки и электоральных процессов в некоторых странах Европейского Союза. Авторы приходят к выводу, что политическая неустойчивость, проявление факторов риска нестабильности и политических конфликтов в ряде стран продиктованы крушением неокOLONиальной системы и глобальным противостоянием. Глобальное управление, которое осуществлялось столетиями, приводило к потере политического суверенитета, периферийности экономики неокOLONиальных, снижению их обороноспособности, уменьшению численности населения, упадку национальной культуры. Как сказал Президент Российской Федерации В.В. Путин на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2023 года, уродливая по своей сути неокOLONиальная международная система прекратила свое существование, а многополярный мировой порядок, напротив, укрепляется.*

***Ключевые слова:** постнеокOLONиальная система Запада, глобальный кризис, внешнеполитические авантюры, консолидация антинеокOLONиального блока.*

FEATURES OF THE CRISIS OF THE POST-NEOCOLONIAL SYSTEM OF THE WEST IN THE CONTEXT OF GLOBAL CONFRONTATION

Slinko A.A.

*Doctor of Political Sciences
Voronezh State University,
Head of the Department of International Relations and World Politics
E-mail: aleksandr_slinko@mail.ru*

Slinko O.L.
*Voronezh Branch of RANEPa,
Head of the Postgraduate Department
E-mail: Olga.slinko@mail.ru*

Abstract. *The article analyzes the features of the current stage of the global political crisis in the mirror of the election campaign in the United States of America and electoral processes in some countries of the European Union. The authors conclude that political instability, the manifestation of risk factors of instability and political conflicts in a number of countries are dictated by the collapse of the neocolonial system and global confrontation. Global governance, which has been carried out for centuries, led to the loss of political sovereignty, the periphery of the economy of the neocolonies, a decrease in their defense capability, a decrease in population, and the decline of national culture. As President of the Russian Federation Vladimir Putin said at the St. Petersburg International Economic Forum in June 2023, the inherently ugly neocolonial international system has ceased to exist, and the multipolar world order, on the contrary, is strengthening.*

Keywords: *post-neocolonial system of the West, global crisis, foreign policy adventures, consolidation of the anti-neocolonial bloc.*

К концу 2023 года стало очевидно ослабление реваншистского потенциала глобального Запада, который спровоцировал антикитайскую и антироссийскую военно-политическую кампанию в условиях псевдолиберальной идеологической истерии.

Напряженную ситуацию в мире усугубляет внутренний раскол в США в условиях набирающей силу предвыборной кампании. Для понимания специфики нынешней ситуации необходимо рассмотреть некоторые изменения организации выборного процесса, позволившие победить демократической партии в 2020 году [1]. В самый первый день работы нового Конгресса в 2021 году демократы в однопартийном порядке проголосовали за законопроект, названный ими «Законом для людей» [2]. Сенатские демократы также внесли в 2022 году предложение о реформе «Закона о подсчете вице-президентом голосов на выборах в Сенате», не менявшегося с 1887 года [3]. Эти законопроекты закрепили изменения, сделанные де-факто на выборах

2020 года, и тем самым подтвердили, что процедура прошедших выборов не была законна. Предвыборная кампания 2020 года присвоила себе мандат на перестройку избирательной системы под предлогом спасения демократии. Этот предлог был использован, чтобы отвлечь внимание от реальной проблемы демократов, а именно, от сокращения размеров и снижения активности их электората. Поэтому Демократическая партия настаивала и настаивает на расширении заочного голосования [4].

По итогам выборов в нескольких штатах были выявлены серьезные нарушения, однако расследование этих нарушений проведено не было. Это объясняется тем, что заочное голосование дает преимущество демократам: компенсирует низкую явку на выборы социальной базы демократов, способствует намеренному и непреднамеренному включению незаконных бюллетеней в ряде штатов, контролируемых демократами. Четыре из пяти округов, в которых в 2020 году произошел самый большой сдвиг в пользу демократов, были округами с самым высоким уровнем заочного голосования [4].

Еще в 2021 году Дж.Сорос уже заявил, что девятизначные инвестиции будут направлены на поддержку продемократических движений и кандидатов, которые продемонстрируют свою заинтересованность в «укреплении инфраструктуры американской демократии: избирательных прав и гражданского участия, гражданских прав и свободы, верховенства права» [5]. Это заявление означает, что сразу после окончания выборов 2020 года демократы начали предвыборную кампанию 2024 года.

На современном этапе предвыборной кампании под крылом демократической партии оформился союз «технофеодалов», лидеров глобальных корпораций и ультралевых интеллектуалов, олицетворением которых является сенатор Б.Сандерс. В предвыборных конфликтах на прошлых выборах была официально провозглашена ставка на поддержку расовых и национальных меньшинств, в частности, афроамериканского и латиноамериканского. И это сработало – на фоне активности общественного движения Black Lives Matter полиция была объявлена репрессивным институтом, для привлечения испаноязычных мигрантов контроль над мексиканской границей был сокращен до минимума. Демократы надеялись на повторение маневра, но случилось непредвиденное – в среде, казалось бы, железобетонного большинства начался раскол – оказалось, что голосов социальный крен демократической политики может и не принести. Ультралевые сделали ставку на национальные меньшинства, надеясь с их помощью победить на следующих президентских выборах. Так, 25 мая 2022 года Д.Байден

подписал исполнительный указ «О содействии эффективной, подотчетной полиции и усилении общественной безопасности». Указ предусматривает обязательное ношение нательных камер сотрудниками федеральных правоохранительных органов, а так же создание базы данных о неправомерных действиях полицейских доступной для общественности [6, с. 66]. При этом далеко нет стопроцентной уверенности в голосовании афроамериканцев за демократов: республиканцы продвигают на выборах своих чернокожих кандидатов, перехватывая инициативу.

С другой стороны, демократы практически открыли для испаноязычных мигрантов южные границы, что не понравилось адаптировавшимся в США выходцам из Латинской Америки. В итоге, складывается парадоксальная ситуация: Байден менее популярен среди латиноамериканских общин в сравнении с другими расово-этническими группами. Лишь 37% латиноамериканцев желает, чтобы нынешний президент избирался на следующий срок. Среди афроамериканцев – 40%, среди демократов в целом – 54% [7, с. 81].

Такое «зависание» действующего президента накануне начала предвыборного процесса принуждает демократов делать ставку на внешнеполитические авантюры и, прежде всего, на поддержку неонацистского режима на Украине. Эта политика вызвала «слом трендов» в среде политических союзников Байдена в Европе. Начался эпический демонтаж «Франсафрики» – неокOLONиальной системы, созданной в Западной Африке Францией. Антиколониальные перевороты в Буркина-Фасо, Мали и Нигерии привели к параличу интервенционистской политики. Нигерия не решилась выступить на стороне Франции (войска этой страны должны были составить основную часть контингента вторжения в Нигер), и Франция начала вывод войск из Нигера. Поражение в Африке внесло свой вклад в дестабилизацию позиций Э.Макрона, в Западной Африке политическая роль Франции оказалась утраченной.

В ФРГ местные выборы в Баварии и Гессене выбили правящих социал-демократов на позиции третьестепенной политической силы. В обеих федеральных землях победу одержали консерваторы из ХДС-ХСС, СДПГ Шольца набрала всего 8 процентов в Баварии — самый низкий результат за всю историю. Одна из ее напарниц по коалиции, партия «Зеленых», набрала около 15 процентов, а другая, Свободная демократическая партия Германии (СвДП) — не смогла преодолеть порог для вхождения в земельный парламент. Более того, «Светофорная коалиция» уступила не только консерваторам из ХДС/ХСС, но и правоцентристским «Свободным избирателями» в Баварии, а в Гессене

— крайне-правой «Альтернативе для Германии» (АдГ), которая получила 18,4 процента голосов. Болезненное поражение в этих регионах сигнализирует об утрате поддержки избирателей не только СДПГ, но и всей коалицией.

В Польше агрессивная партия «Право и справедливость» утратила большинство в парламенте – плата за авантюризм на Украине – поляки в своем большинстве не хотят продолжения войны. У оппозиции появился шанс сформировать правящую коалицию, об этом свидетельствуют официальные итоги парламентских выборов, представленные Государственной избирательной комиссией Польши. Судя по заявлениям оппозиционных политиков, вступать в коалицию с "Правом и справедливостью", чтобы эта партия сохранила власть, никто не планирует.

Крайне неприятным последствием для всей системы ЕС стал приход к власти в Италии неонацистской партии во главе с Д.Мелони. Чтобы быть «допущенным к власти» элитой Европейского Союза, правые силы Италии начали дрейфовать от традиционных ценностей (неповторимых в силу исторического опыта) в сторону либеральных (неолиберальных) ценностей ЕС. Им пришлось заменить лозунг о «суверенитете» на «национальные интересы», перенести ответственность за экономические и политические проблемы страны с Брюсселя на своих левоцентристов, отказаться от резкой антииммигрантской риторики [9].

Можно согласиться, что в результате агрессивной политики на Украине в такой нестабильной стране как Италия рухнула вся политическая система, и на место Второй республики фактически пришла Третья. Как отмечает С.Гаврилова, «правый поворот в стране – это итог затяжного правительственного кризиса, который является составляющей более масштабного политического кризиса. Несомненным является тот факт, что к победе на выборах «популистскую», «альтернативную» правую коалицию привело стремление итальянцев к переменам: системный кризис Евросоюза, особенно проявившийся в некоторых странах, больно ударил по стабильности отдельных национальных государств, и Италия оказалась среди них» [10, с.91].

В итоге, в условиях глобального противостояния произошла антинеоколониальная консолидация во главе с Китаем и Россией, что было зафиксировано во время встречи Президента России В.В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина во время Третьего Форума международного сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь». Как отмечал глава МИД России С.Лавров, «именно непродуманная политика США и их подопечных сделали неизбежным нынешнее

обострение международной ситуации вопреки нашим многолетним попыткам его предотвратить» [11, с. 5]. Имея в виду полномасштабный кризис европейской безопасности, вина за который в полной мере лежит на наших бывших партнерах.

Список литературы

1. Ball M. The Secret History of the Shadow Campaign That Saved the 2020 Election // Time. — 2021. — February 4. — URL: <https://time.com/5936036/secret-2020-election-campaign/>
2. Hasen R Biden Creates Legal War Room. Preparing for a Big Fight // The New York Times. - 2020. - September 14. - URL: <https://www.nytimes.com/2020/09/14/us/politics/biden-legal-challenges-trump.html>
3. Debenedetti G. Democrats' Other Fear in Florida? Biden Winds Up Like Al Gore // New York Times Magazine. — 2020. — October 30. — URL: <https://nymag.com/intel-ligencer/2020/10/biden-prepares-legal-war-against-trump-in-florida.html>
4. Жежко-Браун И.В. Теневая президентская кампания в США // Идеи и идеалы. 2022. №1-1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tenevaya-prezidentskaya-kampaniya-v-ssha>
5. Montellaro Z. 'Center of the maelstrom': Election officials grapple with 2020's long shadow. The annual gathering of the nation's secretaries of state used to be a sleepy, bureaucratic affair. After 2020, they're getting Justice Department briefings on death threats // Politico. — 2021. — August 18. — URL: <https://www.politico.com/news/2021/08/18/election-misinformation-secretaries-state-505756>
6. Воробьев Д.Н. Значение промежуточных выборов в конгресс США для афроамериканского сообщества // США и Канада. 2023. №9. С.61-73.
7. Черных М.А. Тенденции испаноязычных избирателей: сдвиг в сторону республиканской партии? // США и Канада. 2023. №9. С.74-86.
8. «Больше не партия восточных немцев»: СМИ о триумфе «Альтернативы для Германии». – URL.: <https://eodaily.com/ru/news/2023/10/10/bolshe-ne-partiya-vostochnyh-nemcev-smi-o-triumfe-alternativy-dlya-germanii>
9. Алексеенкова Е. Италия в Средиземноморье: дилеммы «средней державы». Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 1. С. 80–90.
10. Гаврилова С. Новая «правая» Италии и перспективы итальянского популизма // Международная жизнь. 2023. Август. С.82-93.
11. Лавров С.В. На Западе нашу страну хотят устранить как серьезного геополитического конкурента // Международная жизнь. 2023. Август. С. 4-11.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРАЗИИ

Тарасевич А.С.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
студентка*

E-mail: sasha_tarasevich_02@bk.ru

Аннотация. *На сегодняшний день цифровое развитие играет ключевую роль в обеспечении экономического роста и улучшении качества жизни стран. Политико – экономические интеграционные процессы оказывают огромное влияние на мировую экономику и геополитику, они помогают укреплять экономическое положение государств, ускорять рост и поддерживать международную стабильность. Политико – интеграционные процессы на примере БРИКС и ШОС являются важным фактором в формировании нового многополярного мирового порядка, а также в развитии и укреплении экономических связей стран-участниц. Формирование открытой цифровой платформы для Евразии делает её доступной для общения не только на уровне региональных соглашений, но и на уровне межгосударственного сотрудничества, а также на многосторонних корпоративных платформах.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, политико-экономическая интеграция в Евразии, БРИКС, БРИКС+, ШОС.*

DIGITAL TRANSFORMATION AS A FACTOR OF POLITICAL AND ECONOMIC INTEGRATION IN EURASIA

Tarasevich A.S.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
student*

E-mail: sasha_tarasevich_02@bk.ru

Abstract. *Today, digital development plays a key role in ensuring economic growth and improving the quality of life of countries. Political and economic integration processes have a huge impact on the global economy and geopolitics, they help strengthen the economic position of states, accelerate growth and maintain international stability. Political integration processes, using the example of BRICS and the SCO, are an important factor in the formation of a new multipolar world order, as well as in the development and strengthening of economic ties between the participating*

countries. The formation of an open digital platform for Eurasia makes it available for copying not only at the level of regional agreements, but also at the level of interstate cooperation, as well as on multilateral corporate platforms.

Keywords: *digital transformation, political and economic integration in Eurasia, BRICS, BRICS+, SCO.*

В контексте исследования политико-экономической интеграции в Евразии через призму цифровой трансформации важно обратить наше внимание на то, что представляет собой цифровая трансформация. Данный термин окончательно сформировался в последние годы, и представляет собой преобразование формы организации деятельности общества в той или иной сфере на основе использования цифровых информационных технологий. Если рассматривать цифровую трансформацию через призму экономики, то в этом случае, по мнению Колина К.К. «Цифровая трансформация обозначает перемены в экономической сфере общества, обусловленные ее глубокой информатизацией с активным использованием цифровых технологий» [1, с. 34]. Процесс внедрения новых технологий получил название цифровизация, однако важно отметить, что цифровизация и цифровая трансформация - абсолютно два разных понятия, и совершенно ошибочно употреблять их как синонимы. К. Эберту и К. Дуарте ввели в научный оборот следующее определение: «Цифровая трансформация подразумевает под собой изменение системы управления путем реформирования стратегий, моделей, операций, продуктов и целей, которая подкреплена внедрением цифровых технологий» [1]. Её роль заключается в коренной трансформации всех сфер общественной жизни путем использования цифровых технологий. Это не что-то новое, процесс цифровой трансформации общества уходит в далекое прошлое, однако на сегодняшний день мы наблюдаем новую волну преобразований. По мнению ряда ученых, COVID-19 показал необходимость реформирования стратегий цифровой трансформации во всем мире, об этом говорят экономические показатели ведущих стран.

Главной особенностью экономической системы Евразии выступает её география, определяющая положение региона в качестве своеобразного мирового «ареала недоступности» [3]. Своеобразие экономическим процессам в этом регионе придаёт «превращение евразийского пространства в арену геополитической игры крупных мировых акторов, таких как США, ЕС, КНР, Индия, Пакистан, Иран, Турция» [8, с. 91].

Трансформация Евразии, связанная с концентрацией на континенте центров нового миропорядка и новых вызовов для экономической безопасности мировой системы, является определяющей тенденцией развития континентальной экономической системы. К новым тенденциям, формирующимся в Евразии, относится формирование новой модели международного экономического развития. В настоящее время в Евразии сосредоточены: во-первых, новые полюса экономического роста в лице быстрорастущих, многочисленных и крупномасштабных экономик - Китая и Индии, а также России как возрождающейся державы; во-вторых, регионы, которые напрямую влияют на формирование и содержание мировой экономики и политики - Европа, Северо-Восточная, Южная и Центральная Азия, Ближний Восток; в-третьих, центры мирового производства - новая структура производства и новые схемы размещения, мировые торговые и инвестиционные потоки; в-четвертых, человеческие ресурсы, качество которых будет определять новый формат международных отношений: доминирование региональных проблем, имеющих в силу масштабов экономик-лидеров глобальный характер, над национальными и усиление роли региональных союзов развивающихся стран в решении глобальных проблем.

Тесное переплетение экономических и политических интеграционных процессов оказывает существенное влияние на экономическое положение государств, участвующих в этих процессах. В таком случае, интеграция как система есть нарастающая экономическая взаимозависимость двух или нескольких стран, перешедшая в сращивание национальных рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и формирование целостного государственного социально-экономического организма с единой валютно-финансовой и правовой системами и теснейшей координацией внутренней и внешней экономической политики государств [2].

Одной из наиболее часто упоминаемых региональных структур «евразийского масштаба» является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Прообраз этой организации — «Шанхайская пятерка» — появился в 1996 году в качестве механизма решения спорных вопросов относительно границ. За первые пять лет существования «пятерки» она продемонстрировала способность эффективно решать поставленные перед ней задачи, поэтому в 2001 году неформальный форум был официально закреплён в рамках ШОС, которая основное внимание решила уделять вопросам безопасности. В 2004 году были созданы Региональная антитеррористическая структура

и Евразийская группа по борьбе с отмыванием денег. Экономическая повестка дня организации оказалась гораздо менее развита, хотя еще в 2003 году Китай предложил создать зону свободной торговли в рамках ШОС. До сих пор не реализована идея Энергетического клуба ШОС, предложенная российским руководством в 2006 году [7].

Эксперты считают, что ШОС может превратиться в региональную организацию безопасности, что хорошо сочетается с ее первоначальными целями. В этом смысле ШОС уже проявила себя, развивая сотрудничество между двумя основными участниками — Китаем и Россией, хотя не все наблюдатели убеждены в способности ШОС эффективно решать поставленные перед организацией задачи. Конечно, деятельность ШОС в этом отношении сильно зависит от стабильности ее биполярной структуры «Россия-Китай», которая в долгосрочной перспективе не является очевидной. Во-вторых, в качестве одной из альтернатив развития ШОС и в России, и на Западе нередко рассматривается превращение этой организации в военный блок по образцу НАТО, направленный на противодействие последнему. Однако такой сценарий мало возможен из-за позиции основных партнеров: Китай выступает против открытой конфронтации с США и пытается строить сбалансированную и многостороннюю политику. Третья возможность — акцент на экономических связях — хотя и соответствует идеям евразийской континентальной интеграции, но на практике представляется малореалистичной. ШОС может и уже способствует развитию торговых и инвестиционных связей в Евразии, продвигая определенные проекты и обеспечивая платформу для диалога между деловыми кругами и правительствами в рамках Делового совета ШОС.

Встречи в рамках организации активно используются в переговорах о предоставлении Китаем государственных кредитов. Однако два более продвинутых аспекта регионального экономического сотрудничества — создание зоны свободной торговли и сотрудничество в энергетической сфере — по-видимому, имеют ограниченные перспективы развития. Идея создания зоны свободной торговли сталкивается с опасениями России и некоторых центральноазиатских государств в связи с растущей экспансией китайских потребительских товаров. Что касается энергетического клуба, то ШОС включает как страны, экспортирующие энергоресурсы (Россия, Узбекистан и Казахстан), так и импортеров энергоресурсов (Китай), которые по определению имеют разные интересы. Идея КНР создания «Банка ШОС», который мог бы стать мощным инструментом трансграничных инвестиций и инфраструктуры, была заблокирована Россией, не

готовой допустить гегемонию Китая в финансовой сфере. Встречное предложение России — создание Фонда ШОС — было отвергнуто Китаем, который заявил, что такой фонд будет слабой заменой Банка ШОС.

Путём консолидации региональных, двусторонних, а также корпоративных альянсов общая евразийская цифровая платформа позволила бы участникам обеспечить большую согласованность и совместимость в рамках существующего набора цифровых экономических соглашений, создав тем самым условия для придания многостороннего характера существующим цифровым соглашениям и заключения новых. Один из способов создания цифровой «платформы платформ» для Евразии – объединить платформы для региональных интеграционных соглашений, региональных банков развития и региональных финансовых соглашений (РФС) стран Евразии.

Развитие ряда трансрегиональных проектов, осуществляемых в Центральной Азии, в отличие от ШОС, существенно зависит от позиции международных доноров, которые и подталкивают страны к сотрудничеству. Поэтому такие проекты гораздо более ориентированы на прагматичное экономическое сотрудничество и направлены в основном на развитие общей инфраструктуры. В частности, можно выделить в этой связи четыре института: ЦАРЭС, Специальную программу ООН для экономик Центральной Азии (СПЕКА), Центрально-южноазиатский форум по транспорту и торговле (ЦЮАФТТ) и Транспортный коридор «Европа — Кавказ — Азия» (ТРАСЕКА). ЦАРЭС и ЦЮАФТТ поддерживаются АБР. СПЕКА создана Европейской экономической комиссией ООН (ЕЭК) и Экономической и социальной комиссией ООН по странам Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), а программа ТРАСЕКА была инициирована Европейским союзом. Общей чертой всех этих проектов является их концентрация на вопросах транспорта и решении многочисленных проблем, связанных с отсутствием в Центральной Азии выхода к морю [5].

На последнем саммите ШОС, который прошел 4 июля 2023 г., страны-участницы в очередной раз отметили растущую роль Шанхайской организации сотрудничества в поддержании мира и стабильности в сложившихся геополитических противоречиях. На сегодняшний день ШОС играет важную роль в укреплении многополярного мирового порядка и создании платформы для диалога и сотрудничества между странами – участниками. «Мы рассматриваем ШОС не как расширенное соседство, а как большую семью. Безопасность, экономическое развитие, взаимосвязанность, единство,

уважение суверенитета и территориальной целостности, а также охрана окружающей среды являются столпами нашего видения ШОС», - заявил во вступительном слове Нарендра Моды, призвав коллег осознать их новое единство, выходящее за рамки географической близости.

В конце августа в одном из крупнейших промышленных центров КНР - городе Чунцин - прошли Форум цифровой экономики Китай-ШОС и международная выставка Smart China-2021 (SCE 2021), инициатором которых в рамках Московского саммита ШОС стал председатель КНР Си Цзиньпин. В поздравлении их участникам член Политбюро ЦК КПК, вице-премьер Госсовета КНР Лю Хэ подчеркнул, что мир вступил в эпоху стремительного развития цифровой экономики. Появляются все новые технологии, в том числе 5G, искусственный интеллект, "умные города", что оказывает сильное влияние на научно-техническое развитие всего мира, структуру производства и социально-экономические процессы. Китай готов продвигать усилия по углублению международного сотрудничества в области цифровых технологий и предлагает по случаю 20-летия ШОС ускорить их внедрение на пространстве ШОС. По словам Михаила Мишустина, председателя правительства РФ, Россия готова со своей стороны делиться с партнерами по Шанхайской организации сотрудничества имеющимися наработками в сфере ИКТ, в том числе в области 5G, больших данных, искусственного интеллекта и электронных государственных услуг. По его мнению, цифровизация позволит скорее добиться экономического развития, сформировать новые точки роста и повысить инвестиционную привлекательность экономики ШОС [4].

Появление в 2006 году группы БРИКС было скептически встречено экспертами, как в западном мире, так и в самих странах – членах. Необходимо отметить, что БРИКС – это особый коллективный формат, имеющий характерные черты, а именно: отсутствие централизованной институциональной структуры, страны – участницы имеют право лично определять общие цели и основные рамки сотрудничества. В основе БРИКС заложены принципы многополярности, взаимозависимости экономик стран, приоритета международного права при укреплении мира и стабильности, а также коллективности в решении проблем глобального характера. Цель БРИКС – обратить свой растущий потенциал в геоэкономике в авторитет, определяющий место и роль в геополитике. На долю стран БРИКС приходится 19% в мировом экспорте товаров, 16% в мировом импорте товаров, 19% входящих и почти столько же исходящих прямых инвестиций [6]. Сотрудничество в рамках БРИКС призвано дополнить

и укрепить существующие двусторонние и многосторонние связи между государствами-членами. Необходимость модернизации и внедрения новых технологий напрямую связано с инновациями союза БРИКС. К инновационным разработкам необходимо отнести сотрудничество в сфере ИКТ, применение искусственного интеллекта непосредственно важно для динамического развития союза. Создание общего информационного поля является стратегической задачей объединения, а информационные обмены выступают в качестве важнейшего инструмента развития стран-участниц БРИКС.

Если рассматривать БРИКС как новый экономический блок на мировом рынке, следует учитывать, что данная организация должна предложить другим странам мировой экономики новые модели развития государств, к этому можно отнести следующее: создание новой институциональной системы для модернизации стран мировой экономики, предложение альтернативы западной экономической системы, а также создание региональных блоков и платформ для их координации и развития. Это может быть реализовано в рамках широкого формата БРИКС+ и БРИКС++, что было озвучено министром иностранных дел Китая Ван И еще в начале 2017 г. и в значительной степени сформировало внешнеполитический дискурс китайского представительства в объединении БРИКС.

Уже в июне 2022 г. глава МИД России заявил о запуске подготовительного процесса для расширения БРИКС, и достойными кандидатами, по его мнению, является Иран и Аргентина. Общеизвестно, что эти две страны уже подали заявки на вступление в группу. С геополитической точки зрения вступление в БРИКС упомянутых государств будет способствовать укреплению позиций группы в макрорегионах стран-претендентов, одновременно будет усиливать влияние самих стран-претендентов и даже может способствовать преодолению противоречий между ними на другом уровне отношений (например, между Ираном, Саудовской Аравией и Турцией). Так по итогам последнего саммита в Аргентине, Египту, Эфиопии, Саудовской Аравии, Ирану и ОАЭ направили приглашения на вступление в БРИКС. Ожидается, что эти страны вступят в блок уже 1 января 2024 года. Насчет Аргентины большие сомнения, с приходом нового президента Хавьера Милей вектор внешней политики поменял направление, он неоднократно заявлял, что не намерен развивать межгосударственные отношения с Бразилией, Китаем и Россией из-за несогласия с политикой этих государств. Также в контексте саммита поднимался вопрос касательно дальнейшего развития и распространения искусственных технологий, все эти вопросы были

включены в повестку Делового совета БРИКС во время председательства России в 2024 году, который пойдет в Казани.

Йоханнесбургская декларация-II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности», подписанная по итогам XV саммита БРИКС, содержит пункты, касающиеся цифровой экономики. Данный документ признает активную роль цифровой экономики в содействии глобальному экономическому росту, также отмечаются вызовы в сфере торгово-инвестиционного развития в цифровую эпоху, и в этом контексте вопрос стоит о создании Рабочей группы БРИКС по цифровой экономике.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что образ будущего, который представляется нам благоприятным, предполагает сохранение всеобщей рыночной открытости и связанности. Последнее в любом случае возьмёт верх над стремлением ограничить взаимовыгодное сотрудничество политическими средствами, а силы и ресурсы, затраченные на такие попытки, будут просто бессмысленно растрочены. Раскол мира на враждующие лагеря-макрорегионы, стремящиеся к автаркии, невозможен, да и нежелателен. Россия, в силу своих размеров, ресурсного и логистического потенциала, геополитического положения, выступает на стороне большинства государств, стремящихся к максимальной открытости [6].

Цифровая трансформация в Евразии, особенно в контексте таких объединений как БРИКС и ШОС, которые мы рассмотрели в данной статье, является важным фактором для развития региона. Страны БРИКС и ШОС имеют огромный потенциал для цифровой трансформации благодаря своим большим рынкам, технологическим возможностям и стремлению к инновациям. На сегодняшний день страны БРИКС и ШОС активно работают над совместными проектами и инициативами в области цифровой трансформации. Как подчеркивали в заявлении Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества, именно цифровые технологии становятся на сегодняшний день одним из ключевых факторов ускорения экономического развития, повышения конкурентоспособности различных отраслей экономики, формирования новых рынков и обеспечения всеобъемлющего устойчивого роста. Цифровая индустриализация стимулирует экономический рост, исходя из этого, правительства многих стран для поддержки и ускорения экономического роста разработали и на постоянной основе оптимизируют свои цифровые стратегии, чтобы занять более высокое, а значит, и более выгодное место в современном и будущем мире.

Таким образом, цифровая трансформация в странах Евразии способствует улучшению своей конкурентоспособности на мировой арене, а также привлечению не только других стран, но и инвестиций.

Список литературы

1. Бабкина А.В. Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / Под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. – 807 с.
2. Колин К.К. Цифровая трансформация общества: современные концепции общественного развития и новая терминология: сборник статей /Под ред. К.К. Колина – МГУ, 2021. – 122 с.
3. Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства ШОС: проблемы и перспективы / Отв. ред.-сост. Ю.В. Кулинцев. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2021. — 176 с.
4. Осьмова М. Н. Мировая экономика. Экономика стран и регионов / Под ред. В. П. Колесова, М. Н. Осьмовой. М.: Издательство Юрайт, 2015. 519 с.
5. Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: ООО «КомНьюс Групп», 2019. – 368 с.
6. Стратегия развития БРИКС и приоритеты для России: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / М. Л. Баталина, Т. В. Бордачев, М. С. Бочкова и др. ; под науч. ред. Т. А. Мешковой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 194 с.
7. Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе Евразийской интеграции / В.И. Юртаев, А.С. Рогов // Вестник РУДН: Международные отношения. 2017. - Т. 17. - № 3. - С. 469—482.
8. Сеньюшкина Т. А. Евразийская идентичность как фактор политического диалога // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. – № 2-2(22). – С. 91-95.

РОССИЙСКОЕ ЛИБЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ПЕРЕД ВЫБОРОМ МЕЖДУ ДВУМЯ «ТОТАЛИТАРИЗМАМИ» - СОВЕТСКИМ ИЛИ ЛИБЕРАЛЬНЫМ

Трухан А.В.

*Кандидат философских наук,
доцент*

Ростовское отделение Российского философского общества

E-mail: axioma.maxima@mail.ru

***Аннотация.** Тридцатилетнее движение российского постсоветского государства в единое пространство западной цивилизации встретилось на своем пути с непреодолимым*

препятствием – историческим крахом либеральной идеи и глубочайшим идеократическим кризисом западной цивилизации модерна. Тезис И. Валлерстайна «о том, что крах коммунистических режимов представляет собой не окончательный успех либерализма как идеологии, а решительный подрыв способности либеральной идеологии продолжать свою историческую роль», полностью подтверждается современным ходом исторического процесса. Проходит время глобальной гегемонии либеральной цивилизации и вместе с ним подходит к концу срок жизни российского либерального государства. Осознание этой исторической неизбежности актуализирует в отечественной общественной мысли постановку вопроса о поиске цивилизационной альтернативы идеалу правового государства. В статье формулируется и проводится обоснование гипотезы, согласно которой постсоветская Россия находится в ситуации предстоящего выбора между двумя тоталитаризмами: советским или либеральным. Обоснование гипотезы проводится в идеократической парадигме. Вводится и разрабатывается различение понятий классического и неклассического тоталитаризмов.

Ключевые слова: российское либеральное государство, либерализм, авторитаризм, тоталитаризм, советский тоталитаризм, либеральный тоталитаризм, либеральный фашизм.

THE RUSSIAN LIBERAL STATE IS FACED WITH A CHOICE BETWEEN TWO “TOTALITARIANISMS” - SOVIET OR LIBERAL

Trukhan A.V.

*Candidate of Philosophy, Associate Professor
Rostov branch of the Russian Philosophical Society
E-mail: axioma.maxima@mail.ru*

Abstract. *The thirty-year movement of the Russian post-Soviet state into the single space of Western civilization encountered an insurmountable obstacle on its way - the historical collapse of the liberal idea and the deepest ideocratic crisis of modern Western civilization. I. Wallerstein's thesis "that the collapse of communist regimes does not represent the final success of liberalism as an ideology, but a decisive undermining of the ability of liberal ideology to continue its historical role" is fully confirmed by the modern course of the historical process. The time of global hegemony of liberal civilization is passing and with it the life of the Russian liberal state is coming to an end. Awareness of this historical inevitability actualizes the question of*

finding a civilizational alternative to the ideal of the rule of law in Russian social thought. The article formulates and substantiates the hypothesis according to which post-Soviet Russia is in a situation of an upcoming choice between two totalitarianisms: Soviet or liberal. The hypothesis is substantiated in the ideocratic paradigm. A distinction between the concepts of classical and non-classical totalitarianism is introduced and developed.

Keywords. *Russian liberal state, liberalism, authoritarianism, totalitarianism, Soviet totalitarianism, liberal totalitarianism, liberal fascism.*

Отмечая тридцатилетие российского либерального государства (12 декабря 2023 г.) накануне второй годовщины начала специальной военной операции на Украине (24 февраля 2024 г.), хотелось бы разобраться в природе совместимости этих двух феноменов постсоветской действительности. То, что российское либеральное государство ведет в течение почти двух лет военные действия с «коллективным Западом», есть несомненный факт новейшей истории. Но как возможно теоретически обосновать этот факт? Ведь согласно либеральной доктрине «демократии друг с другом не воюют». Вывод, который сделал Запад: Россия – не демократическое государство. Следовательно, ее надо «демократизировать», добившись стратегического поражения в войне за Украину. Дальнейшая «демократизация» России предполагает уничтожение российской государственности. Несмотря на то, что государственность эта выстроена на западных либеральных основаниях!

Эти основания были закреплены принятием либеральной Конституции и образованием либерального государства – Российская Федерация. Конституция – это основной закон идеократического государства, утверждающий тот общественный идеал, во имя которого образуется государство, учреждаются его институты и определяется способ его функционирования. Либеральный идеал действующей Конституции РФ провозглашается во 2-й статье: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Все последующие главы Конституции подчинены этому суперпринципу, раскрывают и детализируют его [5, с. 8-9]. На основании либеральной Конституции выстроена вся правовая система и социально-политические институты постсоветского государства. Либеральные принципы определяют содержательное наполнение образовательных программ, культурной политики, работу средств массовой информации. Кроме того, все постсоветское ментальное

пространство оказалось под сильнейшим воздействием западных социальных технологий реформирования общественного сознания.

Однако всего этого оказалось недостаточно для того, чтобы в полной мере «демократизировать» Россию. Что же не так с российским государством? Объяснение дается в парадигме противопоставления западной демократии «авторитаризму» и «тоталитаризму». Все дело заключается в «авторитарной» личности Путина, который из либерального государства сделал «автократию» и стремится восстановить «тоталитаризм» советского политического режима. Российское либеральное государство недостаточно «демократично» по причине авторитаризма Путина, поэтому надо либо уничтожить это государство, либо снести путинский режим.

Для обоснования этого тезиса используются концепты «авторитарная личность» и «авторитарность массового сознания». Вот как вводит этот понятийный аппарат Е.Б. Григорьева: «Авторитарность массового сознания является одной из главных «субъективных» угроз демократического развития. Анализ политических процессов в современной России указывает на тенденцию нарастания в общественном сознании авторитаризма» [1, с. 235]. Автор отмечает, что усиление авторитаризма при В. Путине в целом соответствовало «общественному запросу на авторитаризм и патернализм» [там же]. Однако, это усиление «сопровождалось деградацией конституционного права, правого государства, судебной системы, публичной сферы и ростом коррупции» [там же, с. 242]. Проблема заключается в том, «что авторитарные личности подчиняются недемократическим политическим действиям, зачастую оправдывая их» [там же, с. 235]. Так, автор указывает: «По мнению большинства россиян, права человека не защищены и систематически нарушаются. И несмотря на это, большая часть населения страны видит В. Путина как главного защитника демократии, гражданских прав и свобод» [там же, с. 242].

Е.Б. Григорьевой, как представителю западной либеральной мысли, непонятно: «почему насаждение демократии, утверждение демократических ценностей и поведенческих практик вызывает сопротивление» в постсоветской России [там же, с. 235]. Автор выстраивает свой ответ в понятийных рамках *противопоставления авторитаризма и демократии*, объясняя феномен сопротивления «насаждению демократии» феноменом «авторитарного синдрома» массового сознания. Путинская популярность и формирование персонального типа легитимности власти объясняется «активацией авторитарного синдрома» [там же, с. 238]. В итоге все сводится к банальности: Путин предложил россиянам «экономическое развитие и

рост личного благосостояния в обмен на гражданские и политические права и свободы» и российский народ согласился [там же, с. 240]. Российский народ отдал свои права и свободы за «чечевичную похлебку» экономического роста и личного благосостояния.

Такое же передергивание мы наблюдаем и с использованием термина *«тоталитаризм»*. Обобщая историко-философский обзор различных теорий тоталитаризма, И.Н. Тяпин приходит к следующему выводу: в ходе совершающейся трансформации миропорядка Запад использует псевдонаучные концепции для сохранения своей гегемонии. Одной из таких концепций является «каноническая» теория тоталитаризма, которая начиная с 1950-х годов применяется «для характеристики альтернативных, тем более сопротивляющихся западной гегемонии режимов, стран, цивилизаций» [2, с. 421]. Примечательно, «что практически все теоретики тоталитаризма и их последователи утверждают несомненную (для них) тождественность коммунизма и нацизма как антидемократических режимов» [там же, с. 422]. При этом, автор отмечает, что за этими обвинениями в тоталитаризме скрывается большая идеологическая ложь. Так как на наших глазах осуществляется трансформация самого либерализма в тоталитаризм. *«Человечество становится свидетелем торжества агрессивного ультралиберализма, требующего тотального мирового господства любой ценой, и превращения такого – тотального – либерализма в либеральный тоталитаризм»* [там же, с. 421].

Автор ставит задачу концептуального оформления понятия *«либеральный тоталитаризм»* и выделяет *семнадцать* характерных признаков «наступающего либерального тоталитаризма» [там же, с. 429-430]. Укажем лишь на два признака, имеющих отношение к теме нашего исследования. *Восьмой признак*: «Тотальная манипуляция массовым сознанием (с использованием технологий «замещения реальности», «новояза» и замены понятий на противоположные, «насилия языка», по терминологии С. Жижеска) в качестве способа внешне ненасильственного принуждения». *Пятнадцатый признак*: «Уничтожение реальных гражданских прав и свобод посредством тотального технического контроля за действиями человека». Провозглашая принципы этики ненасилия, прав и свобод человека, либеральный тоталитаризм совершает инверсию понятий и лишает человека декларируемых прав и свобод. По сути, мы имеем дело с новым *неклассическим* видом тоталитаризма – *«тоталитаризмом обмана»*, в ходе которого в западном сознании совершается превращение базовой ценности *индивидуальной свободы* в свою противоположность – *тотальное рабство*. Этот вид тоталитаризма

приходит на смену *классическому «тоталитаризму насилия»* недемократических режимов.

В ходе совершающегося на Западе перехода от *классического либерализма* к *тоталитарному* необходимо пересмотреть и устоявшиеся определения теории *классического тоталитаризма*, репрезентантом которой выступают работы Ханны Аренд «Истоки тоталитаризма» (1951) и «Банальность зла» (1963). Принимая во внимание вскрывшееся в процессе специальной военной операции цивилизационное противостояние России и Запада, нам следует всерьез поставить задачу «переименования вещей» и «называния вещей своими именами» в сфере общественных наук. Прежде всего, необходимо выявить цивилизационные основания таких явлений XX века как фашизм, нацизм и советский коммунизм, которые в теории классического тоталитаризма отождествляются по основанию политического насилия и нарушению прав человека. Несомненно, что в современных условиях противостояния России и Запада *классическое понимание тоталитаризма* должно быть теоретически переосмыслено в *неклассическом дискурсе противостояния советского и антисоветского тоталитаризмов*.

Так, обращаясь к статье А.В. Чернова, в которой прослеживаются в генезисе фашизма и либерализма культурно-исторические истоки романо-германского и англосаксонского типов, можно сказать, что в онтологической глубине фашизма лежит не этническое, а религиозное ядро католицизма, соответственно онтологическим основанием либерализма является протестантизм [3, с. 111]. Продолжая эту цивилизационную логику, следует сказать, что в основании советского коммунизма может находиться только религиозное ядро православия. Ханна Аренд определяет тоталитаризм как принципиально новую историческую форму политического насилия, отличную от диктатуры, тирании, деспотии. В этом понимании можно увидеть историческую логику вырождения государств эпохи модерна в тоталитарные идеократические режимы, в основании которой лежит процесс секуляризации общественного сознания и культуры. Однако это вырождение имеет цивилизационную специфику.

Вторая мировая война – центральное событие XX века – вскрыла цивилизационное различие политических тоталитаризмов. Советский тоталитаризм победил европейский фашизм в Великой Отечественной войне, но проиграл во Второй мировой и «холодной войне» англосаксонскому либерализму. В свете этого поражения современное цивилизационное противостояние на Украине может быть понято как продолжение незавершенной войны с европейским фашизмом, который

соединяется сегодня с либерализмом в единое идеологическое движение западного либерал-фашизма. Противостоят *западному либерал-фашистскому тоталитаризму* может только тоталитаризм, выстроенный на иных цивилизационных началах. *Неклассическому тоталитаризму обмана* может противостоять только *неклассический тоталитаризм насилия*.

Советский тоталитаризм насилия победил *фашистский тоталитаризм насилия*, но не смог ничего противопоставить *либеральному тоталитаризму обмана*. Историческая задача России текущего момента состоит в преобразовании своей либеральной государственности в политическую систему *неклассического тоталитаризма насилия*. В решении этой задачи заключается тот цивилизационный выбор современной России, который мы указали в названии статьи, - выбор между *двумя тоталитаризмами*: советским или либеральным.

Это – выбор между двумя универсальными идеалами и двумя политическими системами общественного устройства в условиях двойного кризиса – кризиса новоевропейского гуманизма и апостасии христианской церкви. Либерализм как политическая идеология гуманизма в условиях кризиса модерна превращается в политический инструмент расчеловечивания человека. Тотальная ложь либерализма состоит в том, что за декларациями «все ради человека и во имя человека» совершается апокалиптическое разрушение человека. *Сохранение либеральных декораций постсоветской российской государственности означает признание тотальной лжи либерализма за истину и продолжение курса по пути неклассического тоталитаризма обмана*.

Классический советский тоталитаризм насилия представляет собой секуляризацию православного цивилизационного архетипа в условиях апостасии русской церкви. В советском гуманистическом идеале коммунистического общества были выражены православные архетипы создания нового человека. Современный кризис гуманизма требует пересмотра собственно гуманистической составляющей этого идеала. Переход к *неклассическому советскому тоталитаризму* предполагает освобождение советского идеала от всякой лжи, – прежде всего, от лжи материалистической онтологии марксизма, антропоцентризма и прогрессистской историософии модерна. В общественной мысли необходимо отказаться от ложной дихотомии капитализма и социализма. Надо увидеть в *советском тоталитаризме* исторический опыт *сохранения православного духовно-нравственного идеала совершенной личности Христа*, который реализовался в

советском антропологическом типе и советском образе жизни. В качестве базовой модели социально-политического устройства следует взять *сталинское идеократическое государство* – светское православное государство, вступившее в историческую схватку с тотальной ложью либеральных (буржуазных) идеалов западной цивилизации модерна. «Православность» этого государства была обусловлена авторитаризмом православного мировоззрения И.В. Сталина, а «*тоталитаризм*» – необходимостью противостояния тоталитаризму насилия европейского фашизма.

Начало «глобальной» специальной военной операции поставило каждого человека (не только нашей страны, но и во всем мире) перед выбором: быть обманутым или претерпеть политическое насилие. Ключевой вопрос в этом выборе: во имя чего претерпевать насилие? Мы полагаем, что обращение к советскому опыту *тоталитаризма насилия* позволит нам найти правильный ответ и сделать правильный выбор. Начинать надо с переосмысления терминов «авторитаризм» и «тоталитаризм». Надо снять с них негативную коннотацию и увидеть с их помощью цивилизационную специфику исторической миссии России. Необходимо понять, что только политическое насилие со всеми его издержками может вывести современную Россию из экзистенциальной дихотомии выбора между жизнью и смертью. Тоталитаризм обмана – это путь к смерти. Тоталитаризм насилия – путь жизни. Других вариантов у нас нет.

Список литературы

1. Григорьева Е.Б. Авторитарный синдром как фактор российского политического режима // Вестник СамГУ. №7/1 (109). С. 235-244.
2. Тяпин И. Либеральный тоталитаризм: основания концептуального синтеза // Тетради по консерватизму. 2019. №1. С. 421- 431.
3. Чернов А.В. Фашизм и либерализм как родственные идеологии: культурно-исторический аспект // Вестник КГУ. 2016. №1. Серия «Гуманитарные науки». Выпуск 12. С. 111-114.

ФОРМИРОВАНИЕ БАЗЫ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЖАДИДИЗМА В ТРУДАХ БОГОСЛОВОВ ПОВОЛЖЬЯ XIX ВЕКА

Хамзина Л.Р.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
студент*

E-mail: hlr_2020@mail.ru

***Аннотация.** В России в конце 19 века ясно понимают, что требуется новый взгляд на многие сферы общественной жизни. По этой причине образование и наука начинают занимать ведущие позиции, также становится понятно, что школьное образование нуждается в реформах. В многонациональной России реформы будут иметь свои особенности для разных частей населения. Но если мы будем говорить о её мусульманской части, в большей степени представленной тюркоязычными народами, то мы можем сказать, что они с достаточно высоким энтузиазмом восприняли новые идеи, так как именно у них впоследствии зародился джадидизм, развитие которого тогда помогло решить проблемы выстраивания межэтнических отношений и разностороннего развития национальной культуры.*

***Ключевые слова:** религия, ислам, татары, просветительство, образование, джадидизм.*

FORMATION OF THE BASIS FOR THE SPREAD OF JADIDISM IN THE WORKS OF THEOLOGIAN OF THE VOLGA REGION IN XIX CENTURY

Khamzina L.R.

*Kazan (Volga Region) Federal University,
student*

E-mail: hlr_2020@mail.ru

***Abstract.** In Russia at the end of the 19th century, it was clearly understood that a new look at many areas of public life was required. For this reason, education and science are beginning to take leading positions, and it also becomes clear that school education needs reforms. In multinational Russia, reforms will have their own characteristics for different parts of the population. But if we talk about its Muslim part, which is more represented by Turkic-speaking peoples, then we can say that they embraced*

new ideas with quite high enthusiasm, since it was, they who subsequently originated Jadidism, the development of which then helped solve the problems of building interethnic relations and the multifaceted development of national culture.

Keywords: *religion, Islam, Tatars, enlightenment, education, Jadidism.*

Говоря о термине «джадидизм», стоит сказать, что здесь нет единого мнения относительно данного вопроса. Однако наиболее точным нам кажется определение, данное Д.М.Исхаковым, который называет это движение «нациестроительством» [1, с. 12]. Делая такое утверждение, он опирается на Э.Геллнера, который разработал теорию, согласно которой нацию образует «высокая культура». Под последней имеется в виду такая культура, которая имеет всеобщий характер, основой в ней выступает стандартизированный письменный и устный язык [2, с. 140]. Э.Геллнер полагает, что указание на зарождение нации мы находим в переходе от религии к культуре и к «соединению» последней с этнической принадлежностью. Но тут логично задаться вопросом: какое отношение имеют религиозные искания к «нациестроительству»? Связь заключается в том, что ислам –это условное «ядро» средневековой культуры татар, а значит, любое изменение культуры непосредственно связано с изменением отношения к религии. Реформаторство и просветительство среди татар наложились друг на друга и протекали в рамках ислама и это можно было считать поиском религиозного обновления.

Татары четко осознавали место, которое отводилось образованию в их жизни, так как для получения более полных знаний они уезжали в другие мусульманские страны [3]. Так вплоть до половины 19 века они получали образование в Бухаре, где религиозные тексты учили на арабском языке, а непонятные моменты проясняли на персидском. Вместо арабского языка в Бухаре начиная уже с 10 века использовали персидский, что значительно усложняло получение образования [4, с. 112].

Следующий фактор, который можно выделить, это специфика ислама у татар, так как религия представляла собой «народный» ислам, что предполагает наличие в татарской культуре элементов, связанных не с религией, а общетюркским наследием. В свою очередь, это было основой для определенного свободомыслия, которое позволяло им, представителям интеллектуальной элиты, выходить за рамки традиционных воззрений и представлений. Также отметим, что русские школы, непосредственно связанные с православием, являлись

неприемлемыми для мусульман, что подталкивало последних к тому, чтобы сделать свои конфессиональные школы более универсальными.

Путь просветительского движения, названного в последствии джадидизмом, мы можем проследить в трудах известных богословов Поволжья. Если мы обратимся к сочинению «Мухаммат аз-заман» (Признаки времени), которое принадлежит перу известного ученого и богослова Г.Утыз – Имяни, то сможем увидеть в нем то, как автор призывает своих соотечественников не отказываться от новых идей. В.Горохов пишет о том, что ученый считал изучение турки важным моментом. Богослов находил его «орудием борьбы за лучшую жизнь татарской буржуазии, как средство конкуренции с буржуазией других народов». Что же касается У.Беляевой, то она выделяет идеи ученого о том, что иджтихад должен быть инструментом каждого мусульманина, пишет о том, что богослов говорил о проблеме духовенства, которое тормозило любые прогрессивные идеи и реформы.

Далее обратимся к Абу-Наср ал-Курсави (1776-1812), который в своем сочинении «Аль-иршад лил-л-ибад» писал о том, что мир стремительно меняется и нужно учиться приспосабливаться к новым условиям. Ученый также придавал большое значение иджтихаду, так как считал, что им должны пользоваться все мусульмане. Помимо прочего он считал, что каждый богослов должен иметь право на собственную интерпретацию как хадисов, так и Корана, чтобы иметь возможность самому найти ответы на различные вопросы.

Следующий важный представитель религиозных реформаторов в татарском обществе — это богослов и историк Шигабутдин Марджани (1818-1889). Марджани стремился к тому, чтобы мусульмане сами осознали необходимость изменений. Ученый считал, что нужно вернуться к первоначальной чистоте ислама, которому был нанесен вред каламистами. Что же касается иджтихада, то Марджани считал иджтихад необходимым инструментом для каждого, кто не смог получить ответ на свой вопрос в Коране и сунне. Были у богослова и другие устремления: он считал, что в медресе необходимо преподавать историю ислама и хадисов, ввести изучение Корана, избавиться от устаревшей и бесполезной литературы. Он был сторонником преподавания светских предметов и хотел, чтобы их преподавание стало возможно и в медресе.

Основным итогом деятельности мусульманских реформаторов в татарском обществе стала подготовка к «очищенному исламу», который отвечал требованиям нового времени. Конечно, на этом этапе «очищенный» ислам существует только на страницах трудов этих

выдающихся богословов, однако нельзя говорить и сомневаться в том, что их идеи не проникали в народ.

Можно сказать и о первых практических попытках. Так П.Кондырев и И.Хальфин в 1818 году предлагали открыть в Казани специальное учебное заведение для детей татар «из податного состояния». Но проект не был реализован, то же самое случилось и с проектом муфтия С.Тевкелева, который предлагал преподавать светские предметы наряду с религиозными при Уфимской мечети [5]. Татарский просветитель Х.Фаизханов приходит к мысли о том, как организовать обучение, применяя европейские методы. О своих идеях на этот счет он расскажет в письме, которое было адресовано Ш.Марджани. А последний изложит основные идеи «Школьной реформы» на страницах своей рукописи «Вафийат ал-аслаф».

Теперь перейдем к величайшему просветителю своего времени, человеку, который считается основателем джадидизма, И.Гаспринскому. Исмаил Гаспринский, понимая, насколько устарела система образования, начинает действовать. В 1880-х годах Гаспринский приступает к издательской и литературно-педагогической деятельности, и все свои взгляды и идеи он четко изложит в двух работах на русском языке. Это эссе «Русское мусульманство» и очерк «Русско-восточное соглашение». О своих идеях он говорил и со страниц издаваемой им газеты «Тарджеман. В то же самое время ему приходилось бороться с невежеством и фанатизмом своего народа. Джадидизму предстояло преодолеть жесткое сопротивление самой фанатичной и отсталой части мусульманского духовенства – кадимистов, придерживавшихся старых методов.

Таким образом, получается, что пока татарское общество не стало остро осознавать необходимость изменений, оно не воспринимало критически те идеи, которые вносились до этого момента. А ведь если вернуться к деятельности богословов Поволжья, четко видно, что их деятельность во многом похожа на ту, которой занимался Гаспринский. Так, возвращаясь к Ш.Марджани, мы можем отметить, что он, начиная свою преподавательскую деятельность, уже вносил изменения, например, переписав учебник морфологии. Марджани, как и Гаспринский, посещал зарубежные центры образования, его взгляд на некоторые моменты изменился, он захотел расширить область получаемого шакирдами знания. Или остановимся на Фаизханове и его «школьной реформе». Фаизханов тоже предлагал европейские методы и изучение русского языка, а также обосновывал деление на классы. Но проект, который вполне мог бы быть успешно реализован, не нашел отклика в тот момент, когда он был создан. Ведь даже если мы будем

говорить о самом Гаспринском, в тот год, когда он приезжал в Казань и организовывал встречу, чтобы изложить свои идеи, на встрече был только Марджани.

В конечном итоге получается, что идеи, которые предлагал Гаспринский, уже как бы были известны, но можно сказать, что они «висели в воздухе», не имея возможности быть реализованными, однако Гаспринский смог прийти именно в тот момент, когда обстановка располагала к принятию новых идей, к тому же Гаспринский дал своей идее название. Кроме того, мы можем предположить, что, если кто-то из богословов Поволжья тоже дал бы имя своему методу и предложил его чуть позже, возможно, он тоже бы имел успех. А так получается, что почва, на которую пришел Гаспринский, была основательно подготовлена.

Список литературы

1. Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань: Иман. 80с.
2. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 321с.
3. Муртазина Л.Р. «Учение и просвещение можно брать везде, где оно есть»: татарские учащиеся в странах мусульманского Востока на рубеже XIX–XX вв. // Minbar. Islamic Studies. 2022/ № 15(1) С. 13-32 [Электронный ресурс]. - URL:<https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-1-13-32> (дата обращения 10.04.2023).
4. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Наука, 1963. 763 с.
5. Юзев А. Идеология джадидизма: история и современность // Эхо веков. 2003. №3-4. С.128.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: СУЩНОСТЬ, ФАКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРЕШЕНИЯ

Черникова Г.В.

*Кандидат политических наук,
Воронежский государственный университет, доцент
E-mail: galzhd@mail.ru*

***Аннотация.** Статья посвящена анализу ключевых аспектов российско-украинских отношений. Представлен обзор актуальных исследований по обозначенной проблематике сквозь призму междисциплинарного подхода. Отмечаются существенные характеристики, факторы и перспективы развития отношений между двумя странами.*

Ключевые слова: украинский кризис, российско-украинские отношения, нарративная стратегия, система международных отношений.

THE UKRAINIAN CRISIS: THE ESSENCE, FACTORS AND PROSPECTS OF RESOLUTION

Chernikova G.V.

Voronezh State University

E-mail: galzhd@mail.ru

***Abstract.** the article is devoted to the analysis of key aspects of Russian-Ukrainian relations. An overview of current research on the identified issues is presented through the prism of an interdisciplinary approach. The essential characteristics, factors and possible prospects of interaction between the two countries are noted.*

***Keywords:** Ukrainian crisis, Russian-Ukrainian relations, narrative strategy, system of international relations.*

Цепочка масштабных кризисов последнего времени, возросшая ожесточенность геополитического противоборства и, как следствие, умножающееся количество конфронтационных рисков на мега-, макро-, мезо- и микроуровнях вынуждает сегодня по-новому взглянуть на проблему сущности, политических последствий этих рисков и возможных перспектив достижения лучшего будущего для всех стран, в том числе России и Украины. После распада СССР отношения между этими двумя странами складывались непросто [1]. Однако в последние девять лет эти отношения приобрели ярко выраженный кризисный характер. Точкой отсчета так называемого «украинского кризиса», по мнению многих исследователей, принято считать события Евромайдана (ноябрь 2013 – февраль 2014 гг.), приведшие к смещению и бегству из страны действующего президента В. Януковича, приходу к власти оппозиции, а также присоединению Крыма к России и вооружённому конфликту на юго-востоке Украины. Эти события стали катализатором процессов дестабилизации, резкого ухудшения функционирования сложившихся ранее механизмов двусторонних отношений, обострения информационно-психологического противоборства и др.

Оценивая украинский кризис в ракурсе историко-генетического подхода, эксперты сходятся во мнении, что спустя тридцать лет после распада СССР все постсоветские страны подошли к рубежу, за которым начинается новая фаза политического процесса. В основе этого

процесса лежит исчерпание ресурса, оставшегося от СССР, изменение внешней конъюнктуры, смена политических поколений (например, приход к власти В. Зеленского на Украине в 2019 г.) и т.д.

Речь идёт о кризисе развития, опасном и вполне судьбоносном: либо страны переходят на новый уровень, либо проблемы могут стать фатальными из-за несоответствия принимаемых решений вызовам времени [2; 3]. Кроме того, в нем сплелись проблемы становления национальных государств на пространстве бывшего СССР, российско-европейских, российско-американских отношений, противоречия по поводу европейской системы безопасности, споры о национальных идентичностях и версиях исторической памяти и многое другое [4; 5].

Принимая это во внимание, а также опираясь на структурный подход, любой кризис логично представить как многосоставное явление. Исследователи (Д. Белащенко, В. Сикираж) вполне обоснованно выделяют следующие «уровни влияния» украинского кризиса [6]: внутриукраинский, связанный с особенностями внутриполитических процессов, в том числе с характером государства, особенностями его территориального устройства, спецификой общественного сознания и пр.; российско-украинские отношения (*или уровень двусторонних отношений- курсив автора*); постсоветское пространство в лице бывших союзных республик; глобальный уровень реагирования.

В научной литературе этот кризис традиционно рассматривают в ракурсе цивилизационной парадигмы и связанного с ней геополитического подхода. В качестве примера рассуждений в рамках указанного подхода можно привести мнение южнокорейского аналитика Ч. С. Хун: «украинский кризис — это противостояние ... между США, пытающимися не допустить доминирования России на постсоветском пространстве ради сохранения однополярной системы на глобальном уровне, и Россией, которая пытается сохранить влияние в постсоветском регионе ради формирования многополярной системы на глобальном уровне» [7]. Однако такой подход представляется однобоким, поэтому его нередко дополняют другими методологическими ракурсами, например, нарративным [5; 8]. Согласно ему, формирование общностей и отношений между государствами в координатах «дружбы-вражды (соперничества)», является результатом интеллектуального воздействия со стороны культурных и политических элит. Одним из путей этого воздействия выступает использование нарративной стратегии. Так, в политическом нарративе Украины и России украинский кризис нередко трактуется как украинно-российский разлом, обусловленный комбинацией силовых и

несиловых управленческих технологий. В рамках обозначенного противостояния правящие элиты обеих стран взяли курс на постепенное прекращение взаимозависимости, транслируют диаметрально противоположные оценки событий на Украине в 2013-2014 гг., связанных с протестами и сменой власти, присоединением Крыма к России, конфликтом на юго-востоке и т.д. [8, с.13, 21].

Незадолго до начала СВО ряд экспертов прогнозировали силовой сценарий развития российско-украинских отношений [9; 10]. В то же время этот сценарий представлялся большинству экспертов, как российских, так и зарубежных, маловероятным или вовсе невозможным, так как его издержки значительно перевешивали выгоды. «Мы ошиблись в прогнозе. Потому что не ошиблись в понимании его последствий», — с сожалением констатировал российский эксперт И. Тимофеев спустя неделю после начала СВО [11]. С тех пор боевые действия идут уже два года. Осмысление перспектив дальнейшего сосуществования России и Украины остается в центре внимания отечественных и зарубежных аналитиков. Обобщая этот дискурс, можно утверждать, что в отношении ближайшего и среднесрочного будущего российско-украинских отношений преобладает алармистский прогноз [12-14]. Аргументы экспертов, представляющие указанный прогноз, можно структурировать по предложенным выше «уровням влияния» украинского кризиса.

Внутриполитический уровень. Применительно к Украине исследователи обращают внимание на консолидацию общества на почве противостояния России, причем независимо от региональных различий. Если раньше неприязнь к России была уделом меньшинства, то теперь она - часть общенациональной идентичности. Гражданские потери усиливают этот процесс. Независимо от того, чем завершится российская спецоперация, украинское общество еще несколько десятилетий будет считать Россию врагом, а в крайнем варианте это дистанцирование будет носить бессрочный характер [11; 12]. Что касается социально-экономической составляющей, то общую тенденцию весьма выразительно сформулировал профессор политологии Чикагского университета Д. Миршаймер: «самую высокую цену сейчас платит Украина. Страна разрушается» [15].

Рефлексируя восприятие СВО рядовыми гражданами России, эксперты обращают внимание на противоречивую ситуацию: население раскололось на противников и её сторонников [16; 17]. Первые, так или иначе, ощущают фрустрацию, скептически настроены в отношении официальной новостной информации и т.д. Из другого лагеря

раздаются призывы к поиску «предателей». Это опасная ситуация, чреватая неконтролируемой «охотой на ведьм», показательными процессами, устроенными по «законам военного времени» [11]. Аналогичные вызовы стоят и перед украинским обществом и связаны они, прежде всего, с взаимными подозрениями по поводу тех, кто солидаризируется с Россией и др. фактам [10;13].

Уровень двусторонних отношений. Многие эксперты солидарны в характеристике российско-украинского конфликта как экзистенциального для обеих сторон, обозначают заинтересованность участников в его затягивании в надежде на истощение противника вплоть до разрушения его государственности [10;15;21]. Аргументом в пользу такого видения выступает, прежде всего, бескомпромиссность позиций правящих элит Украины и России, выраженная в их официальной риторике. Так, по заявлениям президента В. Зеленского, Украина вправе самостоятельно определять свое будущее, в том числе относительно членства в ЕС и НАТО, а его «формула мира» предполагает восстановление территориальной целостности и суверенитета Украины в пределах международно-признанных границ, как они были определены на момент провозглашения независимости Украины в 1991 г.» [18;19]. В этом президента Украины поддерживают большинство стран-членов ООН, принявших в октябре 2022 г. соответствующую резолюцию [20].

Позиция Москвы исключает переговоры о мире без признания новых территориальных реалий, гарантирования нейтрального, внеблокового и безъядерного статуса Украины и обеспечения прав её русскоязычного населения [21].

Постсоветское пространство. Исследователи сходятся во мнении, что в условиях СВО руководители стран региона пытаются выстраивать сбалансированную политику: никто её не осудил, но одновременно и не признал присоединившиеся к России территории Украины, согласились соблюдать санкционный режим, но одновременно не особенно препятствовали тому, чтобы открыть на своей территории окно для России в несанкционный мир, рекордно заработали на исчезновении западного импорта с российского рынка и т.д.

Глобальный уровень. Большинство исследователей солидарны в том, что после начала СВО страница сотрудничества России с Западом перевернута и прогнозируют следующие ключевые характеристики будущего существования России в трансформирующейся системе международных отношений. Во-первых, долгосрочный кризис взаимодействия с Западом. Во-вторых, евроатлантическое направление

останется источником прямой военно-политической угрозы для России. В-третьих, ближайшие десять лет станут временем «нащупывания» внутренних резервов и возможностей развития, а наращивание количества и качества связей, а также культурных компетенций с западным миром становится попросту безальтернативным [2].

В отношении будущего Украины многие исследователи разделяют мнение об ослаблении её политической субъектности на фоне развернувшегося конфликта с Россией.

В заключении акцентируем внимание на то, что по своему влиянию и последствиям «горячая фаза» украинского кризиса фактически выступила в качестве триггера очередного этапа турбулентности международных отношений и мировой политики. Её развязка и урегулирование остаются под вопросом и являются предметом экспертного дискурса. В тоже время очевидно, что в случае дальнейшего затягивания СВО потери для обеих сторон станут постоянным фактором. В сочетании с возможным экономическим кризисом (из-за введенных против России ограничительных мер) это создает не лучшие условия для её общественной поддержки внутри страны [11]. Наряду с этим эксперты предполагают, что исходом «горячей фазы» украинского кризиса может стать так называемый «корейский сценарий» (с прекращением боевых действий и созданием демилитаризованной зоны). Этот сценарий содержит свой набор издержек [11]. Самый тревожный из них связан с постепенной трансформацией Украины (территории подконтрольной ВСУ) в «европейский Израиль» с мощными вооруженными силами, спецслужбами, тесными связями с США, милитаризацией общественного сознания и стремлением вернуть свои международно-признанные границы 1991 г. При этом эксперты высказывают обоснованные сомнения по поводу российских ресурсных возможностей экономической и социокультурной адаптации присоединенных территорий юго-востока Украины и проживающего там населения, лояльность которого в отношении России неочевидна [10]. Представляется, что успешность этой адаптации будет определяться не только и не столько гуманитарными усилиями (где знаковую роль играет система образования, научное сообщество, творческая интеллигенция и др.), сколько умением власть имущих создать надёжные возможности для модернизации страны через взаимодействие с западным миром.

Применительно к Украине, можно также констатировать, что преимущественно прозападный и антироссийский характер её политических процессов сохранится на долгую перспективу.

На внутривластическом уровне успешность украинского проекта государственного строительства будет, во многом, зависеть от умения правящей элиты создать условия для того, чтобы этот проект был не столько вопросом языка, памятников, культуры в целом, сколько образцом организации институтов современной национальной демократии, эффективной экономики, которая является солидарной, объединяющей, а не выталкивающей. «Такой проект нациестроительства был бы популярным» - справедливо полагает украинский эксперт А. Ермолаев [13]. Негативным сценарием его реализации является продолжение инерции осуществления этноцентричной модели, отстаивающей программу создания «Украины для украинцев» [4, с. 84]. Помимо потери части территории, вызовом для украинской государственности может стать кризисная модель (подорванной вооруженным конфликтом) социально-экономической инфраструктуры, воспроизводящей ухудшение качества жизни подавляющей части населения, способствующей формированию мощных потоков внутренней и внешней миграции и т.д. Опасным следствием этих и других явлений выступит постепенное скатывание Украины к положению зависимой провинции, ресурсы которой являются сырьем и источником для более развитых экономик.

Список литературы

1. Черникова Г.В. Россия и Украина: риски конфронтации и потенциал сотрудничества/ Г.В. Черникова // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 3. С.120-123.
2. Саркисов Г. Фёдор Лукьянов: «Наступает время кардинальных изменений» // Литературная газета. 13.07.2022. – URL: <https://lgz.ru/article/-28-6842-13-07-2022/fedor-lukyanov-nastupaet-vremya-kardinalnykh-izmeneniy/> (дата обращения: 16.07.2023);
3. Национальное стратегирование и человеческий капитал. Андрей Ермолаев // Культ личности. Руслан Бизяев. 11 марта 2021. – URL: <https://newsvideo.su/video/14919764> (дата обращения: 16.07.2023).
4. Черникова Г.В. Расколы в постсоветских моделях нациестроительства и их влияние на социально-политическое развитие: украинский кейс / Г.В. Черникова // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2022. № 1. С. 79-85.
5. Плеханов А. А. Инструментализация истории в политике нациестроительства Украины в постсоветский период: автореф. дис... канд. ист. наук / А.А. Плеханов. - Москва, 2018. - 25 с.
6. Белащенко Д. Украинский кризис в современных международных отношениях: уровни влияния /Д. Белащенко, В. Сикираж // Россия и новые государства Евразии. 2022. № III (LVI). С.31-37.
7. Хун Ч.С. Украинский кризис и Южная Корея / Ч.С. Хун // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 11.08.2023. – URL:

- <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ukrainskiy-krizis-i-yuzhnaya-koreya/>
(дата обращения: 13.08.2023).
8. Абрамова Е.Н. Интернационализация информационного противоборства между Россией и Украиной: автореф. дис... к. полит. н. / Е.Н. Абрамова. – Москва, 2022. 28 с.
 9. Kimmage M. Russia Won't Let Ukraine Go Without a Fight/ [M. Kimmage, M. Kofman](#)// Foreign affairs. 22 November 2021. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2021-11-22/russia-wont-let-ukraine-go-without-fight> (дата обращения: 16.07.2023);
 10. Тимофеев И. Война России и Украины: базовый сценарий? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 25.11.2021. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/voyna-rossii-i-ukrainy-bazovyy-stsenariy> (дата обращения: 17.07.2023).
 11. [Тимофеев И.](#) Почему эксперты не верили в вероятность вооруженного конфликта с Украиной // Профиль. 02.03.2022. – URL: <https://profile.ru/abroad/pochemu-eksperty-ne-verili-v-veroyatnost-vooruzhennogo-konflikta-s-ukrainoj-1030674/> (дата обращения: 14.07.2023).
 12. Габуев А. Кому оно НАТО. Что означают для России итоги саммита Альянса в Вильнюсе // Carnegie Endowment for International Peace. 19.07.2023. – URL: <https://carnegieendowment.org/politika/90229> (дата обращения: 28.07.2023);
 13. Шелест А. Ермолаев. Раскол Европы и постдемократия. 8.07.2023. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cNB5Jso3hTA> (дата обращения: 16.07.2023);
 14. Mearsheimer J. Should Ukraine be broken up? / J. Mearsheimer. Open lecture 22 мар. 2022 г. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=40K5UH84w44> (дата обращения: 17.07.2023).
 15. Миршаймер Дж. Эту борьбу Владимир Путин проиграть не может // Деловая электронная газета «Бизнес Online». 17.05.2022. - URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/550147> (дата обращения: 1.08.2023).
 16. Конфликт с Украиной: оценки конца июля 2023 года // Левада- центр. 28.07.2023. – URL: <https://www.levada.ru/2023/07/28/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-kontsa-iyulya-2023-goda/> (дата обращения: 15.08.2023);
 17. Восприятие новостной информации среди россиян // Левада- центр. 16.08.2022. – URL: <https://www.levada.ru/2022/08/16/vospriyatie-novostnoj-informatsii-sredi-rossiyan-otnoshenie-k-presledovaniyu-v-internete/> (дата обращения: 15.08.2023).
 18. Виступ президента України Володимира Зеленського у Верховній Раді з нагоди Дня Конституції. 28.06.2023. -URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wepaGPNgpuY&t=6s> (дата обращения: 14.07.2023);
 19. Киев опубликовал разъяснения к "Формуле мира" Зеленского.08.08.2023 // Сетевое издание РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20230808/ukraina-1888896644.html> (дата обращения: 14.07.2023).

20. Ukraine: UN General Assembly demands Russia reverse course on «attempted illegal annexation» // United Nations. 12.10.2022. - URL: <https://news.un.org/en/> (дата обращения: 01.09.2023).
21. Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ в связи со встречах в Джидде по украинской тематике // Министерство иностранных дел РФ. 07.08.2023. - URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1899885/ (дата обращения: 16.07.2023).

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

Шеметова Ю.Н.

*Санкт-Петербургский государственный университет
студент*

E-mail: yuliashemetova@mail.ru

***Аннотация.** Африканский континент ошибочно принимают за «отсталый» мир, который будет развиваться еще крайне длительный период времени. Очевидно, что информационная сфера находится на низком уровне в отдельных регионах Африки. Однако уже сейчас некоторые африканские страны сталкиваются с киберугрозами. Статья дает представление о положении кибербезопасности в Африке и рассматривает сотрудничество с Российской Федерацией.*

***Ключевые слова:** кибербезопасность, Африка, кибертерроризм, кибератака, сотрудничество, Россия-Африка.*

CYBERSECURITY ON THE AFRICAN CONTINENT

Shemetova Y. N.

*St. Petersburg State University
Student*

E-mail: yuliashemetova@mail.ru

***Abstract.** The African continent is mistaken for a "backward" world that will develop for an extremely long period of time. It is obvious that the information sphere is at a low level in some regions of Africa. However, some African countries are already facing cyber threats. The article gives an idea of the situation of cybersecurity in Africa and examines cooperation with the Russian Federation.*

***Keywords:** cybersecurity, Africa, cyberterrorism, cyberattack, cooperation, Russia-Africa.*

Учитывая современную геополитическую динамику, не представляется возможным исключение Африканского региона из системы международных отношений. Эпоха цифровизации проникает на континент, закрепляясь почти во всех его частях. Несмотря на крайне распространенное мнение об отсталости Африки, континент уже имел возможность столкнуться с серией кибератак, к примеру в ЮАР. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена возрастающей ролью Африки в международном киберпространстве.

Итак, цифровая трансформация Африки. Континент находится на третьем году реализации Стратегии цифровой трансформации на 2020–2030 г. Данная цифровая трансформация обозначила своими приоритетами следующие пункты: интеграция цифровых систем с различными секторами экономики, а именно финансовая составляющая, здравоохранение, несомненно образование и т. д. Вместе с этим во внимание берутся последствия возможных кибератак [3].

Согласно прогнозам специалистов ООН, к 2050 году африканский цифровой рынок достигнет 712 миллиардов долларов США [9]. Эксперты утверждают, что ежегодно из-за низкого уровня кибербезопасности Африка теряет 4 миллиарда долларов в год. Отсутствие полноценной нормативно-правовой базы также усугубляет ситуацию.

Экономическая комиссия для Африки (ЭКА) представила Руководство по типовому закону о кибербезопасности государств-членов Африканского союза во время 17-го Форума по управлению Интернетом (IGF), состоявшегося в Аддис-Абебе. Она была создана для решения типовых задач. Подразумевается, что африканские лидеры могут ею воспользоваться в случае необходимости.

Стоит также затронуть Ломейскую декларацию. 23 марта 2022 года главы государств и правительств африканских стран приняли Ломейскую декларацию о кибербезопасности и борьбе с киберпреступностью в Африке. Ее приоритетное направление – обеспечение кибербезопасности на (наиболее возможном) высоком уровне [3].

По данным на сегодняшний день, только 43% населения Африки имеют возможность пользоваться Интернетом. Да, разумеется, интернет-покрытие в Африке – непроработанное поле, требующее модернизации [8]. Африканские лидеры, осознавая эту проблему, приняли решение к 2030 году обеспечить Интернетом полностью весь континент. Вместе с этим, уделяя большое внимание кибербезопасности, в «Повестке дня 2063» подчеркивается

необходимость обеспечения защищенности систем от кибертерроризма.

Африпол (Африканская организация уголовной полиции), разработала и утвердила Стратегию по кибербезопасности на период 2020–2024 годов. Ее основной целью стало стремление объединить отделы киберполиции для контроля за информацией.

CERT – это 13 групп быстрого реагирования со всего региона. Специалисты взаимодействуют в рамках форума «AfricaCERT». Что касается наиболее важного направления, то оно представлено следующим пунктом: рост экспертно-технического потенциала [4].

Киберугрозы на Африканском континенте имеют ряд характерных особенностей. К примеру, на финансовый сектор приходится 18% от числа всех кибератак, телекоммуникации - 13%, гос. учреждения - 12%, торговля - 12%, промышленность - 10% [1]. Целью киберпреступников является не только нарушение работы компаний и кража денежных средств, но и похищение данных о пользователях [2].

Не менее важной проблемой здесь также являются шифровальщики. Это связано с низким уровнем сетевого периметра. Также теневая сторона киберпространства крайне распространена.

Отметим, что в 2023 году было зафиксировано наибольшее количество кибератак в неделю на одну организацию, по сравнению с 2022 годом рост числа атак составил 23%. Крайне проблемной зоной Африканского континента выступает отсутствие инфраструктуры кибербезопасности.

Еще одной угрозой является отсутствие киберзаконодательства в целом ряде африканских стран. На данный момент только 39 из 54 африканских стран внедрили законодательство о кибербезопасности [1]. И всего 14 стран ратифицировали Конвенцию Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных.

Учитывая возрастающую роль Интернета на континенте, следует также обратить внимание на возможные киберугрозы, а именно кибертерроризм. Безработица, низкий уровень жизни и иные факторы вынуждают молодое поколение присоединяться к преступным хакерским группировкам с целью заработка.

Далее перейдем к сотрудничеству в области кибербезопасности с Россией. В нашей стране есть компания Positive Technologies, которая разработала комплексный план помощи африканским странам. Во-первых, появляется возможность поделиться своим опытом. Во-вторых, становится возможным выявление проблемных зон в африканских системах кибербезопасности. В-третьих, оснащение современными

технологиями и средствами защиты. В-четвертых, создание системы быстрого реагирования. В-пятых, инвестирование [6].

Представители правительства России, Африканского союза и ведущих африканских интеграционных объединений подписали на саммите «Россия – Африка» Декларацию о сотрудничестве в области обеспечения международной кибербезопасности. Документ содержит в себе следующие важные пункты: усиление деятельности в рамках сотрудничества Россия-Африка в международных организациях системы ООН в области электросвязи и почтовых услуг, обеспечения их работы в рамках уставных документов в целях развития ИКТ [5].

Если говорить о частных случаях, то, к примеру, советник президента ЮАР Джозеф Пу на полях саммита «Россия – Африка» выразил надежду на совместное плодотворное сотрудничество с Москвой в области кибербезопасности [7].

Также выделим ключевые области сотрудничества между Россией и странами Африки:

- Формирование аппаратной и программной независимости;
- Цифровизация государственных систем управления;
- Разработка образовательных платформ;
- Безопасность в сети и т.д

Таким образом, мы прослеживаем тенденцию, что масштабное сотрудничество в рамках диалога Россия-Африка находится на первоначальном этапе. Отметим, что в регионе прямую конкуренцию России составляют США, активно взаимодействующие с африканскими странами.

В заключении отметим, что для повышения уровня кибербезопасности необходимо разрабатывать национальную политику и различные стратегии в данной области. Также следует на законодательном уровне регулировать защиту персональных данных. Кроме этого, необходимо обеспечить защиту критической информационной инфраструктуры.

Обеспечение кибербезопасности в странах Африки является важным шагом на пути независимого стратегического развития региона. Страна, которая выступит «старшим братом» на континенте, усилит не только свое геополитическое влияние, но и получит надежного дружественного союзника в лице африканских стран.

Список литературы

1. Актуальные киберугрозы для стран Африки: 2022–2023 год. PositiveTechnologies. - URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/africa-cybersecurity-threatscape-2022-2023/> – (Дата обращения: 19.10.2023).

2. Киберджунгли Африки: Positive Technologies раскрывает масштаб цифрового охотничьего сезона. SecurityLab. - URL: <https://www.securitylab.ru/news/540401.php> – (Дата обращения: 19.10.2023).
3. Международный союз электросвязи (ITU) - URL: <https://www.itu.int/net4/wsis/forum/2023/ru/Agenda/Session/446> – (Дата обращения: 19.10.2023).
4. Обеспечение информационной безопасности в странах Африки: основные детерминанты / Мария Колесникова // Журнал международная жизнь. - URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2690>.
5. По итогам второго саммита Россия – Африка принята декларация о сотрудничестве в области международной ИБ. - URL: <https://d-russia.ru/poitogam-vtorogo-sammita-rossija-afrika-prinjata-deklaracija-o-sotrudnichestve-v-oblasti-mezhdunarodnoj-ib.html> – (Дата обращения: 19.10.2023).
6. Прорванная сеть: с какими киберугрозами сталкивается Африка и как может помочь Россия. Известия. - URL: <https://iz.ru/1559728/stanislav-nornyj/provannaia-set-s-kakimi-kiberugrozami-stalkivaetsia-afrika-i-kak-mozhet-pomoch-rossiia> – (Дата обращения: 19.10.2023).
7. ЮАР заявила о желании сотрудничать с Россией в сфере кибербезопасности. - URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/07/30/987605-yuar-zayavila> – (Дата обращения: 19.10.2023).
8. Ajijola A.-H., Allen N. African Lessons in Cyber Strategy // African Center for African studies. 2022. March 8. - URL: <https://africacenter.org/spotlight/african-lessons-in-cyber-strategy/>.
9. New report examines Africa’s growth in the digital economy and VC investment landscape. – URL: https://techcrunch.com/2022/06/08/new-report-examines-africas-growth-in-the-digital-economy-and-vc-investment-landscape/?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly93d3cuZ29vZ2xlLnNvbS8&guce_referrer_sig= – (Дата обращения: 19.10.2023).

ДИАЛЕКТИКА ЦЕЛЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Широкова М. А.

*Доктор философских наук
Алтайский государственный университет,
профессор кафедры философии и политологии
E-mail: mshirokova1@rambler.ru*

***Аннотация.** Автор обращается к проблеме роли политического образования в политической социализации современной российской молодежи, а также потенциала политической науки и политического образования в трансформации общества и в воплощении «образа будущего» для России. Приводятся позиции российских и зарубежных*

исследователей по вопросам о целях политического образования. Анализируется соотношение ценностного и научного компонентов в его содержании. По мнению автора, с одной стороны, препятствием для реализации ключевых функций политического образования является сокращение количества часов, выделяемых на преподавание политологии в университетах РФ. Однако, с другой стороны, на достижение целей отечественного политического образования и на его содержательное наполнение способен позитивно повлиять введенный с 2023-2024 учебного года во всех вузах России курс «Основы российской государственности».

Ключевые слова: политическое образование, политическая культура, политическая социализация, цели, ценности, государственность, патриотизм.

DIALECTICS OF GOALS AND VALUES IN THE POLITICAL EDUCATION OF MODERN RUSSIA

Shirokova M.A.

The Altay State University

Professor

E-mail: mshirokova1@rambler.ru

Abstract. The author addresses the problem of the role of political education in the political socialization of modern Russian youth, as well as the potential of political science and political education in the transformation of society and in the embodiment of the “image of the future” for Russia. The positions of Russian and foreign researchers on the goals of political education are presented. The relationship between the value and scientific components in its content is analyzed. According to the author, on the one hand, an obstacle to the implementation of the key functions of political education is the reduction in the number of hours allocated for teaching political science at universities in Russian Federation. However, on the other hand, the “Fundamentals of Russian Statehood” course introduced in all Russian universities in the 2023-2024 academic year can have a positive impact on achieving the goals of domestic political education and its content.

Keywords: political education, political culture, political socialization, goals, values, statehood, patriotism.

Проблема взаимовлияния политической теории и политической практики является одной из «вечных» проблем, так или иначе, всегда присутствующих в дискурсе политологов и политиков. Способна ли

политическая наука корректировать политический процесс, направлять его развитие? Может ли политическая теория носить нормативный характер, то есть формировать «образ будущего», или ее удел – следовать за практикой, обобщать эмпирические данные, выявлять ограниченные причинно-следственные связи, не претендуя на постановку долгосрочных целей и поиск объективных закономерностей? Иными словами, является ли политическая наука фактором изменения политической реальности или только средством ее объяснения?

Все эти вопросы неизбежно затрагивают и область политического образования, которое играет роль связующего звена между политологией как наукой и непосредственной политической жизнью общества. Каждый, кто работает в системе политического образования, входя в студенческую аудиторию, начинает с определения целей как учебного курса в целом, так и конкретного занятия. Без целей процесс обучения не осуществляется, это закономерность, проявляющаяся в любом виде деятельности, но в педагогической деятельности она представлена особенно наглядно. К тому же, необходимо совпадение целей преподавателя с целями студентов, и это еще одно непереносимое условие эффективности обучения.

Дискуссия о задачах и возможностях политического образования по отношению к политическому процессу широко развернулась в российских научных центрах, начиная с 2005-2006 гг., когда проводились «круглые столы» по соответствующей тематике в Московском и Санкт-Петербургском университетах. Тогда же появилась и первая систематизированная работа по политическому образованию – докторская диссертация и учебное пособие А.И. Щербинина.

С тех пор обсуждаемые вопросы приобрели еще большую актуальность, о чем свидетельствуют и публикации последних лет. Прежде всего, сошлемся на статью белгородских исследователей И.Н. Гуковой, Ж.В. Бойко и Л.С. Половневой, где представлена преобладающая в научной литературе позиция, согласно которой политическое образование имеет значительный потенциал как инструмент трансформации личности, общества и государства. Его цели заключаются в подготовке, с одной стороны, компетентных политиков, способных изменить социально-политическую жизнь к лучшему, с другой стороны – компетентных граждан, способных осознать и защитить свои политические интересы. В связи с этим, авторы выражают обеспокоенность процессами, происходящими в системе российского политического образования и не позволяющими

ей реализовать поставленные задачи. По мнению белгородских ученых, если сравнить современную ситуацию, сложившуюся с преподаванием политологии и других социально-политических дисциплин в российских вузах, и ситуацию 1990-х годов, это сравнение будет не в пользу современности: «В 1990-е годы политология стремительно развивалась, читалась практически на всех факультетах классических и технических вузов, вводилась в качестве самостоятельной учебной дисциплины в средних специальных учебных заведениях». Но в дальнейшем, на протяжении десятилетий, к сожалению, мы наблюдаем обратную тенденцию: «Сокращается количество часов, отводимых на преподавание политологии в высших учебных заведениях, она превратилась из обязательной дисциплины в дисциплину по выбору, постепенно маргинализируется, фактически исчезает из учебных планов колледжей, техникумов». Далее авторы констатируют, что «содержание образовательных программ отражает ценности общества, а следовательно, и его надежды на развитие будущего поколения», и делают неутешительный вывод, что «состояние современного политического образования в России как инструмента политической социализации молодежи, призванного формировать ее политическую субъектность, напряженное, сложное и не в полной мере реализует свой потенциал» [1, с. 244].

Как уже было сказано, в нашей стране, на современном этапе существования ее государственных институтов, начало осмыслению роли политического образования в политическом процессе было положено А.И. Щербининым, автором первой докторской диссертации, посвященной политической дидактике, а также целого ряда научных и учебно-методических трудов на эту тему. Исследователь трактует политическое образование как фактор, обеспечивающий «стабильность, устойчивость и воспроизводимость политического процесса» и, в то же время, способствующий формированию критического мышления граждан, что «позволяет нарушить баланс устоявшихся знаний и представлений об этом мире и как следствие – подтолкнуть общественные силы к изменению, нередко самому радикальному» [2, 3]. В более поздних работах А.И. Щербинин неоднократно высказывал озабоченность по поводу «катастрофического сокращения изучения политических дисциплин на непрофильных факультетах», которое «усугубляется вымыванием предмета политики из школьных программ» и в конечном счете приводит «к стихийным и нередко неуправляемым процессам формирования политической картины мира у молодежи и шире – картины будущего» [4, с. 205].

Перечисленные исследователи, как и большинство российских ученых, используют термин «политическое образование» в широком смысле, понимая его и как процесс подготовки специалистов-политологов, и как политическое просвещение максимально широких слоев учащейся молодежи, включающее, помимо общеузовского курса политологии, также элементы знаний о политике, интегрированные в содержание других социально-гуманитарных дисциплин. Впрочем, имеется и альтернативная позиция, высказанная еще в 2006 г. Л.Г. Иониным, который разграничивает понятия «политологическое образование» как «овладение теоретическим содержанием и эмпирическими методами политической науки», и «политическое образование» как «воспитание в духе определенной политической доктрины» (либеральной или консервативной) [5, с. 81]. Но и в том, и в другом случае, с точки зрения Л.Г. Ионина, возможности политической науки и политических знаний как ресурса развития общества и государства, достаточно скромны.

Присоединяясь к мнению тех авторов, которые рассматривают политическое образование в максимально широком контексте и признают возможности его влияния на социально-политический процесс, отметим, что, в качестве одного из конструктивных шагов в направлении создания нового типа гуманитарного знания, в том числе и применительно к политической сфере, может рассматриваться инициатива по подготовке силами профессионального экспертного сообщества концепции учебно-методического комплекса по дисциплине «Основы российской государственности» в рамках проекта «ДНК России». Преподавание курса осуществляется непосредственно с 1 сентября 2023 г. Целью дисциплины «Основы российской государственности», согласно концепции УМК, является «формирование у обучающихся системы знаний, навыков и компетенций, а также ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, формированием духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности, осознающей особенности исторического пути российского государства, самобытность его политической организации и сопряжение индивидуального достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильностью своей Родины» [6]. Формулировка цели позволяет предположить, что государственные институты системы образования прислушались к голосу исследователей, на протяжении ряда лет с тревогой отмечавших уменьшение значимости и кризис ценности патриотизма в

политической культуре российского общества. Так, в 2017 году Л.В. Балтовский предложил концепцию государственности как национально-государственной идентичности, раскрываемой в таких понятиях, как лояльность, гражданственность и патриотизм. Подчеркивая важность включения перечисленных ценностей в стандарты основных образовательных программ бакалавриата и магистратуры, данный автор отметил, что государственность «является продуктом целенаправленного проектирования и конструирования», и именно «система образования формирует когнитивную составляющую государственности» [7]. Приведенный тезис справедлив, но стоит добавить, что система образования формирует также и аксиологическую составляющую государственности, так как гражданственность, патриотизм и сама государственность рассматриваются именно как ценности, а содержание образования предполагает наличие в нем не только научного, но и ценностного компонента.

Таким образом, по нашему мнению, курс «Основы российской государственности» способен восполнить некоторые пробелы в системе российского политического образования, обусловленные сокращением количества часов, отводимых на преподавание политологии и других социально-политических дисциплин, особенно в аспекте, касающемся ценностного компонента содержания политического образования, хотя необходимо помнить и о научной составляющей последнего, проводя сбалансированную в данном отношении государственную политику в сфере образования.

Список литературы

1. Гукова И.Н., Бойко Ж.В., Половнева Л.С. Состояние политического образования в современной России: проблемы и пути их решения. *Via in tempore. История. Политология.* 2021. №48 (1). С. 238–248.
2. Щербинин А.И. Политическое образование как фактор политического процесса: автореферат дис. ... доктора политических наук: 23.00.02 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М., 2000. 52 с.
3. Щербинин А.И. Политическое образование. М.: Весь мир, 2005. 288 с.
4. Щербинин А.И. Особенности политической социализации молодежи в университетском городе. *Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология.* 2019. № 51. С. 205–214.
5. Ионин Л.Г. О недостатках нынешнего политологического образования // *Вопросы образования.* 2006. №4. С.77–89.
6. Основы российской государственности. Проект концепции УМК. - URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf ([дата обращения 10.11.2023](#))

7. Балтовский Л.В. Патриотизм как целевая функция политического образования в современной России // Наука. Общество. Оборона. 2017. № 1 (10). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-kak-tselevaya-funktsiya-politicheskogo-obrazovaniya-v-sovremennoy-rossii/viewer> (дата обращения 10.11.2023)

МОЛОДЁЖЬ В ВИРТУАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ПОИСК ЦЕННОСТЕЙ: ПОЛИТИКА, РЕЛИГИЯ, ВОЗВРАЩЕНИЕ К ТРАДИЦИЯМ

Шишкина В.Г.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
студент*

E-mail: oreshik.shish145@gmail.com

***Аннотация.** Российская Федерация взяла курс на будущее поколение, которое через 15-20 лет сменит тех, кто в настоящее время находится у «руля» власти. Это объясняется очевидными причинами, которые мы рассмотрим в нашей работе. Нам предстоит выяснить, какие цели преследует управленческий аппарат, какими методами достигаются поставленные цели. Что нужно поменять? Кто и как это реализует, и по средством чего? Также, важным аспектом нашей работы является определение сформировавшихся у молодёжи смыслов и ценностей в виртуальной повседневности во второй четверти XXI века. Как это проводится? Что подразумевают под ценностями в Российской Федерации? Кто их формирует? Мы приходим к тому, что идёт процесс возвращения к традициям, которые заложены в религиозном учении.*

***Ключевые слова:** политика, молодёжь, смыслы, ценности, Церковь, молодёжная политика, религия, традиции.*

YOUTH IN VIRTUAL EVERYDAY LIFE AND THE SEARCH FOR VALUES: POLITICS, RELIGION, RETURN TO TRADITIONS

Shishkina V.G.

*Kazan (Volga Region) Federal University,
student*

E-mail: oreshik.shish145@gmail.com

***Abstract.** The policy of the Russian Federation has set a course for the future generation, which in 5-20 years will replace those who are currently at the "helm" of power. This is explained by rather obvious reasons, which*

we will consider in our work. We have to find out what goals the management apparatus pursues, by what methods the set goals are achieved. What needs to be changed? Who implements it and how, and by means of what? Also, an important aspect of our work is the definition of the meanings and values formed among young people in virtual everyday life in the second quarter of the 20th century. How is it conducted? What do values mean in the Russian Federation? Who forms them? We come to the conclusion that there is a process of returning to the traditions that are embedded in religious teaching.

Keywords: *politics, youth, meanings, values, church, youth policy, religion, traditions.*

Прежде, чем перейти к рассмотрению основной проблемы, вынесенной в заглавие статьи, необходимо определить терминологический аппарат. Для начала определимся с ключевым понятием «виртуальной повседневности». В настоящее время данное понятие вызывает некоторые сложности, так как оно зародилось относительно недавно. Вот что пишет об этом феномене О. Н. Чёрных: «Проблематика «виртуальности», как отмечалось, становится актуальной в современных исследованиях, в рамках которых предпринимаются попытки определения современной социокультурной ситуации. На наш взгляд, виртуальность как потенциальный опыт в «историческом» экзистенциальном горизонте «была» всегда как принцип бытия присутствия как всегда своей возможности (например, по М. Хайдеггеру)» [1, с. 111-112]. Далее автор опирается на работу Кастельса, который объясняет нам феномен «виртуальной повседневности»: «Так, М. Кастельс пишет о современной коммуникативной системе, ... приобретающей тотальное распространение в становящемся информационном обществе, которая создает новую культуру реальной виртуальности [3, с. 351]. Стоит отметить, что информационные и коммуникационные процессы и их содержание напрямую связаны с культурными процессами, так как культура и общество как связанность представлений и практик возможны только в коммуникации. М. Кастельс, говоря о росте в геометрической прогрессии «информации» как «отчужденного» опыта, запущенном постоянно расширяющейся коммуникационной машинерией, отмечает существенные изменения в системе опыта, в которой виртуальный компонент возрастает, что и артикулировано в метафоре «реальной виртуальности». Виртуальность как «пограничье» становится все более актуальной в опыте повседневности, что вызвано становлением новой коммуникационной системы, формирующей динамичную расширенную символическую среду культуры, т. е., по

сути, постоянно возрастающий потенциальный опыт. «Информация» становится в современных условиях ключевым понятием (и даже — ценностью)» [1, с. 111-112]. Мы вступили в новую эпоху, эпоху Интернета, технологий и цифровизации. Люди, родившиеся в 1980-х годах, уже не представляют себе жизни без гаджетов, рабочих мессенджеров и многофункциональных маркетплейсов, а что говорить о молодёжи. Молодёжь в XXI веке, условно, родилась с новыми технологиями в руках. Мы уже не представляем того, что у человека не может быть телефона, каждый второй прохожий держит в руке гаджет, который позволяет поддерживать связь со всем миром. Не удивительно, что современная молодёжь ищет ценности внутри этого нового мира под названием «Интернет».

Где молодёжь - там и политика. Мы понимаем, что будущее за теми, кто находится по ту сторону экрана. Из этого следует, что установление контакта будет строиться через канал, где самое большое скопление молодёжи. Если в 1980-х годах это были дома культуры, школы и разные учебные заведения, то к 2023 году добавился Интернет.

Что делает управленческий аппарат Российской Федерации в связи с этими изменениями? Он создаёт новый орган - «Федеральное агентство по делам молодёжи» (далее «Росмолодёжь»), которое и занимается разработкой стратегии по общению и работе с молодёжью.

Существующие проекты, такие как «Большая перемена» для школьников и образовательных организаций, «Твой ход» для студентов, «Лидеры России» для управленцев и несколько десятков других конкурсов объединены одной большой платформой «Россия – страна возможностей». Названная платформа работает при сотрудничестве с Росмолодёжью.

Выбранные проекты реализуются путём нескольких этапов. Начальные этапы проходят в онлайн формате. Платформа делает всевозможную рассылку, рекламу и пропаганду среди молодого поколения с призывом принять участие в этих всероссийских конкурсах. Стимулирование молодёжи происходит путём денежных вознаграждений и дополнительных баллов к поступлению в учебные заведения. Желающие проходят регистрацию, тестирования, выполняют задания и продолжают/не продолжают путь в офлайн формате.

Чем особенны эти конкурсы? Тем, что они направлены на выявление потенциальных специалистов и их проектов. Система выстраивается следующим образом: конкурсанты делятся по тематическим кластерам/вызовам (пример: вызов «Помни!» направлен на сохранение исторической достоверности и памяти предков, «Служи

Отечеству» для воспитания патриотизма). Участники разрабатывают проекты, защищают их и по итогам конкурса победители реализуют свои работы при поддержке государства.

Таким образом, власть, руками молодёжи делает то, что поможет воспитать нужное поколение с правильными ценностями. А какие ценности нужны? В связи с нынешней политической обстановкой, нужны люди, почитающие «былые» традиции и историю; ребята, похожие на Королёва и Циолковского своими изобретениями во всех сферах естественных наук; молодые люди с чистым сердцем и призывом к творению добрых дел. Одним словом, государству нужны патриоты с правильными традиционными взглядами [4, с. 2].

Говоря о традициях в российском обществе, в поиске их корней мы уходим в религиозное учение. При этом отношение молодёжи к религии не однозначно. Россия – светское государство, люди верят/не верят во что хотят и как хотят, но за последние 5 лет мы наблюдаем изменение в религиозной ситуации. Интерес человека к Церкви вырос (понятие «Церковь» мы используем в обобщающем определении, как религиозную организацию духовенства и верующих, объединённую общностью верований и обрядности) [3]. Вырос он, в том числе, за счёт молодёжи.

В настоящее время набирают обороты молодёжные религиозные движения. Посещая Церковь, человек отходит от привычных ему вещей в миру. Он приобщается к сакральному. Верующий человек, получив сакральное, не желает его утратить, и для этого старается придерживаться праведного пути. А что такое праведный путь, — это соблюдение заповедей Божьих. Заповеди Божии в христианской традиции говорят нам о непоколебимых традициях. Например: «Исх.20:14 Не прелюбодействуй» [5, с. 79], то есть не веди распущенную половую жизнь, сохраняй целомудрие для мужа своего. Об этом говорил и Пётр Великий в «Юности честное зеркало», и классики мировой литературы. На молодых людей такие моменты производят колоссальное влияние. Они на пути к сохранению сакрального, не допустят того, чтобы испортить себя такими пороками. Верующую молодёжь учат этому в Церкви, она, в свою очередь, несёт это в массы реально и виртуально, и формирует новый взгляд на повседневность. Мы приходим к тому, что идёт процесс возвращения к традициям, которые чтит наши предки. Эти традиции берут начало в религиозном учении.

Все выстраиваемые отношения «молодёжь - политика», «молодёжь - религия» объединены новой общей ценностью, которую выделяет О. Н. Чёрных, а именно - «информацией» [1, с. 112].

Информация для XXI века имеет иное значение по сравнению с предыдущими периодами. Этот феномен связан с эпохой цифровизации. Наше современное мышление направлено на быструю и точную обработку информации. Этой проблематикой занимаются социологи и мы не видим смысла останавливаться подробно на этом вопросе. Важно только отметить, что формирование этой ценности произошло естественным путём. Появление технологий подтолкнуло к этому движению и развитию. Новый механизм начали использовать во всех сферах жизнедеятельности как инструмент. Инструмент перерос этот этап и сделался ценностью.

Таким образом, мы имеем дело со следующими, сформировавшимися к 2023 году, ценностями: во-первых, религиозными. Сейчас наблюдается стремление к восстановлению чистоты нравов и добродетели. Во-вторых, политические, в частности, – патриотизм. Указанная ценность продиктована существующей политической обстановкой в мире, и это, на наш взгляд, довольно обосновано. В-третьих, информация, продиктованная потребностями XXI века. Но к чему всё это ведёт? Что нас ждёт через 5-10 лет? Мы будем жить в обществе, нравственно похожем на общество XIX века. Развитие технологий и цифровизации продолжатся. Наша виртуальная повседневность станет реальной. Всё то, что политика предпринимает по отношению к молодёжи, через глобальную сеть, даст свои правильные «плоды». Религия в этих отношениях подкрепляет силы и веру молодёжи в правильности выбранных ценностей.

Список литературы

1. Чёрных О. Н. Виртуальный принцип повседневности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. С. 107-114.
2. Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000.
3. Евгеньева А. П. Словарь русского языка. М.: Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/23/ma464415.htm?cmd=0&istext=1>
4. Положение о Всероссийском конкурсе «Большая перемена». М., 2023. С. 42.
5. Библия. М.: Изд-во Российское библейское общество, 2021.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СМИ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ НА МАТЕРИАЛАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СМИ (ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ)

Шувалова А.А.

*Севастопольский государственный университет,
студент*

E-mail: ana.horler@gmail.com

Иванова А.А.

*Севастопольский государственный университет,
Студент*

E-mail: ana.horler@gmail.com

Аннотация. В статье указывается, что продвижение имиджа страны в современных условиях происходит благодаря средствам массовой коммуникации. Авторы подчеркивают, что имидж страны развивается параллельно с ее медиа образом, привлекательность которого предполагает более успешное развитие как внутренней, так и внешней политики. Именно поэтому все больший вес приобретает разработка стратегий по продвижению положительного имиджа страны в мировом медиапространстве. Авторы, отмечая многогранность восприятия медиаобраза России в политическом дискурсе Испании, подчеркивают его неоднозначность (наличие как позитивных, так и негативных аспектов).

Ключевые слова: имидж страны, средства массовой коммуникации, медиаобраз, внешняя и внутренняя политика, политический дискурс, Россия, Испания, мировое медиапространство.

FEATURES OF CREATION OF THE POLITICAL IMAGE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE MASS MEDIA OF MODERN SPAIN BASED ON THE NATIONAL MEDIA (INTERNET PUBLICATIONS)

Shuvalova A.A

Sevastopol State University, student

E-mail: ana.horler@gmail.com

Ivanova A.A

Sevastopol State University, student

E-mail: ana.horler@gmail.com

***Abstract.** The article indicates that the promotion of a country's image in modern conditions is facilitated through mass communication. The authors emphasize that the image of a country develops in tandem with its media representation, whose appeal suggests more successful development in both domestic and external policies. Hence, the design of strategies to promote a country's positive image in the global media space is increasingly gaining importance. Noting the multifaceted perception of Russia's media image in the political discourse of Spain, the authors highlight its ambiguity, featuring both positive and negative aspects.*

***Keywords:** country image, mass media, media representation, foreign and domestic policy, political discourse, Russia, Spain, global media space.*

Современный мир переполнен многообразием информационных пространств, каждое из которых формирует собственный образ тех или иных стран. Один из наиболее влиятельных факторов в создании образа нации в глазах международного сообщества — это СМИ, которые действуют как своеобразные линзы, фокусируя и отражая мнения, взгляды и оценки. Важность этого аспекта неоспорима в контексте внешней политики и международных отношений. Таким образом, цель данного исследования - исследовать образ, или, иначе говоря, имидж России, в политическом дискурсе Испании, основываясь на анализе материалов национальных СМИ [9, с. 50-57].

Актуальность данной темы обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, на текущем этапе развития мировой политической системы Россия и Испания остаются важными акторами на международной арене. Во-вторых, на протяжении последнего десятилетия образ России активно обсуждается и оценивается в международных СМИ. В-третьих, понимание, как именно формируется и воспринимается этот образ, имеет важное значение для прогнозирования и планирования внешнеполитической стратегии. Кроме того, такой анализ поможет пролить свет на специфику информационной политики и медиакommunikаций в Испании по отношению к России [9, с. 62-65].

Изображение России в политическом дискурсе Испании представляет собой актуальное направление исследований в контексте нестабильной политической ситуации в мире и изменения международной динамики в начале XXI века. Учитывая исторически сложившиеся уникальные отношения между Россией и Испанией, а также значимость обоих государств на европейской и мировой аренах, анализ представлений о России в испанских средствах массовой

информации может дать ценное понимание влияния медиа на формирование международного образа страны.

Имидж в политическом дискурсе представляет собой воспринимаемое образное представление политического актора или организации, их аудиторией. Это образ, который формируется через совокупность сообщений, символов, действий и коммуникативных стратегий, направленных на создание определенной репутации и достижения политических целей. Имидж является ключевым элементом в формировании отношения граждан к политическим фигурам и институтам, а также оказывает прямое влияние на политическое поведение и процессы принятия решений избирателями [1, с. 214–218].

Основываясь на теориях социального конструкционизма, можно утверждать, что имидж политического деятеля не является врожденным качеством, а скорее результатом активной работы специалистов по связям с общественностью, политических консультантов и самого политика. Средствами формирования имиджа могут служить языковые конструкции, визуальные образы, поведенческие паттерны и медиа-выступления, каждый из которых способствует созданию определенной «имиджевой стратегии» [2, с. 43–54].

Цифровизация, как глобальный процесс преобразования информационных потоков и способов коммуникации, оказывает значительное влияние на формирование политического имиджа в современном мире. Развитие интернет-технологий и социальных медиа привело к появлению новых инструментов в руках политиков и политических организаций для воздействия на общественное мнение и управления собственным имиджем в глазах избирателей.

Средства массовой информации (СМИ) играют ключевую роль в формировании политического дискурса в современном обществе. Это осуществляется через различные платформы, включая печатные издания, телевидение, радио и интернет. В динамике политического общения, СМИ не просто отражают существующие политические взгляды и идеологии, но и активно оказывают на них влияние, устанавливают рамки, внутри которых происходит общественный диалог и разрабатывается политическая повестка дня.

Основная роль СМИ заключается в распространении информации о политических событиях и решениях, законодательных изменениях и дискуссиях. Доступность и своевременная подача информации способствует повышению осведомленности граждан и их участия в политическом процессе. Однако способ подачи информации может

варьироваться, что в свою очередь влияет на восприятие аудитории и итоговое формирование их политических убеждений.

С развитием цифровых технологий и социальных медиа платформ, на вопрос о роли и влиянии СМИ на политический дискурс ответить все сложнее. Социальные сети облегчают распространение информации и пользовательского контента, что может привести к усилению эффекта эхо-камер. Эти явления потенциально могут усиливать поляризацию и разобщенность в обществе, что подрывает основы демократического диалога.

С учетом этих аспектов, СМИ влияют на построение и развитие политического дискурса как через свою способность влиять на общественное мнение, так и через формирование политической коммуникации.

El Diario – популярное испанское онлайн-издание, которое освещает широкий спектр вопросов, в том числе политику, экономику, культуру, научные достижения, технологические инновации и спортивные события. На основании анализа 15 статей из *El Diario* зафиксирована определённая тенденциозность в освещении вопросов, связанных с Россией. Преобладающее количество материалов касается вооруженного конфликта между Украиной и Россией. Другие аспекты российской политики и общественной жизни получают меньше внимания, что создаёт впечатление однобокой информационной картинки. В качестве языковых маркеров, указывающих на конфронтационный характер подачи информации, часто используются термины "*ataque*" (атака), "*ocupación*" (оккупация) и "*provocación*" (провокация), что может способствовать формированию у читателей изображения России как государства, нарушающего международные нормы и правила поведения на международной арене.

Издание *Público* известно как одно из ведущих испанских газет, которое публикует широкий спектр статей по важнейшим вопросам политики, экономики, культуры и общества. С помощью метода сплошной выборки для нашего исследования было отобрано и проанализировано 15 статей данного Интернет-издания.

Наш анализ показывает, что в своей редакционной манере *Público* рисует образ России как государства, ассоциируемого с проведением агрессивной и экспансионистской политики в отношении Украины, что подкрепляется указаниями на аннексию территорий и активную роль в военных конфликтах. Многократно подчеркивается, что международное сообщество выражает осуждение российской тактики и поддерживает Украину в знак солидарности.

В новостных текстах *Público* часто наблюдается упущение альтернативных точек зрения или аргументов, которые могли бы предоставить контекст, смягчающий осуждающую тональность в отношении российских действий. Области, затрагивающие внутреннюю политическую динамику Российской Федерации, в частности, ее отношение к оппозиции и внутригосударственную критику, часто остаются вне поля зрения *Público*.

В анализируемой статье издания *Público*, опубликованной в августе 2023 года, уже из заголовка "*Dos décadas de asesinatos y represión: Putin encara la reelección con la purga de sus opositores*" (Два десятилетия убийств и репрессий: Путин готовится к переизбранию с чисткой своих оппонентов) прослеживается эмоциональная окраска и подается тема о подавлении властями России любой формы оппозиционной активности и критики с помощью репрессивных методов. В тексте статьи употребляются формулировки, подчеркивающие предполагаемую вину в устранении активистов и критически настроенных журналистов - "...*el presunto involucramiento en la muerte de activistas y periodistas críticos...*" (... предполагаемая причастность к гибели активистов и критически настроенных журналистов...) и преследование оппозиционных голосов - "...*la persecución de las voces críticas de la oposición...*" (...преследование критически настроенных лиц в оппозиции...)". Данные выражения, взятые в контексте общего освещения событий в России, могут создать у испанского читателя устойчивые ассоциации с отсутствием свободы слова и политической репрессией в стране.

В процессе проведения исследования было выявлено, что у издания *Público* существует практика удаления опубликованных статей. Причины для подобных действий могут варьироваться: ошибки в представленных данных или информационном контенте, нарушение авторских прав, корректировки внутриредакционной политики или поступление запросов от авторов материалов либо третьих лиц, обладающих законным интересом. Кроме того, не исключено, что статьи могут удаляться по мотивам, связанным с политическими или идеологическими соображениями, когда содержание материалов входит в противоречие с установленной линией или влечёт за собой отрицательные реакции со стороны публики или властных структур.

La Razón – испанский национальное газетное издание, основанное в 1998 году. За годы своего существования газета завоевала репутацию консервативного издания, ориентированного на традиционные ценности и поддерживающего политику правого крыла. В контексте анализа отражения политического имиджа России в издании *La Razón*,

обнаруживается тенденция к использованию языковых средств, которые способствуют формированию негативного образа страны. Через применение эмоционально окрашенных и оценочных терминов, таких как "*brutal crimen ruso*" (жестокое российское преступление), достигается усиление негативного восприятия действий России, выделяя их агрессивный и деструктивный характер.

Представление российских военных действий описывается в ключе их уязвимости и подверженности успешным ответным операциям со стороны Украины. Например, в одной из статей подчеркивается действие украинской армии: "*un almacén se incendió tras el ataque ucraniano*" (склад загорелся после нападения украинцев), что иллюстрирует не только активность украинских вооруженных сил, но и возможность нанесения значительного урона противнику, что подрывает имидж непоколебимости России.

Термин "*península ocupada*" (оккупированный полуостров), относящийся к статусу Крыма, дополнительно способствует формированию представления о России как о нарушителе международных норм, подчеркивая незаконный характер присвоения территории. Эти лингвистические приемы не только отображают конфликтные процессы, но и служат инструментом для влияния на международное восприятие России, акцентируя внимание на её агрессивных поступках и тактической уязвимости.

На основе анализа публикаций в испанских информационных изданиях *Publico*, *El Diario* и *La Razón*, связанных с Россией, можно заключить, что имидж этой страны в данных средствах массовой информации во многом представлен идентичным образом. Исследование содержания опубликованных статей позволяет выявить схожие тенденции в описании России и освещении событий, связанных с ней.

Общими чертами статей из всех трех источников являются использование эмоционально окрашенной лексики и определенный уровень сенсационализма, что может приводить к формированию предвзятого восприятия и эмоциональной реакции у читателей. Риторические средства и языковая стилистика, присущие анализируемым материалам, могут играть существенную роль в конструировании негативного образа России.

Кроме того, во всех изданиях наблюдается упущение важных контекстуальных факторов, таких как мнение представителей России, исторические обоснования текущих событий и глубокий анализ внутривнутриполитической обстановки в стране. Отсутствие всестороннего

подхода к анализу дает неполное представление о причинах и следствиях событий в России и её политических действиях.

Эти факторы в совокупности приводят к ограниченному и искаженному представлению о России, что может влиять на общественное мнение и международное восприятие страны. В свете этих положений, представляется важным проведение более глубоких исследований средств массовой информации с целью выявления и корректировки потенциальных предвзятостей и сохранения принципа обязательного соблюдения объективности.

Необходимо подчеркнуть значимость всестороннего анализа публикаций о России, с учетом её исторического и культурного контекста, внутренней политики и международных отношений, что позволит всем информационным изданиям добиться более нейтрального и честного освещения событий, наоборот, способствуя более полному пониманию читателями сложной геополитической карты мира.

Список литературы

1. Анохин Е. В. Имидж страны: проблемы формирования и управления // ПСЭ. 2014. №3 (51). С. 214–218.
2. Сагалаева С.С. Имидж государства: сущность и подходы к определению // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. №2 (839). С. 43–54
3. Ведерникова М.И. Имидж страны как элемент «мягкой силы» // Политика и Общество. 2018. № 1. С. 35–43.
4. Ильин И.В., Леонова О.Г. Роль и значение имиджа страны в условиях глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2008. №5. С. 1–15.
5. Большаков С. Н., Бодрунова С. С. Формирование позитивного имиджа страны: политические метафоры, стереотипы и параллелизмы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. №6. С. 87–93.
6. Roth, K. P. Advancing the country image construct // Journal of Business Research. 2009. Vol. 62. No. 7. P. 726–740.
7. Alvarez M., Campo S. The influence of political conflicts on country image and intention to visit: A study of Israel's image // Tourism Management. 2014. Vol. 40. No 7. P. 70–78
8. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – 4-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2012.
9. Ушакова, Т. Н. (ред.). Слово в действии: интент-анализ политического дискурса / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 314 с.
10. Dijk, T. A. van. Politics, Ideology, and Discourse / T. A. van Dijk // Spain: Politics of Teaching, 2006.

11. Киселев И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях в рамках конструктивистской парадигмы // ПОЛИТЭКС. 2007. Вып. 3. №3. С. 253-260.
12. Чернышов Ю.Г. Имидж России и проблемы интеграции на постсоветском пространстве. – URL.: <https://www.rapn.ru/in.php?d=137&gr=72&n=35&p=0&part=in&to>
13. Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2004. №2. – URL.: <http://www.mediascope.ru/образ-страны-или-имидж-государства-поиск-конструктивной-модели>
14. Андреева Г. Н. Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения. Н. Новгород: Профессиональная наука, 2018. 131 с.
15. Короткий К.Р. Необходимость и особенности формирования имиджа. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2008. 80 с.
16. Сорокин О. Н., Солнцева Е. А. Развитие имиджа государства в условиях цифровизации. – URL.: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46617719_56470467.pdf

Примеры

1. Kiev denuncia que los drones asesinos que utiliza Rusia llevan decenas de componentes fabricados en Europa. – URL: https://www.eldiario.es/internacional/theguardian/kiev-denuncia-drones-asesinos-utiliza-rusia-llevan-decenas-componentes-fabricados-europa_1_10549008.html (дата обращения: 28.09.2023).
2. Rusia lanza una nueva ola de ataques y golpea infraestructuras energéticas en Ucrania. – URL: https://www.eldiario.es/internacional/rusia-lanza-nueva-ola-ataques-golpea-infraestructuras-energeticas-ucrania_1_10533436.html (дата обращения: 22.09.2023).
3. Ucrania repele decenas de ataques y Rusia prepara un nuevo asalto masivo sobre Avdivka. – URL: https://www.eldiario.es/politica/ucrania-repele-decenas-ataques-rusia-prepara-nuevo-asalto-masivo-avdivka_1_10649900.html (дата обращения: 03.10.2023).
4. Rusia conmemora la anexión de las regiones ucranianas ocupadas y se prepara para costear una guerra muy larga. – URL: <https://www.publico.es/internacional/rusia-conmemora-anexion-regiones-ucranianas-ocupadas-prepara-costear-guerra-larga.html#analytics-tag:listado> (дата обращения: 30.09.2023).
5. Dos décadas de asesinatos y represión: Putin encara la reelección con la purga de sus opositores. – URL: <https://www.publico.es/internacional/putin-20-anos-opositores-muertos.html#analytics-tag:listado> (дата обращения: 20.09.2023).
Обязательно включить
6. Rusia declara en busca y captura al juez de la Corte Penal Internacional que emitió la orden de arresto de Putin. – URL: <https://www.publico.es/es/internacional/rusia-declara-en-busca-y-captura-al->

- [juez-de-la-corte-penal-internacional-que-emitió-la-orden-de-arresto-de-putin/](#)
(дата обращения: 08.11.2023).
7. Obiang busca en Putin el comodín para blindar su dinastía al frente de Guinea Ecuatorial. – URL: <https://www.publico.es/es/internacional/obiang-busca-en-putin-el-comodin-para-blindar-su-distancia-al-frente-de-guinea-ecuatorial/>
(дата обращения: 08.11.2023).
 8. Zelenski denuncia al menos 48 muertos en un ataque ruso contra una tienda de comestibles en Járkiv. – URL: https://www.larazon.es/internacional/zelenski-denuncia-menos-48-muertos-ataque-ruso-pueblo-jarkiv_20231005651eb7f6b2ab570001fb77fc.html (дата обращения: 06.10.2023)
 9. Putin sostiene que la detonación de una granada en el interior de la aeronave provocó el accidente en el que murió Prigozhin. – URL: https://www.larazon.es/internacional/putin-sostiene-que-detonacion-granada-mano-interior-aeronave-provoco-accidente-que-murio-prigozhin_20231005651f069790d39d0001ef8aa0.html (дата обращения: 06.10.2023)
 10. Reconquistar Crimea: "Rusia no es invencible ni la península inexpugnable". – URL: https://www.larazon.es/internacional/europa/reconquistar-crimea-rusia-invencible-peninsula-inexpugnable_20231004651caed6b2ab570001f696b9.html (дата обращения: 05.10.2023)

ХУДОЖНИКИ КОСОВА И МЕТОХИИ ПОСЛЕ 1999 ГОДА: БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Звездана М. Элезович

Доктор культурологии

Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич,

старший научный сотрудник

E-mail: zvezdana.el@gmail.com

Аннотация. *Поскольку в 1999 году сербское изобразительное искусство в Косово и Метохии испытало большие страдания, сербский народ, включая художников, был изгнан из южной сербской провинции. Страдания большого количества художественных достижений – художественного наследия мы зафиксировали в предыдущей научной статье «После 1999 года – борьба за выживание изобразительных искусств и художников в Косово и Метохии». В данной статье мы продолжаем исследование о том, как большинство художников продолжили свою работу после изгнания, и показываем, что, несмотря на все многострадальные события, сербское изобразительное искусство сохранилось на территории Косово и Метохии.*

Ключевые слова: Один сегмент художественного творчества, Ассоциация изобразительных художников Косово и Метохии (УЛУКиМ), анклав, Надица Джекич-Неделькович, Ненад Костиц, Милица Каличанин...

ARTISTS OF KOSOVO AND METOHİJA AFTER 1999: THE STRUGGLE FOR SURVIVAL

Zvezdana M. Elezović

PhD of Cultural Science

Institute for Serbian Culture Prishtina - Leposavic

Senior Research Associate

E-mail: zvezdana.el@gmail.com

Abstract. *Since Serbian fine art in Kosovo and Metohija suffered greatly in 1999, the Serbian people, including artists, were expelled from the southern Serbian province. We recorded the suffering of a large number of artistic achievements – artistic heritage in a previous scientific article "After 1999 – the struggle for the survival of fine arts and artists in Kosovo and Metohija". In this article, we continue our research on how most artists continued their work after exile, and show that, despite all the long-suffering events, Serbian fine art has been preserved on the territory of Kosovo and Metohija.*

Keywords: *One segment of art creation, ULUKiM, enclave, Nadica Đekić-Nedeljković, Nenad Kostić, Milica Kaličanin.*

В настоящий момент часть сербских художников в Косово и Метохии работает в сложных условиях, выживает вместе с сербским населением в анклавах и с ним переживает все невзгоды. В чувствах этих художников, которые они переносят в свои произведения, преломляется культурная, политическая и личная судьба жизни после 1999 года. Ключевой вопрос такого периода, заключается в следующем: предполагает ли такое развитие событий какую-то реакцию: поэтическую, внутреннюю, произошло ли это и в какой форме? Ответ такой: да! Однако дело здесь состоит не столько в поэтических или мотивных новинках, сколько в удивительном для таких обстоятельств и условий работы дистанции от действительности, как жизненной, так и политической. Этот отход от самого себя и текущие впечатления от господствующего зла вывели из удушающего гетто несколько подлинных и интересных художественных явлений [1, с. 8].

Надица Джекич-Неделькович - одна из выдающихся представителей этой, условно говоря, новой анклавной группы художников. Свой подлинный творческий отпечаток она вносит в приштинскую художественно-графическую школу [1, с. 124–125]. Определяя напряжение, выразительность, визуальное напряжение и обращаясь к своего рода творческому сопротивлению, Петар Джуза в критике по поводу ее картин и график намекнул на поэтико-мотивные изменения, в полной мере реализовавшиеся в ее новых произведениях. Художница колеблется между землей и светом, основывая свою личную эстетику на хтонических силах, находящихся между рождением и исчезновением. И рыбы, и птицы, и яблоки, помимо своей универсальной символики, обладают чрезмерно подчеркнутой тяжестью, корнями, простирающимися к земле сквозь свет. Если бы художница не добавляла ко всему категорию страха, увлечение рождением, обычно ассоциирующееся с юностью, яблоком Евы и первородным родительским грехом, могло быть только набором реляционных значений. Ее потребность играть с формами страха — это катарсический момент самой композиции, столь же «читабельной» в художественном отношении, как и в восприятии наблюдателя. Вот почему тень страха и его автономное существование, его фатальная и девиантная природа с видимыми последствиями важнее, чем происхождение страха или то, что этот страх производит [2].

Из той же художественной группы, с похожей экзистенциальной драмой, является график и художник Ненад Костиц из Липляна. В отличие от Надицы Джекич-Неделькович, он открыто обращается к универсальным и национальным мотивам, пытаясь доказать их нынешнюю ценность, вторичное послание и существование. Но доказывать - это не искусство, и для художественной оценки этого недостаточно, так как, к счастью, Костиц не имеет четкого разработанного осознания мотива. Вот почему он с помощью уверенного рисунка, цвета и выдавленного формального знания может свободно исследовать символы, выражение и личный творческий импульс. Он не дописывает философию национальных символов, он не льстит ей уже имеющимися слоями, а также собственным знаниям и опыту. Такая позиция позволяет Костицу одновременно обобщать и возможность того, что все, что он создает, имеет, условно говоря, местный, косовский мотив. Таким образом, Газиместан, как живая цветная линия – вертикаль, не имеет ни одной из тех известных высших историко-мифологических сил, которые могли бы его защитить.

В отличие от большинства, место решающей битвы у Костица на самом деле представляет собой лирическую композицию с пламенным

языком и внутренней закрытостью. Среди лучших достижений данного поступка, конечно, графика «С крестом все наши мечты», где все элементы дара художника, перенесенные влияния и эстетические исследования встречаются вокруг одного глобального символа. В предстоящий период Надице Джекич-Неделькович и Ненаду Костичу предстоит серьезное исследование, как своих собственных идеологических и художественных принципов, так и поиска нового выражения и языка. Вот почему эту видимую, «раннюю и опасную зрелость» пришлось бы преодолеть, и роль критики, которой, к сожалению, не существует в прежнем ее объеме, была бы чрезвычайно важна для развития этих двух талантливых художников [1, п. 130–131].

Зоран Живкович – художник, испытанный в разных областях, и ценный педагог в трудный период. Это тот тип людей, у которых есть миссия, и когда они упоминаются, их работа с людьми и преданность идее и гильдии часто выдвигаются на передний план. Почти нет молодого художника из центрального Косово, который в каком-то контексте своего развития не имел отношения к творчеству Зорана Живковича. Сам он творил долго и самоотверженно, следуя примеру старых мастеров, и не имея формального академического влияния из Приштины, занимая, таким образом, незаполненное пространство между современным выражением и наивным искусством. Его стремление, порой использовать поэтику гиперреализма для отражения некоторых национально-мифологических представлений, на которых он был сформирован, дает интересное и удивительное сочетание. «Косово поле» Зорана представляет собой монументальное изображение основных эпических символов нашей народной поэзии, в то время как в картине «Сердце Милицы» жесткая эпическая форма движется к одиночеству и лиризму Ракича. Там без особого пафоса и акцента, в одной плоскости рядом с Газиместаном, стоят старые каменные памятники и новые голые кресты. В поисках чистоты выражения Живкович возвращается к природе как к божественно чистой категории, перенося на свои полотна уникальные, но в то же время известные пейзажи своих родных мест [1, с. 114–115].

Молодой цыганский художник Байрам Мехмети рассматривает свои родные места, только с другой точки зрения, чем та, которую он узнал в мастерской Зорана Живковича. Он творит в чрезвычайно тяжелых условиях, так что порой кажется, что у него нет ничего другого, кроме живописи, и что она представляет собой его единственный выход, надежду и избавление. Он решил стать свидетелем жизни цыган, и не только – он решил спасти их от исчезновения, рисуя их. Ссылаясь на древность своего народа, он

приходит к себе и своей ограниченности, к элементарным потребностям, которые, какими бы базовыми они ни были, означают жизнь и ее полноту. Тем не менее, на фоне темноты и нищеты, произведения этого уникального явления в наивной живописи наших южных регионов, полны внутренней радости и празднования мелочей. Описывая свои впечатления от работ этого художника, американский поэт Пол Полански, исключительный знаток цыганской жизни, подчеркивает чувство Мехмети к «[...] ярким, несогласованным цветам, которые вместе выглядят так странно красиво. Что же касается деталей, то большую часть вещей, которые он представил в своих картинах, я никогда раньше не видел». О «представленных вещах» и их оригинальности еще можно дискутировать, поскольку они по большей части принадлежат к архетипическим образам цыганской жизни. Второй, световой аспект творчества Мехмети не подлежит сомнению, поскольку этот свет составляет основу его художественной выразительности и не связан с изобразительным уровнем картины. Даже когда он «показывает» предательство Вука Бранковича, он делает это в ярких красках, хотя старался сделать все в более темных тонах [1, с. 114–115].

В Галерее Исторического архива в Панчево 31 марта 2013 года открылась выставка скульптур и мозаик трёх авторов: Предрага Милачича, Небойши Йоичича и Вукашина Миловича (они родом из Подгорицы, Банатского Нового Села и Белграда). Эта важная выставка художников, творящих в Косово, на этот раз прошла в городе, где все трое выставляются впервые. Их общей особенностью является создание скульптурных произведений и мозаик в традиционных техниках. У художников онтологический подход к произведению искусства, основанный на превосходном знании техники (все трое — профессора академий в Цетинье и Звечане). Они ориентированы на натуральные материалы, знание техник и современное художественное выражение. Скульптуры Вукашина Миловича выполнены из металла в классической технике лепки, но, по его словам, необычным способом, с использованием молотка и сварочного аппарата. Это скульптуры, выполненные на тему оплодотворения и плода. Это лишь один из элементов, но наиболее важным является искусство, несущее содержание. Элемент природы присутствует в каждой его скульптуре, и это каким-то образом связывает их с классической скульптурой [3].

Скульптор-самоучка, художник и фотограф из Штрпце Зоран Занко Попович – юродивый и преданный своему делу человек, более двадцати пяти лет отстаивавший позицию, согласно которой «[...] нужно жить искусством». Он принадлежит к тому редкому, почти

вымершему пласту художников, не идущих на компромисс, независимо от цены. Для Поповича момент создания искусства важнее всего остального, что, как утверждает Ото Бихалджи-Мерин, у наивных художников возникает «[...] в области души из-за простодушия и естественности». Распознавание художественности в дивных формах дерева и впечатлениях раннего детства дают художнику возможность открыть личные, новые миры и удовольствие от вновь обретенной чистоты [1, с. 134–139].

Творчество художников современного сербского анклава в Косово и Метохии является частью реальности, в которой живет сербский народ в этом регионе. В конце концов, они являются частью того исцеляющего и катарсического момента, который чаще всего должен происходить в средах, изолированных от искусства, а зачастую и от нормальной жизни. Мы завершаем показ искусства анклава размышлениями Андрича о повести и повествовании, как одним из выражений человеческого духа и творчества, которые в полной мере могут быть применены к нашей эпохе и творчеству этой группы художников из Косово и Метохии: «Но, в заключение, хочется надеяться, что история, рассказанная сегодняшним автором своим современникам, независимо от ее формы и содержания, не должна быть запятнана ненавистью или затемнена шумом машин-убийц, но что она должна родиться из любви и вдохновлена широтой идей свободного и безмятежного человеческого разума. Ибо рассказчик и его работа не имеют никакой цели, если они так или иначе не служат человеку и человечности» [4].

Сегодня сербские художники Косово и Метохии создают и борются за статус сербского искусства и культуры посредством профессиональных ассоциаций. Таким образом Ассоциация изобразительных художников Косово и Метохии (УЛУКиМ), прекратившая свою деятельность в 1999 году, возобновила свою работу лишь спустя полных тринадцать лет. Возобновление работы ознаменовало открытие «Весенней выставки» в Звечане, в Галерее факультета прикладных искусств. Эта выставка носила ревью-характер и в основном были представлены молодые художники [5, с. 3]. Поскольку она не была избирательной, выставка не совсем репрезентативна нашей теме, тем не менее она в определенной степени значима, поскольку в начале возобновленной работы УЛУКиМ демонстрирует один сегмент художественного творчества, произведения, созданные в период с 2010 по 2012 годы.

Если проанализировать работы, представленные на Весенней выставке Ассоциации изобразительных художников Косово и Метохии

(УЛУКиМ), мы согласимся с Небойшом Евтичем, который отметил, что «[...] большинство художников ориентировались на непосредственную связь человека с его природной и социальной средой, указывая на необходимость взаимного общения» [5, с. 4]. Заметно явное отсутствие темы Косово-Метохии в работах, представленных на этой выставке. Более того, значительная часть работ даже не имеет названия. Однако многие произведения несут одно ясное бремя, некоторые выражают опасение, некоторые беспокойство, но также и надежду.

Катарина Булайич Павлович повторяющимися черно-белыми волнами, сведенными к геометрической форме, выражает беспокойство и вызывает тревогу у зрителя, но это беспокойство разрезается острым желтым лучом, указывающим выход и дающим надежду [6, с. 1].

Зорица Вулевич использует подобный подход для создания тревоги и беспокойства в своей работе «Весенний город». За ее геометрическими формами кажется, будто в беспорядке находятся заборы, которые говорят нам о разбитых домах, разбитых семьях. Но и там сквозь щели пробиваются ясные лучи света, намекающие на возможный выход из тоннеля [6, с. 2].

Рисунком маски Эвин Пешич выражает какое-то ужасное, искаженное, гротескное зло, липкое, распускающее свои щупальца, грозящее нас поглотить и от которого мы хотим куда-то убежать [6, с. 3].

Милица Каличанин оставляет нас в сомнении: смотрим ли мы эротическую сцену с женской ногой, ампутированную ногу или протез ноги. Напротив этой ярко-красной ноги на черном фоне стоит обеспокоенное женское лицо, повернутое, прозрачное и лишь намеченное. Композиция словно говорит нам о беспорядке, срыве, обёрнутости и тревоге [6, с. 4].

Анджела Муйчич не оставляет сомнений; почти натуралистическое изображение грустной маленькой девочки, ожидающей своих родителей рядом с картиной на столе. Ее надежда как бы говорит о том, что родители скоро вернуться, а печаль в выражении говорит нам, что они никогда больше не придут [6, с. 5].

Беспокойство и опасение можно также увидеть в произведениях Звонка Павличича, Витомира Николича и Зорицы Фурунович [6, с. 5]. Какой-то покой, надежда, но и благость, выраженная нежной голубишной, словно исходят из произведения «Там» Зорана Фуруновича [7, с. 30].

Итак, если мы не можем говорить об общей теме или об одних и тех же приемах, то, похоже, большинство авторов разделяют одно и то же настроение. Поэтому мы можем согласиться с Небойшой Евтичем,

когда он отмечает, что эти художники «[...] осозная тяжесть времени и пространства, в котором существуют, они оставляют след и отмечают продолжительность этой жизни», и что «[...] с полной ответственностью перед собой и другими прокладывают путь к новому существованию на земле частой безнадежности, но и неиссякающей надежды» [7, с. 30]. Таким образом, сегодня сербское изобразительное искусство выживает и развивается в Косово и Метохии, строя свое будущее и укрепляя сербскую культуру.

Список литературы

1. Ракочевић Ж. Уметност живота: разговори на Косову и Метохији с почетка 21. века. Приштина: Српско слово, 2014.
2. URL.: <http://petardjuza.blogspot.com/search?updated-min=2013-01-1>.
3. URL.: <http://rtvpancevo.rs/Vesti/Kultura/izloba-likovnih-umetnika-sa-kosova-i-metohije.html>.
4. Андрић И. О причи и причању: беседа поводом доделе Нобелове награде. 1961.
5. Јевтић Н. Предговор каталогу Пролетне изложбе УЛУКиМ 2012. Звечан: Галерија факултета уметности, 2012.
6. Новембарски салон УЛУКиМ 2012. Удружење ликовних уметника Косова и Метохије, 2012.
7. Пролетна изложба, УЛУКиМ 20012. Косовска Митровица: Удружење ликовних уметника Косова и Метохије, 2012.

СОВРЕМЕННАЯ ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Ярмошевич А.А

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
студент*

E-mail: yaa231003@gmail.com

***Аннотация.** В работе рассматривается сущность и инструментарий парламентской дипломатии, её роль во внешней политике Российской Федерации в отношении Китайской Народной Республики на современном этапе в условиях углубления стратегического партнёрства между двумя странами. Исследование базируется на анализе результатов деятельности Федерального Собрания Российской Федерации за последние 10 лет (2013-2023 гг.) и внешнеполитических нормативно-правовых актов Российской Федерации. Это позволит выявить эффективность парламентской*

дипломатии Российской Федерации как инструмента внешней политики.

Ключевые слова: парламентская дипломатия, инструментарий, Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Федеральное Собрание Российской Федерации, Государственная Дума Российской Федерации, Совет Федерации Российской Федерации.

MODERN PARLIAMENTARY DIPLOMACY OF THE RUSSIAN FEDERATION (ON THE EXAMPLE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA)

Yarmoshevich A.A

Saint-Petersburg State University of Economics,

Student

E-mail: yaa231003@gmail.com

Abstract. *The paper examines the essence and tools of parliamentary diplomacy, its role in the foreign policy of the Russian Federation towards the People's Republic of China at the present stage in the context of deepening the strategic partnership between the two countries. The study is based on an analysis of the results of the Federal Assembly of the Russian Federation over the past 10 years (2013 – 2023) and foreign policy regulation of the Russian Federation. This will reveal the effectiveness of parliamentary diplomacy of the Russian Federation as an instrument of foreign policy.*

Keywords: *parliamentary diplomacy, tools, Russian Federation, People's Republic of China, Federal Assembly of the Russian Federation, State Duma of the Russian Federation, Federation Council of the Russian Federation.*

Современное геополитическое пространство вступило в эпоху трансформации. Однополюсный миропорядок уходит в прошлое. По всему миру возникает множество трансформационных кризисов военной или невоенной форм. Новые времена требуют новых инструментов реализации внешнеполитических стратегических целей. Дипломатия на протяжении веков является классическим инструментом ведения внешней политики, но в связи с появлением новых акторов и усложнением самой структуры внешней политики, появляются новые виды дипломатии. В последнее время в научный мейнстрим вводится такой вид дипломатии как парламентская. Инструментарий и её сущность слабо изучены на текущий момент времени.

Целью статьи является выявление роли парламентской дипломатии Российской Федерации в отношении Китайской Народной Республики. Для реализации данной цели нужно рассмотреть сущность и инструментарий парламентской дипломатии и проанализировать деятельность комитета по международным делам Государственной Думы и Совета Федерации Российской Федерации.

Рассмотрим сущность парламентской дипломатии. Парламентская дипломатия – это вид публичной дипломатии, который заключается в реализации парламентом национальных интересов страны. Термин «парламентская дипломатия» был введён в научный дискурс в 1955 году учёным Д.Раском, а в 1956 году американский юрист и дипломат Ф. Джессап ввел данный термин в аппарат международного права [1, с. 56]. К основным чертам парламентской дипломатии можно отнести наличие постоянно действующего органа, который представляет собой совокупность интересов определённого народа. Влияние народного сотрудничества между странами позволяет сказать, что парламентская дипломатия является формой народной дипломатии, которая заключается в реализации интересов через определенное представительство, коим является парламент. Он является представителем народа.

Таким образом можно сказать, что парламентская дипломатия представляет собой уникальную мультиформу дипломатии, которая сочетает в себе черты и народной, и официальной форм. Важно отметить, что парламентскую дипломатию можно отнести к виду «мягкой» силы государства. Также с уверенностью можно сказать, что при условии дальнейшего цифрового развития человечества парламентская дипломатия приобретет отдельные черты цифровой дипломатии.

У парламентской дипломатии есть свой инструментарий [2, с. 5]. В основном к нему относятся: двусторонние связи между парламентами, визиты парламентских делегаций в другие государства. Также можно выделить такой инструмент как участие парламентов стран в реализации национальных интересов в рамках какой-либо межправительственной организации. К примеру, российский парламент активно реализует внешнюю политику страны в рамках ШОС и ЕАЭС (где активный контакт идет с Китаем) ОДКБ, МПА СНГ.

До Специальной Военной Операции Российской Федерации к таким организациям также можно было отнести ОБСЕ, НАТО, Совет Европы. Еще одним заметным инструментом парламентской

дипломатии является участие парламентов в международных парламентских конференциях.

Государственный переворот на Украине в 2014 г., и последующее вхождение Республики Крым в состав Российской Федерации, кардинально изменило внешнюю политику нашей страны. Европейское внешнеполитическое пространство стало не самым приоритетным. Активно стали развиваться контакты с Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР), в частности с Китайской-Народной Республикой как на уровне глав государств, так и на уровне законодательных органов. С этого времени российской стороной формируются инициативы парламентских контактов с Китаем, где обсуждается по сей день широкий спектр существующих проблем. Произошёл так называемый поворот российской внешней политики на Восток, который был вызван также и значительным ростом экономики Китайской Народной Республики.

Если рассматривать концептуальную часть российской внешней политики, то самыми важными являются Концепции внешней политики России в редакции 2016 и 2023 годов. Данные нормативно-правовые акты выражают национальные интересы российского государства. В концепции внешней политики РФ в редакции 2016 года отмечается сокращение возможностей Запада и смещение потенциала глобального развития в пространство Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) [7]. Обновлённая версия концепции была подписана Президентом Владимиром Путиным в марте 2023 года. В ней особое внимание уделяется самостоятельной и многовекторной внешней политике, а также выделяется евразийский вектор – Китайская Народная Республика [8]. В понятие «многовекторная внешняя политика» можно включить и парламентскую дипломатию. Можно заметить тенденцию повышения важности китайского внешнеполитического вектора за последнее десятилетие.

Теперь перейдем к реализации российской парламентской дипломатии в отношении Китайской Народной Республики. Основными акторами являются Государственная Дума и Совет Федерации. Две палаты ведут международную деятельность, используя комитеты по международным делам. В некоторых случаях осуществляется совместная деятельность двух палат, когда актором парламентской дипломатии выступает Федеральное Собрание РФ. Рассмотрим основную деятельность российских парламентариев в отношениях с КНР.

В мае 2013 года Председатель Государственной Думы Сергей Нарышкин прибыл в Китай для участия в работе 6-го заседания

российско-китайской парламентской комиссии по сотрудничеству между Госдумой и ВСНП. Основными итогами стали обмен опытом деятельности неправительственных организаций и обеспечения реализации крупных проектов в области энергетики и инновационных технологий.

В 2016 году Посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике, первый заместитель председателя комитета по международным делам Совета Федерации Андрей Денисов отметил, что активно развиваются парламентские контакты между двумя странами и эта тенденция будет усиливаться [4].

В 2017 году Председатель Государственной Думы Вячеслав Володин после встречи делегации Государственной Думы в Китае сказал, что ведется очень продуктивный диалог с китайскими партнерами на всех уровнях, при этом, указывая на высокую роль международных организаций, в частности такой как Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) [5].

В июле 2018 года состоялся визит председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко в Китайскую Народную Республику. В ходе визита произошла встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином, где был констатирован высокий уровень сотрудничества двух государств. «Встреча открыла новые горизонты сотрудничества» - сказала Валентина Матвиенко [9].

Государственный визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Российскую Федерацию в марте 2023 года открыл новое поле деятельности для Федерального Собрания. В июле 2023 года был совершен визит делегации Федерального Собрания во главе с Валентиной Матвиенко в Китайскую Народную Республику. На встрече обсуждались перспективы двухстороннего взаимодействия парламентов двух государств. Сенатор Константин Косачёв подчеркнул, что «межпарламентские связи России и Китая становятся все более существенным компонентом стратегического взаимодействия двух стран» [6]. Китайские представители отметили, что главная цель парламентов – реализация решений лидеров двух стран.

Федеральное собрание Российской Федерации 27-28 сентября 2023 года участвовало в парламентском форуме БРИКС, где состоялись переговоры между странами о нынешнем глобальном мироустройстве [3]. Это событие вывело площадку БРИКС на более значимый уровень для обсуждения национальных интересов России и Китая, учитывая в каких геополитических условиях оно проходило. Эта площадка стала более сильным инструментом российской парламентской дипломатии.

16 октября 2023 года во время визита делегации Совета Федерации в Китайскую Народную Республику в город Далянь Валентиной Матвиенко была отмечена чрезвычайная важность сотрудничества регионов России и Китая. Данное сотрудничество находится в фокусе особого внимания со стороны Совета Федерации. Безусловно, данное событие вывело российскую парламентскую дипломатию на новый уровень. Данный шаг позволит развивать сотрудничество на более локальном уровне – на уровне регионов.

Таким образом, парламентская дипломатия основывается на реализации национальных интересов при помощи деятельности парламента, который представляет интересы народа. Инструментарий парламентской дипломатии очень широкий. Принимая во внимание вышеописанные события в процессе реализации парламентской дипломатии, можно увидеть постепенное увеличение роли данного вида дипломатии во внешней политике России, особенно в Китайском векторе. Россия постепенно реализует свои стратегические цели, укрепляет свой международный имидж, увеличивает свою «мягкую» силу, становится авторитетом для других государств. Российской стороной используются все инструменты парламентской дипломатии и ее роль во внешней политике будет только усиливаться с течением времени.

Список литературы

1. Варлен. М.В. О возрастающей роли парламентской дипломатии в многополярном мире // Международное право. – 2019 г. - № 7(152). – С. 54 – 65.
2. Коньков А. Е., Чуков Р.С. Парламентская дипломатия и культура парламентского диалога в современной политике // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. - № 77. – С. 1 – 20.
3. Косачев К. БРИКС может внести значительный вклад в укрепление системы международной безопасности / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации – 2023 г. [Электронный ресурс] / режим доступа: <http://council.gov.ru/events/news/148477/> (дата обращения 7.11.2023)
4. Посол России в Пекине: Мы урегулировали все крупные проблемы в двусторонних отношениях / Интерфакс – 2016 г. [Электронный ресурс] / режим доступа: <https://www.interfax.ru/interview/513648> (дата обращения 7.11.2023)
5. Володин В. Мы ведем очень продуктивный диалог с китайскими партнерами на всех уровнях» / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации – 2017 г. [Электронный ресурс] / режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/13548/> (дата обращения 7.11.2023)
6. В рамках межпарламентской комиссии по сотрудничеству Федерального Собрания и Всекитайского собрания народных представителей обсуждены перспективы двустороннего взаимодействия / Совет Федерации

- Федерального Собрания Российской Федерации – 2023 г. [Электронный ресурс] режим доступа: <http://council.gov.ru/events/news/146664/> (дата обращения 7.11.2023)
7. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски / Российский совет по международным делам – 2023 г. [Электронный ресурс] режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/comments/rossiyskaya-politika-povorota-na-vostok-problemy-i-riski/> (дата обращения 7.11.2023)
 8. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) / Министерство иностранных дел Российской Федерации – 2023 г. [Электронный ресурс] режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 7.11.2023).
 9. Состоялась встреча Председателя СФ и Председателя КНР / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации – 2018 г. [Электронный ресурс] режим доступа: <http://council.gov.ru/events/news/94031/> (дата обращения 7.11.2023).

СОДЕРЖАНИЕ

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В СМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ КЕЙС СТАДИ: «DAILY MAIL» Стефан Н. Анджелкович.....	3
УНИЧТОЖЕНИЕ БИБЛИОТЕК – ПОПЫТКА УНИЧТОЖИТЬ ИДЕНТИЧНОСТЬ Арсениевич Оля, Михайлович Сена.....	9
ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: РОССИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ Афонина А. А.....	17
РОЛЬ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА Багдасарян С. Н.....	26
СИМУЛЯКР И ВИРТУАЛЬНЫЕ МИРЫ: РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОПЫТА В ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ Боривое В. Балтезаревич.....	32
ОПЫТ СОЗДАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУР ОТ ПАЛЕОЛИТА ДО ОБОЗРИМОГО БУДУЩЕГО: ИСТОРИЯ ВЛАСТИ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Баранецкий А. Н.....	38
УКРЕПЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КРЫМУ И ДОНБАССЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ Баранов А. В.....	46
ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА ИХ АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В ШКОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ТОМСК) Бердников В. А., Горбачева Ю. Е., Дегтярева К. А.....	50

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КРЯШЕН ТАТАРСТАНА В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ И МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ Вилкова Д. В.....	57
ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ ИРАКА В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI ВВ Вольхин Р. С.....	61
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В СОВРЕМЕННОМ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ Гаврилюк А. А.....	66
НОВАЯ ПАРАДИГМА В ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ Гаффаров И. З.....	71
ПРАВОСЛАВНЫЙ – ЗНАЧИТ ГЛОБАЛЬНЫЙ. ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА Гончаров Ю. А.....	76
«АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА "МЯГКОЙ ИСЛАМИЗАЦИИ" В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ» Гурская Ю. А.....	81
ПРЕДМЕТ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ КРЯШЕНСКОГО СООБЩЕСТВА Денисов А. Е.....	86
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ Денисова А. А.....	91
ПОИСК БАЛАНСА: МИГРАЦИИ, МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И СОЛИДАРНОСТЬ В ГОСУДАРСТВАХ ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ Виолета С. Джорджевич.....	98

БОРЬБА ПРОТИВ ФАШИЗМА. К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ ПАБЛО НЕРУДЫ Егорова О. В., Афонина А. А.....	109
ПРОЯВЛЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БАТАЛЬОН «АЗОВ» Закиржанов Р. И.....	116
ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ПОЗИЦИИ РОССИЙСКИХ И АВСТРО- ВЕНГЕРСКИХ ДИПЛОМАТОВ В КОСОВСКОМ ВИЛАЙЕТЕ (1878–1908 гг.) Заркович С. Весна.....	121
РЕСУРСЫ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ВКЛЮЧАЯ ИНВАЛИДОВ И СТУДЕНТОВ С ОВЗ): АЛГОРИТМЫ МОБИЛИЗАЦИИ Зиновьева В. И.....	134
РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ПОПУЛИЗМА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННУЮ ПОЛИТИКУ Кадралинов А. А., Калыбек Ж. Ж., Конысбек. Н. Д.....	140
ХОРОТОП КАК ФИЛОСОФСКО-МИФОТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД РЕКОНСТРУКЦИИ СТРУКТУРЫ АНТИЧНОГО МИФА Коробкина Е. Н.....	146
КОСОВСКИЙ КОНФЛИКТ: ДИНАМИКА И СОВРЕМЕННЫЙ СТАТУС Лобынцева О. А.....	152
КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ИРАНА Лошакова К. Д.....	157
ПАТРИОТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ Мельничук А. И.....	162
ПРОБЛЕМА СОСТОЯНИЯ ДЕМОКРАТИИ И УСИЛЕНИЯ РУСОФОБСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ НА УКРАИНЕ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 2014 г. Мельничук С. В.....	168

МОЛОДЫЕ ГРАЖДАНЕ И ИХ РОЛЬ В ПОЛИТИКЕ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ Марина Д. Миятович.....	173
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ Мохов А. В.....	181
ПРАВОПОРЯДОК В ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКЕ «БЕЛЫХ ПРАВТЕЛЬСТВ». 1918-1920 ГГ. Наумова Н. И.....	188
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «ШТОРМ НАД КАСПИЕМ» Когут В. Г., Нурышев Г. Н.....	193
АДАПТИВНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД НЕСТАБИЛЬНОСТИ Оботнина А. А.....	200
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕНОМЕНА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ «РУБЕЖНОСТИ» УКРАИНЫ Пашковский П. И.....	205
ФОРМА ПРАВА И ЕЁ РОЛЬ В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСКАЖЕНИЯХ Предеина М. Ю.....	211
СОБЫТИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ: ПО МОТИВАМ ФИЛОСОФИИ АЛЕНА БАДЬЮ Предеина М. Ю.....	216
РОССИЯ И «НОВАЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ» СТРАН АФРИКИ Прибылов Д. М.....	221
НАЦИОНАЛИЗМ КАК УГРОЗА ЕДИНСТВУ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РАССКАЗЕ ГРИГОРИЯ БОЖОВИЧА "ЗА ВЕРУ" Драгана Р. Райович.....	229
ПОЛИТИКА И ЮГОСЛАВСКИЕ РЕЖИССЕРЫ 1970-Х ГОДОВ: СЛУЖЕНИЕ ОБЩЕСТВУ ИЛИ ОБСЛУЖИВАНИЕ ВЛАСТИ Ралович И. М.....	234

ВЛАСТЬ КАК ФОКУС ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МОРАЛИ И ПОЛИТИКИ Ратегова Е. И.....	245
ОБРАЗ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ» Рашкин М. Н.....	250
«МАТЕРИНСКИЙ АРХЕТИП» РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА Рожковский В. Б.....	257
КРАТКИЙ ОБЗОР ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ В ДАРДАНИИ Мария М. Савич.....	264
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН Семенец Е. В.....	270
УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В УСЛОВИЯХ ДЕГЛОБАЛИЗАЦИИ Сенюшкин Е. А.....	277
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ Сенюшкина М. А.....	282
МНОГОПОЛЯРНОСТЬ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНЦЕПТ Сенюшкина Т. А.....	288
ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНОКОНФЛИКТНОГО И ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛОВ В УСЛОВИЯХ СВО: ВЗГЛЯД ИЗ КРЫМА Синкевич И. С.....	294
ДИНАМИКА ЭТНОРЕЛИГИОЗНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПЕРИОД СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РОССИИ НА УКРАИНЕ Синкевич И. С.....	298

ОСОБЕННОСТИ КРИЗИСА ПОСТНЕОКОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗАПАДА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ Слинько А. А., Слинько О.Л.....	306
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРАЗИИ Тарасевич А. С.....	312
РОССИЙСКОЕ ЛИБЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ПЕРЕД ВЫБОРОМ МЕЖДУ ДВУМЯ «ТОТАЛИТАРИЗМАМИ» - СОВЕТСКИМ ИЛИ ЛИБЕРАЛЬНЫМ Трухан А. В.....	320
ФОРМИРОВАНИЕ БАЗЫ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЖАДИДИЗМА В ТРУДАХ БОГОСЛОВОВ ПОВОЛЖЬЯ XIX ВЕКА Хамзина Л. Р.....	328
УКРАИНСКИЙ КРИЗИС: СУЩНОСТЬ, ФАКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРЕШЕНИЯ Черникова Г. В.....	332
КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ Шеметова Ю. Н.....	340
ДИАЛЕКТИКА ЦЕЛЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Широкова М. А.....	344
МОЛОДЁЖЬ В ВИРТУАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ПОИСК ЦЕННОСТЕЙ: ПОЛИТИКА, РЕЛИГИЯ, ВОЗВРАЩЕНИЕ К ТРАДИЦИЯМ Шишкина В. Г.....	350
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СМИ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ НА МАТЕРИАЛАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СМИ (ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ) Шувалова А. А., Иванова А. А.....	355

ХУДОЖНИКИ КОСОВА И МЕТОХИИ ПОСЛЕ 1999 ГОДА: БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ Звездана М. Элезович.....	363
СОВРЕМЕННАЯ ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ) Ярмошевич А. А.....	370

Научное издание

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ДИАЛЕКТИКА ЦЕЛЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ»

Сборник научных трудов
XLII Международного Харакского форума

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 22,32. Тираж 500 экз. Заказ № 03А/24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, сайт: arialprint.ru